

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://goncharovia.ru/> Приятного чтения!

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова

Ты не просил венца и не просил пощады,
Но получил ее – и власть над всей страной.
И выше нет тебя. Но ты один пред Богом
И платишь верой, счастьем и душой.
Корона – это крест. Жестокий, беспощадный,
Ты ей отдашь и кровь, и жизнь, семью и честь.
Всегда, всегда один. И, не прося пощады,
Не склонишь головы. Пусть бед твоих не счесть...
Пусть за спиной шипят. Тиран ты или гений,
Герой или изгой, властитель, лиходея...
Судить уже другим. Потомкам делать выбор.
Ты – принимаешь бой. Один – за всех людей.
1613 год

Сулейман посмотрел на небо.
Звезды мягко подмигивали ему с небосклона.
Велик Аллах в милости своей...
Дозволив Сулейману родиться сыном султана, Он не пожелал смерти ничтожного.
Ребенок мог быть убит, как множество султанских сыновей с незапамятных времен,
но старший брат, Мехмед, решил пощадить его жизнь. Хотя... можно ли назвать это
жизнью, когда всю ее ты провел в одном и том же месте? И не он один. Здесь же
живет его брат Ахмед. Все они – братья великого султана, только от разных
женщин.

* * *

Жить, не выходя за ворота дворца, не видя ничего, кроме одних и тех же стен, не
имея даже детей...

Нет, наложницы – то у него были, но все они были бесплодны. Специально
подбирались.

Что ж, значит – это судьба.

И все же... какое-то смутное беспокойство грызло Сулеймана с тех пор, как старший
брат ушел в поход на поляков. словно за плечом стояла смутная темная тень и
шептала что-то искушающим голосом...

ТЬфу, шайтан!

Не стоит бодрствовать в предрассветный час. Слишком темные мысли приходят в
голову в это время. Разве это справедливо, что рожденный чуть раньше становится
султаном, а чуть позже – никем? Он жив только волей Аллаха. Ну и еще немного –
брата. Но когда Мехмеду это надоест?

А верить в его доброту не получается.

Особенно сейчас, когда он вернулся из похода с неудачей – и ходит, словно
грозовая туча. Темный и страшный...

Сулеймана передернуло, словно им опять было по пять-шесть лет, когда старший
брат крепко поколотил его за сломанную игрушку. Побои и омерзительное чувство
собственной беспомощности запомнились мальчику очень надолго...

А если Мехмед решит, что братья ему ни к чему?

Удачливый султан может позволить себе соперников, такого не свергнут.
Неудачливый же...

Как правило, он не может позволить себе даже жизнь.

И, словно отвечая темным мыслям, за дверями послышался шум.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Сулейман вздрогнул, всем телом повернулся туда... Но сделать ничего не успел.

В комнату влетел растрепанный ошалевший евнух.

– Мой повелитель!

– Что случилось?

– Мой повелитель! Бунт!!!

– ЧТО?!

А вот то.

Мехмед действительно вернулся из похода «на щите». И то, что физически он не умер, значило мало. Он потерпел поражение. Он был вынужден возвращаться домой во главе разбитого войска – и этого янычары ему не простили. И не было рядом Фазыл Ахмеда. Не было...

Некому было заметить напряжение в войске, некому подсказать – и конец оказался закономерным. Янычары подняли бунт – и результатом его стало падение султана раз... цать на собственную саблю.

Что ж.

Не первый и не последний случай в империи.

На освободившийся трон уселся султан Сулейман. По номеру – второй. И – увы! – далеко не Великолепный. Не Сулейман Кануни. Вовсе даже нет.

Но и ему требовалось доказать свое право – делами. Походами, сражениями...

Европу ждали новые потрясения. И не только Европу.

* * *

Милостью Божьей император Священной Римской Империи Леопольд Первый читал письмо. И оно откровенно радовало – свежие вести с поля битвы всегда радуют.

Тем более – такие.

Османам нанесено серьезное поражение у поляков. Русский царевич Алексей – имена ж у этих варваров! – разбил их войска под Каменцом. Это просто отлично. А вот что с этим делать?

Ну, для начала написать Вишневецкому. Узнать точнее, что и как, ну и прощупать почву на предмет союза. Османы сильно обгадились, теперь они начнут искать, где бы отыграться. И в Польшу они не пойдут – добычи мало, а у волка зубы острые.

Они пойдут на Европу. А вот куда?

Леопольду очень не хотелось вступать в новую войну, намного лучше будет, ежели...

И опять же, насолить Франции...

С Людовиком у него была откровенная неприязнь, чего уж там.

Крит.

Некогда венецианский остров, ставший пару лет назад турецким. Хотя кое-какие порты и укрепления у венецианских дождей на нем остались. Вот если им подкинуть денег и войск, негласно, конечно, да поднять там бунт...

Что мы получим в этом случае?

Турки ринутся на Венецию. Не затопчут, так попинают, что уже неплохо. Священная Римская Империя останется в стороне, а вот Людовик наверняка поможет венецианцам, хотя и скрытно. Ему слишком сильные мусульмане ни к чему, хоть он с

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
ними и дружит. И на это время он оставит в покое Нидерланды, которым может
помочь уже Леопольд. Не просто так, конечно, в обмен на некоторые предпочтения с
их стороны... И опять же исподтишка насолить Людовику.

Леопольд подумал и направился составлять письмо Михайле Корибуту.

Осторожно, полунамеками... впрочем, поляку хватило. И пришедший ответ Леопольд
прочитал с не меньшим удовольствием.

Точно такое же. Тонкими намеками, которые остались бы неясны, попади письмо не в
те руки, его величество Михаил Корибут Вишневецкий сообщал, что Русь этой весной
собирается сильно... э-э-э... вызвать недовольство османов. Так что ежели их
внимание сначала отвлекут, то потом, когда османы обратят свой гнев на Русь, им
можно будет ударить в спину и вырвать себе вкусные кусочки.

Надо сказать, что Леопольд был сторонником мира, но для своей страны. А уж коли
пришлось жить в такое непростое время...

Ну так пусть за его страну воюют другие!

Турки, русские... лишь бы не он!

Говорите, Крит?

Что ж, мы им немножко, да поможем...

Тем более, там сейчас все как сухое полено. Только искре проскочить – и
вспыхнет. Грех не попользоваться. Решено. Пишем Джованни Пезаро.

* * *

– Соня, плясать будешь?

Софья поглядела на брата такими глазами, что Алексей устыдился. Плясать... Да у
сестренки уже не круги под глазами, а глаза над кругами. И что больше – сказать
сложно.

А что делать? К походу просто так не подготовишься, а ведь вся техническая часть
на Сонечке.

И не только это.

Динамит готовить надо? Со взрывателями?

Еще как надо! Но Софья держит все под строгим контролем.

Пушки нужны? С нарезными стволами? Казнозарядные пищали нужны?

И побольше, побольше! Хорошо хоть там сейчас Ордин-Нащокин надрывается. Воин
Афанасьевич и днюет, и ночует в кузнечных мастерских, но и там пригляд нужен.

Царевичева школа...

Там Алексей все взял на себя – и тут же осознал, что это – кошмар! Чего только
одно снабжение стоит? А еще куча писем, которые приходят от выпускников со всех
сторон и концов Руси. Софья их как-то систематизирует, составляет картотеку,
записывает все и раскладывает по каким-то особым признакам. Но ведь даже
прочитать все письма – и то! Сколько времени надобно!

Тетка Ирина!

Тоже головная боль есть.

С приютом она справляется на совесть, но где же без бед? То драки, то склоки, то
религиозные скандалы... вот наемни опять писала на священника жалобу. А как быть?

Люди из татарского полона возвращаются, к ним подход особенный надобен. А этот
ретивый дуралей взял да заявил одной девице, что грешница она, мол, и блудница.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
И гореть ей адовым пламенем, покамест она вот эти условия не выполнит...

Девчонка мало в петлю не полезла. А царевну Ирину, разъяренную не на шутку, едва успели остановить. А то ей-ей, вбила бы в умника немного соображения, чем под руку подвернулось. А это ведь вовсе не к лицу царевне! Да и где видано, чтобы царевна по па церкви поленом гоняла?

Повезло, что сильного скандала не случилось. Но попенка пришлось быстро оттуда отсылать. И с патриархом говорить всерьез.

Да, люди возвращаются на родину. Да, духовное утешение и помощь им как никогда нужны! Но думать же надо, кого туда посылать! Не взгальных балбесов, а утешителей! Целителей души, как выражалась сама Софья.

А вот и из Царицына грамотки. Куча всего... записи, расчеты...

И тоже надобно Софье смотреть. Потому как без нее это строиться не сможет. Каналы... Откуда только сестренка о таком знает? Впрочем, это уже вопрос философский. Все равно ничего не скажет. Но делать-то надобно! Так что пришлось выписывать инженеров в Нидерландах, у Вильгельма. Опять-таки по просьбе Софьи. Якобы там они самые лучшие.

Ладно...

А есть и еще небольшая кучка всяких дел. Торговля, Строгановы, Урал...

Как Софья умудрялась все помнить – Алексей просто не понимал. Вообще.

– Что там?

– Племянник у нас.

– Марфа?

– Жива-здоровая, довольна по уши...

– Как племянника назвали?

– Собираются покрестить Георгием, в честь Победоносца. Ну и опять же турок разбили...

– Это они разбили. У нас проблем с ними еще будет...

Софья прикрыла глаза ладонями, посидела так несколько секунд. Георгий... как же это по-польски? Кажется, так же, как и на русском. Или нет? Уже ничего голова не соображает.

– Лешенька, как же я рада. Хоть где-то хорошо...

Брат вздохнул, обошел стол и решительно обнял сестру за плечи.

– Так, пошли отсюда.

– Куда?

– Погуляем немного. А то ты уже вся зеленая.

– Неправда. Уши розовые.

– И немые.

Царевич едва увернулся от меткого пинка, которым собралась его наградить разозленная сестра, и понесся по коридору.

– А вот и не догонишь! А вот и не догонишь!

– Погоди у меня! – Софья подхватила юбки и пустилась в погоню, забыв о том, что она – царевна и так носиться ей не подобает. И вообще... Сначала братцу по ушам –

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
а потом разберемся! Вот!

За поворотом Алексей притормозил и ловко поймал сестренку. Придержал так, чтобы Соня до него не дотянулась.

– Развеешься? Или еще погонять?

– Зар-раза!

– Два уха, два глаза... Завидно? Я-то свои мою!

Софья фыркнула, понимая, что брат валяет дурака, чтобы хоть немного ее отвлечь. Но ведь и она не каменная! Детское тело брало свое! Ей бы в куклы играть, а она вот... Да, такой диссонанс. Разум взрослого человека в теле ребенка. И иногда она дурачилась, смеялась и плакала по-детски, безоглядно. Забывая про все.

Надо. Иначе сойдешь с ума.

На дворе стояла середина марта – скоро Алеше выступать в поход.

– Я с ума сойду, пока тебя опять не будет!

– А не нас?

Алексей хитро прищурился. Со стороны виднее – и в том числе заметно, какими глазами смотрит на его сестренку Ваня Морозов. И одергивать его совсем не хочется. Он... правильный. Да и Софье... не век же в девках вековать? Это разбазаривание ценного ресурса, вот! Опять же он точно знает, что друзья его не предадут, а значит – поженить их, и точка.

– Вас. Обоих, – хмуро отозвалась не заметившая ловушки Софья.

– Ты, главное, со снабжением разбирайся...

– Сам же знаешь – все сделаю.

Софья смотрела прямо в глаза брату, для чего ей приходилось чуть задирать голову. Хоть и было ей уже шестнадцать – Алешка ее чуть не на две головы перерос. Эх, где тот мальчишка, с которым они в тавлеи играли? Хоть еще и поигрывают они иногда, а все не по-прежнему. Уже мужчина. Не волчонок, но волк. Пусть пока и не осознающий остроты своих клыков.

– Верю. Я никому так не верю, как тебе, сестренка.

Софья молчала. А что тут скажешь? Доверие оправдаю? Это и так понятно.

В воздухе пахло морозом. Ну да, пришел марток – наденешь семь порток.

– Государь. Там у ворот... вот!

– Благодарю.

Алексей привычно кивнул казаку, принесшему грамотку, развернул свиток.

– Сонь, в школу астронома нашли.

– Вот как?

– Правда, он себя астрологом называет... некто Сильвестр Медведев.

Софья потерла лоб.

Сильвестр. Медведев. А, ну да!

– Он же пытался к нам пролезть! Только пришлось вежливо выпнуть!

– Почему?

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– А им тетка Татьяна чуть не увлеклась.

– Но сейчас-то можно его вернуть?

Софья задумалась. В принципе... Можно, чего ж нельзя – сейчас Татьяне ни до кого, кроме ее любимого Степана, а уж монах по-любому казаку проиграет. Удадь не та.

– Если он грамотный и знающий – так почему бы и нет?

– Вроде как знающий. Посмотришь?

– А куда ж я денусь? Давай, как обычно!

Брат и сестра переглянулись. Прошли те времена, когда Софья сидела под столом у братика. Прошли... сейчас она там банально не помещалась. А потому для царевны была сделана специальная ширма в кабинете у брата – кто не знал, так и не догадывались, что там ширма, а не стена чуть вперед выдвинулась. За ней девушка и обреталась, по мере надобности подсказывая брату.

Хотя Алексей и без подсказок отлично справлялся. Умница...

* * *

Поль смотрел на парнишку, стоящего перед ним. Чистый выговор, улыбка, серьезные глаза... Весь Азов знал, что такое царевичевы воспитанники. И даже чуть опасался их.

– Значит, хотите что-то на моем корабле везти?

– Хотим. И надобно будет отвести под это две каюты.

– А что это – знать мне не надобно?

– Многие знания – многие горести. – Выговор юнца был безупречен, ей-ей, не видя собеседника, Поль подумал бы, что перед ним соотечественник из провинции Коньяк, но и только-то.

– А чем это может грозить моему кораблю?

Парень задумался на миг.

– Пожалуй, что ничем. Это не принесет вреда судну. Но груз надобно будет доставить в целости и сохранности.

– Чем плох трюм?

– Крысами и сыростью.

В точку. Что было – то было.

– Я обязан подчиняться князю Ромодановскому.

– Но ведь лучше, когда человек понимает свою выгоду? – Мальчишка глядел лукаво.

– А ежели все будет исполнено хорошо – я обещаю обо всем рассказать царевичу. Полагаю, что его личная благодарность...

– Как же...

Мальчишка усмехнулся:

– Мсье Поль, принцы на Руси и принцы в прекрасной Франции – весьма разные. Когда вы познакомитесь с царевичем, вы сами поймете.

– Когда я... что?

– Государь обязательно прибудет в Азов. И пожелает проверить, как все готово для перевозки груза. А потому – мне не хотелось бы его разочаровать.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

А уж как Полю не хотелось!

Корабль предстояло вычистить от мачт до трюма, отмыть, переоборудовать пару кают...

– Когда это будет?

– Полагаю, что достаточно скоро. Через месяц, возможно, два. Как только степь станет проходимой, к нам пожалуют гости.

– М-да...

– Мсье Поль, я не буду лезть вам под руку. Но мне хотелось бы помочь.

Бывший боцман тяжело вздохнул. Да, этот юнец не лез нагло. Но непреклонности в его голосе хватило бы на десяток крепостных таранов.

– Что ж, пойдём... помощник. Зовут-то тебя как?

– Петр. По-вашему – Пьер, наверное.

Петька, а это был именно он, улыбнулся уголками губ. Ни к чему давить, приказывать, ругаться, показывать свое превосходство. Вежливость и только вежливость.

Поль Мелье и сам отлично справится, недаром же Ромодановский его хвалит: и корабль у него вычищен, и команда сработалась, да и вообще – ему б не боцманом быть – капитаном. По уму и знаниям достоин, просто для Франции дворянством не вышел. Ну да на Руси оно куда как лучше обстоит. Царевич – по уму судит, не по чинам да званиям.

А он, Петька, просто подскажет, как надо перевозить взрывчатку. И ни к чему Полю знать, что перевозят на его корабле. Вовсе даже ни к чему. Он уедет, а им на Руси жить...

Долго, конечно, шила им в мешке не потаить, но чем позже соседи о тайном оружии узнают, тем лучше для русских.

Но и до конца таить не удастся.

Им идти на Керчь, им драться с турками, пусть и одряхлевшими, но все равно зубастыми...

Что-то ждет «тройских коньков» впереди?

* * *

Селим-Гирей смотрел на своего брата Сулеймана.

– Значит, у нас теперь новый султан.

– Да, брат.

Поправлять калгу Селим не стал.

– Значит, весной нас ждет поход... куда?

– Сейчас взбунтовался Крит. И султан хочет окончательно бросить на колени венецианцев.

– Можем ли мы это себе позволить?

Селим-Гирей знал ответ, но ему хотелось послушать и брата. И услышал он отражение своих мыслей.

Степь стонет. Русские захватили Азов и рассылают отряды во все стороны. Освобождают рабов, вырезают селения, уводят в плен татар...

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Это обязательно надо прекращать! Или хотя бы осадить Азов. Чтобы русичи оттуда не выбрались!

Селим-Гирей понимал это. Только вот объяснить султану не смог бы...

Не прийти по его приказу?

Это самоубийство.

Пойти на Крит за султаном? Но тогда у него будут внутренние проблемы.

Селим-Гирей вздохнул – и решился:

– Отпиши султану. Мы придем, как только разобьем русских свиней, засевших в его крепости. Или пусть пришлет подмогу.

Хан понимал, что султан может прогневаться. Но... разве у него был выбор? Врага нельзя оставлять за спиной.

А умного врага вообще нельзя оставлять в живых.

* * *

– Ванечка, взрослый ты стал.

Ваня Морозов с улыбкой смотрел на маму. Взрослый, да. А вот матушка ему теперь совсем иной кажется. И искорки веселые в глазах посверкивают, и во вдовьем уборе кое-что новое появилось. Вроде бы и черный он, и строгий. А все ж есть возможность носить его красиво. Он знает, на девчонках в царевичевой школе еще и не то показывали.

– Правильно, матушка. А потому тебе бы еще одного ребенка завести. А лучше двух?

– Стара я уже, сынок.

– Да неужто и Матвей так думает?

Ваня смотрел подчеркнуто невинными глазами. Можно подумать, шило в мешке спрячешь! Да вся дворня знает! И он тоже знает и не осуждает. Отец уж сколько лет тому умер, да и до того лежал... матушке самой сильной стать пришлось, опереться не на кого было. А сейчас она себе чуть волю дала. И то – не по блуду. Просто полюбила.

Хотя Аввакум и ругается. Нечего, мол, втайне грешить! Жениться надобно!

Но покамест Феодосия тянула с этим решением.

– Сейчас не о том речь. – Матушка, хоть и пыталась казаться строгой, но предательский румянец сводил все впечатление на нет.

– А о чем, матушка?

– Жениться тебе пора.

Ваня внутренне подобрался. Да, чего-то подобного он и ждал. Но – не хотел. На всю Русь святую православную была только одна женщина, которую он хотел бы назвать своей женою.

Царевна Софья.

Только вот пока за него царевну не отдадут. И просить не стоит, только что в ссылке окажешься. А вот как матери об этом сказать?..

– Мам...

– Завтра же могу тебе десяток невест показать. И все счастливы с нами породниться будут.

– Я...

– Ты не хочешь. – Феодосия смотрела серьезно. – Ты, как и я. Я ведь твоего отца любила. Не потому за Матвея замуж не иду, что сладко в грехе жить. Боюсь я, что все между нами – мара, морок туманный. Проснуться боюсь, взглянуть – и разлюбить. Как тогда мужу в глаза смотреть буду?

Ваня взял ладонь матушки в свои руки.

– Мам... ты ведь счастлива. Ты изнутри светишься. Такое не погасишь...

– Боюсь я покамест. Да только и ты тоже светишься, сынок. Особливо как из Дьяково возвращаешься или едешь туда. Там она живет?

– Там, – таиться смысла не было.

– И кто ж она?

Ваня вздохнул. Мать не торопила, но смотрела так, что и без ответа ее оставить не получится. Понимала, что таиться он не станет – хватит. И то сказать – возраст. Других уж давно женили... но и неволить сына?

Нет, так она не поступит. Даже если девочка из безродной семьи – все равно ее примет.

– Сонюшка.

– Ох...

Феодосия даже за сердце схватилась. Заболело вдруг. Никогда ничего такого не было, а тут словно иголкой острой кольнуло. Одна была в Дьяково Сонюшка, лишь одна. Остальных девушек Ваня мог и Софьями, и Соньками величать, а Софьюшкой или Сонюшкой – только одну.

Царевну Софью Алексеевну.

Да что греха таить – думала Феодосия и о таком повороте. Но...

– А она знает ли?

– Она меня как брата любит. – Синие глаза сына были грустными. – Ребенок она еще...

– Да уж шестнадцать ей минуло! Другие в таком возрасте детей на руках качают!

– Она – не другие. Она – единственная...

И столько тоски у него было в голосе, что Феодосия поняла – это все. Конец.

Ни на ком другом она сына не женит.

Хотя... конец – не венец! Она и сама под венец шла не особенномышленой... потом поумнела. Может быть, Софья сейчас и не догадывается о Ванечкиных чувствах. И такое может быть.

– А она кого еще любит?

– Нет, мам. Меня и Алексея. А других людей для нее словно бы и нету.

– Это уже лучше, чем ничего. А ты ей о своих чувствах говорил ли?

– Так ты не против?

Улыбка стала ему ответом. Против? Сынок, да для твоего счастья я землю с небом смешаю! Горы переверну, моря осушу... а тут всего лишь такое! Да, она царевна, да, пока жив Алексей Михайлович – ее за тебя не выдадут. Но потом-то?

Неужто Алексей Алексеевич, царем став, другу не поспособствует?

– Я хотел вернуться из Крыма и поговорить с ней.

Боярыня подумала немного:

– Может, оно и правильно. Не грусти, сынок, она тебя уже любит...

– как брата.

– Остальных она и так не любит, сам сказал. А ежели любовь есть – она обязательно себя окажет.

– Не будешь никого иного мне сватать? – прищурился Ваня.

– Не буду. Ни к чему.

Феодосия была далеко не глупа. Если сейчас она примется активно женить сына – он ее врагом станет, не простит мечты разрушенной. А вот ежели она чуть подождет...

Коли Софья Ванечке от ворот поворот даст – тогда и женить его куда как легче будет. А коли согласится и любовью на любовь ответит – так лучшей невестки и пожелать нельзя. Умна, красива, царского рода... единственный недостаток у нее – тоща больно. Ну да хорошая повитуха с детьми поможет.

И мать ласково улыбнулась сыну, показывая без слов: – я довольна твоим выбором, мальчик мой.

* * *

Софья и не знала, какие грандиозные планы строятся в голове у боярыни. Она разглядывала мужчину, стоящего перед Алексеем, для чего в ширме давно были проделаны специальные отверстия.

Сильвестр ей нравился – по внешнему виду. За это время он не сильно изменился, разве что стал осанистее и приучился держать себя достойно.

Высокий, на вид лет тридцати, с отличной осанкой, маленьким животиком и ухоженной бородкой. Руки тоже ухоженные, волосы кудрявые, глаза темные, яркие, властные...

Звездочет...

Первое впечатление – неглуп, коварен, опасен.

Второе? Да то же самое. Тогда, несколько лет назад, его сюда направил Алексей Михайлович. Сейчас же с ним беседовал царевич. Наследник престола.

– Что ж. Рекомендации у тебя наилучшие. – Братец лениво цедил латинские слова.

Сильвестр поклонился – без особого раболепия, но уважительно:

– Государь, я счастлив, что вы соизволили обратить на меня свое благосклонное внимание.

Ишь ты...

Не государь царевич. Государь.

Прощупывает?

Алешка тоже обратил на это внимание.

– Мой отец – государь. Я – лишь царевич. Но я прощаю твою ошибку.

– Звезды говорят, что вы будете великим государем.

Брат с сестрой совершенно одинаково ухмыльнулись. Нет, ну до чего же все предсказуемо!

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– Что дальше будет – одному Богу ведомо. А гадания – дело злое и Ему неуютное,
– отбрил Алексей.

– Сие не гадание, государь! Сие есть точная наука!

– Да неужто? – прищурился Алексей. – Ну-ка, погляди сюда?

Звездные карты составляли все ученики школы. И читать по ним учились тоже, и звезды распознавать. А что? Дело полезное! На них же не только влюбленные смотрят, по ним еще ориентироваться можно.

– Что сие за звезда?

– Сие есть Венера, богиня любви, государь царевич.

Софья поставила себе галочку. Неглуп, два раза намекать не требуется. Только вот ум – он как нож. Можно хлебушек порезать, можно человека.

– А это?

– Сие созвездие Козерога, государь.

– Ага. А солнцестояние у нас когда?

Алексей немного погонял Сильвестра по курсу прикладной астрономии и кивнул. Можно брать. Софья тоже не возражала. Хотя девочкам она все равно поручит понаблюдать. А то и не просто...

Какова самая большая проблема любой школы?

Да кадры!

Найти учеников сейчас можно! Но ты найди для них учителя!

Пусть будет Сильвестр.

Честно говоря, Софья бы и Василия Голицына к делу приспособила, но Алексей был решительно против. Да и Ваня чего-то разозлился, особенно когда узнал, как вербовали умника.

Ничего, они в поход уйдут – там посмотрим.

Странные они, мужчины...

* * *

– Марыся, я должен уезжать через две недели. Ты готова?

Мария Луиза зло сверкнула глазами. После того как ее уличили в покушении на жизнь королевы, она жила в фамильном поместье Вишневецких. Муж приезжал к ней время от времени, но в остальном...

Тюрьма.

Роскошная, но тюрьма.

– Разумеется, я готова сменить одну тюрьму на другую.

– Ты зря так говоришь, родная.

Конечно, зря. Но это понимал Ян.

А Марысе, которая привыкла к роскоши, блеску, пышности, простые покои казались нищими и убогими. Ей-то хотелось... но не давалось. Разве это справедливо?!

Ян умен, силен, прекрасный полководец...

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Он мог бы стать прекрасным королем!

А вместо этого – что?

Ничего.

На троне чем дальше, тем прочнее сидит Вишневецкий! Узурпатор и негодяй! А уж его русская девка...

Марыся невольно сжала руки в кулаки.

– Ян, неужели ты не понимаешь?! Меня просто убьют там!

– А что мешало это сделать здесь? – логично поинтересовался муж.

Марыся топнула ножкой.

– Здесь я дома у Вишневецкого! Шляхта не простит ему...

– Шляхта, родная моя, от него в восторге. Хоть он и не дает им много воли. Кстати – у него родился сын. Очаровательный крепкий мальчик. И королева здорова.

– Ты им тоже доволен?!

– Он хороший король. Лучше, чем мог бы быть я.

Марыся заскрежетала зубами, а Ян еще добил:

– Не стоит быть неблагодарной, дорогая.

– Я еще и неблагодарна?! Ян, все, что я делала, все ради тебя!

– Измена мне с королем Франции – тоже?

– Ложь!!!

Марыся негодовала, но все отчетливее понимала, что эта сплетня – ноги бы вырвать негодяям, которые ее пустили! – крепко проросла в сознании супруга.

Да, доказательств не было. И именно поэтому Марыся была еще жива. Но не было и прежнего доверия. Она бы все исправила. Она бы восстановила его, она бы вновь подчинила мужа, но... О, это гадкое «но»!

Она была практически бессильна именно потому, что жила безвылазно в замке Вишневецких. А муж был по уши занят подготовкой войска! И ведь старался не за страх, а за совесть! За ее помилование!

А потому и виделись они редко и мало!

И как в таких условиях мужу лапшу на уши вешать?!

Нереально!

Тут нужна медленная и тщательная обработка по методу турецких одалисок, а что может она? У нее нервы постоянно натянуты, она невольно ссорится с мужем, он приезжает еще реже... Она ведь не железная!

Ее тут могут просто отравить и сказать, что грибочки попались ядовитые или дичь несвежая!

Никаких сил не хватит!

– Надеюсь, что ложь.

– Ян. Неужели ты не понимаешь? Это все Михайло, он хочет разлучить нас с тобой...

– Зачем?

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Правильным ответом было: «чтобы ты не стал королем». Но не говорить же такое мужу?

– Потому что ты единственный, кто может претендовать на престол! Ты имеешь даже больше прав, чем он! И если бы не эта его русская дрянь...

– Знаешь, Марыся, если бы кто тебя отравить вздумал – я бы убил негодяя.

Мария споткнулась на полуслове.

– Король простил тебя. А королева его просила о твоём помиловании. Так что не говори о ней плохо. Я не знаю другой настолько милосердной женщины.

Этого Марыся уже вынести не могла:

– Ну, так и убирайся к ней! Видеть тебя не хочу!! Негодяй!!!

– У тебя две недели на сборы. Что ты выбираешь – ехать на Русь или оставаться здесь?

Ян вышел. Мария в гневе запустила в стену вазу. Потом еще одну. И подушку...

А потом рухнула на кровать в спальне и разревелась.

Ее нагло переигрывали на ее же поле. И развернуть ситуацию в свою пользу не представлялось возможным. Если только на Руси?

* * *

– Ваше высочество, мой муж ведь не поедет воевать?

Бася, отлично прижившаяся в школе, быстро нашла общий язык с Софьей. И иногда они даже гуляли вместе по саду.

Царевна усмехнулась:

– Бася, милая, зачем он там?

– Но ведь Собесский идет...

– А Ежи останется здесь.

– А если он будет просить?

Софья посмотрела на женщину. Да, вроде как Бася ее старше, а все равно – дитя ведь.

– Бася, а ты ему сказала, что непрадна?

– Не... что?

– Ребенка ждешь? – для ясности Софья заговорила на польском: – Spodziewasz się potomka?

– Ваше вы...

– Ну, я. Ты же не думала, что в моем доме от меня такое скрыть можно?

– Я... не... А кто еще?..

– Царевны. Девушки, думаю, догадываются. Но сказать мужу должна ты.

– К-конечно.

Бася залилась краской от ушей до выреза на платье, но взгляда не отводила.

– Он ведь не уедет?

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– Пока не родишь – точно никуда его не пошлю. Обещаю.

Софье щедрость далась легко. Ежи был в чем-то незаменим. Отличный вояка, способный за месяц сбить из толпы разгильдяев подобие полка – незаменимый кадр для школы. И верхом, и с саблей, и дрессировщик для подростков...

Учитывая, что Степан Разин явно перебирался на Украину, а по итогам похода обязан был там окопаться и постараться стать гетманом всея Украины, либо сразу, либо сначала поставить туда Ивана Сирко, а потом стать его преемником, Ежи становился жизненно необходимым. Конечно, кого-то Степан пришлет сюда вместо Фрола, но ведь доверенный человек нужен! И Софья собиралась оставить Ежи на этой должности.

Во всяком случае, на следующие лет пять.

– Благодарю, ваше высочество.

– Бася...

– Сонечка, спаси тебя Бог!

Бася уже вполне чисто говорила по-русски. И Софья нахально использовала ее в качестве учительницы польского. А что?

Опять же манеры знает, при дворе была принята... Кадры – наше все!

Из-за куста за женщинами внимательно наблюдал Сильвестр Медведев. Вглядывался, задумчиво навивал на палец локон.

Странное это место...

Царевны спокойно прогуливаются по саду, делами занимаются... Ему будет о чем доложить учителю.

* * *

– Сонюшка, прочитай письмецо?

Софья приняла грамотку из рук у брата.

– Кто?

– Вильгельм Оранский.

– Нидерланды?

– Он штатгальтер...

Софья прищурилась. Что-то ей это напоминало... Вильгельм?! Оранский?! Ну же, голова, ну! Какого ж я не учила историю!? Но тут не в истории дело, тут другое...

Где же, как же...

И вдруг, вспышкой!

– Короля Вильгельма? – удивленно переспросил Влад, заметив, что и Питт, и Дайк, и стоявшие позади него пираты стали подходить ближе, охваченные тем же удивлением, что и он. – А кто такой король Вильгельм, ваша светлость? Король какой страны?

– Что, что такое? – Лорд Уиллогби, изумлённый этим вопросом, посмотрел на Влада и, помолчав некоторое время, сказал: – Я говорю о его величестве короле Вильгельме Третьем – Вильгельме Оранском, который вместе с королевой Марией уже свыше двух месяцев правит Англией.

Воцарилось молчание. Влад не сразу осознал эту довольно ясную информацию.

– Вы хотите сказать, ваша светлость, что английский народ восстал и вышвырнул

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
этого мерзавца Якова вместе с его бандой головорезов?..

И потом, еще ярче:

И Уиллогби коротко рассказал о них: король Яков бежал во Францию под защиту короля Людовика; по этой причине и по многим другим Англия присоединилась к антифранцузскому союзу и сейчас воюет с Францией; поэтому сегодня утром флагманский корабль голландского адмирала был атакован эскадрой де Ривароля. Очевидно, по пути из Картахены француз встретил какой-то корабль и от него узнал о начавшейся войне...

Ну конечно же!

Любимая ребенком «Одиссея капитана Блада». И Володя, читающий ее сыну. Соня стоит в дверях, смотрит на своих мужчин и улыбается. Тогда она еще не знала, что их ждет впереди.

И все же!

Был ли в Англии бунт Монмута?! Надо немедленно разузнать!

И память услужливо подбрасывает вторую картинку из фильма.

«Одиссея капитана Блада», самое начало. Старый фильм, еще советский, с Ивом Ламбрештом в главной роли.

16 сентября 1685 года

Бриджуотер, Англия.

Скоро. Совсем скоро...

– Сонечка, ты так выглядишь...

– Извини. Но... Мне просто кое-что привиделось.

– И что же?

– Мне показалось, что Вильгельм станет королем Англии. Не сейчас, позднее, но станет.

– Та-ак...

Алексей и не подумал повертеть пальцем у виска. Если сестре что-то кажется, это не с бухты-барахты.

– Тогда надо подумать, что нам выгоднее. Поддержать его – или перебьется?

– Чего от нас хочет штатгальтер?

– Помощи. У него в стране тяжело.

– Я как-то про Нидерланды не думала, а что у него там?

– Они сейчас воюют. С Кельном, Францией, Мюнстером...

– М-да...

– Думаешь, отобьются?

– Вполне. Если Вильгельм потом станет королем Англии – однозначно! А какой помощи он просит? Солдат? Денег?

– Скромно намекает, что всего бы и поболее...

– Батюшка не одобрит. А у нас и так денег мало.

– Соня, а ежели ему помочь хоть чем?

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

Софья задумалась. Судя по всему, Вильгельм, который старше ее на семь лет, парень очень неглупый. Если сейчас, в двадцать три года, выдерживает войну...

– А что нам выгоднее? Если сейчас мы его поддержим, он станет королем Англии. Умный, серьезный...

– Англичане нам не враги...

– Но и не друзья. Они никому не друзья. А потому...

Софья прищурилась.

Кельн, говорите?

Мюнстер?

Франция?

А кто у нас голландский резидент? Ван Келлер? Хотя нет, его впутывать не надо. Любой человек желает блага своей стране. Соответственно при его помощи с Вильгельмом ничего не сделаешь. Наоборот. Ежели что узнает – тут же предупредит. А узнает?

Может... А вот коли мы сейчас Франции поможем...

А Кельн с Мюнстером поддержать не надобно?

Таким образом мы решаем две проблемы. Устраняем будущего умного английского правителя – ни к чему островитянам такие пряники.

Получаем отток инженеров, архитекторов и прочих специалистов из Голландии. Кому ж охота оказаться в горниле гражданской войны?

Потренируем своих ребят в охоте на человека. Да, обучали в школе и такому. Хотя и одного-двух из сотни. Но такие специалисты нужны любому государству, а если у человека талант именно к этому делу – грех не воспользоваться.

Она не знала, способна ли она изменить историю, но почему бы не попытаться? Кстати, надо бы найти в Англии Монмута – и помочь хорошему человеку. Да и ирландцам чего хорошего сделать? Денег подкинуть али оружия?

Пусть на островке своими делами занимаются, ни к чему им на континент лезть.

А Вильгельм...

Конечно, его жалко! Кто б спорил! Но... всех не пережалешь.

На лице Софьи расплылась коварная улыбка:

– Алешенька, милый, не написать ли нам французскому королю? Ни к чему нам Вильгельму помогать, ой ни к чему...

Второй пункт плана она и Алексею не сообщила. О нем будут знать двое – она и исполнитель.

* * *

Михайло Корибут смотрел на сына, лежащего в вызолоченной колыбели.

– Какой же он крохотный!

– Ничего, вырастет – в папу будет.

– Скорее бы...

Марфа ответила улыбкой:

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– А папа ему обязательно оставит сильную державу.

– Все для этого сделает!

– Турок уже прогнали, теперь добить их...

– И добьем! Скоро уже войско в поход двинется.

– Милый, а сколько мы посылаем с Собесским?

– Пятнадцать тысяч человек. И восемьдесят пушек.

Михайло вздохнул. Мало, конечно. Но ведь и поляки войнами ослаблены. А еще Леопольд пишет. И его понять можно. Коли Турция на русичей отвлечется, так для него самое сладкое время настанет. А все ж таки...

Русские Михайле на помощь пришли, а с Леопольда что? Предложение дружбы?

Маловато будет!

Пусть что-нибудь еще предложит, тогда и поговорим.

Марфа поняла состояние мужа. Чуть вздохнула, склонила головку к нему на плечо.

– Собесский – полководец от Бога.

– Вот и пусть в Крыму доказывает. Благо граница рядом, пусть геройствует. А вот жену его я на это время на Русь отошлю.

Марфа опустила ресницы, скрывая злой блеск глаз. К чему было отправлять Марию так далеко? А куда?

Отправлять ее в Европу, откуда эта гадюка переберется во Францию? Где так легко плести интриги?

Нет уж, увольте. С другой стороны, ежели сейчас с ней что случится в замке у Михайлы – кто окажется крайним?

Мария Собесская была для Вишневецких слишком драгоценным заложником. И в то же время... Если б кто-то захотел насмерть рассорить Яна и Михайлу – лучшего шанса век бы не представилось.

А потому...

Поедет гадюка на Русь, как миленькая. Вон, Иероним Лянцкоронский ее сопроводит.

А Ян...

Собесскому предстояло выкупать свою жену, рискуя сложить в Крыму голову. Русские собирались идти от Азова. Казаки – с Сечи. И через Сечь же пойдет Ян.

Михайло понимал, что ему там сейчас земель не достанется – неудобно расположено. Но...

И с татарами посчитаться стоило, и ежели сейчас этот кусок откусить... Допустим, эти земли получит Русь – все одно трофеев у татарвы на всех хватит. А что получит он?

А безопасность своей страны вдоль Днепра. Дружественную Сечь. А там – кто знает, что еще ухватить получится? Найдется им еще с кем повоевать... совместно с Алексеем Алексеевичем.

Сейчас Михайло – ему, потом молодой русский король поможет...

– Мария не сопротивляется?

– Пусть бы попробовала...

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Михайло в очередной раз погладил жену по волосам и подумал, что ему сильно повезло. Красавица, умница...

Эх-х-х... как же Яна угораздило так вляпаться?

Его жена смотрела невинными глазами и думала о своем.

Как же Яна угораздило так вляпаться? Надобно помочь бедняге... Софье она уже отписала – и когда герои с победой вернутся на Русь, прославленного полководца обязательно будет поджидать подходящая дама...

Лишь бы вернулся живым.

Хотя тут – по-всякому неплохо.

* * *

Таня смотрела на небо.

Уже родное, любимое, православное! Домашнее темное и бархатное небушко с точками звездочек по черному фону. Кровать ее в приюте стояла около окна – и иногда Танюша просыпалась, смотрела на звезды...

Уже недолго здесь быть осталось. День или два...

Вот приедет Ефимушка...

Она и сама не думала, что судьбу свою найдет по дороге домой – ан нет! До Азова ее довели честь по чести. И дети у нее на руках не умерли. Да и в Азове их разделять не стали. Попросили Таню приглядывать за малышами – и та согласилась. А потом, спустя дня четыре, погрузили их на корабль – и пошли вверх по Дону.

Таня на корабле за детьми ходила, ей качка нипочем была. А там Ока. И Белопесоцкий монастырь, где спешными темпами строились дома для тех, кто пожелает рядом поселиться. А что? Землицы дадут, к монастырю припишут – и живи себе спокойно.

Вот там она с Ефимом и познакомилась. Он лесом торговал, деревья поставлял на строительство... и заметил Таню.

Сначала словом перемолвились, потом Таня про судьбу свою рассказала, а там и Ефим пожалился.

У него о том году жена умерла, оставив трех детей малых. Конечно, его мать за ними смотрит, да все ж – не то. Вот и решил, что надо приглядеть новую супругу.

Не бедняк, не злой, прокормить супругу сможет, куском хлеба али платком новым не попрекнет... А что в плену была – так это не порок. От сумы да от тюрьмы...

К тому ж она себя сберегла, со всеми не ложилась, а один мужчина... Можно считать, что как замужем побывала. Да и не гршила она. По принуждению еще и не то сделаешь! Жить-то хотелось!

Вот и соединить бы два одиночества?

Таня подумала. Пригляделась...

И решила попросить царевну Ирину узнать подробнее о Ефиме. Даже не саму царевну, нет. Для таких дел при ней несколько девушек состояли. И предупреждали всех – не бросаться очертя голову. Люди-от – они разные бывают, дураков везде хватает. Вон, Настасью едва успели из петли вынуть.

Вспомнив, как царевна Ирина орала на священника, Таня аж поежилась. Ирину, свет Михайловну, тогда две девушки держали, а царевна надсаживалась – на версту слышать было.

Тебя, недоумка, привезли, чтобы души людские утешать, а ты судить вздумал?! Праведным себя возомнил?! Христос блудницей не побрезговал, а ты, значит, выше

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
всех себя поставил?! Да я патриарху отпишу! Ты свиньям на скотном дворе
проповедовать будешь, скотина, пока из себя гордыню не выбьешь!!!

И хоть бы кто слово сказал.

Другие попы – те молчали, возражать и не думали, куда там! Мелькало у них что-то
такое в глазах... а и то ж! Молодой, ретивый, дурачок еще... пусть сейчас получит,
чем потом грех на душу возьмет, противоапостольский подвиг совершит, живую душу
от Бога отвернет.

– Танечка, как здоровье?

Рядом на скамеечку присела одна из царевниных помощниц. Ксения. Таня поглядела
чуть ли не с завистью. И как это ей удается?

Люди ведь все видят, в том числе и что девушки рядом с царевной иногда за весь
день не присядут, то там крутятся, то здесь мелькают, то говорят, то записывают
– а все ж Ксения свежа и бодра, словно жаворонок. Улыбается, глядит ласково.

– Бог милостив, все в порядке. Вот Настасью навестить хотела...

– А и сходи. Поговори с бедолажкой, глядишь, ей чуть полегче станет. – Темные
глаза Ксении были безмятежными. – Пришла она в себя, плоха, конечно, но отойдет,
Бог милостив. А мы приглядим, чтобы ее никто впредь не обидел.

– Ведь столько перенесла...

– В том-то и дело. – Ксения пожала плечами. – В плену многое можно было вынести
– от врагов же! Там душа колючками ошетиивалась, ровно ежик. А здесь-то дома вы
успокоились, расслабились – и вдруг сапогом, да в мягкое брюшко, да когда ждешь,
что тебя погладят и утешат...

Таня поехала. А и верно ведь... когда не ждешь предательства – оно больнее
ранит.

– Ты не переживай за нее, царевна милостива. Не бросит девочку на произвол
судьбы.

– Век Бога за царевну молить буду! – вырвалось у Тани. – Сколько уж она для нас
сделала!

По лицу Ксении мелькнула тень, но так быстро, что ровно и не было ее.

– По просьбе твоей узнали мы про Ефима.

– Да?!

Таня встrepенулась, впиалась в девушку глазами. А та смотрела дружелюбно.

– Таня, ты только не огорчайся... Знаешь, от чего у него жена умерла?

– Говорил он, что от родов...

– Верно. Только не сказал он иного. Что уже через пару недель после родов он
супруге похотью своей дышать не давал.

– То есть?..

– Коли сдерживал бы он себя и не тешил беса – жива была б его жена. Сам он в
могилу ее свел частыми родами. У детей разницы – девять-десять месяцев. Да и
третьего... Его жена сестре говорила, что муж ей роздыху не дает, даже пока в
тяжести она. Оттого и ребенок родился раньше срока, оттого и роды плохо пошли.

Таня и не подумала сомневаться:

– Это правда?

– К сожалению. Что делать – тебе решать, коли захочешь за него замуж –

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
отговаривать тебя не будем, но лучше уж ты с открытыми глазами выбор делай.

– Я надеялась, что он меня любит.

Ксения пожала плечами:

– Любит ли – не знаю, но то, что ты век ему благодарна будешь, а пожаловаться и некому будет – так это точно.

Таня кивнула:

– Откажу я ему.

Не для того она столько пережила, чтобы из огня да в полымя угодить! Не для того!

Ксения ласково приобняла девушку за плечи.

– Не думай о плохом. Ты с детьми справишься – лучше не надобно, место есть, никто тебя отсюда не погонит. Долго ли, коротко ли, но судьбу ты свою встретишь.

– Лишь бы мимо она не прошла.

– Поверь мне, судьба, она и в сточной канаве найдет.

Насчет канавы Таня не поняла, но поверила. Откажет она Ефиму – и пусть его. Придет еще ее суженый.

И невдомек ей было, что Ксения вспоминала о своей судьбе. Которая выдернула ее руками царевны Софьи из сточной канавы, где пряталась девчонка, чтобы не насильничали. Отмыла, отчистила, всему научила – и вот она здесь. Помощница самой царевны Ирины.

Ой, не за ту Таня молиться будет. Коли б не царевна Софья, не государь Алексей Алексеевич... не жить бы им обеим! Как есть – не жить. Только вот народ о том не знает, для этих напуганных девчонок благодетель – царевна Ирина.

Ничего. Она сегодня за всех помолится.

Дай им Бог здоровья и удачи во всех делах!

* * *

Марфа смотрела с балкона, держала на руках ребенка.

Сегодня уходило войско. Уходило на Сечь, а потом и далее. Сражаться с турками, позднее, к осени, они на Русь вернутся, через нее домой пойдут... а как бы за ними полететь хотелось!

Русь увидеть, дом родной. Даже сестрицу Дуньку расцеловала бы.

Соскучилась.

И вроде бы все хорошо, и сын замечательный, и муж ее любит, на руках носить готов, а нет-нет да накатит тоска. И взвоешь волчьим голосом...

Скрипнула дверь.

– Государыня царица, отдала я письмецо ваше.

Марфа улыбнулась. Для этих девочек, приехавших с ней, она не совсем королева. Нет-нет, да оговорятся, назовут, как на Руси привыкли. Не со зла, не от неуважения – привыкли просто. Но поскольку это наедине, да и на русском – не столь страшно.

– Вот и ладно. Самой бы на Русь съездить, да кто ж отпустит?..

Девушка по имени Глафира улыбнулась:

– Ваше величество, так время дайте! Десять лет назад никто бы с поляками родниться и не подумал. Год назад вы сюда приехали – так на нас шляхта волками глядела. А сейчас?

– Они и сейчас что твои волки, просто клыки попрятали, – буркнула Марфа, качая колыбель. Сына она никому не доверяла. Сама кормила – и муж не протестовал, радовался, что жена ребенка любит и сын здоровым вырастет, ставила колыбель в соседней спальне, чтобы услышать ночью, ежели малыш заплачет, лишний раз придворных не подпускала – смотри с расстояния в два метра, а руками и вовсе не тронь...

За ребенка Марфа кому угодно бы глаза выцарапала.

– Да ведь не только в шляхте дело. Простые люди куда как лучше к нам относиться стали, это важно! Вот увидите – и десяти лет не пройдет, как будем друг к другу в гости ездить!

– Твои слова да Богу в уши.

– Верьте, государыня. Да и сестра ваша так говорит!

– Да, Сонюшка...

Сестре-то Марфа письмо и отправляла. Ей не нужна была Марыся Собесская. Сейчас та ее отравить попробовала, а что далее? Детей изведет? Или – того хуже, мужа?

Нет уж.

Здесь Марфа с этой гадиной ничего сделать не могла. Но на Софью надеялась крепко.

* * *

– Ваше величество, вам письмо от русски тсаревиш...

Правильно произнести сложные слова Кольбер не мог по определению. Людовик Четырнадцатый вскинул брови.

– Но почему оно у вас?

– Прошу вас, ваше величество, прочитайте. Гонец, который доставил его, ожидает в моем доме. Точнее, тут целых два письма.

– Да?

– Прошу вас, сир...

Людовик хмыкнул и раскрыл сначала то письмо, которое предназначалось Кольберу.

Изящный почерк, чистейший французский, отличная бумага...

В элегантных выражениях русский царевич восхищался финансовым талантом господина Кольбера. Говорил о том, что без него Франция не могла бы достичь такого величия. Только незаурядный ум его величества мог распознать такой талант и поставить его на службу отечеству. Сожалел о том, что на Руси не нашлось покамест такого прекрасного человека. И – переходил к делу.

Франция ведет войну с Нидерландами. Точнее, поддерживает Кельн и Мюнстер. Русь тоже бы поддержала, но вот беда – возможности не имеет.

Может быть, Русь поддержит Францию, а уж те?..

Если господин Кольбер будет так любезен и передаст письмо... Например, можно снизить пошлины для французских купцов, или договориться о закупке французской продукции по взаимовыгодным ценам, или о продаже некоторых русских товаров именно французам, а не голландцам?

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Одним словом – все останутся довольны.

Людовик хмыкнул – и перешел ко второму письму.

Вот тут неизвестный дипломат развернулся во всю ширь. Он превозносил Людовика так, что королю даже приятно стало. Восхищался мужеством его величества, его поведением во время Фронды, тем, как король сломал хребет аристократам, стремлением короля к прекрасному...

Хвалил Версаль, который недавно начали строить, и уверял, что гений короля останется в веках.

И – переходил к делу.

Очень вежливо, буквально между строк намекая, что Руси не нужен Вильгельм Оранский. Вообще.

Нужен ли он Франции? А то, может быть, обеспечим ему несчастный случай? Ваши специалисты, наше финансирование? Или наоборот. Наши специалисты, наше финансирование, ваша помощь.

Потому как Вильгельм умен и хитер. А еще если он женится на дочери английского короля, будет иметь права на английский трон. И нужно ли?..

Мы-то от Англии далеко, а вы? Нужен ли вам сильный и умный правитель на этом проклятом острове? Они ведь вам сколько уж лет враги, просто вы никак сладить с ними не можете...

Людовик читал и хмурился.

Вообще вопросы были поставлены серьезные. Он не знал, что Софья, Ибрагим, Алексей и Ваня изодрали не один десяток черновиков, прежде чем составили письмо должным образом.

Вильгельм уже почти додавил восстание. Он ведь и дальше пойдет и начнет делить с вами колонии... хотите?

Людовик не хотел.

А вот какая выгода от этого русским? Не то чтобы убрать штатгальтера было сложно – сейчас это не составило бы труда, да и подозрения на него не пали бы, но... что это за бескорыстная помощь?

Ан нет.

Не бескорыстная.

Английские купцы резко не нравились царевичу. Да и голландцы тоже. Ему надо было торговать самому, а торговлю душили пиратством. А вот ежи на паях с блистательной Францией...

Лучше поделиться со львом, чем вырывать объедки из рук шакалов.

К тому же... а кто еще, если не Людовик?

Свою выгоду получают и французский правитель – и Русь. А то, что Алексей Алексеевич пока только дофин – ну... все мы смертны. Рано или поздно, так или иначе – Алексей Михайлович умрет и царевич сядет на трон. Почему бы не начать дружить заранее?

При этом впрямую ничего написано не было. Не упоминалось почти никаких имен, ничего не говорилось открытым текстом...

Попади такое письмо в руки даже штатгальтеру – он бы хоть и прогневался, но... это ж не наем ката?

Последнее предстояло сделать Людовику. И... почему бы нет?

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Идеи были высказаны здравые. Так что спишемся, поторгуемся и... согласимся?

Людовик пока еще не принял однозначного решения, но склонялся к положительному ответу. Надо, надо соглашаться.

И верно – ни к чему ему талантливый соперник. Ни на континенте, ни через пролив. Да и русский дофин не глуп. Отправь он письмо обычным порядком, всем бы стало известно. Но он написал господину Кольберу.

Неглупый мальчик...

* * *

– Садись, сынок.

Алексей Михайлович с явным удовольствием глядел на здорового улыбающегося мальчишку.

А ведь отличный парень вырос! Всем бы таких! Умный, ловкий, серьезный, самостоятельный, не трусливый – что тоже для государя важно...

– Как здоровье, батюшка? Как дела?

– Неплохо. Не могу пожаловаться. Разве что тебя редко вижу...

– Так я постоянно то в Дьяково, то еще где. Зато младшие пока при тебе. Как Володька?

– Растет, улыбается...

– А хороший у меня братик получился?

– Очень. И Любава второго ждет.

– Батюшка, да ты что?! Радость-то какая!

Алексей обрадовался так искренне, что царь даже вздохнул. Вот ведь... злые языки, наветники, все бы им яд сцеживать. Нашептывают, наушничают... а мальчишка просто рад...

– Чем более Романовых, тем власть наша крепче, – словно прочитал мысли отца Алексей. – Опять же, мало ли что с кем случится...

– И думать о таком не смей!

Алексей Михайлович перекрестился. Сын пожал плечами.

– Тятенька, так ведь на войну идем, не на прогулку...

– Знаю, сынок. Эх, и оглянуться не успеваешь, а вы уже взрослые...

– Да вот... Батюшка, а что, ежели нам еще кого из сестренек замуж выдать?

– Уж не Сонюшку ли?

В ответ на отцовскую улыбку Алексей замотал головой не хуже норовистой лошади.

– Вот уж нет! В Швеции у нас сейчас Карл, в Курляндии – Фридрих, и оба холосты.

– Не согласятся шведы, враги мы с ними.

– А датчане? Там сейчас Христиан, у него только-только сын родился. Коли Любаша дочку нам подарит, так лучшего бы и пожелать нельзя?

Хм-м...

Алексей Михайлович серьезно задумался над этим вопросом. А почему бы нет?

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Чай, король, не герцог, что и было высказано. Алексей только плечами пожал.

– Батюшка, король ли, герцог ли.. был бы человек умный да надежный. А как его должность называется – то шелуха от семечек.

– Да и кого мы за Фридриха выдать можем? Ежели Софью ты не отдашь?

– Так Катюшку! Он ее на восемь лет старше, самое оно!

– А не Дуняшу?

– Тятенька, ты Дуняшу сам видел. Ее еще воспитывать и воспитывать, чтобы не позорила страну, да нужное нам проводила...

– Ишь ты, как размышляешь...

– Так что делать, тятенька? Глупый друг опаснее умного врага.

– Ладно. Скажи Афанасию, пусть письма пишет...

Алексей кивнул. Кому и поручить, как не Ордину-Нащокину. Умен, предан, обхождение знает – чего еще надобно?

– Сделаю, батюшка.

Алексей был доволен. Да, дома дочек замуж выдать не за кого. А вот за границу...

Ну и что, что иноверцы?

Муж да спасется женою своей – это раз.

В своем бардаке разгребитесь, прежде чем других учить – это два.

И вообще, одну уже выдали, остальных легче будет. Это – три.

* * *

– Пан Лянцкоронский! Проше пана...

– Ежи!!!

Возмущенный возглас Иеронима дал понять пану Володыевскому, что церемонии можно не разводить, и Ежи радушно улыбнулся.

– Как я рад тебя видеть!

– И я тебя, дружище!

Мужчины скрепили радость встречи крепким рукопожатием.

– Царевич вас позднее ждал...

– Но тебя ж выслал навстречу?

– Ну, так то ж святое. Вы по чужой земле идете, мало ли какие здесь люди... вот, чтоб вас ненароком не обидели...

Подтекст был ясен обоим мужчинам. Обидишь две сотни поляков, как же! А вот чтобы они какой дури не учинили и не началась опять распря и был послан пан Володыевский с небольшим – тоже сотни две – отрядом. Встретить, сопроводить со всем почетом... а кому еще можно такое доверить?

Так что вскоре оба пана ехали рядом во главе войска, а Ежи рассказывал о своем житье-бытье:

– ...приняли, как родного. Поселили нас с Басей пока в Дьяково, покои отвели в тереме, но рядом нам свой дом строится. Да и на Москве так же.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– Ты так и возвращаться не захочешь...

Ежи пожал плечами.

– Бушуют Езерковские?

– Не то слово!

Узнав о заточении Кристины в монастырь, Езерковские кинулись в Краков и упали королю в ноги. Умолять.

Еще бы, куда это годится?! Племянницу, красавицу, умницу, практически «черную вдову» вдруг от родного мужа отрывают. Да еще так цинично – чуть ли не по обвинению в государственной измене. А к тому ж...

Теряется все ее состояние. Раньше-то Кристина все тащила в семью, все для Езерковских, а сейчас она в монастыре, деньги и земли у ее мужа, а тот уж и вовсе на другой женился! Да на ком!

Пригрели змею на груди!!!

Конечно, паны взбесились. И сам дядюшка Кристины, и его многочисленная родня – племянники и племянницы. Как же, дохода лишили!

И будь Ежи в Кракове – не вылезать бы ему из дуэлей. Да и шляхта заволновалась. Ей-ей, останься Володыевские в Польше – затравили б и его, и Басеньку. Но это ж в Польше!

А ехать в Москву, на суровую русскую землю, ради того, чтобы вызвать Ежи на дуэль... Э, нет. Так далеко удаль Езерковских не простиралась. Да и король ответил весьма резко и жестко.

Сообщил, что все решения были приняты паном Володыевским с его высочайшего соизволения. И вообще пан Володыевский – народный герой. Он Каменец защищал от поганых захватчиков.

А вы в это время чем заниматься изволили?

Ах, хозяйством?

Ну вот вам мое повеление.

Отправляйтесь на хозяйство и без моего дозволения при дворе не показывайтесь, не то в темнице сгною! Наглость какая! Кстати, не вы ли, пан, дочку свою научили мужа бросать да в лицо ему каркать, смерть предсказывать?

Это и вовсе изменой родине пахнет...

Паны, конечно, отнекивались и пытались настаивать на своем, но уж больно неприглядно выглядел поступок Кристины, тем более в годину бедствий. Пришлось Езерковским отступить, хотя любви к короне им это не прибавило. Кристина же, постриженная под именем Марии, несла служение в одном из монастырей покамест строго запертая, ибо была уже поймана при попытке побега.

Ежи только вздохнул, выслушав эти новости. Вернуться домой с Басенькой им в скором времени точно не грозило. Лет десять ждать придется. Ну и что бы на Москве не отстроиться за это время? Тем более, дети пойдут уже скоро...

Иероним искренне поздравил пана с ожидаемым прибавлением. Но на вопрос о Собесском, коего Ежи чрезвычайно уважал, горько вздохнул и выложил Володыевскому все без утайки.

Все равно ведь Марыся останется в Дьяково, а значит, нечего и таиться. Пусть лучше Володыевский правду от него услышит, чем потом ему где-то да солгут...

Ежи выслушал с непроницаемым лицом, но Лянцкоронский все равно заметил негодование. Видно ж все равно было, не с прямотой Володыевского такое прятать.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– Ты тоже считаешь, что она виновата...

– Дура она. И мужа под монастырь подвела, – со всей прямоотой высказался маленький пан. – Дура. Уж прости, но будь она моей женой – запер бы я ее под замок, чтобы сидела и детей рожала. И не лезла никуда.

Лянцкоронскому подумалось, что так в итоге и выйдет:

– Как еще к ней в Дьяково отнесутся?

Ежи улыбнулся:

– Может, как родную и не примут, у русских род – это все, а она женщину их рода отравить пыталась. Но, поверь мне, ни обижать, ни ущерб какой нарочно причинять – тоже не будут. Царевны... знаешь, не будь я женат... – Ежи хитро разглядел ус.

– И кто ж тебе по нраву пришелся из царских дочек? – Иероним едва сдержал смех, глядя на попытки ротмистра изобразить из себя храброго покорителя женских сердец.

– Все. Что старшие царевны – мудры, добры, рассудительны, к ним, ровно как к матерям, тянутся, что младшие... знаешь, видел я женщин, но таких! Бася вмиг с ними подружилась, учится чему-то, сама царевичевых воспитанников да воспитанниц нашему языку учит...

– Женщина? Учит?!

– А что такого? Ты погоди, они еще и Марию к делу приставят. Она ж французский знает...

– Ну да...

– Уж поверь мне, ежели царевны что решат – им никто противостоять не сумеет.

Слов у Иеронима не нашлось. Одно изумление.

* * *

– Отче, здравствуйте.

Сильвестр широко улыбался любимому наставнику. Симеон встал ему навстречу:

– Сильвестр! Рад видеть тебя! Как дела? Как тебя приняли в Дьяково?

– Приняли настороженно, – честно отчитался Сильвестр. – Так что хожу с оглядкой, стараюсь, чтобы меня окончательно приняли.

– Как царевич к тебе отнесся? Не обижает?

– Нет, отче! Царевич...

– Что?

– Я для него как шкаф заморский. Да, пожалуй, вот так...

Сильвестр развел руками, не в силах сформулировать точнее. Хотя и это определение очень точно отражало суть отношений между ним и царевичем. Алексей Алексеевич просто не интересовался астрономией, но надо же было с чего-то начинать детям? Знать созвездия, ориентироваться по звездам, потом составлять звездные карты, следить за движением планет...

Да и сами планеты!

Не так давно открыли спутник Сатурна – Рея. Софья вообще планировала рано или поздно устроить в школе обсерваторию. На основании движений небесных тел многое можно и о земле сказать, разве нет? Где обсерватория, там и метеорология...

Одним словом – работать было интересно. А вот остальное...

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– Это как же? – Полоцкий явно растерялся. Сильвестр задумался, потом постарался выразить точнее то, что сам чувствовал:

– Вроде бы и ходит он мимо меня, а вот интереса я в нем никакого не вызываю. Пару раз царевич меня и беседой удостаивал, но не просто так, а по делу какому-то. Записку ему составить, карту начертить... А вот близко к себе он не подпускает.

– А гороскоп? Он ведь на войну идет...

– Пытался я его заинтересовать. Куда там!

Сильвестр поморщился, вспомнив, как отнеслись к его труду. Шикарный гороскоп, обещавший, кстати, победу, хотя и со множеством трудностей, вычерченный на лучшем пергаменте, поданный со всем уважением, не вызвал у царевича ни малейшего интереса.

– Звезды? Идите, господин учитель, с ребятами занимайтесь, а то они Скорпиона от Кассиопеи не отличат.

Сильвестру было искренне обидно. Он ведь не лгал, он и сам верил в свои писульки и звездульки.

– А царевнам? Тоже неинтересно?

– Царевне Анне – так точно, Татьяна полистала, но тут к ней Софья пришла...

– И?

– Никогда я себя таким дураком не чувствовал. Сильвестр поежился, вспоминая темные глаза юной девушки, которые впились в него двумя шильями.

– Предвещаем победу? Дело хорошее, дело важное. А почему тетушке? Что, братец уже велел к нему с глупостями не лезть? Оно и правильно.

– Сие не глупости, государыня, а точная наука...

Сильвестр пытался защищаться, но куда там. Мешало еще то, что царевна Софья не смущалась, не стеснялась, не терялась в присутствии пусть и монаха, но все ж таки мужчины! Невинная ж девушка, сие точно известно, а взгляд – словно наизнанку выворачивает.

– Точной наукой, господин учитель, вы в школе займитесь. А ежели я узнаю, что вы тут гороскопы составляете, попрошу протопопа Аввакум с вами разобраться. Это как раз по его части.

– Государыня царевна...

– Вон отсюда. Вместе с гороскопом.

Сильвестр и сам не понял, как оказался за дверью. Зато отлично ощутил, что подрясник промок от пота. И только потом, переодеваясь в своей комнате, он понял, почему так получилось. Софья смотрела на него так, словно прикидывала, что выгоднее – убить его или в живых оставить? Пока выбор был сделан в пользу жизни, но ведь все может и перемениться. И страшновато было видеть на красивом девичьем лице глаза много повидавшего убийцы.

О том он и рассказал наставнику. Симеон послушал, подумал...

– А кто из царевен к Алексею Алексеевичу ближе стоит?

– Царевна Софья. – Медведев и не колебался. – Самая она для царевича близкая, самая родная, да еще он с Иваном Морозовым, ровно с братом. А царевну они оба готовы на руках носить.

– Вот даже как...

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Опять пауза. И молчание, которое разрывается нехорошим старческим смешком:

– Сильвестр, придется тебе кое-что царевичу намекнуть...

Сильвестр послушно кивает, выслушав план.

– Исполню, отче. Единственное что – не сейчас. Царевич в поход отправляется, не до того ему, все забудется. А вот опосля победы или поражения – тут и будет возможность...

– И то верно...

Мужчины проговорили еще долго. Потом Сильвестр ушел, а Симеон остался смотреть в окно и размышлять.

О чем?

Ну, хотя бы о том, что ему написали. Ведь иезуит всегда останется иезуитом, где бы он ни жил, кем бы ни прикидывался...

И, почти как в армии, он обязан был выполнять приказы вышестоящего начальства. Даже самые... жестокие.

Но ведь им виднее?

Горит на столе свеча. Но кажется, чудится на миг, что дымок над ней скручивается черными петлями злых намерений, готовых сомкнуться на горле противника.

Убить, уничтожить тех, кто посмел жить по своим законам, иметь свое мнение, верить своему сердцу...

Свободные и сильные люди не нужны паукам в банке. А то ведь и стекло разобьют, и пауков передавят.

* * *

– Сколько людей у нас будет?

Иван Дмитриевич Сирко, [1] один из самых уважаемых казаков, посмотрел на Степана Разина.

– Более пяти тысяч человек у нас набралось, восемьдесят две чайки пойдут.

– Изрядно.

– Да и русские пойдут, разве не так?

– И русские. Мы до Азова спустимся, а там – вдоль берега. А за нами русские корабли.

– Все на кораблях пойдут?

– Так по берегу опасно. Вот ежели Керчь захватить да Перекоп – тогда можно будет и татар гонять. Хотя, может, кто и пойдет. Я сам покамест многого не знаю.

– Хорошо ли это? Русские всегда нашей кровью за свое добро платили...

Степан сдвинул брови:

– Мне ли не знать? Сам я брата потерял, а все ж таки... сволочь – она всякой бывает. И русской, и казацкой. И у нас Дорошенко чего стоил? Всех хотел под султана прогнать...

– И то верно. Степан, я тебя с титешного возраста знаю, еще в люльке помню... Уверен ты в царевиче? Не подведет он? Ведь ежели что – твоя голова первой полетит, не простят казаки...

Степан вздохнул:

– Верю я ему, дядько. Другому кому не поверил бы, а царевича еще сопляком помню. Воля в нем железная была – и осталась. Он своих разменивать не станет. А ежели пошлет куда – я первым пойду. Потому что верю – то не просто так будет. Хватит уже поганым топтать нашу землю! Живем ведь от набега до набега! От стычки до схватки! Все разрознены, все землю, что одеяло, на себя тянут... Хватит! Что смогу – то делать буду.

Иван медленно кивнул.

Да уж, когда Дорошенко под султана пошел, разругался с ним атаман смертно – и пошел громить негодяя, так что не понаслышке о междоусобице знал.

– Что ж, веришь ты – и я тебе поверю. Но учти, коли что – пощады и тебе не будет.

Степан кивнул. А что делать? Сейчас он все поставил на кон, либо пан – либо пропал. И пропадать не хотелось.

– Ты ж не просто так зашел, Иван Дмитрич?

– Куда как непросто. Ты погляди, что за цидулька до меня пришла.

«Цидулька» выглядела очень солидно. Лист пергамента с большой печатью, шелковым шнуром... видел Степан такие.

– Дядько, никак тебя османы уважили?

– Оне... гниды! Да ты почитай, что пишут!

Степан кивнул и развернул свиток:

– Красота!

Я, султан и владыка Блистательной Порты, сын Ибрагима, брат Солнца и Луны, внук и наместник Бога на земле, властелин царств Македонского, Вавилонского, Иерусалимского, Великого и Малого Египта, царь над царями, властитель над властелинами, несравненный рыцарь, никем не победимый воин, владетель древа жизни, неотступный хранитель гроба Иисуса Христа, попечитель самого Бога, надежда и утешитель мусульман, устрашитель и великий защитник христиан, повелеваю вам, запорожские казаки, сдаться мне добровольно и без всякого сопротивления и меня вашими нападениями не заставлять беспокоиться.

Султан турецкий Сулейман II. [2]

– Сдаться ему, черту! Не много ль чести?

Иван кивнул.

– Ишь ты, никем не победимый. Не воевал, вот и не побеждали его, чего тут думать!

– И то верно. Отписать ответ да в поход собираться.

Иван хищно усмехнулся:

– Сам отписывать будешь?

Степан покачал головой:

– На такое и ответа-то достойного нет.

– Тогда отдай сюда. Мы ему отпишем!

Ответ писался при участии нескольких бочек горилки, писался настолько душевно, что некоторые выражения пришлось вымарать – боялись, как бы бумага не воспламенилась. Но и оставшихся хватило. И утром письмо полетело обратно, к султану, с заманчивыми предложениями. Казаки, грубый народ, сильно сомневались в происхождении султана и его видовой принадлежности, хотя и не знали таких определений. Зато были уверены, что он не убьет ежа голым задом, а потому не

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru является рыцарем, тем паче – непобедимым. И предлагали ему совершить акт мужеложства со всем Запорожским войском, будучи при этом в пассивной позиции.

Одним словом, попытка наладить дипломатические отношения вторично – вдруг да отыщется еще один Дорошенко? – провалилась глубоко и с громким треском.[3]

Март 1673 года

Софья, ни на что не обращая внимания, висла на шее у брата.

– С Богом, Алешенька. Молиться день и ночь буду, только живой вернись.

– Еще как вернусь! Не плачь, Сонюшка. Все хорошо будет!

– Я и не плачу!

Софья действительно не рыдала, считая, что слезы приманивают беду на воина. Пусть у ребят все будет хорошо. Алексей последний раз поцеловал сестренку и вскочил на коня. Соня обняла еще и Ивана.

– Вернись, Ванечка. Я за вас обоих равно молиться буду...

Иван тоже крепко поцеловал девочку... да скорее уже и девушку. Это Софья за всеми бегами и трудами не замечала, как округляется ее тело и наливаются грудь, а вот окружающим это отлично видно было. В том числе и Ивану Морозову, который твердо решил вернуться – и поговорить с Соней. Но это потом, потом...

А пока он крепко поцеловал девушку прямо в губы. И тут же, пока Соня не начала задавать неудобные вопросы, выпустил ее из объятий и вскочил на коня.

– Ты тоже себя побереги, сестренка, – ухмыльнулся Алексей, разряжая обстановку. И парни тронули коней.

Софья стояла красная, что та малина, – и ощущала себя полной дурой. В таком деле ошибиться она не могла. Ваня ее... любит?!

Да. Судя по всему – да.

А она его?

Софья задумалась. И страстной любви, о которой пишут в романах, в себе не обнаружила. Только глубокую и искреннюю нежность. Все бы сделала для этих двух мальчишек.

Но вот что делать с этими чувствами?

А если Ванька погибнет?

Тогда пусть домой не возвращается! Она его сама убьет!

* * *

Всего на Крым двигалось более сорока тысяч человек. Учитывая уже имеющиеся в Азове тридцать тысяч – сила получалась весьма внушительной.

Почти пятнадцать тысяч вел Ян Собесский. Пять, даже почти шесть тысяч собрали казаки. Слишком уж их обозлило письмо турецкого султана. Нашелся умник – вольным запорожцам приказывать! И двадцать две тысячи шло под командованием царевича. А если уж точнее – то командовали войском все те же Хитрово и Косагов. Они организовывали марши, они брали на себя семьдесят процентов работы... Ну а почему нет?

К полякам они уже удачно сходили – турки удрали восвояси. Почему бы не повторить второй раз?

Да и из этих двадцати двух тысяч, почитай, десять тысяч было легкой конницы. Башкиры, калмыки... те, кто отродясь татар не любил, а вот в седле они держались, как на коне рожденные. И уж пограбить, набрать рабов, трофеев...

В серьезном столкновении толку от них было немного. Но им предстояли не битвы. Им надобно было рассеяться летучими отрядами по степи и тревожить кочевья. Да сменить тех, кто зимовал в Азове, ежели те захотят.

Серьезных надежд на них Алексей Алексеевич не возлагал. Скорее на пушки, которые со всеми предосторожностями везли в обозе. На взрывчатку, которая хоть и получилась золотой, но и результаты давала бриллиантовые. На страшное зелье, которое с предосторожностями вручила ему Софья.

Греческий огонь.

Она называла это именно так, хотя и подчеркивала, что с первоначальным огнем сие зелье имеет мало общего.

Да-да, Софья добралась до бакинской нефти. В основном благодаря Степану Разину. Для казаков в тех местах ходить было несложно, а уж высадиться, где сказали, да набрать в бочки, чего попросили, – тем более. Степан и поспособствовал, еще пока Алексей Алексеевич в польских землях геройствовал. Получив несколько десятков бочек с нефтяным содержимым, Софья занялась перегонкой. Она знала, что надо сделать, и примерно представляла себе устройство перегонного аппарата – а кто его не знает после знаменитого фильма Гайдая? – а в школе могли довести ее идею до ума. И довели ведь, и даже смогли перегнать нефть, после чего и соорудили снаряды с греческим огнем. А что?

Керосин есть, сера, селитра, а самое главное – негашеная известь. При опытах сгорела насмерть оказавшаяся рядом скамейка, получили легкие ожоги и тяжелую взбучку лаборанты, которые плеснули-таки на греческий огонь водичкой – и Софья задалась вопросом безопасности. Огнетушители с углекислым газом рассматривались пока в перспективе, хотя идея была плодотворная. Получить его несложно, кинь карбонат в кислоту – и радуйся. Только получить мало, надо еще направить, надо еще, чтобы давление емкость не разнесло и коррозии не было... Одним словом – огнетушители надо было считать, а вот асбестовые полотнища выглядели более привлекательно, как и ящики с песком. Впрочем, ящики можно было обеспечить уже сейчас, а вот асбест чуть позднее. Хотя заказ Строганову Софья уже сделала. Пусть добирается до Баженовского месторождения. Эх, как же ей иногда не хватало нормальной карты, спутниковой связи и компьютера! Про почту упоминать не будем. Как работала почта во времена оны – и как она работала в XXI веке, сравнивать было страшно. Потому что лошади оказывались круче поездов и самолетов, а сравнение получалось не в пользу Софьиной современности. Или, по некоторым подсчетам, почту могли везти круглая через Чукотку. Тогда – да! По срокам все сходилось! [4]

Плотно запечатанные кувшины были погружены в специальные телеги, причем огонь находился не в смеси, а в виде отдельных составляющих. Слишком далеко его придется везти, слишком много ситуаций может возникнуть...

Где он пригодится?

Да хотя бы и против турецких кораблей. Галеры жалко, там христиане оказаться могут. А вот парусные турецкие суда – вполне! Бить! Никак нельзя не бить!

Опять же Керчь – приморская крепость.

Софья вздохнула.

Да, греческий огонь – страшная вещь. Оружие массового поражения, не иначе. Но тиражировать она его не даст. Будет хранить секрет, сколько сможет, благо до конца весь процесс знают два-три человека, остальных допускают строго в отведенные места. Разделяй и действуй, иначе и не скажешь.

жестоко?

Страшно?

Софья привычно – поди, не привыкни за тринадцать лет-то! – перекрестилась на купола церкви.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Ее грех – она за все и ответит. Только она.

– Степан! Ну, здравствуй!

Ромодановский искренне рад был видеть казаков. Особенно – на чайках. В гавани сразу стало как-то тесно и весело. Вот уж воистину – чайки. Мелкие, много, а как нагадить могут! Восторг!

– Здравствуй, боярин! Принимай гостей!

– Много вас?

– Да нет, всего, почитай, пять с половиной тысяч человек!

– Та-ак... Ладно. До подхода царевича размещу.

– Да ты не думай, боярин, мы в тягость не будем. С собой провизию захватили, опять же часть чаек в море выйдет на разведку...

Это Ромодановский одобрил. И фарватер узнавать надобно, и турок погонять... Они-то старались не сильно высовываться – не так много у него здесь кораблей, чтобы рисковать. Хотя и говорили моряки, что команды сработались, что справятся они с галерами, но мало ли...

С кого спросят?

Как войска везти, ежели что?

Нет уж, сидите дома – целее будете. А потому турецкие галеры чувствовали себя в заливе как дома. Да и были, до недавнего времени.

Казаки же...

Пусть осваивают.

Чего греха таить, до конца своими Ромодановский их не считал. Нужны? Да! Полезны? Трижды да! Вот и пусть приносят пользу.

Степан, в свою очередь, не возражал погонять турок по заливу. Пять с хвостиком тысяч казаков, рвущихся в бой, – смесь крайне взрывоопасная. И сдерживать их боевой пыл до подхода основных сил будет крайне тяжело, пусть они лучше на турках срываются.

– Когда выйдете?

Ромодановский и Разин отлично поняли друг друга – и не обиделись. Было б на что! Оба – профессионалы, оба – воины, оба по должности политики, просто в разных местах...

– Денька три отдохнем, да и вперед. Поделю чайки на две части, пусть попеременно, по три-пять дней бороздят залив, одни вернутся – вторые уйдут... как раз, пока все отдыхать будут, очередность определим с Иваном Сирко.

– Он здесь?

Про Ивана Дмитриевича Ромодановский был наслышан. Как же, герой... уж сорок лет герой, между прочим!

– А то ж! Такую потеху пропустить он никак не мог!

Разин хищно ухмыльнулся. Впереди ждали великие дела. Если им удастся взять Керчь, выбить турок с Перекопа, а татар с полуострова – да за такое золотом в летописи вносят! И он постарается, чтобы его участие не прошло незамеченным.

Ромодановский думал примерно о том же, но золотыми буквами в летописях не интересовался. Его больше радовало то золото, что липло к рукам. А липло – немало. Даже с учетом царской и царевичевой доли, с учетом того, что никто не

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
выворачивал карманы ни беженцам, ни башкирам, получалось очень прилично.
Оставалось переправить все это до дома... Ну да ладно. Вывернемся! С такими
деньгами многое сделать можно!

* * *

Три царевны под окном... Нет-нет, о рассуждениях речи не было. Сейчас все трое –
Татьяна, Анна, Софья, смотрели на Марию Луизу Собесскую. И доброты в их взглядах
не было. Никакой.

Мало того что эта девица могла разрушить тщательно лелеемые планы по обрусению
Польши, так она еще и Марфу отравить хотела. Между прочим, любимую сестру и
племянницу.

Впрочем, Мария не особо нервничала. Смотрела зло, гордо...

Софья в разговор вступать не торопилась, поэтому первой атаковала Татьяна. И
старшая, и более нетерпеливая.

– Что ж, Мария, не могу сказать, что рады мы тебя видеть, но сейчас ты под нашим
кровом. Всего ли тебе довольно?

Мария чуть заметно усмехнулась, повела плечом:

– Чем же я заслужила такую немилость, ваше высочество?

По-русски она не говорила, но царевны неплохо понимали польский – выучили с
Марфой.

– Попыткой убийства нашей родственницы, – так же спокойно ответствовала Татьяна.

– Я невиновна. А коли была бы...

– Не стоит крутить, – вступила в игру Анна. – Лучше постарайся подумать над
своей жизнью. Королевой тебе уже не стать, как и любой девке, которая свою честь
потеряла, но хорошей женой – еще не поздно.

– Я своей чести не теряла!

– Да неужто? На франкского короля бессилие napало? А заодно и на его брата?

Анна с Татьяной откровенно издевались, заставляя Марысю выйти из себя, сжать
кулачки.

– Это ваша Мария придумала!

– Коли б это правдой не было, ты б так и не нервничала!

– Это она мою честь сплетнями загубила!

– Невелика та честь, которую может сплетня унести, – фыркнула Татьяна.

– Уж какая ни есть – а все побольше вашей. Вся Польша знает, что царевны тут в
школе блудят с кем попало!

Если Марыся ожидала гнева, то зря. Таня кокетливым жестом поправила волосы.

– Почему же с кем попало? Мы себе в мужа негодящих не выбираем и за сладкий
кусочек не продаемся. Как некоторые, кои с детства на польский престол ладились,
да вот не срослось...

Софья не особенно следила за разговором. И так понятно, что тетки много не
выудят. Разозлят – да. А в остальном... После Версаля-то, который тот еще
гадюшник?

Если бы ей кто и сказал, что Версалью еще достраиваться и отделяться – она бы
только плечами пожала. Какая разница? Версаль, Тюильри или еще где – всегда
французский двор был той еще клоакой, причем – и в переносном, и в буквальном

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
смысле. Это непросвещенная Русь штаны меняла да в бане мылась, а шевалье... Откуда их поклоны с изящным размахиванием шляпой? Да просто в Париже ночные горшки на улицу выливали. Не уберегся – ходи с дерьмом-с на голове. А чтобы даму не шокировать видом и запахом, сам поклонись, а шляпу прибери подальше от чувствительного носика.

Так что Мария будет стоять до последнего. Но Софье и не ее исповедь важна была. Вот еще...

Храм в Дьяково по ее инициативе строился, и потайных мест там было более чем достаточно. Мария будет исповедаться своему духовнику – обязательная принадлежность дамы, как золотая блохоловка и флакон с нюхательными солями – а кто-то да послушает. Может, и она сама, коли не занята будет.

Софье надо было оценить саму женщину. И результат был неутешительным.

Обидно – до слез.

Умная, красивая, властная, честолюбивая – какая была бы находка для команды! Но дама мыслит себя лишь в качестве польской королевы – и никак иначе. Марфу она на этом месте не потерпит.

– Жаль, что Михайло тебя собакам не скормил! Хотя псов небось пожалел – потравятся еще от такой суки!

Тетка Таня. Да, с таким характером ей на Сечи куда как лучше будет. Софья очень живо представляла себе тетку в роли атаманши. Это она запросто. А вот с такими, как Марыся...

Жаль женщину. Но травить ее придется. Либо морально, либо физически.

Если Ян Собесский выживет – отравим перед отъездом. Поговорим с Ибрагимом, пусть медленный яд подберет. Если не выживет – и отъезда ждать не будем. Потом Михайле покаемся, что не уберегли... Авось простит?

Или даже травить не придется? А ведь идея...

Мария тоже ответила и достаточно едко, что таких манер царевна не иначе на псарне набралась. Софья подняла руку, требуя тишины – и впиалась глазами в Марию.

– Сударыня, вы можете идти в свои покои. Вас проводят. При необходимости – обратитесь к служанкам, они передадут нам ваши пожелания.

Ее тон подействовал на взбешенную женщину, как ведро ледяной воды. Мария Казимира Луиза де ла Гранж д'Аркьен, пани Собесская фыркнула и ушла не прощаясь. Дверью тоже не хлопнула. Не рискнула.

– Жаль, – подвела итог Софья.

Царевны дружно согласились с ней, хотя печалились все о разном. Татьяна – что не казнили негодяйку вовремя. Анна – что не получится у них Марию к себе на службу поставить. Софья – что в очередной раз придется подписывать приговор и еще тратить время и силы. Никто не должен заподозрить неладного. Нет, даже не так.

Подозревайте!

Но доказательств быть не должно!

Это не Наталья Нарышкина, с французами им еще работать придется...

А еще...

Софья уже мысленно подбирала подходящую кандидатуру. Надо, надо подсунуть Собесскому одну из своих девочек. И под присмотром будет, и потерю жены легче перенесет, а там, глядишь, и второй раз женится.

Кто же?

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Ксения с черными косами и глубокими карими глазами? Но вспыльчива... иногда сама собой не владеет.

Мирослава – темная шатенка с синими глазами и невинной улыбкой? Как вариант, но влюбчива... Или это и не грех? Кто может вертеть влюбленным мужчиной? Только влюбленная женщина...

Или Ирина? Пухленькая хохотушка, лицом – почти вылитая пани Собесская?

Елена? Темноволосая и голубоглазая? Типаж вроде не тот...

Надо пока посмотреть на всех четверых, да и пусть учат польский и французский как следует. А там... решим. Будет выбор – будет и дело.

* * *

Версаль.

Хотя работы в резиденции французских королей еще продолжались, но жить там уже было возможно. И Людовик обожал это место. Здесь, именно здесь, он чувствовал себя дома. Не в Париже – слишком памятны были детские годы, фрonda, Мазарини, которого он ненавидел...

Нет. Именно не опоганенный воспоминаниями Версаль.

И сегодня полувесеннее солнышко, уже яркое, но пока еще холодное, заглядывало в роскошное окно, игриво касалось лучиками позолоты на столе, на стенах... Солнечные зайчики были веселыми и беззаботными. А лица людей, сидящих в кабинете, – очень серьезными.

Людовик XIV, которого уже начинали звать «Король-Солнце», внимательно слушал своего интенданта финансов – Жан-Батиста Кольбера.

И доклад был нерадостным.

Людовику нужны были Нидерланды, с которыми он воевал не один год. Но ни оным Нидерландам, ни Вильгельму Оранскому он не нужен был ни в каком виде. Война высасывала время, силы, а главное – деньги, которых и так не было. Долги Франции составляли бешеные суммы – миллионы и миллионы луидоров.

Кольбер справлялся, как мог, заслужив всенародную ненависть, но что он мог сделать?

Если бы придворные не воровали, фаворитки – особенно мадам де Монтеспан – не тянули деньги на свои развлечения, словно водоворот, а король не требовал роскоши и пышности – интендант справился бы. Финансистом он был от Бога. Но...

Сейчас Кольбер докладывал о сложной ситуации. В Турции сменился султан, но это было половиной беды. Второй половиной было то, что северный медведь показывал зубы.

Вильгельм Оранский успешно отбивался и вскоре должен был подавить восстание окончательно.

Турок вышибли из Польши и, судя по всему, собирались оторвать от них еще кусок мяса.

Людовик слушал задумчиво.

Турция была ему выгодна. На море этот союз давал отличные результаты – против испанцев, австрияков... да всех, кто мешал Франции. Но вот помогать ли им в беде?

А зачем? Перебьются. Османская империя достаточно сильна.

А Франции? Выгодно ли им ослабление турок?

О да! Тут уж каждый сам за себя! Пока Османскую империю будут рвать со всех сторон, Франция окажет ей помощь но... в Европе! Например, со Священной Римской

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Империей. Людовику весьма важна была выгода государства. Пусть турок как следует потреплют – тем больше они будут потом ценить союзника. А разорвать? Нет. Русский медведь не настолько силен, чтобы одолеть Империю!

В то же время у него есть общий интерес с Русью.

А именно – Вильгельм Оранский.

Русь далеко, между ней и Францией есть поляки, так что нападения можно не опасаться. Да и к чему ему та Русь?

Она богата, но если удастся оттеснить англичан и голландцев, если через поляков можно будет торговать, на что недвусмысленно намекал русский дофин, то Франция получит куда как больше выгоды. И с молодым Корибутом можно иметь дело.

Вильгельм Оранский...

Сейчас он мешает политике Франции.

Людовик усмехнулся. Жестко, холодно...

Если он не может стать другом прекрасной и просвещенной Франции – значит, его не должно быть.

Справедливости ради Людовик был не одинок в своих мыслях.

Вильгельм тоже задумывался о дружбе с Русью. Но...

Ему было не до того. Слишком много забот было в родном королевстве, слишком тяжело ему приходилось. Куда уж там на стороны глядеть?

Остальные же...

Медвежонок вылез из берлоги – и никто не обманывался пушистой шкуркой. Его рассматривали и думали, что выгоднее – получить с него мех, натравить на врага или сразу поднять на рогатину. Мнение медвежонка никого не интересовало.

Русские варвары...

Фу...

* * *

Остап внимательно оглядывал море. Вроде как и приказ у них был несложный – походить вдоль берега, разведать фарватер, но ведь тут же и турки шляются! Обнаглели, нехристи!

Ужо задаст им Иван Сирко! Ух как задаст!

Не было на Сечи человека более уважаемого, чем старый воин-характерник. [5]

А уж как не любил он турок с тех пор, как в одной из схваток сложил голову его сын Петр! Глотки бы зубами грыз!

И в поход пошел доброй волей и с радостью, а с ним и войско Запорожское! Кто ж такого атамана слушается? Это, почитай, удачу потерять, а что казак без удачи? Сирко, говорят, сам черт не страшен... Остап быстро оглянулся – и перекрестился. И тут же – словно нечистый ему глаза отводил – и заметил!

Парус на горизонте!

Схватил подзорную трубу, пригляделся...

Галера! Да не одна... двое турок идут вдоль берега...

– Скидывай мачту!!!

Рев Остапа разнесся на несколько чаек окрест, и казаки ринулись работать. А то

как же!

Они-то из воды выступают на два локтя, так что заметить их сложно. А вот сами – видят. Сейчас парус уберут, и...

– Давай вон туда, ребята!

Остап махнул рукой, задавая направление. Точного курса не было, но галеры шли на восток, а это вообще чудесно. Теперь до конца дня чайки будут следовать за галерами, держась с солнечной стороны. Поди, разбери, что там, на воде, то ли лодка, то ли блик, парус уже положили... Не заметят нехристи поганые! Не в первый раз то проверено!

Да и сам Остап сомнений не испытывал.

Две галеры? Восемь чаек?

Бить или не бить? Разумеется, бить! Это вам не Шекспир, тут сомнения ни к чему!

Да и не так уж много продержаться осталось – всего-то часа два, – а потом и солнце сядет. Только вот галеры тут себя в безопасности чувствуют. Ну оно и понятно. Казаки ж только пришли, вот и не успели поучить лиходеев! На то Иван Сирко с волком и побратался, чтоб у нехристей медвежья болезнь случалась!

Естественно, два часа казаки продержались. На галерах было спокойно, никто не суетился, не готовился к бою, не бегал...

Где-то за полчаса до захода солнца казаки постарались подгрести поближе, хотя потерять галеру было сложно – на ней зажгли огни. Опять же в ночи по воде звуки далеко разносятся, а понятие «режим тишины» в обиход еще не ввели. Так что казаки, конечно, подкрались поближе, примерно на пару километров – и стали ждать уже все вместе.

К галерам они погребли ближе к полуночи. Тихо, страшно, молча...

Восемь темных призраков выметнулось из темноты, окружая турецкие корабли. Команда поделилась на две части – одна половина гребла так, что только весла трещали, молча и яростно, а вторая сидела в лодках, разматывая веревки с крючьями, уже готовая к бою... И какой же неожиданностью стало для турок, когда по бортам галеры застучали десятки крюков!

Каждая чайка без натуги несла 50–60 человек, поэтому почти сто крючьев впилось в борта что одной, что второй галеры... Словно простучал коротко и сухо смертельный град.

Какое там воевать!

Проснуться половина не успела!

Казаки уже не молчали. Они шумели, они орали, они вырезали всех, кто встретился им на пути. Прижались к веслам и нырнули под скамейки прикованные гребцы, ужасаясь ярости нападающих. Вышел из своей каюты капитан – и тут же упал с чьим-то ножом в горле. Капитана второй галеры все-таки соизволили рубануть саблей. Тем паче, что турки не гасили фонари на галерах... Куда как удобно для казаков, чьи глаза привыкли к темноте – и теперь турки представляли для них роскошные мишени.

А вслед за первой партией лезли и гребцы, собираясь поучаствовать в развлечении. В каждой чайке оставался, дай Бог, десяток человек – и весьма этим недовольных! Такое развлечение мимо проходит! Ну да ладно, следующий бой – их!

Уже через два часа все было кончено. [6]

На галерах практически не осталось живых турок – так, человек пять, в качестве «языков». Сдать на руки Ромодановскому – пусть допрашивает. Просил ведь, ежели получится, кого захватить... ну так для хорошего человека и не жалко!

Остальные были грубо обшарены, раздеты – а чего добру пропадать? – и скинуты за

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
борт. Казаки обшаривали трюм, не особо покамест разговаривая с прикованными рабами – потом. Свой карман – он всегда ближе к телу, чем чужие нервы. Хотя и видели, что рабы дрожали. Как же ж! Про казаков такие слухи ходили, что самим иногда страшно становилось! Здоровы ж эти европейцы брехать! И глотки-то казаки зубами рвут, и режут всех, кого ни попадя, и корабли на дно пускают с прикованными людьми...

Разве что новорожденными младенцами казаки не питаются, ну так это еще впереди! Авось придумают!

Вот и пусть чутка подрожат!

Так что Остап молчал до последнего. И только когда забрезжил рассвет, кивнул Дмитро:

– Переведи им. Доведем корабли до Азова – там раскуем их. Получат жизнь и свободу.

Дмитро послушно перевел, но радостных воплей не дождался. Не верили. Ну и не надо, что он – убеждать их будет?

Сами поймут. Когда все сбудется, тогда и поблагодарят. А пока пусть слушаются и лишних хлопот не добавляют!

Ромодановский был весьма рад еще двум галерам – в хозяйстве все пригодится. А турки быстро начали себя чувствовать весьма и весьма неуютно. Казаки не собирались давать им спуску и даже если по нехватке сил не решались идти на абордаж, все равно умудрялись напакостить – подкравшись и от души обстреляв галеру.

Вольной турецкой жизни приходил конец.

* * *

Михайла Юрьевич Долгоруков смотрел на монаха злобными глазками:

– Говоришь, ведомо тебе, кто отца моего сгубил?

– Ведомо, князь. И ведомо, почему того убийцу не нашли.

– Коли узнаю, что лжешь ты мне...

– Коли хотел бы солгать – не пришел бы я к тебе сам, князь. Но в то время государь мне доверял, советовался...

– А сейчас терпит с трудом.

Симеон Полоцкий склонил голову. Это верно, у царицы он впал в немилость, а царь ей во всем потакает, потворствует бабской глупости! Нет бы прислушаться к мудрым словам, тогда б и не пришлось...

Ладно. Не о том речь.

– Что верно, то верно. Я в монастырь уйти хочу, но до того должен душу облегчить. Грех на мне, знал я об убийстве твоего отца – и не предотвратил.

Налитые кровью глаза Михаила злобно блеснули:

– Кто?!

– Сам государь.

– Лжешь, собака!!!

Симеон спокойно, хоть и стоило это немалых усилий, выдержал бешеный взгляд, покачал головой:

– К чему лгать мне, князь? Тем более – так?

Михайла задумался, а Симеон продолжил плести паутину лжи. Юрия Долгорукова, по его словам, отравили. И приказал то сделать царь, который решил, что после польских побед Юрия на место поставить не удастся. Казнить и не за что, а Романовы куда как худороднее. Вот и взял грех на душу...

Кто сделал?

По приказу царя – Ордин-Нащокин. Не по норову ему был Юрий Долгоруков. Слишком умен и силен, слишком любим в армии, слишком стрельцы его уважали...

Михайла слушал, стискивал кулаки – и видел Симеон, что верят ему, еще как верят! Люди вообще склонны верить в худшее. Тем более, он столько времени пытался доискаться до истины...

– Ты-то, князь, при царе безотлучно, а вот отец твой...

– Отца я и царю не прошу, – выдохнул мужчина.

Симеон внутренне собрался.

Не простишь, конечно. Мы все сделаем, чтобы не простил. А поскольку ты к царю приближен, то и сделаешь все необходимое.

А вот как сделаешь...

Начиналась более жестокая политика. Сильная Русь – а одолев крымчаков, она бы стала куда сильнее – не нужна ордену иезуитов. Слишком опасно для них было православие.

* * *

– Григорий! Слов нет! Отец в восторге будет!

Алексей Алексеевич хвалил от души, уважительно именуя Ромодановского не Гришкой, а Григорием, – и боярин это оценил. Да, такое было у царей в обычае, боярина запросто могли назвать Ивашкой, и кинуть в него чем потяжелее, и царской ручкой за вихры оттащить... Алексей не стал бы исключением из царственного правила – постаралась Софья. Она и внушила брату когда-то, что бояться люди будут при такой манере, а вот уважения не дождешься. А ежели ты всегда вежество соблюдаешь, то гнев твой куда как страшнее им покажется.

Алексей послушался – и не пожалел. Но сейчас речь шла не о простой вежливости, нет! Ромодановского действительно было за что хвалить!

За осень и зиму тот крепко поработал над Азовом. Пролом в стене был заделан, насыпи восстановлены, перед крепостью устроена настоящая полоса препятствий – рвы, ямы с кольями, закрытые чем-то вроде легких настилов... если ехать по дороге – все было в порядке. Но когда это осаждающее войско только дорогами и пользовалось?

Судя по всему, Григорий спал по два часа в сутки, а остальное время трудился так каторжно, как и на рудниках не заставляют.

Азов тоже сиял чистотой и напоминал казарму. Улицы выметены, никаких пьяниц, ни драк, ни скандалов, ни лишнего шума – всяк знает свое место и занимается своим делом.

– Я старался, государь!

Алексей от души хвалил боярина, видя, как его лицо становится все более спокойным и довольным. А после обеда – короткого, без лишних этикетов, перешел к делу:

– Со мной тридцать тысяч человек. Двадцать моих, десять поляков.

– Я могу тысяч пятнадцать отпустить, – согласился Ромодановский.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– У меня пять тысяч с лихвой, – кивнул Степан.

И его, и Фрола, и Ивана Сирко, равно как и Косагова с Хитрово, Ордина-Нащокина-младшего – свой же человек, считай, родственник, дядя – и Ивана Морозова Алексей пожелал видеть за столом. А когда Ромодановский как-то убедительно запротестовал, махнул рукой:

– Мы сейчас в походе, вот и считайте, что у походного костра. Там раскланиваться некогда...

Ромодановский едва не фыркнул в ответ. Да уж, видел бы ты, сынок, с каким обозом твой отец в поход ходил! Да как вокруг него столтники-постельничие плясали, как повара павлинов готовили в соусе из соловьиных язычков!

А Алексей и правда не видел. Его-то походным премудростям казаки обучали, а у них просто – что на лошади увез, тем и пользуйся. А не увез – оно тебе и не надобно.

Так что обед быстро перешел в совещание. Степан и Фрол ждали команды, Сирко поглядывал хитрым глазом, пытаясь составить свое мнение о молодом царевиче, Алексей размышлял:

– Сколько народу мы сможем перевезти?

– Тысяч двадцать, не более.

– Та-ак...

На столе развернулась карта, и мужчины пристально вгляделись в нее.

– Азов. Наши ворота. – Алексей смотрел серьезно. – Я не обсуждал это ни с кем по пути сюда. И мой отец тоже не писал, потому что надо решать на месте. Это либо авантюра, либо...

– Государь?

Фрол не выдержал, видя, что царевич колеблется, за что тут же и получил тычок в бок от Ивана Сирко. Молчи, дурак, царевич глаголет...

Мысль о том, что царевич не обидится, ему в голову не пришла – не привык атаман к таким царевичам. Собственно, этот был первым и уникальным.

– Наше войско здесь. И мы должны выбрать. Либо мы сейчас идем на ногаев и выбиваем их начисто. Черкесы нам не враги, зато с ногайцами не друзья, они нам помогут.

– Можно и так, – кивнул Степан. – Это, я так понимаю, не авантюра? Да, государь?

– Это – тихо и мирно. Татары туда не полезут, а полезут, так получат со всех сторон, турки нам сильно мешать не будут, а уж потом укрепимся, что-нибудь напротив Керчи воздвигнем...

Взгляды мужчин были весьма скептическими. Царевич тоже усмехнулся:

– Долго, дорого, неудобно. Это первый путь. Но есть и второй.

Алексей помолчал, собираясь с духом. Сейчас он собирался предложить страшную авантюру, после которой турки на них просто рухнут всей империей. А может, и не рухнут. Их уже о том годе потрепали, да и вообще – Османская империя сильно напоминала старого дряхлого льва, который мог страшно достать когтями, но мог при этом и сдохнуть. От дряхлости.

– Да. За это время османы придут в себя, татары придут в себя, начнут воевать Азов обратно... Григорий?

Взгляд Ромодановского был весьма красноречив:

– Из степи идут дурные вести. Селим-Гирей собирает войска, скоро под нашими

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
стенами окажутся татары и турки.

– Много ли?

– Как я понял, не особенно. Достаточно, чтобы мы не могли делать вылазки в степь, как раньше. Сами же османы сейчас собираются на Крит. Там вспыхнул бунт, в Дубровнике тоже полыхают пожары... одним словом, османы решили добавить венецианцев. Благо с тех есть что содрать, да и по площади куда как выгоднее.

– Если мы оставим тысяч двадцать? Отобьетесь? Прокормишь?

– Прокормлю, и сорок тысяч прокормлю. И отобьемся. А остальные куда ж пойдут?

В синих глазах Алексея блестела шальная искра:

– А остальные... мы пойдем водой к Керчи. Сколько на корабли влезет. Остальные – вдоль берега, переключаясь с кораблями, разоряя все побережье и вырезая татарские поселки. Хватит, пожировали. Керчь надо будет взять.

– Государь!

Алексей пожал плечами в ответ на шокированный возглас Косагова:

– Ее просто не пытались взять. С нашей стороны. Она укреплена с моря, а ежели подойти с суши, высадить десант – не так там все и страшно будет. Переправимся и захватим Тамань. А потом от Керчи пойдем опять вдоль берега. Кафа, Бахчисарай – и Перекоп. Ежели мы захватим эти точки, тоотрежем туркам все пути.

– Государь, они ж на нас...

– Они и так нападут. Но... если мы выполним этот план – нам будет чем с ними торговаться. Отдадим обратно Бахчисарай и Кафу, пусть радуются. Но остальное... нет уж! И начнем выжимать татар с нашего полуострова.

Несколько минут все молчали. Потом кашлянул Иван Сирко:

– Государь, дозволейте?

Алексей кивнул. Мол, позволяю, говори...

– Может, сначала тогда не на Керчь идти? – желтый, заскорузлый от табака палец характерника заскользил по карте. – Вот здесь, вдоль северного берега, мы можем доплыть до входа в Сиваш. Наши чайки там пройдут. А мы высадимся на берег и тоже пройдем... тут, конечно, «Гнилое море», ну да расстояние невелико. И дойдем, и возьмем, коли прикажешь...

Алексей прищурился:

– А сколько народу при этом поляжет?

– Многовато, государь. Так ведь за свою землю жизни отдадим, не за чужую...

Намек был ясен. Алексей медленно кивнул:

– Да, ежели удастся... тут без казаков никуда. Скажем, Засечный полуостров? Тут войск держать придется много, ну да ладно, своя земля, не чужая...

Намек был понят правильно. Ежели так получится, что план осуществится – никто казакам препятствий чинить не будет. Пусть обживаются, пусть гонят прочь татар, пусть укрепляются... но под русской дланью. Мягкой, но... не отдельное государство, а провинция в общем составе. Впрочем, при наличии на троне Алексея Алексеевича, казаки не возражали. На Сечи уже все знали, что с молодым царевичем можно дела делать...

– Но это часть. Остальные на чайки не влезут... тысяч бы десять прошло?

– Меньше, государь. Но остальные войска пройдут на Керчь, как ты и хотел.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– Раздробить силы? А продержитесь?

Сирко пожал плечами:

– Понадобится – мы все там ляжем, зубами вцепимся!

Алексей покачал головой:

– Нет, так не пойдет. Мне не смерть ваша нужна, а жизнь и служба. Я своих людей не размениваю...

– Тогда, государь?..

– План твой хорош, Иван Дмитрич. – Присутствующие даже замерли от неожиданности. Чтобы царевич, да с отчеством, так вот к казаку обращался? Но сам Алексей над этим и на миг не задумывался. Он уже оценил гетмана войска Запорожского и не видел в том ничего для себя зазорного. Этот мужчина больше боев повидал, чем Алексей – месяцев. Есть за что уважать. И сейчас... готов ведь голову сложить... за что?!

За Русь, которая ему хоть и не чужая, да и не своя! Понял просто, что так надобно – и идет!

– Вы вперед пойдете и Перекоп захватите. С той стороны к нам на помощь поляки идут. Вот они там и останутся, да еще и вылазки совершать будут, чтобы как следует татарву потрепать. А вслед за вами, по берегу, чуть медленнее, чтобы не измотаться, пойдет полк Хитрово. Справишься, боярин?

– Приказывайте, государь, – исполню.

– А части Косагова пойдут вдоль побережья. Впрочем, с десятков чаек я у вас заберу. А ты, Иван Дмитрия, пройдишь в порт, посмотри, какие корабли взамен сгодятся? Потому как не хочу я казаков одних на Перекоп слать...

– Не доверяешь, государь?

Вопрос вроде был задан с подковыркой. Но это ежели не видеть веселых искорок в глазах Сирко. Алексей и не увидел – опыта пока не хватало. И повелся...

– Мне всех своих людей жалко. Понимаю, что иначе нельзя, но чтобы одних казаков на передовую... нехорошо это. Неправильно...

Сирко задумчиво кивнул. М-да, когда это русских царей такие вопросы волновали? А этот по чести поступить старается...

– Схожу, присмотрю...

– Тем паче, стараниями казаков у нас куда как кораблей прибавилось, – буркнул Ромодановский. – Команд не хватает – а они галеры захватывают!

– Так неужто ж их обратно туркам гнать? – В глазах Алексея тоже заплясали веселые искры. – Э, нет. Если и отдадим – то пару, не более. Есть такое слово – брандер.

Слово знали все присутствующие. И обсуждение деталей продолжалось достаточно долго. Только через три дня были окончательно расписаны все роли – кто, что, куда... И чуть отдохнувшие войска ушли из Азова.

Печальным взглядом провожал их Григорий Ромодановский. Как ни рвался он в поход, но его все одно решили оставить на хозяйстве. А кто лучше его знает обстановку?

Кто лучше его знает крепость, в которой перезимовал?

Впрочем, это-то полбеды, но грусть боярина вызвало еще и отсутствие «тройных коньков». Царевичевы воспитанники уходили вместе с войском. Кто с казаками, кто на кораблях, но уходили. В ноги царевичу падать готовы были, чтобы не оставлял их в тылу, дозволил на нехристей идти... а без них ведь сложнее придется.

Эх-х-х...

Впрочем, долго грустить боярину не пришлось. И месяца не прошло, как под стены Азова явились долгожданные гости – татарва с турками!

* * *

Кофе был вкусным, фрукты – свежими, а кресло – мягким. Можно себе позволить расслабиться ненадолго. Секунд на десять.

Васька и позволил. Пока в кабинет не вошла та, кого они ждали.

Государыня Софья.

Тогда он встал и поклонился. Не в пол, просто – уважительно. Наедине от своих тщательного соблюдения этикета не требовалось. Так же поклонилась и девушка, которую вызвали одновременно с ним. Софья чуть склонила в ответ голову, принимая их уважение.

Васька смотрел на царевну спокойно. И так же смотрела сидящая рядом с ним девушка. Он ее знал.

Рада.

Одна из немногих, кого он даже чуть побаивался. Хитрая, умная, что та лисица...

– Ребята, у меня для вас задание.

Царевна была серьезна и сосредоточенна. Что та стрела, которая уже сорвалась в полет – она вся движется к цели, не отвлекаясь на постороннее.

– Слушаем тебя, государыня?

Рада пока молчала. Она вообще не любила много говорить – не по делу. Вот если требовалось – тут она могла и священника переговорить, и торговый ряд переругать. Но это – по надобности. А просто так, ради пустой болтовни, от нее никто слова лишнего не слышал.

– Вы поедете спешно до Архангельска. Там сядете на корабль, который вам укажет наш человек. Будете представляться семейной парой. Молодой купец поехал торговать – и взял с собой жену, не желая расставаться с любушкой. На корабле вы доплывете до Нидерландов. Я хочу, чтобы вы убили Вильгельма Оранского. Он сейчас в Амстердаме. Заподозрить в этом должны французов.

Ванька выслушал с непроницаемым лицом.

Да уж, скажи кто мальчишке такое еще лет десять тому назад...

А вот случилось же!

Сначала-то Васька учился по общей программе. Но потом...

Потом наставники заметили у него талант к стрельбе из любого оружия – хоть лук, хоть арбалет, хоть аркебуза. Идеальный глазомер, талант к оружию, а еще – Васька оказался одиночкой. Лучшие результаты он показывал один. Нет, в команде он тоже работал, но как-то незаметно уходил на второй план. А вот если требовались результаты именно от него... вот тут он раскрывался с новой стороны, работая вдохновенно и упорно.

Об этом было доложено царевне Софье.

Та подумала...

И приказала Ваську – и с ним еще шестерых ребят и девушек готовить именно так. Еще и смеялась – мол, подразделение ассасинов.

Ребята и не обижались.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Охотники, да. Но – на человека. А думаете, это легко?

Почему кабаньими головами хвастаются, хотя что может тебе противопоставить кабан или медведь, а вот этим – нет?

Ответ прост.

Боятся.

Человек может обернуть свое умение и против своего учителя. Хотя Васька знал, что никогда ничего во вред государю не сделает. Неблагодарность – грех смертный, такое и на потомков падет...

– Мы вдвоем? – просто спросила Рада.

– Да. У вас будет поддержка, но работа ложится на ваши плечи.

– Если нам кто-то понадобится?

– Решайте здесь и сейчас.

– Если мы попадемся?

– Вы знаете.

Смерть – и только смерть. Лучшее, что мог сделать пойманный убийца. Они знали об этом и не обольщались. Вася и Рада переглянулись. Они понимали, что царевна ничего им не сделает, что это приказ, но... Да, они могут отказаться, если это – не по силам.

Но...

– Мало данных.

Софья выложила на стол пачку листов.

– Читайте. Тут все, что мы собрали на Вильгельма. Я вас оставляю на три часа, потом хочу получить ответ. Хватит времени?

Ребята переглянулись, кивнули...

– Да, государыня.

Софья перевернула колбу песочных часов и мягко прикрыла за собой дверь.

В ответе она и не сомневалась, но хорошо, что ребята думают.

Они обязаны справиться. Они – справятся.

Она не сомневалась в полученном ответе ни сейчас, ни спустя три часа, выкладывая на стол деньги и оружие.

Прости, Вильгельм.

Прощай, Вильгельм.

* * *

Иван Сирко хищным взглядом смотрел вперед. На Перекоп. На крепость.

С севера это был большой участок Перекопского вала между двумя круглыми бастионами. В центральной части бастионов на юго-западном и юго-восточном углах крепости располагались круглые многоярусные башни. Две большие – вздымались над самой крепостью, а за ними виднелся палисад с прямоугольными башнями поменьше. С запада, юга и востока крепость защищали рвы и валы с каменной облицовкой и зубчатыми парапетами. В центральной части куртин располагались башенные ворота, углы крепостных валов замыкали небольшие прямоугольные башни. С юга к крепости и к большому Перекопскому валу примыкал прямоугольный форштадт, защищенный рвом и

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
валом с крупными и малыми строениями внутри укрепленной территории и весьма далеко выдвинувшийся за пределы рва и вала.

Одним словом – неприступно.

Было.

Сейчас в крепости – тысячи три янычар. А у него более семи тысяч воинов. И словно мало им такого перевеса, есть и кое-что еще...

Иван пристально поглядел на отирающегося рядом с ним паренька.

– Говоришь, гореть будет?

– Так точно, будет! Ничем не потушат.

«Троянский конек» Семен смотрел прямо и открыто.

Да уж... греческий огонь водой не зальешь. Сами попробовали, потом таких... лещей от сэра Исаака получили, что неделю уши красные были. И царевич не заступился, куда там! Ругался на чем свет стоит, объясняя, что это для них же опасно. И нечего свою жизнь так бездарно класть! Коли уж так хочется – разбегайтесь, да башкой об дерево, авось его не попортите!

Ребята не обижались, царевича можно было понять. За них же беспокоился.

– Ну, тогда показывай, что да как!

Показать было несложно. Кувшин удобной формы с ручкой и фитилем, внутри – адская смесь. Специально двух видов делали. Есть те, что для моря – там фитиль и не надобен, на воде само полыхнет. Есть те, что для суши. Вот там – да. Поджечь – и кинуть. Как разобьется – так и разольется, и вспыхнет...

А что?

Делать несложно, сырья хватает...

Иван Сирко оглядел своих ребят. Да и не только своих. Три тысячи казаков, четыре русских... с такими ребятами да не взять тот Перекоп? Они сейчас так турок напугают – те еще год штаны не отстирают!

В первых рядах пустим своих казаков, в которых уверен, следом пойдут «огнеметы», а за ними и русские. Но не все.

Иван кивнул капитану Семенову, который находился рядом:

– Капитан, на тебе задача взять человек с пятьсот – и пошуметь на правом фланге. Орите, стреляйте, на укрепления лезьте, но шибко не подставляйтесь. Пусть думают, что мы там штурм начнем.

Капитан кивнул. Попробовал бы он не согласиться! Командует Иван Сирко? Вот он и командует! Царевич приказал. Да и сам атаман... поди, не послушайся такого, рубанет от плеча до пояса... волчара желтоглазый.

На рассвете начался штурм Перекопа.

На правом фланге русские под командованием капитана устроили зверский шум. Было полное ощущение, что там собираются ворваться в крепость. Иван Сирко наблюдал за турками и, когда те сгрудились на правом фланге якобы для отражения русской атаки, махнул рукой.

– Па-ашли!!!

Казачьи ринулись вперед, словно голодные волки. Серыми страшноватыми тенями мчались они ко рву, который, на их счастье, оказался сухим, перекидывали заранее приготовленные доски, бросали фашины, протягивали друг другу руки... ров был форсирован так быстро, что Семен только что рот открыл. Иван Сирко сжал кулаки.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Эх, ему бы сейчас туда, рвануться в первых рядах... да нельзя.

Командир не рубит, командир командует.

Пушки, хоть и было их не слишком много, вели уверенный огонь по противнику. Да противник был такой...

Сотни лет никто на тот Перекоп, как надобно, войной не хаживал, откель же им привыкнуть было?

Казачи тем временем форсировали ров и взлетели на насыпь. И уже оттуда принялись швырять во двор крепости глиняные кувшины.

И вот тут понесся такой вой, что мальчишка зажал уши, а Иван Сирко, напротив, оскалился, усмехнулся зло и хищно...

Жалеть турок?

Татар?

Смеетесь вы, что ли, над честным казаком?

Ударяясь о землю, кувшины разбивались, содержимое их вытекало, разливалось горящими лужами, цепко хватало за ноги, взбиралось по одежде, перепрыгивало на других людей – и скоро во дворе крепости металось несколько живых костров, вызывавших безмерный ужас у обороняющихся...

Не так много было тех кувшинов, менее сотни, но эффект был... страшный.

Не привыкли турки к такому – вот и защититься не смогли.

Страшно...

А казаки прыгали вниз – и шла жестокая сеча, в которой не щадили никого. Блестели хищно сабли, лилась кровь на камни... и турки быстро начали отступать к крепости, где и забаррикадировались.

Казачи же занимали брошенные укрепления, добывая тех, кто пытался сопротивляться. Наконец турки остались только в одном месте – в крепости. И тут уж переговоры взялся вести атаман.

На турецком Иван Сирко говорил вполне неплохо, да и понимал, а потому в толмаче не нуждался.

– Эй вы, шакалы, – загремел его голос. – Либо вы выходите и сдаетесь в плен, либо я возьму вашу башню, а всяк, кто поднимет оружие, будет уничтожен.

– Ты кто таков будешь, чтобы Арслану-паше условия ставить?!

– Казачий атаман Иван Сирко!

Судя по молчанию, имя вызвало страх среди обитателей крепости.

– Мы здесь долго просидеть можем, – раздался чей-то голос из башни. – Припасов хватит.

Иван хищно ухмыльнулся.

– А у нас огня хватит. Да такого, в котором и камни горят. Обстреляем, так и стены ваши долго не простоят! Хоть и крепки они, да мы покрепче!

– Мы сдадимся, а вы всех перебьете!

Иван усмехнулся.

Ну все, считай, как только допустили мысль о сдаче – точно сдадутся. Это уже торг, не оборона...

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
И ведь пушки у них есть, хоть бы что попробовали сделать...

ТЬфу, нехристи!

Он ведь бывал здесь, и десяти лет не прошло, а вот довелось вернуться. Да по такому радостному поводу! Давно пора Крым своим сделать!

К вечеру были обговорены условия сдачи. Около двух тысяч турок выходят, а казаки честь по чести отпускают их. Но без пушек и огнестрельного оружия. Сабли и кинжалы – пусть оставляют, но не более того. Куда идти?

Иван сказал бы – куда, но... не стоило унижать себя руганью.

Так что дадим вам корабли – и катитесь себе к чертовой бабушке на потребу! Не поместитесь?

Так вы ж пленных гребцов оставите, сами на весла сядете – и будет сплошное благолепие.

А иначе никак! Никто вам души христианские не оставит, скажите спасибо, что корабли даем!

Конечно, условия были не царские, но вполне приемлемые – и турки согласились на них. Тем паче, что слово и имя Ивана Сирко им хорошо известно было. Равно как и то, что слово свое старый характерник не нарушал никогда.

С рассветом начался их исход из крепости. Они выходили из крепости, проходили мимо казаков, которые стояли с оружием на изготовку, грузились на корабли, на которых уже расковали всех гребцов и даже – а чего? не оставлять же! – сняли пушки, потом один из кораблей отплывал – и принимались загружать следующий.

Четко, спокойно, без суеты...

Когда все турки отчалили, отряд казаков в две сотни человек направился осматривать крепость – мало ли какой сюрприз устроили подлые нехристи?

Но все было чисто и тихо. Видимо, турки просто не сочли положение достаточно серьезным. Доходили ведь сюда уже казаки, и Ивана Сирко тут с прошлого раза помнили... и что?

Огневаается султан – и отдадут все обратно христианские свиньи, еще и кланяться будут! Так чего свое имущество портить?

У казаков было иное мнение, но турок они просвещать не торопились. Перебьются.

Оставив в крепости полторы тысячи человек и почти тысячу бывших пленнх под командованием своего сына Романа – и наказав ему держаться и держать всех в строгости, Иван Сирко отправился к Кафе, которую уже брал.

Настало время повторить веселье. Интересно, кто первый доберется до Бахчисарая? Он – или Алексей Алексеевич?

Ивану было искренне интересно! В кои-то веки он воевал, будучи уверен в своих победах. Их не пустят по ветру!

* * *

Григорий Ромодановский смотрел со стены на татарское войско, но тоски не испытывал.

Явились?

Ну, так здесь и поляжете! Сколько их здесь вприглядку? Тысяч десять турок да двадцать – татар. Много ли? Может, и много, но не когда у тебя пятнадцать тысяч в крепости сидит! И так бы отбиться хватило, чай, отражать – не захватывать, а ведь и кое-какие козыри есть!

А еще, судя по символике, здесь сам хан. Ну... тем лучше! Обезглавленное войско –

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru хорошо, обезглавленная страна – еще лучше. А пара сюрпризов у них есть, спасибо царевичу. На татар хватит.

Ромодановский ждал.

Ждал, пока к стенам не подъехал какой-то татарский мурза, ждал, пока не протрубили трубы, вызывая на переговоры. И только тогда кивнул. Теперь затрубили уже и на стене. Заплескались по ветру знамена.

Вперед выехало около десятка татар в раззолоченных одеждах, на горячих красивых конях, с драгоценным оружием...

– Эй, русский, с тобой желает поговорить великий хан!

Григорий молча ждал, пока не перечислили титулы великого хана и не огласили предложение.

Русским вменялось сдать крепость и выйти без оружия, после чего быстро убраться к себе и не показываться тут больше. Все, что есть в крепости, – в ней же и останется. Надо бы их вообще в рабство оборотить за коварные нападения на стойбища, но хан милостив. Так что проваливайте, пока вас палками не погнало!

Ромодановский молчал еще несколько минут. А потом издевательски рассмеялся:

– А у меня свое предложение! Мой государь предлагает крымскому хану сдаться! Тогда он будет доставлен прямиком к своему владыке-султану. В противном случае мы огнем и мечом пройдем по вашим землям за все века, когда вы разоряли наши земли! И пощады не будет!

Закричал что-то угрожающее переводчик. Но Ромодановский не слушал. Неинтересно.

– У вас три дня. Потом мы уничтожим ваше войско!

Хан что-то промолвил. Тихо, но было видно, что он в ярости. Отлично, этого Григорий и добивался.

– Через три дня вас погонят плетками на рабские рынки Кафы!!!

Ромодановский сплюнул вниз со стены и ушел. Чего с татарами разговаривать? Их бить надобно!

* * *

Штурм начался на рассвете. Татары ожесточенно стреляли из пушек. Но кто бы подставлялся?

Азов покамест не отвечал, хотя мог, еще как мог. Но – зачем?

Все было задумано интереснее.

И вот наконец татары бросились на приступ. Вот и ров... сухой? Валяются внизу какие-то деревяшки... к чему?

Татары закидывали его фашинами, и вот, уже, еще...

Во рву взметнулось пламя.

Яростное, бешеное, жестокое, в единый миг охватившее все фашины и тех татар, которые не успели отскочить. Ничего сложного тут не было. Просто продукты перегонки нефти были в большом количестве. Вот их и налили на дно рва чуть загодя. Прикрыли, чтобы не размыло, добавили промасленных тряпок, хвороста... а загорается это все в единый миг!

И ведь не потушишь просто так...

Почти сотня живых факелов с диким воем каталась по земле, поджигая тех, кто рисковал приблизиться, в воздухе запахло паленым мясом... и вот тут-то вступили пушки Ромодановского.

Совсем небольшие, корабельные, большая их часть вообще стреляла картечью, но сила была в другом. Пушки были установлены – и пристреляны именно в тех местах, на которых стояли. И палили они не куда понравится, а четко по квадратам.

А что такое картечь?.. Это раненые, убитые, искалеченные люди, это стон и плач, тут и силы большой не надобно. Тем более что, глядя на сгорающих заживо, замерла большая часть татарского войска. Лупи – не хочу. Чем пушкари и воспользовались.

Волна татар отхлынула, оставляя на земле убитых и раненых. И с новыми силами пошла на приступ. На этот раз во рву ничего не полыхнуло. Ромодановский подумал, что надобно бы ночью послать туда кого по потайному ходу. Пусть еще земляного маслица зальют, раз уж оно так татарам понравилось. Приветим гостей дорогих!

На этот раз пушки лупили с обеих сторон, но у осаждаемых было преимущество. Они знали – как, куда, они били почти вслепую, из-под прикрытия толстых зубчатых стен, им даже не надо было высовываться. Они знали – куда.

Татарам же требовалось пристреляться, а при точности их пушек ущерба они много не наносили. Так, в паре мест.

Но до стен таки добрались – за что тут же и поплатились.

Ой, не просто так ходили всю зиму ладьи, не просто так не останавливались кузницы. Не просто так тратились бешеные деньги...

Мало завоевать – ты еще удержи!

Наверное, хан весьма удивился, когда его воины, то один, то другой, принялись падать на колени, воя от боли. А объяснялось все очень просто.

Деревянные «ежи» с ходу и не увидишь. А вот ежели они заострены, ежели у них металлические наконечники – в ногу вопьются очень даже запросто. Пробьют сапог и нанесут рану.

Не опасную?

Была б она не опасной! Но там же грязи будет! Считаю – ногу человек потерял! Горячка, заражение крови, муки, боль... именно то, что пугает всех воинов больше смерти.

Конечно, штурм захлебнулся второй раз. Попробуй подберись к стене не опрометью, а внимательно глядя под ноги, тщательно прикидывая, куда бы наступить, да если еще со стены цинично кидаются камнями и стреляют из пушек картечью.

Хан отдал бы и еще приказ, но, судя по всему, турки не собирались ему повиноваться. А татары...

Конница?

Почти без доспехов?

И штурмовать крепостные стены?

Дураком Селим-Гирей не был никогда. Он отдал приказ остановить наступление и принялся подсчитывать потери. Ромодановский тоже подсчитывал их со стены и усмехался.

Более тысячи человек убитыми и ранеными. То есть убитыми не более сотни, но остальные-то! Дай бог, половина от ран оправится, а в строю и того не останется. Да и боевой дух упал ниже низкого.

Теперь они попробуют штурмовать иначе – копать рвы, подводить мины... так ведь и для этого способы есть!

Что ж мы, гостя не приветим?

Так отпотчует, что на своих не уйдет!

Слова с делами у Ромодановского не расходились никогда. И в этом случае тоже.

Откуда берется вода для питья? В основном из Дона, но из него так просто не попьешь, надо вином либо уксусом разводить.

А еще?

А из колодцев...

Заботливо оставленных по принципу – пейте, не подавитесь! Еще когда их перетравили!

Так что уже к утру Ромодановский наблюдал со стены первый результат – дикое количество мающихся болями в желудке лошадей и татар. И думал, что концентрация отравы таки слабовата...

Самое время ночью будет для вылазки.

* * *

– Присядь, старец, побеседуй со мной.

Симеон поклонился государю, послушно присел на стульчик из дорогого рыбьего зуба.

– Поздорову ли, государь?

– Да возраст уж... – Алексей Михайлович чуть смущенно улыбнулся. – Любавушка все ругается, чтобы я берег себя, а как тут обережешься? Когда сынок невесть где?

– Хороший у тебя сын, государь.

Алексей Михайлович чуть усмехнулся:

– Жаль, что вы с ним не ладите.

– Не моя вина то, государь. Просто молод еще царевич.

– Ну, на то и будем надеяться.

– Государь, разумно ли турок тревожить? Самим льву в пасть лезть?

Алексей Михайлович пожал плечами под узорным кафтаном – чай, не тронный зал, можно и снять ризы с бармами.

– Не мы к ним, так они к нам. А ведь и то верно, что лучше нам войну начать, чем их готовности ждать. Пусть на чужой земле пожары горят, не на православной.

– Прав ты, государь. Только боязно мне.

– А ты молись поболее, авось и сладится дело.

Симеон соглашался, говорил что-то умное и серьезное – и смотрел во все глаза на царя.

Вот он – владыка земли Русской. Царь, правитель, и власть его здесь чуть ниже Божьей. И – все. Он ведь и не знает, что его жизнь – в руках Симеона.

А вот Симеон знает.

Одно движение – и ниточка перетрется окончательно. Сам же он ее и оборвет.

Это – власть.

Это – наслаждение, которого еще поискать. Воля твоя в человеческой судьбе. Вот государь – и что?

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Кто ты, червь, пред властью ордена иезуитов?

Пусть наша власть тайная, но от этого еще более страшная и неумолимая.

Ничтожество...

Хотя ты еще и царь – и ты пока не знаешь о своей судьбе.

* * *

Михайла Юрьевич Долгоруков чуть сдвинул камень в перстне. Еще одна частичка отравы заняла свое место.

Крохотная. Совсем незаметная...

Кому легче отравить человека, как не доверенному стольнику? Подносишь вино – и пара белых крупинок падает в кувшин. Где без следа и растворяется.

Чем хорош этот яд – он медленный.

А еще – действует на сердечную жилу, сворачивает и сгущает кровь, заставляет сердце потухнуть...

Но есть у него и главное достоинство. Его надобно добавлять несколько недель, может, месяцев – и только тогда он возьмет свое. А ежели сам Михайла отпробует вина из царского кубка, ничего с ним не случится. Ну, сердце чуть быстрее зайдет – так это ж не страшно. Беда может случиться, только когда ежедневно принимаешь этот яд.

А царь, с легкой Михайлиной руки, так и поступает.

И поделом!

Нечего было моего отца... тварь худородная!

Кто такие Романовы рядом с нами? Выскочки, нищebroды, ничтожества...

Такого и убить не грех. Я ведь за отца...

* * *

Ян Собесский обходил лагерь.

Коронный гетман старался выматываться до такой степени, чтобы рухнуть в жесткую постель и забыться.

Думать не хотелось, но мысли злобно лезли в голову.

Любовь – это чудо?

Безусловно. Но когда ты понимаешь, что ты-то любишь, а вот тебя?.. Тут и начинается мучение. Иногда Ян желал стать угольщиком и жить в хижине, в лесу, лишь бы знать, что любят его. Не титул, не блестящего воина, а просто – человека. Яна...

Вот Ежи Володыевскому в этом повезло... Ян вспомнил, как Ежи вошел в Каменец после победы, как Бася стремительно бросилась к нему... она б и стену прошла не заметив, встань та стена на пути! И такое сияло у нее в глазах... ей-ей, так и Мадонна на сына, наверное, не смотрела. Всем было ясно, что для этих двоих друг без друга и жизни не будет.

А ему?

Марыся, как ты могла?! Травить беременную женщину!

А что потом?

Ян чувствовал себя премерзко, и даже предстоящая война этого не искупала. Хоть

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
голову на ней сложи, право слово. Да вот и того нельзя. У него еще наследников нет – предки проклянут. А ведь его матери Марыся никогда не нравилась...

Он-то в нее влюбился, еще когда она семнадцатилетней выходила замуж за Замойского... по расчету, опять по расчету...

Да видел ли он когда истинное лицо своей жены?!

– О чем размышляете, пан?

Молоденький епископ Станислав, отправленный в этот поход Анджеем Краковским, смотрел сочувственно. Он-то знал причину – Ян исповедался ему, хотя и нельзя сказать, что почувствовал себя намного лучше.

Ответа не потребовалось, стоило только увидеть тоскливый взгляд. Епископ вздохнул, дружески положил руку на плечо пана, разгоняя зловещие тени, прогоняя тоску.

– Верьте, пан, иногда мы не знаем, что творим, но Господь наш в неизъясимой мудрости своей ведает многое. Никогда он не сделает того, что будет чадам его во вред...

– И войны? И смерти?

– Нам не провидеть его мудрость. – Улыбка епископа стала вдруг лукавой. – Но скажу я так, что потомки наши, обозрев словно с высоты птичьего полета, деяния наши, и поймут, и не осудят. А пока взгляните – коли не напали б на нашу землю поганые нехристи – не было б и дружбы с русским царевичем. Бедой проверенной, ибо тогда и познается, кто друг тебе, а кто – простой приятель. И не пришли б мы на эту землю, чтобы освободить ее. А это дело весьма богоугодное...

– Так ведь многое оправдать можно, святой отец.

– Только Он никогда не ошибается, а мы грешны от рождения. – Мужчина пожал плечами. – Но сказано: не суди и не судим будешь. Так лучше оправдывать, чем судить. И лучше вести такие душеспасительные беседы у веселого огня с чаркой доброго вина, чем бродить в холодной темноте, приманивая тех, кого лучше не поминать к ночи.

На лице епископа расцвела лукавая улыбка – и Ян невольно улыбнулся в ответ. Да, рана болела, но если можно ненадолго забыть о ней... Грех не послушать умного человека!

– Да неужто вы, епископ, верите в нечисть?

– Как мне не верить, когда мы идем на земли, населенные нехристями?

Перебрасываясь шутками, мужчины направились к костру.

Ян не знал, что перед отъездом епископ имел серьезную беседу с королем – и полностью с ним соглашался.

Да, Ян Собеский – краса и гордость польского воинства и вообще польской земли. Но коли вот так жена его подставляет... может, она его и вовсе недостойна? И не следует ли заронить в разум мужчины сии мысли, дабы он не переживал так из-за современной Иезавели, которая собирается примерить на себя лавры то ли не тем помянутых Борджиа, то ли и вовсе – Медичи?

И епископ старался не за страх, а за совесть. Богоугодное же дело! Да и благодарность государя и государыни – не лишние, не так ли?

* * *

Темнота легла на землю. Ночь мягко скользила по степи, накрывая своим плащом и турок, и татар...

Ей хотелось успокоить всех живущих, убаюкать, нашептывать что-нибудь хорошее...

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
В Азове ее намерения потерпели сокрушительный крах.

Около трех сотен человек двигались по подземному ходу. Предводительствовал им Воин Афанасьевич, которого царевич, несмотря ни на что, оставил в Азове. Шел под его предводительством и старший сын Григория – Михаил Ромодановский. А и то – уж двадцать лет парню, пора бы пороху понюхать.

Что планировалось в ночной вылазке?

Порадовать гостей.

Греческим огнем, который несли с собой. Острыми саблями. А еще...

Не просто так назначена была вылазка, ой не просто.

Прилетел голубь, закурькал, а на голубе том было одно лишь слово.

Сегодня
Кораблям не так сложно было подняться по Дону.

Где будут располагать войско?

Да не так далеко от реки, иначе не набегаетесь! Особенно при отравленных колодцах, при куче скота, при обозе...

Вот с воды их и накрыли.

Галиоты тем и хороши, что могут нести не только, людей, но и пушки. Заряди их специальными картечными снарядами – и коси. К тому же часть пушек была заряжена специальными ядрами. Софья припомнила из прочитанного, что если на ядре выпилить рисунки и борозды, то оно будет лететь с воем.

Попробовали.

Оправдалось.

И четыре галиота в ночи накрыли весь татарско-турецкий лагерь огнем.

Зажигательные снаряды!

Картечь!

И на закуску – воющие ядра!

И на берегу Дона воцарился Ад.

Животные сходили с ума и носились в ночи, затаптывая всех, кто попал им под копыта. Людям приходилось не лучше. Обожженные, раненные, деморализованные...

Под огонь чудом не попал Селим-Гирей. Повезло, что его шатер стоял подальше от берега...

И тут с тыла ударили осажденные.

Сначала выстрелили из пищалей, потом пошли врукопашную – они-то и знали, и ждали, и все видели на фоне разгоравшихся пожаров, и сами поджигали, что на пути попало...

Рубили, резали, кололи...

Воин Афанасьевич внимательно следил за схваткой, оставаясь чуть в отдалении – и подавал команды трубачу. А как еще?

Как можно донести до всех приказ командира?

Только сигналом трубы. И громко, и турки с татарами не поймут.

Он отлично видел, как бежали деморализованные татары, как пытался собрать хоть

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
какой-то ударный кулак Селим-Гирей, как опомнились турки...

Довольно!

– Труби!

В ночи разнесся сигнал отхода.

Опять-таки, непросто бежать обратно к подземному ходу. Каждый десяток знал, когда ему уходить. Кто после первого сигнала, кто после второго – еще не хватало давку устроить или врагов за собой привести! Нет уж, у них до последнего должно создаваться мнение, что их тут сейчас всех перережут. А потому отходить надо медленно и организованно.

– Второй сигнал!

Еще сотня скрывается в темноте, добивая всех, кто на пути попадетсЯ.

Они ведь шли по четкому маршруту, чтобы не сосредоточиться в одной части лагеря. Ни к чему.

– Третий...

У каждой сотни был свой противник, свое оружие, своя задача, благо со стен Азова вражеский лагерь был отлично виден. И если планировалось шестой и седьмой десяток отправить к обозу – им были выданы зажигательные материалы. Смола в больших количествах, факелы...

А если кто-то напал с той стороны, где стояла конница, – тут больше к душе бомбы, сабли... там жечь ничего не надо. Распугать скотину и убивать противника...

Сам Ордин-Нащокин отходил с последней сотней. И едва успел скрыться. Помогло то, что корабли прошли сначала одним бортом мимо лагеря и как следует его обстреляли, а потом стали уходить обратно вверх по течению – и обстреляли противника второй раз. Ну и какие тут преследования?

СпастиСь бы!

У подземного хода их встречал Ромодановский.

– Ну, молодцы! Такой красоты! Такой прелести!..

Найдя взглядом своего потрепанного сына, он вообще расцвел улыбкой и стиснул Воина Афанасьевича в объятиях.

– Спасибо!

– Одно дело делаем. А что там у поганых?

А у поганых было плохо. Боевой дух они потеряли раз и навсегда, тем более что его и изначально-то немного было...

Селим-Гирей пока еще удерживал своих людей от бегства, но... надолго ли?

Ромодановский готов был поспособствовать. И даже пинка для скорости добавить.

* * *

Любава встревоженно смотрела на мужа.

Что-то как-то он последнее время начал на сердце жаловаться, одышка мучила...

Сонюшке, что ли, отписать?

Лекаря хорошего нужно, Блюментрост вряд ли справится. Или срок пришел? Не дай Боже!

Мужа Любава искренне любила. Скорее, правда, как отца, чем как супруга, но уж

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
как есть. А разве не за что?

Добрый, внимательный, заботливый, ласковый, на нее смотрит – аж светится, ну и сама Любава к нему привязалась. Странная, конечно, любовь, да уж какая есть.

У других эвон и того не бывает.

– Давит мне как-то, Любавушка, – пожаловался муж. Потер грудь напротив сердца.
Женщина захлопотала вокруг...

– Окошко распахнуть? Или лучше лампадку возжечь?

Но Алексей Михайлович молчал. И женщина с ужасом увидела, как бледнеет любимое лицо, как закатываются глаза...

– Лекаря!!!

Благо за дверью их покоев всегда были и слуги, и пара сенных девушек...

Слуга опрометью помчался к Блюментросту. Девушки же рванулись внутрь, осторожно оттеснили царицу, склонились к оседающему на кровать царю и захлопотали, как могли. Расстегнули кафтан, уложили поудобнее, открыли окно, впуская в душноватую атмосферу сырой воздух...

Антонина пощупала пульс на шее государя.

– Неладно, Поля... ой, неладно...

Вторая девушка – тоже из Софьиных, состоящих при молодой царице неотлучно, в три смены – посмотрела встревоженными глазами.

– Ты у Ибрагима лучшей была... что неладно?

– Сердце... оно словно сдаться надумало.

Девушка без стеснения прижалась ухом к царской груди.

– Полька, беги! Со всех ног к нашим беги!!!

– Что говорить?

– Дура ты, что ли?! – рыкнула Антонина. – Я при государыне останусь, она ведь в тягости! А ты скажи девочкам, что с государем неладно, как бы к утру Алексей Алексеевич царем не стал.

– Он же... ой!

– Сообразила?

Дур у Софьи отродясь не водилось. А потому Полька подхватила подол и что есть мочи рванулась из горницы. Срочно! Гонцов!

К царевне-матушке, пусть знает, пусть приезжает!

К наставнице Лейле, а точнее, к ее супругу – Патрику Гордону. Мало ли что...

К Ордину-Нащокину...

К Феодосии Морозовой...

Пару переходов девушка одолела с лету, да наткнулась на парня.

– Далеко ли торопишься, красавица?

Михаил Юрьевич, а это был именно он, держал девушку на вытянутых руках.

– Пусти, боярин! – Поля сверкнула глазами, но куда там. И ведь не бить же его,
Страница 55

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
бессмысленного! Не ведает он, что на кону стоит!

– За поцелуй выпущу...

– Пусти, боярин! Государю совсем плохо, лекарь нужен!

Выпустил. В лице изменился.

– Го-сударю плохо? Ну, беги...

И такая интонация у него была... как ни в раздрыгге чувств была сейчас Поля, а все ж тон его запомнила, но не оглянулась. Она потом все расскажет. А сейчас – важнее дела есть!

А пока добежала – и паниковать перестала.

Надо работать...

* * *

Патрик Гордон внимательно выслушал жену. И кивнул.

– Поеду я в полк. К тебе людей пришлю, человек с десятков, ежели что – они знают...

Лейла прикусила губу... неужели опять начнется?

Бунт, кровь, люди обезумевшие?

Но мужа поцеловала крепко.

– Береги себя, любимый...

Дети тоже подошли обнять отца. Старший, Иан, которого здесь звали Яшкой, посмотрел на отца:

– Пап, а можно мне с тобой?

– Сейчас пока нет. Но ты останешься защищать маму и младших, – обстоятельно разъяснил Патрик. – Вот, возьми...

В маленькие ручки лег совсем большой и настоящий кинжал. Яша вытянулся, сверкнул глазами:

– Клянусь!

А Патрик уже спешил в полк.

* * *

Афанасий Ордин-Нащокин выслушал девушку внимательно. И тут же закричал дворне.

Собираться, закладывать карету... он обязан быть в Кремле. Мало ли что...

Маша схватила боярина за рукав:

– Можно мне с вами, обратно?

– Там опасно может быть.

Афанасий и не думал отмахиваться от девчонки, понял уже, на что способны Софьины воспитанницы. И верно, из рукава Маши скользнул, проблеснул холодной сталью тонкий кинжал. Оружие убийцы, способное и скрыться в рукаве, и вонзиться под ребро, и перехватить горло. Равно опасное и в мужских – и в девичьих руках.

– Сейчас везде опасно. Я ведь все равно обратно.

Ну да. Ночью, по улице... как и сюда добежала, и ведь не убоялась? И обратно не испугается. Пусть ее тати боятся.

– Со мной поедешь. Где карета?!

* * *

Симеон не был бы до конца Симеоном, ежели бы не придумал, как дело повернуть. Война – это ведь всегда хорошо, вернется Алексей Алексеевич али нет – никому не известно. А потому и у трона должен быть настоящий князь!

А кто?

А Иван Андреевич Хованский. Древний род, еще от Гедимины ведет свою родословную... да и сам князь – что надо. В Литве отличился, со стрельцами общий язык нашел, полки за него в огонь и в воду – зато с государем общего языка не нашел, за что и был частенько руган.

А еще – глуп, болтлив, самонадеян, переругался со всей высшей знатью. И прозвище говорящее – Тараруй! Болтун, пустозвон... самое то, чтобы проредить кого надобно!

Первым делом, конечно, царицу с ее выродком! Ни к чему романовское семя оставлять!

А потом...

Руки старца сами собой сжались в кулаки.

Дьяково!

Вот откуда нечисть-то ползет! Вот где инакомыслие! Всех, всех уничтожить, растереть в порошок, забыть, как зовут!!!

Попомнят они свою спесь и глупость! да поздно будет!!!

Старец просто не смог принять простую истину. Хоть и говорили ему, что за спиной Алексея никто не стоит, а советуется он разве что с царевной Софьей, но услышать – одно. А вот сердцем принять и поверить...

Ну, БАБА же!!!

Где уж ей чем-то командовать? Разве что цветочки вышивать!

Не знал старец, как генеральши командуют генералами, просто не подумал в силу своего опыта, что за спиной Алексея может стоять его сестра. Вот и не подослал убийц, не подумал, как ее нейтрализовать...

К чему?

С Хованским было уже переговорено, и не раз, а потому как только весточка прилетела из дворца от Долгорукова, так сразу и направился старец к Ивану Хованскому.

Пусть стрельцов поднимает, кричит, что Милославские царя убили!!! Самое то для толпы – от злого семени и следа не останется!

* * *

Софья даже не особо удивилась, когда по двери ее спальни загрохотали кулаки. Просто взлетела с кровати и откинула засов. И предстали перед ее глазами две девушки и молодой человек самого неприметного вида.

– Что случилось?

– Царь... кончается!

Молодой человек едва дышал, но был настроен решительно. Софья задохнулась, взялась рукой за горло.

Бунт?

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

На миг, лишь на единый миг она стала той взволнованной девчонкой, которая трепетала перед толпой... но это было давно!

Тогда ее спасли. Сейчас же...

Ей не пять лет!

А бунт... Не допущу! Костыми лягу!!!

– Рассказывай. Ты кто, откуда... Девчонки, помогите сарафан натянуть! Да не тот летник, охотничий!

Софья метнулась за ширму. Парень свекольно побагровел, но приказ был ясен. И он принялся рассказывать.

Зовут его Андрейка, он на конюшне служит у государя, помощник конюха...

Как в гонцах оказался?

Нравится ему одна из служанок государыни, Полина. Красавица, умница, да и он ей, кажется, тоже по сердцу. А потому, когда прибежала она сегодня на конюшню и сказала, что он должен ехать в Дьяково, к царевне, повиновался тотчас. Знал – просто так она не попросит.

А не просто...

Просила она сказать, что царь-де совсем плох, что смерть в гости ожидать надобно с часу на час, что недоброе у нее предчувствие... что-то черное затевается...

Свел коня, так что теперь вся надежда на государыню...

Софья кивнула. Уж что-что, а отмазать мальчишку она – отмажет. К себе в Дьяково заберет, а коли не напрасно шум подняли девушки...

Глядишь, и конюхом станет при экспериментальном табуне.

– Ничего Полина передать мне не просила?

– Сказала, что иногда и в ночи малиновка поет. И все. А к чему то, государыня, и не понял я.

Зато Софья поняла. Такие фразы у них у всех были. Кодовые, заветные, и использовать их можно было в крайнем случае. Вот, как сейчас, показать, что взаправду все... Малиновкой они в школе Полю и прозвали – пела она звонко и чисто. И Поля знала: коли скажет она эти слова, царевна поймет. И придет.

– Звать тебя как?

– Андрейка. Воробей.

Софья кивнула, появляясь из-за ширмы. Что-то непривычное было в ее облике сейчас, но Андрей так и не понял – что? Да и откуда ему разбираться в дамских модах?

А просто сарафан под летником был очень просторный, не стесняющий никаких движений, и сам летник сшит так, что скинуть его Софья могла в единый миг. Рукава короткие, шелк тонкий, по подолу клинья вшиты, чтобы ноги свободно двигались, ни камней лишних, ничего.

Вроде бы и простое одеяние, но сам цвет какой...

Алый с золотом. Как царская одежда. На голову – венец. Простенький, но царевна ведь.

– Сонюшка!

Вбежала в светлицу царевна Анна. Софья посмотрела на нее остановившимися

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

глазами:

– Тетя, кажется, царь кончается.

Тетка схватилась за горло, другой рукой вцепилась в дверной косяк. Софья подошла к ней, встряхнула:

– Не время! Тетя, найди мне пана Володыевского! Срочно!

Анна закивала и исчезла за дверь.

Софья вздохнула и принялась отдавать приказания. Может, и преждевременные, да ведь потом их уже не отдашь. Поздно будет.

Погрузить, привезти, отправить гонца... Срочно!

Пан Ежи долго ждать себя не заставил. Даже в двери стучать не стал.

– Государыня?..

– Ежи, – Софья тоже не церемонилась. – Государь, похоже, умирает. Выдвигай всех, кого можешь, к Москве, ежели бунт поднимется – идите к Кремлю. В бунтовщиков стрелять, давить их, на месте раскатывать, на заборах вешать – ты понял? И чем жестче, тем лучше. Потом все спишется, Богом клянусь, никто тебя тронуть не посмеет. Но что такое бунт – ты сам знаешь. Никому не уцелеть, на месте школы пустошь останется...

Ежи кивнул.

– А ты, государыня?

– А я вперед поскочу.

– Одна?

– Двоих с собой возьму...

– Невместно сие!

– Плевать!

Софья и сама удивилась, как из нее это вылезло, ан, жива оказалась девчонка закалки девяностых.

– Ежи, бунт все спешет. А коли нет... Перед отцом я сама отвечу. Богом клянусь...

Пан Володыевский и сомневаться не подумал. Будь на месте Софьи кто иной – не пошел бы. Но царевну он уже успел оценить, еще как успел. Эта ни кричать, ни плакать не станет. А вот выстрелить в лицо может. В упор.

И сокрушаться не о жизни человеческой будет, а о том, что ей кровью платье заляпало. И все же не спросить еще раз не мог:

– Вы уверены, государыня?

И наткнулся на тяжелый взгляд темных глаз. Уверенность? Нет. Сама смерть.

– Я сейчас в Москву. Там разберемся. Ежели от меня кто – тебе зеленую ленту покажут и приказ передадут, остальным не верь.

– Хорошо, государыня.

Ежи сорвался с места. Софья тоже ждать не стала.

На конюшню! И пусть коня седлают!

Да, пусть и кое-как, но верхом она ездила. Умела – и сейчас продержится в седле, что бы ни случилось. Пусть по-мужски, пусть не подобает, но в карете она черт

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
знает когда в Москву поспеет! Казаки уже седлали для царевны коня, еще пару для
ее спутниц – не одной же ехать...

Через пять минут на дороге только пыль столбом взметнулась. Царевна, две девицы
с ней да десяток казаков – все наметом скакали к Москве, загоняя коней.

То самое шестое чувство, не покидавшее Соню в лихие девяностые, било внутри
набатом.

Успеть!

Ус-петь, ус-петь...

Только бы успеть!!!

* * *

Любава сидела возле мужа, стискивая его холодную руку в своих горячих ладонях.

Неужели?

Как же теперь?..

Мысли скакали испуганными зайцами. Было страшно, тоскливо и очень больно.
Неужели этот человек уходит?

Рядом мелькали чьи-то лица, кто-то что-то говорил... женщина сосредоточилась.

Блюментрост с таким лицом, что смотреть не хочется – тут и горе, и осознание
своей беспомощности, и ожидание наказания.

А еще Лукиан Кириллов – спрашивает что-то... что?!

Не стоит ли государю чин принять?

Значит...

Любава закивала, как марионетка. И еще крепче вцепилась в родную ладонь.

Пока еще теплую...

Господи, не забирай его у меня!!!

* * *

Тем временем Иван Хованский вел свой полк к Москве. А на площади...

– Горе! Идет великое горе! Царь наш кончается, а кто на трон сядет!? Алешка,
который с басурманами породнился?! Сестру за католика выдал?! Загубит он веру
православную, как есть загубит!! кукишем креститься будем!!!

Юродивый бесновался перед собором Василия Блаженного, плюя слюнями во все
стороны. Собственно, не такой уж и юродивый, но надо же как-то «зажечь» толпу?
Не бунтовать ведь силами одних стрельцов?

Хотя и у них шла похожая пропаганда, только там упиралось на то, что Алексей
Михайлович древние обычаи чтит, а Алексей Алексеевич глуп и стрельцов
обязательно разгонит. Потому как не ценит опору трона и не уважает.

Люди подтягивались, слушали...

Но ежели у стрельцов остановить крикуна было некому, то здесь...

Чавк!

Гнилая репа обладает неплохими поражающими свойствами.

– Да кого мы слушаем! Этот крикун раньше у Матвеева слугой был! – Голос был

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
звонким и ясным. – Вот он языком своим царевича и поганит, изменник пакостный!
Слово и дело государево!

Этого оказалось более чем достаточно. Народ начал расползаться, недовольно ворча. Но попасть под руки стрельцам никому не хотелось.

Стрельцы же сейчас были заняты.

Часть шла за Иваном Хованским, часть слушала и его сына Андрея, который обещал денег, вольности и славу. И уважение к стрелецким нуждам, а то как же!

Впрочем, не все.

Находились и те, кто по одному, по двое тихонько выходили из толпы – и растворялись в московских переулках. Не все забыли, что такое честь. И сейчас тихо шли туда, где царя не предавали. К полкам Гордона, за город.

* * *

Ежи Володыевский собирал людей. Свой отряд, да те, кто школу охраняет, да часть учеников, да часть учителей – вот и вышло порядка четырех сотен. Мало, да лучше, чем ничего.

– Мы сейчас идем к Москве. Ждать приказа царевны. С царем неладное что-то, как бы худого не умыслили, – говорил пан коротко и по делу.

А к чему рассусоливать?

– Ничего не бояться, если остановить попробуют – сразу не стрелять, только по моей команде.

Оговорка была серьезной. Уж чего другого, а пистолей в школе хватало. Ученики и тренировались с ними, а не с тяжеленными пищальями.

И выстрелить еще как могли!

– А коли на нас первыми нападут?

– Тогда все позволяю, – решил Ежи.

– Стойте! Мы с вами!

Царевны Анна и Татьяна решительно спускались с крыльца. Какие там приличия, какие там пологи...

Брат умирает!

За ними поспешал протопоп Аввакум.

Ежи посмотрел на них долгим взглядом. Запер бы где-нибудь, но не запретишь ведь? Хоть и не место царевнам там, где власть меняется!

– Возок заложен, – донеслось со стороны конюшни.

Царевны направились туда. Анна поглядела на пана:

– Пан Ежи, для нашей охраны дозволяем любые действия.

Ежи кивнул. Он так и собирался поступить. Пану здесь было вполне неплохо, уютно, и позволять кому-то все разрушить? Ну уж дудки! И вдруг, ухмыльнувшись, он вспомнил слова царевны Софьи.

Война все спишет.

* * *

Для Любавы время остановилось. Шептал что-то духовник, причитал неподалеку Блюментрост... и только когда из уголка рта супруга потекла белая пена, а пальцы

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
конвульсивно сжались, она очнулась.

– Алешенька!!!

Он уже не слушал и не видел.

Голубые глаза были широко распахнуты, но смотрели уже куда-то вдаль. За пределы покоев.

– Алешенька!!!

Любава закричала, забилась.. кто знает, что бы она сделала, но ее миглом перехватили сильные руки верных девиц.

– Тихо, государыня! Ну-ка, глотните...

Успокоительное Блюментрост по их просьбе сварил заранее. А то ж!

Государя уже не откатать – это он видел. А государыня... как бы дитя не потеряла! Так что обезумевшую от горя царицу перехватили и утащили за собой, не переставая вливать горький опийный настой. Вредно, да ладно уж! От одного раза беды не будет.

Выругался неслышно, едва шевеля губами, Ордин-Нащокин, черной гадюкой выскользнул из царских покоев Симеон.

Михайла выскользнул вслед за ним.

– Поднимай народ, пусть кричат Хованского на царство, – шепнул старец.

Лицо его заострилось, глаза мертвенно блестели в пламени свечи...

Михайла кивнул, хищно ухмыльнулся:

– У нас кольчуги под одеждой, ножи есть... Еще как закричат!

Патриарх принялся креститься и молиться. Цепочкой потянулись бояре – целовать руки покойного. За этим никто и не заметил, как увели обеспамятевшую царицу. Впрочем, все понимали, что толку от нее сейчас не дожدهшься.

Слаба, от горя себя не помнит...

Куда ей что в руки взять? Одно слово – баба!

* * *

Симеон не был бы иезуитом, если бы не просчитывал многое наперед. Многое, да не все.

Избыть Романовых он решил еще до отъезда Алексея Алексеевича в полк – и последовательно проводил свое решение в жизнь.

Первое – Алексей Михайлович.

Стар, слаб... ну, с ним кончено. И даже замена ему найдена.

Второе – Алексей Алексеевич. Вот тут... Было, было несколько людей в войске, которое с ним шло, были они и в войске у поляков, но тут Симеон уже ничего сделать не мог – все решит война. Ежели сам сопьяк не уберется – хорошо. Если уберется... ему помогут. Еще как помогут.

Но это сейчас от него не зависело. А что зависело?

Кремль и Дьяково.

Нельзя допустить, чтобы на трон сели Федька или Ванька Романов. Нет, никого из мужчин Романовых остаться не должно.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Да и Дьяково – выжечь там все до последней щепочки! Огню предать, всех трупами положить – и царевичей, и царевен – где это видано, чтобы девки из теремов невесть куда сбегали?!

Но на то послано уже полсотни верных людей.

Окружат незаметно, красного петуха пустят, возьмут в ножи... вот только Володыевский... но и того издали снять можно. Для хорошего лучника – это не беда.

Хоть Сильвестр и рассказывал учителю об увиденном, да вот беда – видел он не так много. До конца ему не доверяли, вот и складывалась неполная картинка. Так что Симеон заблуждался, когда полагал, что пяти десятков татей на все хватит.

Нет, так бы... ежели ночью, да враспloch застать, да всей кучей навалиться – тогда да.

Только вот в Дьяково давно уже никакого «враспloch» не получилось бы. Но о том «старец» не знал.

И потому удовлетворенно ставил галочку.

Дьяково – то да. Сожжем.

Кремль.

Вот тут...

Как сказал мудрый человек – убивайте всех, Бог узнает своих.

Разве что пару царевен оставить. Дуньку, Катьку там или Машку... Надо же придать смене власти легитимность.

А царица?

Молодой царевич Владимир?

Ну... зато он еще нагрешить не успел. Прямоком в рай попадет, так что это почти благодеяние. И вот тут-то надобно самому проконтролировать. Ибо Хованский во многом пустомеля. Еще недоделает чего...

Надо, надо быть рядом, когда все начнется. И ежели что... яд всегда при нем. Вот кинжал... с оружием у старца были плохие отношения. Не сподобился. Но и яда хватит.

* * *

Софья летела к Москве, словно стрела, выпущенная из арбалета. Не становись на пути – пролетит насквозь и даже не застрянет!

А разум работал, словно мощный компьютер. Разум перебирал варианты, сравнивал, отбрасывал ненужное.

Болезнь? Нет, отец не жаловался. Да и известно было бы.

Умысел? Разве что...

Просто срок пришел?

Последнее очень вероятно. Только откуда такая тревога? Почему так свербит в пальцах и тянет запасть оружием?!

Своим предчувствиям Софья доверяла, отлично понимая – это не просто так. Что такое предчувствие? Это те обрывки, которые ты увидел, запомнил, не связал с чем-то, а они вцепились в подсознание. И требуют, приказывают не игнорировать их!

Вот и не будем!

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Слишком мало данных для анализа, слишком...

И когда впереди горестно зазвенела колоколами Москва, поняла, что не напрасно. Всадники и не подумали замедлить ход. Куда там остановиться, перекреститься... не до того! Вперед и только вперед!

Видимо, этой ночью Бог был на стороне Софьи, потому что, не доехав еще до Москвы, она наткнулась на полк Гордона. Только сначала она даже и не поняла, кто это. Выдвинулась из темноты масса людей, оцетинилась пищалями...

Девушка резко осадил коня. Тот захрипел, затанцевал на месте, но сейчас она и с чертом бы справилась. Нежная девичья ручка так дернула узду, что конь мигом присмирел.

– Стой! Кто идет!?

– Государыня Софья! – крикнул в ответ казак из ее сопровождения. – А вы кто такие?!

Пищали опустились.

– Государыня!

Софья вгляделась. Ей знаком был этот силуэт, этот голос...

– Патрик?! Гордон?!

Уж на что она не верила в Бога, но тут рука сама дернулась перекреститься.

– Господи, спасибо тебе!

– Государыня, вы... есть... куда...

От шока шотландец забыл половину русских слов. Еще бы, не каждый день такое встречаешь на дороге – чтобы царевна, с крохотной охраной...

В просвещенных Европах – и то в диковинку бы, а уж в патриархальной Руси-то! Софья резко выдохнула – и мгновенно собралась:

– Вы здесь откуда?

– Из дворца прибежали, от государыни, сказали беспокойно на Москве, ну я и решил...

Софья выдохнула. Хорошо хоть Любава в уме... хотя сильно на нее рассчитывать не стоит. Сейчас впадет в расстройство чувств – и, кроме рева, от нее ничего не добьешься.

Это в ней и не правилось царевне. Она себе в девушки и воспитанницы выбирала тех, кто в стрессовой ситуации собирался и начинал бить лапами, а Любава шла на дно. Ей, конечно, тоже нашлось применение, но... что бы Софья ни дала за умную и решительную царицу здесь и сейчас?

И работающую в команде.

А не расплата ли это за Нарышкину?

Мысль мелькнула и исчезла.

– Что именно творится на Москве?

– Хованский народ поднимает. Стрельцы, кто верным остался, бегут оттуда, говорят – зазря погибнуть не хочется, а только и Тараруя слушать – себя не уважать.

Софья оскалилась так, что шотландец едва не шарахнулся. Сейчас на него сама смерть глядела через темные царевнины глаза. Искала, выбирала жертву, ощупывала души ледяными руками.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– Хорош-ш-шо-о-о, – прошипела Софья. – Бунт? Гордон, вы верны моему брату?

Патрик молча кивнул. Софья могла бы спросить – верен ли он ей, все равно ответ был бы тот же. За такую жену, как Лейла, за детей, за должность и милость, да просто за уважение...

– Кто с оружием встретит – зарубать нещадно. Крикунов стрелять, не вступая в переговоры. Остальное – по моему приказу. Никакого Хованского на Москве не будет. – Глаза царевны горели адским огнем так, что Патрик даже поежился.

Откуда ж ему было знать, что сейчас на него смотрит женщина, прошедшая девяностые. Когда каждый день под смертью ходишь, да не под простой, когда родными и близкими рискуешь... что-то в душе ломается. А что-то срастается так, что и не разломишь.

Софья решительно направила коня в сторону Москвы, не ведая, что с другой стороны в город входит во главе своего полка Иван Хованский.

* * *

Софье повезло еще и в том, что она разминулась с татями. Маленький отряд сделал ставку на скорость – и не прогадал. А еще...

В Дьяково, как и в любое другое село, вела одна дорога, а вот в Москву – несколько, в зависимости от того, какими воротами надобно было в город въехать.

И в то время, как тати двинулись скорым ходом в Дьяково, Софья решила не ломиться напрямую в Москву, а для начала придать себе чуть больше веса.

В качестве утяжелителя был выбран полк Гордона, стоящий под Москвой, благо Софья знала где. Туда и направилась. Время она на этом, конечно, потеряет, с дороги свернет, но так на душе спокойнее.

Вооруженная сила, да в сочетании с решительностью и правом отдавать приказы – страшная штука. И где-то на последней трети пути Софья разминулась с катями, посланными и по ее душу.

А вот пан Володыевский не разминулся.

Он и задержался благодаря сборам и царевнам и двигаться с такой скоростью, как Софья, не мог, а потому отставал от нее. А еще...

Они ведь шли в Москву, не зная, что их там ожидает. Но отрядом, а потому вперед был выслан авангард. Совсем небольшой, человек десять. Поляки, казаки...

А что бывает, когда обоим надо – и в противоположном направлении?

Наемники решили, что это кто-то из Дьяково, – и справедливо. Но далее они решили, что это – весь отряд. И напали, не утруждая себя размышлениями.

У них-то был приказ!

Им надо было дойти и уничтожить. А ежели сейчас пропустить... ведь не получится ни тишины, ни скрытности!

Они напали без предупреждения, но в авангарде были не вовсе уж зеленые сопляки. Завязалась жестокая ночная схватка, в которую и врубился Ежи, не сильно разбираясь, кто там обижает его людей.

А как он мог поступить иначе? Притом что у него под охраной было несколько членов царской семьи? На его людей напали? Пусть даже по ошибке, но ошибки – они разные бывают.

Попробовать остановить схватку и начать мирные переговоры?

Поверить, что те, кто в отряде, идут к нему на подмогу?

Вот уж чем-чем, а доверчивостью Ежи никогда не страдал. А потому...

Ночной бой получился жестоким, кровавым и достаточно коротким. За луки и мушкеты никто схватиться не успел, все решили сабли и кинжалы. А уж ими в его отряде владел каждый, да и людей в отряде было куда как поболее, чем налетчиков.

Закипела сеча, за которой с выражением страха на лице наблюдали из кареты прижавшиеся друг к другу царевны Татьяна и Анна.

Сабля к сабле, конь к коню, хрип, крики, кое-где взблеск факелов... страшно-то как, ой, маменька!

А ежели Соня?..

Она ведь раньше ускакала...

Господи, защити и оборони!..

Пану Ежи понадобилось не более сорока минут, чтобы размазать нападающих ровным слоем по дороге, а потом и обыскать их.

И появившиеся на свет вещи не порадовали.

Факелы, оружие, причем как пищали, так и самострелы, и масло... а зачем им, собственно, масло? Дорога тут только одна, к Дьяково, к школе... и? Что могли делать эти люди? Что они хотели сделать?

С маслом и прочей снастью поджигателя?

Двери смазывать? Ночью?..

Живых, жаль, почти нет, кто сразу не сдох, тот долго не протянет, ночью пленных брать не получается. Ежели кто и удрал... На одного-двоих можно и внимания не обратить, они в Дьяково нанести вред не смогут. Там и патрули стоят, и секреты... и все равно...

Ежи представил, как вот эти тати в ночи подбираются к Дьяково, как летят стрелы с огнем, как безжалостно уничтожают выбежавших в панике людей... и Бася ведь там!

Его аж шатнуло от ярости.

Сейчас – да, именно сейчас, он готов был убивать. Жестоко и немилосердно. Всех, кто подвернется под руку.

Царевна сказала, что война все спит?

Богом клянусь... она еще и не то спит!

Отряд продолжил движение, но теперь уже Ежи нещадно гнал людей, тоже боясь не успеть. Недаром, ой недаром царевна так сорвалась. Боялась чего?

Почувствовала что?

Все одно – ей решать, ему за спиной стоять, чтобы никто не то что руки не поднял – рта не открыл! И с этим он справится!

* * *

Патриарх стоял на красном крыльце, чуть пошатываясь от слабости.

Возраст, болезни...

Народ смотрел на него и волновался.

– Православные! Государь наш, Алексей Михайлович умер! Теперь государь наш – Алексей Алексеевич!

Чего ожидал старик?

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Согласия, в крайнем случае легкого ропота... но уж никак не дерзкого свиста и криков.

– Не люб! – заорал, надсаживаясь, кто-то. И другие голоса подхватили: – Не люб!!!

– Не хотим романовского щенка! Давай настоящего государя!!! Хованского давай!!!

Случайные люди, оказавшиеся на площади, начали расползаться, словно тараканы, отлично понимая, что ничем хорошим это не закончится.

Патриарх побледнел:

– Православные, одумайтесь! Государю его сын наследует...

Бесполезно!

Будь на его месте Никон, тот же Аввакум – иначе бы было! Те могли увлечь толпу за собой, могли затянуть... Питирим же, хоть и был человеком неплохим, но лидером не был. Не те годы, не та порода...

Его перекрикивали, свистели, едва что не закидывали дрянью... и что тут сделаешь?

– Хованский люб!!!

– Здесь я, православные!

На площадь медленно въезжал князь Тараруй. Питирим воззрился на него бараном, глядящим на новые ворота. И потерял инициативу окончательно. Иван Хованский спрыгнул с коня, взлетел на крыльцо к патриарху...

– Вот я, православные! Люб ли?! Хорош ли?! Все для вас сделаю, всю жизнь на благо народа служу...

Иван Хованский разливался соловьем на жердочке. Люди смотрели, слушали, а что еще Тарарую надобно? Век бы так говорил, тем паче, что и в толпе его поддерживали криками, подбадривали, стрельцы свои тоже кричали – любо! Хованского на царство!..

Питирим медленно бледнел на крыльце, из окон смотрели бояре, хватались за голову преданные Романовым люди...

Еще немного, и ситуация окончательно выйдет из-под контроля...

– Не дело ты творишь, Иван!

Ордин-Нащокин не мог не выйти. Его сын женат на одной из царевен, его внуки наполовину Романовы, если сейчас династия сменится... что тут скажешь?

– Алексей Алексеевич хорошим царем будет, а ты сейчас, коли на престол сядешь, в крови по уши замараешься. В детской крови! И никто тебя от нее не отчистит!

Но если у Хованского были и помощники, и подстрекатели, то у Ордина-Нащокина был только его опыт. Даже на Милославских сейчас рассчитывать не стоило – разыскать их в Кремле и то было сложно. Помнили они Медный бунт!

Над площадью разнесся залиvistый свист.

– Гнать!!!

– В шею!!!

– Не любо!!!

В боярина полетела грязь, мусор... Афанасий что-то пытался говорить, но куда там! Да и где ему, старику, было управиться с Хованскими.

– На копыта его!!!

Толпа ревела и ворочалась, как опасный дикий зверь. Она еще только просыпалась, эта толпа, только ощущала запах и вкус крови, но уже была опасна. Уже неуправляема...

Ордин-Нащокин побледнел. Но уйти он уже не мог. Андрей Хованский, мигом взлетев на крыльцо к отцу, ухватил Ордина-Нащокина за ворот роскошной шубы.

– Православные!!! ловите!!!

Но столкнуть мужчину с крыльца он не успел.

Выстрел прогремел неожиданно для всех. Во лбу младшего Хованского расцвел алый цветок. Кровь брызнула вокруг вперемешку с мозгами – заднюю часть черепа мужчине просто снесло.

Замолк Иван Хованский. Осел, схватившись за сердце, Ордин-Нащокин.

И в абсолютной тишине прозвучало злое:

– Кто-то еще хочет высказаться?

* * *

Софья едва пробилась к площади. Помогало то, что она ехала во главе отряда. На царевну в настолько неподобающем виде народ реагировал очень однообразно. Либо пучили глаза и разбегались по домам – разносить сплетни. Либо – пучили глаза, отходили с дороги и потихоньку следовали за отрядом. Но ни в том, ни в другом случае – не мешали. Себе дорожке выйдут.

И к Кремлю Софья выехала как раз, когда толпа заволновалась.

Пара секунд у нее была. А пистолы и пищали ее отряд заряжать начал, стоило им в Москву въехать. Чтобы схватить за рукав ближайшего казака и указать цель, Софье хватило одного слова.

– Убить.

Мужчина понял ее правильно. Миг – и голова Андрея Хованского разлетелась гнилой тыквой. Все замерли. Софья оценивала обстановку.

Так, народ пока не подняли, но смутьянов тут хватит.

Хованский... удастся ли?

А если нет?

Выбора все равно не было. Если сейчас она отступает – ее все равно убьют. И не только ее.

Если она принимает бой – ее, может быть, убьют. Но только ее и сейчас. Для остальных она выиграет время.

Выбор был очевиден.

Толпа молчала в ответ на ее реплику, и Софья тронула коня. Спокойно, словно перед ней не толпа была, а так – поле с ромашками.

– Стрелять только по моей команде, – приказала она сквозь зубы.

Спутники кивнули.

Народ расступался. Пока – молча. Но Софье и того хватило. Она спокойно доехала до красного крыльца, смерила обстановку взглядом.

Афанасий вроде как жив. Кажется, сердце прихватило, но разбираться некогда. Потом, если выживем.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Хованский приходит в себя. Иван. Андрея и Страшный суд уже не поднимет!

Патриарх... не зря она не хотела Питирима.

Стоит, трясется, как козел на случке! Ты ж сейчас таким глаголом должен разразиться... а ты?!

Говорить с толпой бессмысленно. Надо устранять причину.

– Ты, Ивашка, никак бунтовать вздумал? – с изрядной змеиной ласковостью обратилась Софья к Хованскому. И мужчина даже шагнул назад.

Смерть, глядящая из темных глаз царевны, знала, что не останется сегодня без поживы. И приговор был утвержден.

– Отец мой умер, брат мой отечество защищает, а ты народ взбунтовать решил?! Как мило...

Софья шла напрямик на боярина – и тот невольно отодвигался. Люди не видели ее лица, да и видели бы... Кто бы сказал Софье, что она словно на тридцать лет постарела. Что сейчас лицо ее было не девичьим, нет. В этот миг из-под девичьей внешности проглянула ее истинная душа – и это было страшно. Словно смерть-старуха с яростными глазами надвигалась на Хованского.

– А ответь мне, Ивашка, своей ли смертью отец мой умер? Али ты его ядом заморским отравил?

Софья била наугад, но попала в точку. Иван не травил, но знал. И это отразилось на его лице. Он открыл рот, что-то вякнул, но вот тут Софью понесло. А взбешенная женщина страшнее любого цунами:

– Цареубийство, значит? Что, православные, слушаете? Гордитесь собой! На вас на всех грех великий! Этот негодяй батюшку моего убил! Царя вашего богоданного, коего вы сами на царство кричали!

– Рот заткни, девка наглая! – выверился Хованский, понимающий, что если он сейчас не перехватит инициативу...

Зря он.

Что в руках у Софьи было, тем и полоснула поперек холеной морды. А была камча.

Хорошая, крепкая, кожаная плетеная косичка... Такой в умелых руках волка насмерть с седла забить можно. Вот ею и пришлось – поперек гладкой морды.

Хованский с воем схватился за лицо.

«Глаз ему не спасти», – с каким-то ледяным хладнокровием отметила Софья.

– Взять негодяя. В кандалы его!

А вот это толпе не понравилось. Пошел ропот, шум...

Казачи, приехавшие с Софьей, привычно перехватили пистолы на изготовку. Ежели сейчас кто кинется – умирать придется. Но не просто ж так свою жизнь продавать?

– Кто-то возразить пожелает?!

Софья развернулась тигрицей. Кажется, сейчас с крыльца кинется. И настолько лицо ее было гневным и яростным, настолько сейчас она...

Сейчас не царевна стояла пред толпой, а та самая, почти безумная от ярости женщина из девяностых.

Тогда у нее отняли мужа – и она не смогла помочь. Не защитила. Тогда от нее ничего не зависело.

Но сейчас ей дали шанс – и она его не упустит. Сейчас за ней стоят ее любимые и

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
родные. Софья не заходила в бабском крике, она не плакала, не билась в истерике, нет. Даже голос у нее сел, словно где-то глубоко в груди девушки рождалось глухое тихое рычание.

– Покамест брат мой Русь православную защищает, я никому не дам тут бунтовать!

– Не много ль на себя берешь, девка?!

Михайла тоже не удержался. На крыльце ему уже места не было, но чуть поодаль он с удовольствием наблюдал, как Хованский идет к своей цели. А вот сейчас, когда все намеревалось рухнуть...

Даже стрельцы не рисковали кричать за своего предводителя.

Одно дело – когда его права попираются. Это как-то и надо отстоять! А вот ежели он государя отравил...

А тут – извините. Такое не прощается.

Второй выстрел разорвал тишину. Михайла оборвал крик и утробно завыл, схватившись за живот.

Патрик Гордон не стал ждать команды, понимая, что Софья может и забыться от ярости.

– Кто желать... еще ругать... царевен?!

Нервничая, Патрик позабыл все русские слова, коверкая их как попало. Но народ понял. Глухо заворчал, но было уже видно – бунт не состоится. За отсутствием лидеров.

Один валяется с простреленной головой, другой глаз оплакивает, третий... откачают ли? При отсутствии антибиотиков... ежели только лично Богородица припожалует. Но это вряд ли. Зато воет, хватается за живот, кровью плещет, кишки ползут из раны – оч-чень убедительное зрелище, знаете ли. В любые времена – страшно.

Сейчас надо бы сказать им что-то доброе, устыдить... только вот Софья таких слов и чувств не находила. Хотелось пулемет. И жать на гашетку, пока не кончатся патроны.

Софья вытащила из-за колонны Питирима.

– Ну!

Хотя с каким удовольствием она бы и его огрела плетью! Судя по творожной физиономии и трясущимся коленям – под рясой видно было, – на патриарха рассчитывать не приходилось.

Помощь пришла, откуда не рассчитывали.

– Да что ж вы творите-то, православные?!

Едва не разнеся ворота, загоняя коней и людей, Ежи тоже поспел вовремя. А с ним и протопоп Аввакум. Который выбрался из возка – и всю пользовался преимуществами роста и голоса.

Особенно последнего. Чего уж там – отбитые бока болели безудержно, так что взвять хотелось. И весьма нехристиански убить всех виновных.

– Царя убили мученической смертью, а вы его убийцу отстаиваете? Каина на царство хотите? Как же вам не совестно-то?!

Перебить протопопа не рискнул никто. А Аввакум медленно двигался к крыльцу, поддерживаемый под руки двумя царевнами. И – стыдил всех. И ведь действовало.

– И как вы можете, и что вы – глупее баранов, что вам первый Тараруй уши-то затоптал, и своей головой думать надобно, Русь и так плачет, а вы еще горя добавляете, а вам горе – супостатам радость, и царевич сейчас православных людей

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
у нехристей отбивает, а вы его в спину ударить хотите...

Да, в толпе были и специально нанятые крикуны и подстрекатели. Но казаки уж больно нехорошо поглядывали по сторонам, пистолы явно были готовы к бою, а стать третьим никому не хотелось.

Толпа распалась на отдельные личности, не успев сформироваться в голодного хищного монстра. И жить этим личностям хотелось. Очень.

А Аввакум, дорвавшийся до народа, продолжал стыдить, проповедовать и отечески увещевать.

Софья, понимая, что она тут и даром не нужна, кивнула казакам.

– Тараруя в допросные подвалы, крикунов тоже.

А сама опустила на колени рядом с Афанасием. М-да...

С таким здоровьем в политике не место, вон, губы синеватые, как бы инфаркт не хватил...

– Все в порядке. Лежите и не двигайтесь, сейчас вас перенесем в покои, будем лечить. Иначе дядя Воин мне в жизни не простит... Да, все хорошо. Бунт не состоится.

И перекрестилась. Выдохнула.

Сама бы тут улеглась, ей-ей...

Летела, как сумасшедшая, а ведь опоздай она, растерзай толпа Ордина-Нащокина... она бы в жизни себе не простила. Да и толпа...

Как тигр-людоед, эта зверюга становится по-настоящему опасна, отведая крови. Вот тогда могли и в Кремль ринуться, и Милославских повытаскивать, и Любаву растерзать...

Могли.

Не случилось – и ладно.

Пальцы девушки сжались на рукояти камчи.

– Они мне за это ответят, – поклялась она, еще не зная кто. – Кровью ответят, до последнего человека. Никому не спущу...

За неимением времени слуги переносили Афанасия в покои к самой Софье, звали Блюментроста, а сама Софья медленно шла по коридорам Кремля. И плетью так и была зажата в пальцах.

Алешка до осени не вернется.

Я здесь практически одна.

Я выстою. Богом клянусь – я справлюсь!

– Сонюшка!!!

Софья вздохнула и крепко обняла за плечи царицу. Та хоть и стояла на ногах, но видно было, что ее чем-то дурманным опоили. И сзади ее поддерживали Софьины девушки, серьезно глядя на царевну – ладно ли?

– Любавушка, ты в порядке? Володя как?

– Сонюшка, Алеша умер...

Софья, насколько могла, мягко отстранила царицу от себя.

– Я знаю, маленькая. Мне тоже плохо и больно.

– А... там что?

– Там все в порядке. Покричали и разошлись. – Софья даже попробовала улыбнуться. Получилось.

Правда, глаза оставались заледеневшими, но до того ли было сейчас вдовой царице?

– А...

– Любавушка, милая, послушай меня. Ты сейчас должна сделать то, чего от тебя хотел бы муж. Больше всего на свете.

На заплаканном личике изобразилось внимание.

– Ты сейчас идешь к Володеньке и остаешься с ним. Ты не можешь бросить сына. И не можешь потерять ребенка. Ты поняла?

– Сонюшка...

– Ты же не хочешь предать мужа?

Любава замотала головой.

– Вот и чудненько. Иди к ребенку и не думай ни о чем плохом. Я здесь, я рядом, а значит, с вами ничего страшного не случится. Все будет хорошо.

– А ты...

– А я сейчас дела улажу и приду.

Любава кивнула. Софья бросила взгляд на девушек за ее спиной и поманила пальцем феню.

– Чуть что – к Блюментросту. Казаков пришлю для охраны и чтобы никто и ничто... Всех в шею гнать, кроме меня и царевен!

Феня кивнула. Усмехнулась:

– Вовремя вы, государыня. Они б нас растерзали...

Своим девушкам Софья такие вольности спускала.

– Да и вы не подвели. Умницы, девочки. Благодарю за службу!

Признательные взгляды стали ей ответами. Она не говорила о награде, ни к чему. Девочки без того знали, что их не оставят милостями. И Софья продолжила путь.

Перед дверью на миг замешкалась, а потом толкнула ее – и вошла.

Да, там они и были. Бояре, ближники, даже Милославские вылезли, как только опасность миновала. И Иван кинулся к царевне:

– Племянница...

Софью так и потянуло повторить подвиг. То есть – камчой бы ему по наглой морде, и посильнее, и пожестче. Нельзя...

Здесь и сейчас другая драка будет, не руками. Словами придется.

– Почему царицу одну бросили? – волчицей зарычала девушка. – Народ шумит, бунтует, а на крыльцо только Ордин-Нащокин вышел? Только он один не предал?

Милославский отшатнулся, упал на колени.

– Не вели казнить, государыня!

Софью вдруг посетило чувство дежавю. Хотя и не похож был Иван на обаятельного

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Жоржа! Ей-ей, еще минута – и она бы себя почувствовала Буншей. «Ты что же, сукин сын, самозванец, делаешь? Казенное добро разбазариваешь?»

И это помогло ей взять себя в руки. Шла сюда – кипела от гнева, боялась рот открыть – такого бы наговорила, что держись. А сейчас заулыбалась. Чуть отпустило.

– Значит, так, бояре. Пока мой брат не вернется – я никому бунтовать не дам. Кто из вас Хованскому споспешествовал, я еще разберусь. Одно обещаю твердо – невинные не пострадают. Ежели кто мне захочет на виновников намекнуть – выслушаю. Кто недруга своего огульно оговорит – казнь. И ежели думаете, что я не разберусь... думайте... Государя похоронят, как и положено, в Архангельском соборе. А сейчас все вон отсюда. Пока во всем не разберусь, дворца никому не покидать. А ежели уйдет кто – посчитаю изменником и казнь сегодня же.

Бояре чуть поворчали, но комнату очистили. Поняли, что сейчас сила не на их стороне. Да и то сказать – если б полыхнуло...

Не один ведь раз уже вспыхивало, хорошо всем были памяты последних лет бунты, один Медный чего стоил...

Софья подошла к телу отца. Посмотрела грустно. Духовник молился рядом.

– Государыня?

Софья сделала жест рукой. Мол, не обращай на меня внимания. А сама – смотрела.

Как же люди меняются после смерти. Вот он жил, говорил, двигался... а сейчас его – нет. Вообще. И нигде не будет.

Но она – есть. И она обязана дожждаться брата.

Софья перекрестилась, опустила на колени у тела отца. И вдруг ей пришла в голову простая мысль.

Именно сейчас она... может... Может стать императрицей.

У нее есть войска, есть верные люди, есть... да много чего есть. Она может и захватить власть, и удержать ее...

И править долго. Почти как Елизавета Английская. Братья и сестры ей не помеха. Алексей?

Даже если он и вернется... да кто сказал, что на него нет ни яда, ни клинка? Милославские ее поддержат, Стрешневы, Морозовы, да много кто – всех перечислять до завтра достанет.

Она может и сесть, и удержаться, и править.

Власть.

А... зачем?

Софья чуть улынулась, произнося слова молитвы. Губы действовали сами, независимо от разума.

Вот для чего ей эта власть? Власть одинокая, несчастная и ненужная, по большому-то счету? Чтобы жить, как захочется? Так она жить в любом случае не сможет. Над царем столько всего властно – даже Елизавета так и осталась королевой-девственницей, зная, что замужество лишит ее если и не всех прав, то очень многого.

Чтобы править?

Власть ради власти? Бесплодная власть?

Наверное, кто-то скажет, что это наслаждение. Управлять чужими судьбами, чувствовать себя Богом... Как же это жалко...

Софья усмехнулась еще раз.

Власть ради самой власти бесплодна, как бриллианты в пустыне. Они там просто не нужны. Там другая ценность – вода. А для нее...

Она никогда не зарабатывала деньги ради денег, не искала власти ради власти. Она всегда старалась ради чего-то еще. В девяностые – это был азарт, веселье схватки, игра ума, состязание, победа. Но мало того – она боролась за достойную жизнь для своей семьи. Боролась вместе с мужем. Это – иное.

Сейчас же... она делала все, чтобы не оказаться в клетке. Воспитывала брата, строила, учила, искала, развивала... но ведь не ради пустой власти?

Нет. Ради родных и любимых. Тех, кто таковыми стал за эти годы.

Ей один шаг до власти. И эта власть ей просто не нужна.

Софья договорила молитву, перекрестилась и поднялась с колен.

– Делайте, что должно.

– Похороны...

– Я все устрою.

Софья еще не знала как, но она наведет тут порядок. Все двери перекрыты людьми Гордона и Володыевского, змея не проскользнет – и не выскользнет. А значит, стоит начать с допроса господина Хованского. Хоть узнать, кого еще хватать.

* * *

Есть ли в Кремле пыточная?

Обижаете! Если есть Кремль – есть и пыточная. Факт.

В данном случае она была в подвале Тайницкой башни. Вот там и приняли Ивана Хованского с распростертыми объятиями. Туда и заявила Софья.

Палачи... ошалели. Дьячки, которые записывали показания, – тоже. Да и стражники...

Своим поступком царевна растоптала все существующие нормы поведения и правила приличия. Но сейчас ей это было безразлично.

– Что с Хованским?

Палач повел головой в сторону – и Софья увидела.

Висит, голубчик, пыточная – так получилось – освещена не слишком хорошо, но на дыбу его уже вздернули, хоть пока и не растянули. Ну да всему свое время.

– Готов супостат, государыня, – пискнул один из писцов.

Софья удовлетворенно кивнула. Не была она кровожадной, но сколько этот скот наделал, а сколько еще хотел... да его бы на ключья рвать! Медленно!

– Занимайтесь. Чтобы все рассказал, от и до. Да не сдох раньше времени.

– Исполним, государыня, – прогудел один из палачей – здоровущий, косая сажень в плечах, мужик. – Приказ бы нам...

– За приказом дело не станет.

Софья самолично присела к столу, повертела в пальцах корявое гусиное перо и быстро набросала пару строчек на пергаменте. Подписала, капнула сверху воском и приложила свой перстень.

– Делайте что нужно. Мне нужно знать, кто убил моего отца, кто подбил его на

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
бунт, кто участвовал вместе с ним...

– Да, государыня царевна.

– Как узнаете – сразу же мне все несите. Я брату отпишу.

– Дык... ночь ведь, государыня...

– А хоть бы и глухой ночью, – усмехнулась Софья.

Хованский что-то мычал сквозь кляп. Софья не поленилась, встала, подошла к нему. М-да, то еще зрелище, морда опухла, один глаз закрыт, второй едва открыть можно – и будет ему еще веселее, это точно.

– Что, князь, допрыгался? Советую рассказывать все, как есть, не упрямиться. Моего отца убили, меня убить пытались... так что пощады тебе не будет. Расскажешь все как есть – пойдешь на плаху неизломанный. Солжешь – и до костра своими ногами не дойдешь. А лучше – до кола. Подыхать ты у меня до-олго будешь. И мучительно. И род твой пресеку. Весь.

Она не лгала, ни капли не лгала. И, судя по лицу Тараруя, он понял.

Не испугался бы Иван Хованский просто так. Но вот несоответствие формы и содержания... Царевна ведь! Ей бы по садику гулять с цветами диковинными, яблочки кушать с золотого блюда да шелками шить, а она?

Таких и в древности-то единицы встречались, а уж сейчас! Темные глаза царевны в полумраке светились красными огоньками. Конечно, это отражался огонь жаровни, на которой калились инструменты, но Хованский сейчас этого не понимал. И чудилось ему в полумраке, что не царевна то, а нечистая сила, от коей не спастись. И потел он так, что от вони ничего не спасало.

Страшно.

Софья молча развернулась и пошла к выходу. За ней неотступно следовало двое девушек и два охранника. Мало ли кто? Мало ли что?

Софье предстояло многое переделать.

Узнать, что толпа уже разошлась, и отправить соглядатаев – пусть разведают, что и как. Кто был, кто бунтовал... эти полки потом расформируем и разошлем к чертовой матери! От Сибири до Крыма! Пусть на передовой искупают вину.

Приказать Патрику Гордону занять Москву своим полком и патрулировать улицы.

Переписать всех стрельцов, которые не предали. Из них отдельный полк создадим, им и на Москве дело найдется.

Поставить Ежи Володыевского военным комендантом Кремля. Алексей Алексеевич вернется – тогда сам решит, что и как, а у нее доверия ни к кому нет. Где были охранники, жильцы, рынды и прочая шелупонь, когда тут бунт назревал? Под кроватями прятались?

Так в слуги их и разжаловать, пусть и далее пыль вытирают!

Повидать патриарха и сухо поставить его в известность, что он не оправдал царского доверия. Пусть теперь хоть на похоронах не опозорится. А пока – шагом марш в храм и настраивать священников. Пусть прихожанам объясняют, что в то время, как государь ведет кровопролитную войну, стараясь, чтобы та к ним в дом не пришла, отдельные подонки развязывают братоубийственную рознь... И с такими подонками надо поступать оч-чень решительно. За это никакого наказания не будет.

Слово и дело – и на правож их!

А ежели так не дойдет... В принципе война ж дело ненужное, пока не на твоём огороде – надавить, что не просто так государь воюет, а с нехристями за веру православную. И точка.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Повидать Ордина-Нащокина и чертыхнуться.

Анна сидела рядом со свекром, и лицо у нее было... опрокинутое.

– Что?

– Соня, все плохо. Пока...

Софья покосилась на Афанасия, который был в сознании и явно их слышал.

– Блюментрост?

– Запретил Афанасию даже говорить... мол, малейшее усилие...

Софья вздохнула. Прикинула... ну да. Сейчас ему порядка шестидесяти восьми лет. Даже для XXI века серьезный возраст, а уж тут...

– Значит, так, тетя. Письмо напишешь сама, я гонца пришлю. Отца более нет, брат пока еще не приехал, так что моя власть. Хватит тебе с Воином Афанасьевичем по углам прятаться. Слышите, дядька Афанасий? Анна официально будет опекать своих детей, пока Воин сражается в Крыму. А как вернется – так пусть кидается Алексею Алексеевичу в ноги и просит о свадьбе. Брат разрешит. А коли не... – голос у Софьи все равно дрогнул, но она только сильнее выпрямилась. – Так вот. Коли брат не вернется или что с сыном вашим случится, тетка Анна все равно будет детей опекать, им все имения рода перейдут, никто к ним лапы не протянет, никакие родственники. Так что лучше поправляйтесь. И еще. Я прикажу сегодня ваших мелких в Кремль перевезти. И сама сюда переберусь. И учтите – вы все сделали правильно. Народ разошелся, а если бы не вы, могло бы не хватить времени. Так что вы – герой. Вы сегодня нас всех спасли.

Афанасий чуть моргнул ресницами в знак благодарности. Софья видела, что даже это усилие ему дается с громадным трудом. Перенапрягся дедушка.

– И Блюментроста не слушайте. Я бы на вашем месте из принципа выздоровела.

Еще одно движение ресницами. Софья коснулась пергаментной сухой руки мужчины.

Холодная. Да и...

Что-то подсказывало Софье, что от этого удара Афанасий уже не оправится.

Но ведь умрет он в своей постели! А не под ногами, кулаками и копьями разъяренных стрельцов.

Нет уж!

Хватит с нее этой вольницы! Анна смотрела серьезно.

– Сонюшка, так ведь венчаны мы уже, второй раз же нельзя...

– С этим пусть попы разбираются. Тетя, а как ты себе представляешь тайную свадьбу царской дочери? И я об этом объявить должна? Сожрут ведь! Блудом попрекать будут!

Анна поднесла руку к горлу.

– И то верно... так что ж теперь, Сонюшка?

– Сиди покамест с тестем, как оправится, там и думать будем. Но ты учти, что свадьбу будем играть широко и весело. Как говорится, не можешь спрятать – клади на видное место.

Софья поцеловала тетку и вышла вон. Хоть обдумать что и как... ага, размечталась! Не Кремль, а двор постоянный, проходной и провозной!

– Соня! – Тетка Татьяна.

– Все в порядке?

Тетка выглядела спокойной и довольной:

- Народ слушает Аввакума.
- И долго еще он будет метать бисер перед свиньями?
- Стыдить он их еще долго будет. А вот устыдятся ли...
- Если что – поможем. Тетя, на тебе весь этот бабский зверинец.
- Соня?
- Любава сейчас всем этим заниматься не сможет. Она в тягости, к тому же нерешительна, сама знаешь. А вот ты можешь всем объяснить, кто тут главный. Занимайся. Вся женская часть Кремля на тебе.
- А ты?
- А на мне будет мужская часть.
- Соня! Ты с ума сошла?! Это же...
- Попрание всех традиций. Размазывание моей репутации. Да и как еще меня слушаться будут. Знаю. А кто еще? Мальчишки, что ли? Феденька с Ванечкой?

Татьяна прикусила губу. А ведь и верно.

Некому. Сопливы еще племянники. Как ни странно признавать, но только у Софьи хватит и сил, и решимости, и... ведь по трупам пойдет, коли надобно. А и... пусть пойдет! С Татьяны хватило ночного боя. Куда только и милосердие делось?

– Справишься?

Софья усмехнулась. Зло и насмешливо.

– До Алешкиного возвращения. А там пусть сам разбирается, ежели кого успеет помиловать.

Это она уже решила. Пусть она будет плохой, а Алексей – добрым и хорошим. У нас же вечно так! Человек может быть хорошим только при сравнении. А сама Софья может продержаться до осени, только если будет рубить головы направо и налево. И – продержится.

– Вернулись бы, – отвечая ее мыслям, вздохнула Татьяна.

Софья сделала два шага вперед.

– Тетя, – попросила почти шепотом, только чтобы Татьяна слышала. – Отпиши Степану. Расскажи о ситуации, я тоже Алешке отпишу, надо, будет, как Степан приедет, замуж тебя выдавать. Жизнь не кончается, а тебе семья нужна, дети, дом свой...

Татьяна запунцовела так, что алым даже по шее метнулось.

– Сонюшка...

– Отпиши, тетя. И начинай гонять всю эту бабью свору. Будет что вспомнить замужней женщиной.

Татьяна усмехнулась:

– Ох и лиса ты...

А Софья того и добивалась. Скорбеть не время – потом поплачем. Жизнь продолжается, и ей не плакальщица над братом нужна, а союзница. Что и получится в результате.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Софья подмигнула тетушке и решительно направилась распоряжаться насчет похорон.

* * *

Анфим Севастьянович смотрел на крепость Кинбурн.

Да, высокая. Но...

Пушечный выстрел в качестве «здравствуйте, к вам гости» вполне подошел. Ядро громыхнуло в стену. По ней забегали, засуетились. Можно бы вступить в бой. Сделать насыпи, размолоть стены в труху.

Можно. Только – не стоит.

Кинбурн слишком близко к планируемой границе. Эта крепость им самим нужна как русский форпост. И гарнизон тут будет значительный. Ее укреплять, а не разрушать надо.

Так что пришлось поднимать белый флаг для переговоров и ехать поближе к стене.

Там парламентаров заметили и тоже махнули белым полотнищем – мол, давайте поговорим. Не прошло и получаса, как на стене появился турок.

Ферхад-паша, комендант Кинбурна.

Хитрово смотрел на него с безразличием опытного мясника, разглядывающего сотого барана. Резать? Пустить на племя? Нагулять жирок?

Кажется, турок это почувствовал. По полному, лунообразному лицу под чалмой струился пот.

– Почь... чем пожалуй...

Кажется, это было «почто пожаловали?». Ну-ну...

Анфим Севастьянович кивнул толмачу. Кстати – одному из царевичевых воспитанников, именем Филимон. Мальчишка открыл рот и разразился длинным приветствием, которое сам Анфим понял с седьмого на десятое. Кажется, паренек восторгался храбростью и удачью паши, желал ему всего самого наилучшего и призывал на него и его семью благословение пророка. Как-то так. С другой стороны – война ведь не повод хамить противнику?

Паша, чуть пришедший в себя после приветствия, тоже открыл рот. И тоже выдал ответную речь не короче. Минут десять они просто переговаривались, обмениваясь любезностями. Воин не торопил парня. Пусть так, если принято...

Но наконец они перешли и к делу. И паша поинтересовался, что привело храбрых русских воинов под стены его ничтожной крепости.

Юноша перевел это боярину – и мужчина кивнул:

– Скажи, что мы пришли с войной. И предлагаем ему почетную сдачу. Мы выпустим его со всеми людьми – и пусть уходит в Очаков. Мы можем взять Кинбурн. Но нам не хочется сначала рушить, а потом восстанавливать крепость и зазря класть людей. Я знаю, их тут тысячи полторы. Нас же более пяти тысяч. Они погибнут без чести и смысла.

Филимон послушно перевел туркам сие рассуждение. Паша задумался – и принялся что-то говорить.

– Не соглашается.

– А ты еще раз скажи, что мы их перебьем.

Филимон кивнул. Торговаться его учить не надо было. Уже обучили. Причем – по самому жесткому методу. Голландскому. Так что следующие полчаса под стенами крепости шли переговоры. Турок сначала сомневался, что крепость возьмут, потом прекратил юлить и согласился, что – да, сопротивляться глупо.

Но где гарантии?

Честное слово Анфима Севастьяновича убеждало мало – турки пока с ним не сталкивались настолько тесно. Хотя лгать мужчина не собирался.

Пусть оставляют крепость и уходят с тем, что могут утащить на себе.

Казна? Пес с ней.

Рабы? Вот рабов извольте оставить. Мы, православные, в этот поход и пошли, чтобы их освободить.

Лошади? А к чему вам там лошади? Да и не ваше это, скорее татарское. Так ведь? Вот, а какое вам, паша, дело до татар? Вас еще и похвалят за сохранение гарнизона.

Паша в принципе соглашался с этим. И, поломавшись, все-таки согласился сдать Кинбурн.

Анфим Севастьянович довольно кивнул:

– Молодец, Филимон.

Парень довольно усмехнулся. Ну да. Сначала турок требовал, чтобы их не просто выпустили из крепости, но сделали это со всеми рабами, пушками, казной, и вообще – чуть ли не на руках донесли до Очакова. В отместку ему парень требовал, чтобы турки оставили в крепости все. Разве что кроме нательного белья – а то стирать его неохота. И шли сами пешочком... к Очакову. Сошлись на вполне приличном варианте – и со следующего утра началась сдача крепости.

Без единого выстрела. Без единой потери.

Собственно, и по дороге-то сюда потерь не было. Разве что татары налетали. Но с башкирами шулки были плохи. На всякое действие есть свое противодействие, на вашу легкую конницу – есть другая. Решили на войско налететь? Пока вы доскачете, мы уже луки изготовим и стрелами вас утыкаем. Налетали татары и на обоз – решили пограбить. Ну, по ним и жажнули из пистолей, лучников-то там не было, а обоз комплектовался серьезно. Результат – двадцатьдохлых татар, одна сломанная нога у обозного мужика – из телеги неудачно шлепнулся, у двоих раны от стрел. Всегда бы так воевать.

Хитрово назначил комендантом крепости капитана Голотвина – и решил с четырьмя тысячами человек идти дальше. А Петру Голотвину и тысячи хватит. Тем более, здесь пятьдесят пушек есть да четыреста рабов, которых никто не пустит просто так шляться по степи...

И коней около двух тысяч.

А еще в окрестностях нашлось несколько стад коров, голов так в триста. И бараныи стада общим числом более пятнадцати тысяч.

Ну и что еще надо, чтобы пересидеть в крепости хоть десять лет?

Петру хватит, а ему надо идти вперед. И догонять Алексея Алексеевича.

* * *

Симеон в ярости бегал по комнате.

Ну где же, где все разладилось?!

Где и когда полетела под откос колесница хитроумного замысла?

Долгоруков убит, все его приспешники теперь так затаятся, что их и тараканы не найдут. Хованские... Андрей – мертв, Иван – в пыточных застенках. И молчать он там точно не станет. Все выложит. И про Симеона, и про Долгорукова... за такое наказание лишь одно – смерть.

Вот тут и пожалел «старец», что живет в Кремле. Из города куда как легче удрать было бы. Но это надобно раньше было делать, а не сейчас, когда царевна своей волей закрыла все ворота...

Впускают сюда всех. Не выпускают никого.

А мог бы, еще как мог! Уже когда бунт проваливался, на крыльце, но ведь его там не было! Царевна Евдокия в него вцепилась не хуже репья! И оставить ее было никак нельзя, она старшему Хованскому предназначалась, так что уцелела бы в любом случае. И те, кто при ней, – также. Был бы он на крыльце, успел бы удрать. Но Симеон оставался во дворце, желая держать руку на пульсе!

Все ж таки Хованский не настолько умен, чтобы самому все без ошибок сделать. Был...

А как могло бы все хорошо получиться.

Царевна...

Да, главная беда именно в ней. В Софье.

Симеон отлично видел ее лицо, когда стреляли в Хованского, видел, как она наводила порядок, да и потом в Кремле видел ее. Как она шла по коридорам, даже лица не прикрыв, в сопровождении пары девиц и казаков – срамота! Как распорядилась, как говорила с боярами...

Царская дочь, что тут еще скажешь?

Волчица. Хищница, стерва...

Шестнадцатилетняя соплюшка? Да, в этом возрасте замуж выходят, но...

Чтобы его переиграла... вот эта?!

Поверить в такое Симеон просто не мог. Но пришлось. А как иначе? Может, в Дьяково кто-то и оставался, но здесь и сейчас была только Софья. Сначала – лишь она. Потом уже появились ее тетки, потом Аввакум...

Симеона снова затрясло.

Да что ж такое, как все было рассчитано! Никон вносит изменения в канон, переписывая книги. Аввакум начинает ему противостоять, из него было так удобно сделать мученика, расколоть Церковь на две половинки, а далее – кто знает! – свернуть в католичество, а что в результате?

Аввакум, так и не став мучеником, становится героем в глазах своих единоверцев. И не бунтует почти десять лет! Только увещевает, мирит... со всей доступной ему кротостью. А кротким он никогда не был. То есть кто-то держал его на цепи.

А сейчас, когда патриарх так обгадился, – вылез! И поди ж ты! Тут не то что Русь к католичеству привести – тут ноги б унести! Ох, не любил протопоп иезуитов. Да и смычка появляется вовсе не та – Марфа замуж за Корибута вышла, так что дети ее...

Есть шанс, конечно, воспитать их в верном ключе, можно и королеву отравить, да не вышло бы, как сейчас.

А сейчас получалось, что ноги б унести.

Ладно. Авось да удастся.

Симеон быстро собрал самое необходимое – деньги да пару нужных вещей, сложил все в карман рясы и быстрым шагом направился к выходу из дворца.

Авось да не задержат духовное лицо. А уж где и у кого спрятаться в Немецкой слободе – он найдет.

* * *

Семен и Павел сидели неподалеку от несущих охрану казаков. Собственно, караул на всех воротах выглядел так. Два казака, два стрельца, два солдата из полка Гордона да пара воспитанников царевичевой школы. Здесь – Сенька и Пашка.

Сидели, истории травили о царевичевой школе, о своем житье-бытье.

– ...есть у нас один парень, вот он всякой живности до ужаса боится. Мы однажды приходим на речку, а там лягушек – видимо-невидимо. Ну, наловили десятка два да ночью ему в постель и выпустили! Ох, как же он кричал!

– Не выдрали вас? – поинтересовался со смешком один из стрельцов.

– Нет, дяденька. Но лягушек мы ловили, и комнату потом мы отмывали...

– А надо б выдрать!

– Так царевич хуже придумал. Сказал, что ежели мы так лягушек любим, то он от нас работу ждет. Где в природе сия тварь живет, что ест, как размножается, почему квакает... каждый день вместо игр на пруд бегали и наблюдали. Чуть сами не заквакали...

Сенька скорчил жалобную рожицу. Мужчины хохотнули.

– Да, нас за такие проказы бы по-простому, хворостиной. А тут мудрит царевич, – усмехнулся один из казаков.

– На то и царевич, чтоб мудрить, – отозвался солдат. Но мирно, без малейшей подковырки. Сенька облегченно выдохнул. Да, чтобы в одну упряжку свести ужа, ежа и бабочку, надобно много сил и терпения. Не перегрызлись бы – и то ладно.

– Стой!

Бердыши скрестились пред носом невысокого седобородого человечка в черной рясе.

– Полоцкий, – шепнул Пашка.

Сенька поверил. Сам-то он больше к воинским делам склонялся, а вот Пашка хотел для себя стезю подьячего выбрать, так что всех и обо всех, кто при царе, знал.

Симеон остановился.

– Пропустите, мне в город надобно.

– Царевна приказала никого не выпускать.

– Так я вернусь вскорости.

– Царевна приказала, – с каменным лицом повторил стражник.

Он бы и пропустил, будь один, но еще почти десяток свидетелей? Не-ет... таких неприятностей никому было не надобно. Так и в допросных подвалах окажешься, за царевной не заржавеет. Уже весь Кремль знал, что Хованского она приказала пытать нещадно.

Симеон еще покрутился, да и ушел. Пашка толкнул приятеля:

– Я к царевне, а ты здесь будь. Понял?

И умчался. Сенька кивнул. Чего ж тут не понять? Ежели кому так выбраться надобно, так ведь не зря? О таком царевне всяко сказать стоит!

* * *

Известие о Симеоне Полоцком царевна приняла без особой радости. Пашку допустили к ней сразу же, царевна выслушала – и задумчиво покусала кончик пера.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– Спасибо, Павел. Я запомню. Я теперь отправляйся обратно на пост. Дмитрий!

В комнату заглянул еще один из выпускников царевичевой школы, только старший – лет уже двадцати пяти от роду.

– Звали, государыня?

– Приказываю Симеона Полоцкого схватить и доставить ко мне. Вежливо.

Софья пока сидела в кабинете своего отца. Сидела, разбирала пергаменты, удивлялась количеству кляуз и прошений, но сортировала упрямо. И в том ей помогали двое ребят – Пашкиных ровесников. Это ж прочитать надобно, отложить в нужную кучку, пометить, кто и от кого или на кого, ежели донос...

Полоцкий...

Софья сдвинула брови. Неужто без этой гадины не обошлось? Хованский покамест молчал – из злости и ненависти. Палачи клялись и божились, что за пару дней его сломают, но сколько его сообщников скрыться успеет?

Из Кремля она пока, конечно, никого не выпустит, все посты расставлены, тайные ходы... откуда б Симеону их знать?

Хотя при местной вольнице...

Только за последний час в кабинет шестеро бояр заявилось, а за дверью царских покоев куда как более толкаются. Неуютно им. Маетно...

Ничего, помучаетесь со мной, так Алешку на руках носить будете...

Ох, братец, ты только выживи да вернись!

Софья отчетливо понимала, что такой бунт не может вспыхнуть сам по себе. Вернулся бы Алешка – головы полетели бы вмиг. Отсюда вывод – что-то да сделано, чтобы он не вернулся.

Легко ли на войне несчастный случай подстроить?

Очень легко. Для солдата. А вот царя все-таки охраняют. К тому же, ежели там кто и есть – сотовых-то здесь нет, по времени не согласишься. Даже ежели отца и отравили – все равно точную дату предугадать не могли. Так что в идеале – написать брату.

Только вот о чем?

Отца отравили, берегись?

Неубедительно.

Значит, надобно расколоть Тараруя и допросить, а лучше исповедать Долгорукова, пока еще не сдох. Но это она уже распорядилась, к нему Аввакум должен направить кого, а заодно пару ребят спрятать за дверью, пусть подслушают. И таинство исповеди соблюдем, и дело сделаем.

И вот тогда писать брату.

– Государыня, Долгоруков преставился.

– Как...

Заглянувшая в дверь девица вздохнула:

– Рана серьезнее оказалась, чем думали, ему становой хребет перебило. Как переносить начали, думали вроде и ничего, а кровотечение открылось вмиг. И исповедаться не успел...

– Твою же ж... – не сдержалась Софья. Девица запунцовела – не привыкли на Руси к восьмизэтажным сложносочиненным конструкциям. – Свободна. Сходи, погляди, как там

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Хованский, да скажи, чтоб не уходили ненароком. Больше у нас никого нет.

Девушка исчезла. Софья рассерженно прикусила кончик пера.

Вот о чем тут писать брату? Вызывать его сюда, под удар врага?!

А пока еще письмо дойдет?

Он же не сидит в одной точке и о себе не сообщает, он где-то в Крыму...

А если он уже...

Так! Молчать! И нечего о таком думать!

Алексей вернется и коронуется, обязательно! Он жив, он проживет еще долго и будет великим государем. Точка.

* * *

Алексей Алексеевич тем временем смотрел на землю Крыма с корабля. Его часть отряда шла на Керчь морем. Сначала – казачьи чайки, потом все корабли, которые были в гавани у Ромодановского.

Рядом удобно устроился Иван Морозов.

– Сколько ж нам тут дел предстоит!

Алексей кивнул:

– Да уж, захватить просто, но надо ж еще удержать, надо обжить... чтобы и духу тут всей этой турецкой нечисти не было!

– А татары?

Алексей сдвинул брови:

– А что с ними?

– В степи пахать нельзя, лучше скот водить.

– Надо что-нибудь придумать. Найдем, кто, кого... Софья придумает, кого сюда переселить так, чтобы и люди были верные, и выжить здесь смогли.

– Как-то она там...

– Зная Сою? Она справится! Что бы там ни было!

– Две галеры справа по борту!!!

Крик вахтенного матроса разнесся по судну. Алексей пригляделся.

– Действительно. Обнаглели турки. Как бы там ни сложилось – но в Азовском море их больше ноги не будет!

Галеры тоже заметили противника. Но прежде чем они решились сделать что-то – к ним устремилось два десятка чаек.

А и то! Чего их отпускать? Чтобы другие галеры привели?

До ближайшей турецкой крепости еще плыть и плыть, ни к чему тут нападения. А лучше чайк ничего не придумаешь. Вместе они не то что галеру – фрегат заклюют!

А им воевать пока никак нельзя. Взрывчатка на борту, пушки дальнобойные... дойти бы к Керчи по морю, не встречая в серьезные стычки, а уж потом...

И это Алексею Алексеевичу таки удалось.

Ни турки, ни татары не ждали такой откровенной наглости от русских. Потому,

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
видимо, отряд и прошел невозбранно вплоть до самой крепости Керчь. А девять галер отловленных по пути, – не в счет. На них и чаек хватило. Для казаков это дело было привычное, а остальные смотрели и учились.

Когда-нибудь Русь станет великой морской державой, но первые шаги надобно делать уже сейчас.

* * *

– Государыня, вот он.

Симеон Полоцкий здорово напоминал затравленную крысу. Кто другой не увидел бы в нем этого, но Софья, с ее опытом, подмечала и слабо подрагивающие пальцы, и слишком резкие жесты, и даже опасливый взгляд на нее...

– Надеюсь, вы никуда не спешите, Самуил Емельянович?

Вот теперь старец вздрогнул, услышав свое имя-отчество. Не принято такое было, но в устах царевны... Уж лучше б ругалась – безопаснее было бы.

– Государыня... я к вашим услугам.

– Тогда, полагаю, вы на меня и не обидитесь. – Софья криво усмехнулась – и кивнула казакам: – Обыскать!

Симеон дернулся, но куда там! Обыскивать казаки умели, так что через пять минут на столе выросла горка предметов. Софья принялась перебирать их.

– Кинжал. Да интересный какой, почти мизерикордия... – Действительно, тонкое, игольно-острое лезвие было предназначено не для резки мяса. А вот вонзиться между ребер – в самый раз. Потаенное оружие. – А что у нас еще? Деньги, просто отлично. А почему три кошеля? Так, ну тут золото и камни, это понятно. Не нищим убегаем. Здесь серебро и мелочь на мелкие расходы. А тут?

Симеон дернулся, но остался на месте. Софья вытряхнула на стол четыре монеты, покрутила в руках, полюбовалась на вырезы.

– А у кого двойники?

– Государыня? Не понимаю я, о чем вы...

– Ничего, палач поможет, – «утетила» Софья. Уж Александра Дюма читывали, и парные монеты секретом не были. У тебя одна – с определенными вырезами, у меня вторая... ключ, пароль, опознавательный знак для своих. Дело житейское, этим многие баловались. Просто подбирается оригинальная монета, можно с эмалью или камушком, делаются вырезы, отверстия, договариваешься до кучи о пароле – азы шпионской азбуки.

«Приедет... и или нашпионит, как последний сукин сын...» – вспомнился Софье незабвенный булгаковский Коровьев, он же Фагот. Ах, как же хорошо было работать свите Дьявола! Делай, что пожелаешь, а проблемы людей – это их проблемы.

И она б сейчас схватила Симеона, вздернула на дыбу, так нет же! Нельзя покамест, все ж уверены, что он добрый, хороший, чуть ли не святой. А она пока и так... шатко все, очень шатко. Нельзя ей рисковать.

– Государыня, нешто виновен я в чем?

Симеон смотрел невинно, но царевна не обратила внимания на честный открытый взгляд. Она смотрела дальше.

Пара склянок с непонятным содержимым ее заинтересовала больше остального.

– Это что?

– От сердечной боли, лекарь смешал, – отчитался Симеон.

Софья кивнула и отдала оба флакона Дмитрию.

– Отвезти Ибрагиму, пусть проверит.

– Да, государыня.

– А вы, любезнейший, расскажите мне, что у вас за нужда такая в городе объявилась. – Софья смотрела ласково, но от такой ласки морозцем по спине продирало.

– Да я к лекарю хотел навеститься в Немецкую слободу, – признался Симеон. – Переволновался я за сегодня, вот и...

– Нож взяли, потому что на улицах небезопасно. Монеты – чтобы заплатить за лекарство. Склянки – для сравнения. Чтобы знал, что делать, – Софья рассуждала вслух. – Ладно. А вот это вы как объясните?

Два кошель – большой и совсем крохотный, мягко звякнули под ее рукой. Симеон, впрочем, уже успел найти ответ.

– Государыня, я тут немного людям помогаю, вот и сегодня решил. Беспорядки же, наверняка кто-то да пострадал, а я бы деньгами и помог.

– Как это мило с вашей стороны.

Софья разозлилась всерьез. Этот ухватистый угорь просто выскальзывал из рук. Она носом чуюла, что с ним нечисто, но... что?

И как?

Можно бросить его рядом с Хованским, пытать, но... нужна или причина, или повод. Под пыткой-то человек в чем хочешь признается. Лучше сейчас не волновать народ. Опять же, у Симеона настолько хорошая репутация, что точно – тварь. Порядочных людей обычно куда как меньше любят.

– Я лично попрошу вас никуда не уходить из дворца. – Софья мило улыбнулась.

– Да, государыня...

Симеон уже понял, что вывернется, и обнаглел:

– А ежели мне лекарство понадобится?

– А на тот случай я к вам приставлю... Дмитрий, кто у нас в приемной?

– Алексашка, государыня. Алешка еще, Любимка...

– Отлично! Вот любима и приставь!

– Государыня?

Царевичев воспитанник влетел, поклонился.

– Тебе вменяется следовать везде за старцем Симеоном, – ласково сообщила Софья, – а ежели плохо ему станет, срочно звать лекаря. Понял?

– Да, государыня.

Судя по хитрому блеску серых глаз, понял парнишка намного больше. Вот и ладненько, Софью это устроило. Симеона – явно нет, судя по благочестиво-кислому выражению лица, но на всех же не угодишь, верно?

– А вот это, – Софья повертела в руках кошелечек со «странными» монетами, – я оставлю у себя. Дмитрий, выдать Самуилу Емельяновичу из казны четыре равные по ценности монеты.

Симеон скривился еще больше, но протестовать не решился. Раскланялся – и ушел, сопровождаемый Любимом. Софья проводила его злобной ухмылкой, смахнула в ящик стола кошелек и взялась за бумаги. Как царь умудрялся во всем этом разбираться?

Не-ет, надо здесь наводить порядок. Все равно ведь придется.

* * *

Симеон у себя в покоях в это время клокотал от злости. Да так, что стоять рядом с ним было небезопасно.

С-сука! Дрянь, гадина, девка непотребная!!!

Вот сейчас он точно знал, кто верховодит в Дьяково. Именно она! Она...

То, как царевна держалась, как говорила... не могла так себя вести соплюшка! Его просто провоцируют... и ведь он поддастся! У него нет выбора!

Из Кремля его не выпустят, но если не станет царевны Софьи... Остальные – нет. Не то. Слабы, глупы... а вот эта...

Симеон прикрыл глаза, вспоминая разговор. Софья смотрела на него, как кошка. Только вот она не играла, она всерьез была настроена его сожрать, как только появится хоть малейший повод. И сожрет.

И все вытряхнет.

Так что же делать?

Да ясно и что, и чьими руками... вот сейчас отошлем мальчишку за лекарем – и займемся. Набросать пару строчек в записке было несложно. Спрятать ее в рукав, чтобы долго не искать, как раз, пока он в свои покои шел, нужного человечка видел – и тот за ним последовал...

Симеон достал из шкапа пузырек с зеленоватой настойкой, глотнул, сморщился от мерзкого вкуса... Выветрится быстро. А теперь...

Мужчина вскрикнул достаточно громко, чтобы паренек заглянул в комнату, застонал, схватился за сердце и сполз по стеночке.

Мальчишка влетел, пощупал пульс, от волнения стучавший с дикой скоростью, взглянул в зрачки Симеону – и помчался за Блюментростом. Ежели Полоцкий помрет раньше допроса, царевна ему голову отвернет.

Этого времени Симеону как раз хватило, чтобы выглянуть из покоев и подозвать одного из стрельцов. Письмецо ушло к своему адресату.

Есть, есть еще в Кремле и яд, и кинжалы...

* * *

– Сонюшка, ты спать сегодня собираешься?

Царевна поглядела на тетку Анну совершенно шальными глазами. Спать? Когда куча бумаг...

– Тетя, тут еще работы...

– А ежели ты свалишься, кто ее за тебя выполнит?

– А ежели я упущу что? Тетя, бунт сегодня взаправду вспыхнуть мог.

– Ежели сегодня не вспыхнул, то до завтра всяко подождет. Я приказала к тебе в покои поужинать принести. Отправляйся спать, Сонюшка...

Любого другого Софья послала бы в дальние дали. Но тетку Анну? Которая ее вырастила, любила и вообще – дала возможность вырваться из клетки? На такое окаянство Софья была не способна. А потому встала, потянулась и улыбнулась:

– Хорошо, тетюшка, уже иду. – И вышла, стуча каблучками.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
В светелке, которая показалась вдруг такой маленькой, она бросила взгляд на подносы с едой.

Каша с медом симпатий не вызывала. Софья ее в Дьяково-то никогда так не ела. Фу! Сахар она в кашу могла положить, но не мед. Лучше уж тогда молочка налить...

В Дьяково все знали о ее привычках, но тут она чужая. А остальное?

Ветчина выглядела аппетитно, но мясо? На ночь? Равно, как и сыр, яйца... а тут что? Кисель?

Фу!

Последний продукт Софья ненавидела всеми фибрами души. Сбитень полюбила, квас здесь был выше всяких похвал, а вот кисель... не срослось!

Да и кушать особенно не хотелось. Переживания напрочь отбивали у девушки весь аппетит. Вот в прежней жизни Софья могла смести вагон с плюшками, когда нервничала. В этой же... ее реально тошнило от переживаний. Да и вообще – все тяжелое, жирное, сладкое – на ночь?

Сейчас бы простоквашки. И ягод. Простых, без всего. В крайнем случае – печеных яблочек. Это Софья съела бы. А остальное...

Не хочется – ну и не надо!

Поднос был отодвинут в сторону – вдруг ночью нападёт жор, и девушка принялась готовиться ко сну. Протерлась влажным полотенцем, подумав, что надо себе будет обеспечить банные процедуры. Надела длинную ночную рубашку, подумала – и переделалась наново. Хоть постоянно она здесь и не жила, но кое-какие вещи были. Например, комплект – рубашка-шаровары, сшитый из тонкого льна. Специально, спать в некоторые моменты жизни. Вот не начались бы они от переживаний...

Одежда была выкинута за дверь, слугам. Пусть разберутся.

Теперь помолиться и спать...

Но почему словно струна звучит внутри? Словно кто-то дергает за нерв?

Софья честно пролежала почти час, пытаюсь заснуть. Безуспешно.

Перевозбужденный событиями разум отказывался расслабляться – и средство было только одно. Работа. Утомить себя до такой степени, чтобы упасть носом в документы и уснуть.

Но ежели тетя узнает...

А ежели нет?

Софья быстро оделась и выскользнула в первую комнату. Там клевали носом две служанки и две ее воспитанницы. Девушка приложила палец к губам.

– Так... Марья, пойдешь со мной. Ты, – палец царевны уткнулся в одну из служанок, похожую на царевну телосложением и цветом волос, – как тебя зовут?

– Лушка, государыня.

– Лукерья, иди в опочивальню, раздевайся и ложись на мое место. Ежели моя тетка заглянет, пусть считает, что это я сплю. Вы двое покараулите. Ясно?

Служанки закивали, у воспитанниц в глазах нарисовался вопрос, но Софья тут же его разрешила:

– Я хочу еще поработать, а тетя Анна, ежели заглянет, спуску мне не даст. А к чему лежать, бока пролеживать, коли не уснешь?

Теперь проявилось и понимание. Лушка послушно направилась в спальню, Марья заняла свое место – на два шага позади Софьи. Оставшиеся девушки всем видом

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
выразили желание послужить на благо родины. И Софья тихонько выглянула из
покоев.

Ох рано встает охрана...

А если точнее – спит на посту. Дремали и стрельцы, и казаки... ну, это и понятно. Такой день любого вымотает, это у нее пропеллер в... копчике. Никто и глаз не приоткрыл, когда две тени скользнули прочь, к покоям царевича. В царские Софья соваться не рискнула, а вот к Алексею Алексеевичу – спокойно. А поработать там тоже было над чем. Вон хоть со Строгановым разобраться или почитать письма от иностранных ученых – о русских условиях становилось известно в Европе. И кто ж не захочет приехать на полное обеспечение, да с большим жалованьем, да всего при одном условии? Заниматься любимой работой, при этом обучая не менее трех учеников, которых оплатят из казны?

Так что писали царевичу многие. А еще доносы, челобитные, грамотки от выпускников Школы... Письма в Дьяково переправлять не успевали.

Вот сейчас и почитаем, и отсеем...

Софья удобно устроилась в большом кресле, кивнула Марье.

– Бери себе стопку и начинай. Что я требую – ты знаешь. Грифель слева.

Марья кивнула. Чего ж не знать... поработаем. Спать, конечно, хочется, но царевна бодрствует, а значит, и ей надобно. Конечно, государыня поймет, и спать ее отпустит, но...

Карьеризм у девушек был в крови, а кому не хватало – в тех Софья его тщательно воспитывала. И оказаться полезной государыне для Марьи было важнее, чем выспаться.

Поработаем...

* * *

Яков Федорович Долгоруков ждал.

Да, род Долгоруковых был обширен, силен и богат. А Софья не сообразила сразу приказать схватить их всех. Да и мало ли...

Ну, кричал один дурак, так не все же? И обидного ничего не кричал, просто надо было напугать людей... считай, жертва бунта.

Софья не знала, кто травил отца, Хованский покамест молчал, вот так и вышло, что Яков Федорович остался на свободе. А поскольку был он также стольником царским...

Так в царевнином ужине яд и очутился.

Увы – зря.

Царевна к нему не притронулась, особенно к каше с медом, в которой была его часть, и к киселю. Служанки бы не удержались, но не рядом же с царевниными воспитанницами!

Яков честно ждал несколько часов, понимая, что ежели царевне станет плохо... этот яд не мгновенный, успеют лекаря кликнуть... но все было тихо в Кремле.

Спать легла? Во сне умерла?

Нет, от такой рези в желудке мертвый вскочит!

Значит, не тронула, надо браться за ножи.

Беда в другом – наблюдать за царевниными покоями он не мог. Неоткуда. Не та планировка. А потому и ухода Софьи не заметил.

Равно как и охранники не заметили легкого снотворного в принесенном им кувшине

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
кваса. Не так, чтобы усыпить глубоко. Но погрузить в дрему, которую сильный человек легко одолеет, – вполне. А там возьмут свое и усталость, и нервы...

Потому-то Софье и удалось легко выскользнуть из покоев. И неладного она не заподозрила.

Охрана тоже ничего не подозревала до последнего момента. Пока десяток людей не напал на них.

Казачи умерли первыми, за ними стрельцы.

Вскочили, заметались в покоях служанки, Акси́нья, царевнина воспитанница, взметнулась, услышав за дверью голоса, ринулась за занавесь и притихла там мышкой.

Дверь просто выломали – и внутрь ворвались тати. Оставшаяся служанка заметалась, закричала, но мужчины быстро расправились с девушкой, ворвались в царевнину опочивальню, сгоряча прирезали вторую – и в недоумении замерли над трупом.

Царевны не было.

А где она могла быть?

Поздно!

Акси́нья не зря воспитывалась у Софьи. Это сейчас ее проскочили, а спустя пять минут... она взглянула из-за драпировки.

Всего два человека, остальные в опочивальне.

И девушка скользнула мышкой в выломанную дверь.

Подвернулась деревяшка под ногой, на стук обернулись тати... но поздно, слишком поздно.

Девушка уже неслась по коридору, крича во все горло:

– Убийство!!! Тати на царевну напали!!! Убийство!!!

Удар ножа оборвал крик, но поздно, слишком поздно.

Уже услышали, уже засуетились, уже бежали люди... и заговорщики растерялись. Им бы смешаться с толпой, им бы крикнуть: ищи татя... Вместо этого Долгоруков приготовился обороняться, чем и подписал себе приговор. Что другое, а воевать стрельцы умели.

Татей уверенно загнали в покои, кого ранили, кого посбивали с ног, добавили бердышами, особенно увидев своих же мертвых товарищей...

Прибежала царевна Анна – и в ужасе вскрикнула, глядя на тела. Потом превозмогла себя, наклонилась...

– Сонюшки тут нет!

Толпа – и откуда только их натягивает на место происшествия? – зашумела, бояре переговаривались – мол, царевна-то по ночам где-то шляется, не блудит ли с кем? А с кем? Кто счастливеец?

Причитали какие-то девки, злобно ругались тати, одним словом – все были при деле.

– Что тут происходит?

Софья не орала, нет. Но искусство говорить она освоила в полной мере. И говорила так, что ее слышали за версту. Бояре мигом замолкли и расступились, сверля царевну взглядами.

Но – нет.

Ни беспорядка в одежде, ничего... разве что пара пятен от чернил. Но это-то понятно, ежели ты пишешь что, а во дворце раненой выпью заорут! Тут не то что чернильницу – ведро опрокинешь.

Первым, как ни странно, прокашлялся Василий Голицын:

– Государыня, тут тати ночные хотели...

– На меня покуситься?

Софья насмешливо разглядывала всю картину.

– Так, татей мне не портить, оставьте палачу! И кто у нас тут? Ба, Долгоруков, радость-то какая. Так... Демьян! – имя десятника Софья отлично помнила. – Давай, живой ногой к своим – и чтобы сегодня же все Долгоруковы в Разбойном приказе сидели. Вообще все. Жены, дети, девки дворовые... понял?

Демьян поклонился – и исчез с царских глаз. Принялись рассасываться и бояре, замешкался один Голицын, но после насмешливого взгляда Софьи стушевался – и бочком, бочком исчез в коридорах.

– М-да, не поспала ночь – и пес с ней. – Софья задумчиво откинула назад косу. – Тащим этих умников в пыточную, сейчас разбираться будем. Кто, за что... – и совсем тихо, – кому я еще куда не угодила...

* * *

На разборки ушла вся ночь. А утром, шатающаяся от усталости Софья, пропустив молитву, заявила к царской трапезе. Царица, царевны и даже царевич Владимир встретили ее одинаковым выражением напряженного внимания. Софья сделала ребенку козу и устало уселась на свое место.

– Завтракать будем?

– Соня!

Тетка Татьяна сверкнула глазами. Племянница послала ей невинную улыбку.

– Без завтрака – не расскажу.

Пришлось всем ждать, пока девушка не наполнит тарелку и не проглотит хотя бы пару ложек. А уж потом...

– Что я могу рассказать. – Софья смотрела устало, под глазами залегли синие тени. – Имена сейчас перечислять не буду, но государь был убит.

– Как?!

В едином порыве ахнул весь стол. Да и слуги наострили уши.

– Вот так. Его отравил Михайла Долгоруков. Собственно, там почти все семейство в заговоре. Долгоруковы, Хованские, еще кое-кто по мелочи... Отца отравить, Алексея убить, на трон сел бы Хованский. А дальше... смуту все помнят?

И помнили, и не радовались.

– Это еще не вся интрига. Стоят за ними иезуиты.

– Как?!

Теперь удивлялась только тетка Анна.

– Тетя, милая, мы ведь их сюда не пускаем. Вот и лезут. Один Полоцкий чего стоит...

– Святой человек, – нахмурилась царевна Евдокия.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Софья только фыркнула на старшую сестру.

– Святой? Не будь легковерной, он гад лицемерный... Тьфу! Стихами тут уже заговорила! Он учился у иезуитов – и им же верен и остался. Идея была неплохая. Не пускают? И не надобно, они просто царей на свой лад воспитают... отсюда и академия... Симеону не удалось его планы из-за Дьяково.

Женщины понимающе закивали.

– Но к царю он был приближен. А когда понял, что влияние потерял и его попросят в ближайшее время – решил, что просто надо найти нового царя.

– Сонюшка, это же ужасно...

Софья пожала плечами, глядя на Любаву:

– Ужасно было бы, ежели б мы вчера не успели, а тебя с ребенком бы стрельцы закололи. Вот тогда – да. Ужас. А сегодня уже все в порядке. Конечно, всех заговорщиков мы пока не выловили, но основных уже допрашивают, палачи у нас опытные...

– А потом?

Софья пожала плечами, отправляя в рот ложку красной икры. Вкусно... Это вам не соевый продукт из неясно чего слепленный.

– Дуняша, а что потом? Алешка казнит, как приедет – и все дела.

– Алексей? Не ты?

Софья пожала плечами.

Кое-кого она и сама, конечно. Но основные фигуранты пусть дождутся брата.

– Разберемся...

* * *

Алексей смотрел на стены Керчи.

Да, Керчь.

Какая она?

Величественная.

Внушающая уважение. А если уж более приземленно – с очень толстыми стенами и большим количеством пушек. И все они ориентированы на море. Острые скалы вздымаются вверх, словно хищные клыки, – и, продолжая их, вверх возносятся мощные стены.

Хороша! Восхитительно хороша...

Алексей смотрел на Керчь почти влюбленными глазами.

Как-то вот с суши Керчь еще ни разу не брали. Пытались, конечно, но даже не доходили до нужного места. Погуляй-ка по степи, с татарскими отрядами на плечах, да без воды. А они вот дошли. Высадились на берег в одном дне пути – и проделали марш-бросок.

И теперь перед ними лежала крепость. Как на ладони.

Местность гористая, сложная, пушки тут...

Да не нужны тут пушки. Сильно – не нужны.

Алексей ждал.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

В этот раз они с Иваном Морозовым разделились. Иван должен был подойти к Керчи по морю – и открыть огонь. Пусть отвлекутся, пусть дадут им возможность подойти по суше. А дальше...

А что может быть дальше?

Это раньше были определенные сложности. Толщина стен – четыре-пять метров, пушками их долбить – с ума сойдешь. К тому же защитники стены тоже дремать не станут и начнут сопротивляться. И потянулась волынка. Копать подземный ход, закладывать мину, потом еще как та стена обрушится...

Сейчас же проблем не было. Динамит, как назвала его Софья, мог снести стену без подземного хода. Прикрепил – и удирай. И никаких материальных затрат. Ну, дорогой, конечно, да время и жизни человеческие дороже стоят.

Взорвать стену, войти в город – и убивать всех на своем пути. Десять тысяч человек – это много или мало? В Керчи, конечно, ненамного меньше, но у них будет преимущество внезапности, будут еще кое-какие сюрпризы...

Главная проблема заключалась в другом. Как пройти к городу, не вызвав тревоги? Все-таки десять тысяч человек – не иголка. Пушек они с собой не взяли, и ни к чему, не в этой местности. Зато с собой у них взрывчатка, ручные гранаты, все, что может пригодиться для войны в городе. Они даже обоз не взяли.

Вперед ушли пятьсот человек, которые зачистили округу от татар, а за ними пошло и все войско. С запасом пищи на три дня для каждого. Да, не бог весть что, но вода здесь есть, а значит, ром, сухари, вяленое мясо...

Прожить можно.

Теперь надо было ждать сигнала.

И, словно отвечая мыслям Алексея, с моря донеслись выстрелы.

* * *

Иван Морозов смотрел на Керчь с моря. И ему она казалась очень неприступной.

С другой стороны...

У них были пушки нового образца. Это чего-то да стоит.

У них был греческий огонь.

И им не надо было захватывать город, им надо было продержаться. А если так...

В крепости их заметили, забегали, засуетились... И Иван ждать не стал:

– Огонь!!!

Первая пушка тяжело рывкнула, откатываясь назад. Ядро пролетело с диким воем, ударило в стену, оставило серьезную выбоину, но ведь надо-то больше! И следующий выстрел пушкари скорректировали. Новые дальнобойные пушки позволяли стрелять с хорошего расстояния, на которое не достреливали пушки крепости, так что корабли фактически уничтожали противника, оставаясь безнаказанными.

Несколько кораблей, которые были в Павловском заливе, русские даже расстреливать не стали – ими с удовольствием занялись казацкие чайки. Благо – легкие, быстрые, попасть в них сложно, а народу они могут нести много. Сам же Иван приказал прицельно расстреливать пушки Керчи.

Захватывать крепость он не собирался, этим займется Алексей Алексеевич.

* * *

Царевич честно ждал два часа. Только когда отдельное рывканье пушек перешло в сплошную канонаду, он дал отмашку своим людям.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Задача была не из сложных. Подойти под стены Керчи, закрепить бомбу, уйти. Ну где же обойдется без «тройных коньков»?

В частности – без вездесущего Петьки?

Мальчишка снова вызвался пойти во взрывной команде, как бы опасно это ни было. Хотя – опасно ли? Турки сейчас ничего не замечали, часовые отвлеклись, о тщательном патрулировании и речи не шло. Да и не приходило никому в голову, что кто-то может взять Керчь – с суши!

Потому-то сейчас все и прошло ладно да гладко.

Заложили бомбу, активировали взрыватель, сами успели отойти и укрыться – и тут жажнуло. Да куда как душевнее – в этот раз взрывчатки было еще больше. В стене образовался неплохой такой пролом, в который и пошли строем русские войска.

Сопrotивление?

Помилуйте, о чем речь?

И не такой уж большой гарнизон был у Керчи, и сосредоточен он сейчас был на противоположной стене, там, где бесчинствовали пушки Ивана Морозова, да и когда рядом с тобой такое бухает... тут невольно будешь оглушен. Да и летящие осколки камней здоровья не добавляют.

Так что сопротивления почти не было.

– Григорий – налево, Анфим – направо, я прямо, – скомандовал царевич. Войско поделилось на три части – и мужчины направились, куда указано. К казармам, к пороховому складу, к порту...

Надо сказать, что турки сражались – те, кто смог и успел. А в остальном...

Зачистка – дело привычное. Солдаты шли по улицам, проверяли дома, всех мужчин немедленно либо убивали при попытке сопротивления, либо связывали, так же поступали и с женщинами. С рабов тут же срывали ошейники, кое-кто хватал оружие – и дальше шел за войском.

Турки сопротивлялись бы куда как интенсивнее, но Керчь никогда не брали с суши. Неудобно, не подойдешь, не поставишь пушки, чтобы обрушить стену, да и татары – надежные сторожевые псы.

Не было ранее взрывчатки подобной мощности, да и возможности у русских не было. А сейчас, при соединении одного и второго, получались замечательные результаты.

Столкнулся с организованным сопротивлением Анфим Севастьянович – у казарм. Ну как – организованным? Четыре сотни янычар – и почти тысяча русских?

Янычар положили почти всех, оставшихся чуть ногами не затоптали. Хотя и у Хитрово потери составили чуть ли не пятую часть отряда. Зато пороховой склад удалось захватить без проблем – и Косагов твердо решил не отходить оттуда. Не дай бог, какая шельма факел кинет куда не надо!

Алексею Алексеевичу пришлось сложнее всех.

На стене, обращенной к морю, на тот момент была сосредоточена самая боеспособная часть керченского гарнизона. И приказа «на штурм!!!» русские войска ждать не стали. Они просто ринулись на врага с тыла, вопя что-то бессвязное, сливающееся в единое многоголосое «Ур-р-ра-а-а-а-а!».

Стоит отдать должное мужеству турок – они отчаянно сопротивлялись, но куда там! Посопrotивляешься тут, когда с моря обстрел ведется уж вовсе нагло, а в гавань один за другим входят корабли, казаки высаживаются на берег и лезут штурмовать рavelин, а отогнать-то их и не получается – с другой стороны тоже русские!

К вечеру Керчь была взята. Русским досталась богатая добыча – почти тысяча пленных турок и две тысячи освобожденных рабов. И несколько галер, которые так и не успели выйти из гавани. Слишком разленились экипажи.

Так что спать в эту ночь завоевателям не пришлось. Работали все, не покладая рук. В городе требовалось навести порядок, заделать стену, устроить ревизию, поставить всюду своих людей, проследить, чтобы никто никого не обижал... Турок в принципе и жалко-то не было, как и пленных татар, но... не уничтожать же рабочую силу?!

Ни в коем разе!

* * *

– Вань, ты тут комендантом останешься?

– И отпустить тебя дальше одного? Ни за что!

– А что в этом такого страшного? На полуострове уже наших больше, чем чужих.

– Лешка, хоть ты и царевич, но это не обсуждается. От несчастного случая никто не уберется, а как я Соне в глаза смотреть буду, ежели с тобой что? А меня и рядом не было? Она ж мне голову отгрызет!

– Не отгрызет. Она тебя любит.

– Э, нет. Любит она тебя, а меня... Я для нее как брат.

– Ой ли? – Алексей весело прищурился. – Вань, ты ее любишь?

– Люблю.

– Так женись!

– И кто мне даст?

– Так я и дам. Отец мой не вечен, так что... потом все в твоих руках будет. Да и смерти отца ждать не стоит. Вон, тетка Анна довольна-счастлива, детей прижила. Тетка Татьяна ее путем пойти собирается. Ежели что – неуж твоя матушка ваших детей не примет?

– Она-то примет, но мне Сонюшку неволить неохота.

– А поговорить с ней ты не пробовал?

– А ежели откажет?

– Я сам с ней тогда поговорю.

– Леш... давай мы сами разберемся?

– Год времени даю, потом помогать буду. Понял?

Ваня сверкнул на приятеля глазами. Ладно, вот придет время – разберутся. А пока...

– Так дальше мы куда идем?

– Вы – вдоль берега, мы – по берегу. Кафа, Балаклава, Бахчисарай... а там и с Иваном Сирко встретимся.

– Вот кому бы на Сечи быть...

Алексей покачал головой:

– Вань... воин он от Бога, да вот беда – характерник. Им править нельзя, не тот склад. Он за свою родину стоять счастлив будет, но править – Стенька должен. Да и лет уж Ивану сколько... пусть Степан сначала на него опирается, опосля уже и сам во всю мощь встанет.

– Не боишься, что потом отколется?

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– Нет. Ежели уйдут они от нас – на них мигом хищники найдутся. Да и кровь не водица. Недаром мы за него тетку Татьяну отдавать хотим, привяжет она его крепче любой веревки.

– А Иван в пользу сына не начнет?..

– Так и дети у него... все в отца-волка. Им стаю водить, а не землю холить. Нет, Ваня, тут все верно рассчитано. Скажи, поведешь ты флот далее?

– Попробую...

– А я с войсками по суше пойду. С-степь...

– Не нравится тебе тут...

– Да и тебе ведь тоже. Домой хочется, на Русь-матушку...

Юноши переглянулись, давя тоскливый вздох. Сколь ты земель ни повидай, а все одно, ничего нет на свете краше родины...

* * *

На родине тем временем скучать не приходилось никому.

Софья лично спускалась в пыточную. Выходила блее мела, с черными кругами вокруг глаз, потом долго блевала у себя в покоях, терлась куском ткани, пытаюсь убрать мерзостный запах, но ничего не помогало. Он ей всюду чудился.

Царская семья смотрела на нее с сочувствием, бояре – с ужасом, Софье все было безразлично.

Никто иной не мог сейчас взять в руки все нити и как следует цыкнуть на распоясавшуюся вольницу.

Алексея Михайловича Романова хоронили на следующий день после бунта. Молитвы читали и патриарх, и Аввакум, который таки стал народным героем. Софья подозревала, что следующего патриарха они вместе подбирать будут. Аввакума бы избрать, да не пойдет.

Вся царская семья – в том числе и спешно привезенные из Дьяково младшие царевичи, и все имеющиеся в наличии царевны – шла за гробом. И рыдали, кстати, от души.

Единственное, что Софья позволила сестрам, – это легкие вуали на лица. А в остальном...

Отца проводить надобно. А от своего же, русского народа закрываться? Глупость сие несусветная. Да и клетки ломать надобно, иначе так всю жизнь и просидишь, и не чирикнешь.

Конечно, Евдокия устроила бунт:

– Сонька, ты что?! Вконец с ума спятила?!

Софья зевнула, поднялась на кровати... пять утра? шесть? и кто из них еще спятил?!

Вчера ее едва не убили, а сегодня эта дурища скандалы устраивает?

– Дунька, ты на себя в зеркало смотрела?

Царевна Евдокия замялась.

– А...

– Бэ! Только что петухи пропели, а ты тут ходишь верещишь? Дала бы мне хоть чуть поспать!

По мнению Софьи, она спала не более трех часов. Хорошо хоть молодой организм

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
быстро восстанавливал силы.

– Ты распорядилась, чтобы мы готовы были к заутрене?! А потом отца пойдём провожать по Москве?!

Софья кивнула. Ну да, вчера распорядилась. И что?

– Грех сие!

– Отца проводить?!

– С незакрытыми лицами на люди! Срамота!

– Тьфу! Дурища!

Софья едва в сестру подушкой не запустила. Скандалы та закатывать будет, овца нестриженная! И из-за чего?! Можно подумать, ее, как леди Годиву, по Москве на лошади уговаривают проехаться в одной прическе. Так нет же! Тряпок накручено – на шестерых хватит, а если по XXI веку – то и на десяток девчонок. Но понтов!

Надо ж показать, что она старшая!

– Значит, так – Софья вылезла из-под покрывала и двинулась умываться, все равно больше чем полчаса подремать бы не удалось. – Мы. Все. Идем. За. Отцовским. Гробом. Ясно?

Евдокия невольно кивнула. Слова падали увесисто, не хуже бетонных плит. Даже жутковато как-то становилось. И от тона, и от холодных, слегка прищуренных глаз сестры:

– Если ты не идешь – значит, ты не Романова! Выбирай сама.

– А ежели чей глаз дурной?!

Куда тебе еще дурее быть? – хотелось спросить Софье. Проглотила. И вместо этого вежливо поинтересовалась:

– Ты что, сестричка, в сглазы веришь? Так с этим тебе к протопопу Аввакуму, он разберется.

И резко хлопнула в ладоши. Девушек долго ждать не пришлось, мигом одна в дверь заглянула.

– Проводи сестрицу мою к Аввакуму, – приказала Софья. – А мне чашку кофе и отчет. Дуня, если батюшка скажет, что неприлично мной задуманное – можешь не идти.

Евдокия кивнула и отправилась к Аввакуму. Оно и правильно, еще бы минут десять – и Софья б ее пинками выгнала, а сие урон царской чести. Вот ведь... что бывает, когда ребенком не занимаются! Могла бы быть, как Марфа, а так... полная Дунька! С кикой!

Отчет был прост. Народ горюет о государе, преступники пока не раскололись, старец Симеон еще два раза пытался выйти из дворца...

– Взять и к преступникам, – решила Софья. – Пока не пытаться, а там посмотрим.

– Старец же...

– Они с моим отцом в один год родились. Не рано ли Симеона старцем назвали?

Девушка хлопнула ресницами и ушла исполнять приказ. А Софья допила кофе и направилась одеваться.

Сегодня будет длинный день.

* * *

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
И он таки был длинным. Софья помнила все, как сквозь воду. Отпевание в церкви, сочувствующие лица людей, Любава, которая едва раза три не упала в обморок, но и увести ее не представлялось возможным, заплаканные лица младших...

Да, вот так и становятся старшей сестрой – осознав свою ответственность за других.

Хоронить Алексея Михайловича предстояло в Архангельском соборе – и вся его семья шла за гробом. Софья вела за руки младших детей – Ивана и Феодосию, и так же поступили царевны Анна и Татьяна. Дети жались к ним, словно осиротевшие птенцы, да так ведь оно и было.

Мать, теперь вот отец...

Романовы плакали, не стесняясь – и так же плакал народ. Никто не вспоминал о приличиях в этот миг. Алексея Михайловича любили.

Софья шла.

Разум работал словно бы отдельно от нее...

А будут ли так любить Алешку? Что надо для этого сделать? Хотя и так ясно. Белое особенно бело на фоне черных клякс. Неужто мне придется стать такой кляксой? Тяжко...

Ладно, ради брата я и не на то пойду. Я – сильная. Я – справлюсь.

Плакали, не скрываясь, бояре, рыдали плакальщицы-черницы, плакал народ на улицах... Когда гроб занял свое место, Софья с красного крыльца обратилась к людям:

– Люди добрые! Осиротели мы с вами сегодня! Злой рукой отравлен мой батюшка! По обычаю надобно нового царя на царство провозглашать, да только брат мой старший, Алексей Алексеевич, в чужих землях ноне воюет! Как только вернется он, так и шапкой Мономаховой увенчается, а до той поры обещаю, что сберегу для него трон. Никто из супостатов на него не сядет, а порукой в том моя жизнь и мое слово! Царевны Софьи Алексеевны!

Ее слушали молча, глядели подозрительно. Софья выдохнула. Ежели сейчас она это не переломит...

– Что скажете, люди добрые?! Хотите ли себе в правители Алексея Алексеевича?!

– Хотим! Любо! Романова на царство! – взвилось в разных концах площади несколько голосов – и словно стронувшись с места, площадь загудела, заволновалась...

Любо!

Софья отвесила поясной поклон.

– Тогда быть по вашему слову! Как только брат мой с басурманами погаными разберется да домой вернется – сразу же коронован будет! Покамест же его нет, не могу я Русь православную доверить боярам! Вчера только бунт поднять пытались! Ночью меня убить хотели, а ну как далее на братьев моих или сестер покушаться будут? Не позволю! Родные мои еще малы, царица в слезах, по мужу любимому убивается. – Тут Софья даже и не преувеличила. Идущая за гробом Любава так заливалась слезами, что даже плакальщицы поглядывали уважительно. Естественно, народ это заметил.

– Я вами править не буду, я лишь брата дождусь.

Вот теперь был гул. И был он явно одобрительным. На том Софья развернулась и ушла с крыльца.

Предстояло работать, работать и работать...

Кадры! Полцарства за кадры, все равно с умными людьми я его обратно пригребу!.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Так мало было выпусков из школы! Их бы в десять раз больше... да и тогда еще мало было бы!

* * *

Вильгельм Оранский ехал по главной улице Амстердама.

Ветер доносил с моря запах соли и водорослей, оседал на лице мелкими капельками.

Как же он любил эту страну!

Его дом, его родина, которую чуть не разнесли в клочья по глупости своей и честолюбию подонки де Витты..

Нет, Вильгельм ничуть не жалел о том, что отдал их на растерзание толпе, не жалел и что наградил их убийц вместо того, чтобы предать суду... поделом. Много таких тварей!

К тварям Вильгельм относил большую часть своего окружения, отлично понимая, что пока они служат не ему, а своим интересам. Ну так что же?

Любую тварь можно использовать в нужное время и на своем месте.

Вильгельм еще раз глубоко вдохнул соленый воздух.

Хорошо...

– Господин!!!

Под копыта коня бросились несколько нищих. Вильгельм поморщился. Вот ведь расплодилось, но кивнул стражнику – мол, брось им пару медяков.

Ничего особенного не случилось, просто на миг он остановился. Задержался. И – стал доступен для выстрела.

Загудела негромко тетива арбалета. Глухо свистнул короткий болт.

Попасть точно в цель не требовалось. Достаточно было всего лишь царапнуть.

Впрочем, убийца справился со своей работой.

Вильгельм вскрикнул, схватился за бок, где расплывалось пятно... его тут же закрыли, ошетинились оружием во все стороны, самые рьяные замахнулись на нищих и даже успели зарубить одного. Остальные, со свойственным им крысиным опытом, успели удрать.

Убийцу это уже не интересовало.

Он ушел, бросив на полу чердака арбалет. Отличное, между прочим, оружие.

Высокая точность стрельбы, хорошая пробиваемость – кольчугу пробьет и не задумается, легкий зубчато-реечный взвод...

Естественно, на улицу никто не вышел. У убийцы хватило ума подготовиться и уйти по крышам. На одной отклеилась и убралась в карман борода, на второй был сташен с головы парик, на третьей – отклеены брови, которые отправились в потайной карман к уже имеющемуся. Теперь вывернуть плащ наизнанку.

Вот так.

Нищих нанимал человек в коричневом плаще, с черной бородой и усами, щербатый спереди, лет тридцати на вид, а под гримом оказался молодой мужчина не более двадцати пяти, русоволосый и светлоглазый. Уже потом, на соседней улице, он вышел из дома и быстро смешался с прохожими. Самый обычный человек в плаще серого сукна и широкополой шляпе. Вот только что зубы оттереть от краски на улице не получится, ну это в комнате.

Пройдя два квартала до гостиницы «Зеленый заяц», он вошел внутрь и поднялся в

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
свой номер. Сидящая там девушка встретила его вопросительным взглядом.

– Ранил, – отчитался парень.

– Отлично! Теперь подождать пару дней – и домой. Как раз наше судно отплывет...

– А может, пораньше?

– Ни к чему. Болты остались?

– Да. Я его первым свалил...

– Свалил?

– Поцарапал. Бок, наверное.

Девушка кивнула. Вот что умела Рада, то умела. А именно – готовить яды и противоядия. К этому у нее просто был талант, который и отметил Ибрагим. И царевна распорядилась учить ее как следует. За что девушка век была благодарна.

Ну, тут так вот... у кого к чему дар имеется. Рада была той еще авантюристкой, и выйти замуж и потом тоскливо доживать годы за мужем ее вовсе не устраивало. Это и подметила в ней царевна Софья. И предложила другой выход. Поработать на благо короны.

Как?

Да уж не в постели. По специальности. Яды, языки... мало ли куда поехать надобно, мало ли что узнать придется...

Да, полное прикрытие. Свое поместье, несколько деревенок... да, не сразу. За службу и награда будет. Но Рада знала, что царевна не обманет. А коли захочет она спокойной жизни, так ей и в том помогут. И мужа найдут, и детей, коли что, в царевичеву школу пристроят...

О своих людях на Руси завсегда позаботятся.

А уж такое поручение?..

Сплавать на корабле в Нидерланды, притворяясь супругой русского купца, и приготовить яд? А потом приехать домой и отчитаться?

Рада знала, для кого предназначается снадобье, но сожалений по этому поводу не испытывала.

Вильгельм Оранский?

И? Почему она должна его жалеть?! Кто пожалел девчонку, которая осталась одна на свете после смерти матери? Кто пожалел ее, когда отчим полез под подол?! Кто спас, когда очумевшая от ужаса Радка бросилась бежать на улицу да больше домой и не вернулась? Кто вытащил из сточной канавы? Вылечил, выходил, воспитал, одной из девушек царевны сделал?

Вильгельм?

Вот уж нет.

Преданность девушки принадлежала царевичу и царевне – и точка. Остальное ее не волновало. Попросила бы Софья, так Радка и все штаты Гелдерланда перетравила бы.

– Значит, дня через три все будет кончено.

– А коли противоядие?

Васька, а это был именно он, посмотрел на девушку. Та покачала головой.

– Вот уж нет. Надобно в первые две минуты болт выдернуть, яд отсосать, да рану каленым железом прижечь. А коли то не сделано было – жди похорон.

– Царевна довольна будет.

– Вот и чудненько. Тогда покупаем все потребное и ждем, как наш корабль отойдет.

А то ж!

Убийство – убийством, но Софье нужно было много всего из Нидерландов. Кофе, шоколад, пряности, если получится – нанять специалистов, впрочем, на то были посланы другие люди. А Васька и Рада были просто семейной парой. Да, и такое бывает. Женится купчик и жену оставлять ни на минуту не хочет. Или она его. Благо в Нидерландах женщине в доме сидеть необязательно.

Васька стер с зубов краску, посмотрелся в зеркало и убрал еще пару морщинок, умело нарисованных утром.

Не все так просто было, нет.

Вильгельм имел основания опасаться за свою жизнь – и выслеживать его пришлось достаточно долго. И все же Васька за двадцать дней отметил его любимые маршруты, улицы – не так их много было, по которым штатгальтер мог проехать со свитой, удобные дома для засады...

Рада пару раз посплетничала, прогуливаясь по улицам Амстердама, Васька поставил несколько десятков кружек вина в тавернах местным пьяницам – и картина сложилась.

Да, и такому учили в царевичевой школе.

А как быть? Коли для войны ты слишком слаб, для бумажных дел... не то что не пригоден, нет. Просто с Васькой лично царевич говорил. Ну, к чему парню губить себя, занимаясь тем, что ему никак не надобно?

У него к иным делам талант. А раз он есть... что ж его не развить?

Вот и стали Ваську натаскивать на такое, что он сам удивился.

Вначале.

А потом подумал чуток.

А ведь и то верно, нужны такие, как он, еще как нужны! Это в сказочках правители добрые да чистенькие, а в жизни не получится своего добиться, рук не замарав. Ежели одного врага убить сейчас, так не придется его войско потом уничтожать.

Коли б кто тех разбойников, что Ваську родителей лишили, загодя перерезал, да разве плохо было?!

Васька б в ножки поклонился!

Опять же вот убрали боярина Матвеева – и куда как хорошо?

Царь спокоен в своей семье, царевич спокоен, никто не давит, никто отца с сыном друг против друга не настраивает...

Иногда смерть – это самый лучший выход.

Впрочем, есть и обратная сторона. Конечно, не все проблемы так решать надобно и не всегда. Но на то царевич есть, ему виднее. А Васька...

Он учился.

У Ибрагима, у Матвея, у доброго десятка наставников... Человек – самая хитрая дичь, и охота на него ведется по особым правилам.

Жестоко? Цинично?

Васька, дитя своего века, и слов-то таких не знал. А коли и знал, так к себе не

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru применял, вот еще! Вот коли б он для своего удовольствия или за деньгу какую это делал – тут время встревожиться. А он – не просто так, он во благо государства!

По приказу государя своего, кому он присягу давал...

Нет уж, неправда ваша. Сие не жестокость, сие... чистка леса от волков! Вот!

Кстати, убивать Ваське уже приходилось. И именно что лесных разбойников. На них и натаскивали. И было на счету учтивого улыбчивого юноши уже двенадцать убитых. Вильгельму Оранскому грозило стать тринадцатым.

Оставалось подождать три дня – и собираться домой. Кое-что уже было закуплено и погружено, другое ждало своей очереди.

Домой... на Русь-матушку.

Васька коснулся кармана.

Там, на чердаке, остались несколько мелких монеток и кусок кружева на гвозде. И то и другое ему заботливо выдала Радка.

Французские монетки. И лионское кружево. Да и брошенный арбалет был из Франции.

Искать будут не исполнителя – виновного. Пусть найдут...

* * *

Алексей Алексеевич планировал покинуть Керчь через декаду – как следует отославшись и дав роздых войскам. Не успел.

Утром шестого дня на горизонте показался турецкий флот. Хотя сильный ли?

Нельзя сказать, чтоб слабый – три с лишним десятка галер, галиоты, мелкие фелюги... неприятности доставить может. Но...

Иван Морозов бросил взгляд на друга, получил кивок – мол, отпускаю – и помчался в порт. На корабль.

Алексей Алексеевич тоже отправился на стену, к пушкарям. И еще – отдал приказ. Сменить флаг!

На турецкий!

Бесчестье?!

Э, нет! Военный маневр! Бесчестье – это своих без малейшей помощи бросить. Понятно ж – коли турки поймут, что Керчь захвачена – они поодаль держаться будут. А коли не поймут – так, может, и удастся кого из нехристей ядрами достать?

Алексей Алексеевич и собирался это обеспечить.

Турки медленно приближались, часа через три-четыре они будут здесь. Благо, ветер им благоприятствовал, но в меру. То дул, то начинался штиль – и паруса кораблей обвисали.

За это время надо было собраться, выйти из-за удобного мыса – и встретить врага.

Благо команды искать не пришлось. Отдых – отдыхом, а на корабле люди всегда быть должны. Да и никакого вина или, не дай бог, грабежей в Керчи не было. Алексей Алексеевич туда пришел не за добычей. Он пришел присоединять Керчь к своему царству.

Так что на кораблях играли тревогу, канониры готовились к бою, моряки проверяли оружие...

– Справимся? – Ваня смотрел на Поля Мелье – и марселец кивнул.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– А то ж нет, принц? Справимся! Прикажете выйти им навстречу?

– А лучше...

– Там маневр осуществить можно, а здесь нас пушками могут прикрыть.

– А лучше что?

– Лучше б их сюда под пушки подманить, когда они обо всем позабудут, – ухмыльнулся мужчина.

Иван кивнул:

– Действуй.

И русский флот медленно начал выходить из природной Керченской гавани. Турки шли им навстречу, медленно выстраиваясь в линию, русские суда повторяли их маневр. Теперь уже можно было их подсчитать, хоть и в подзорную трубу.

Свои силы Ваня знал – десяток галер, шестнадцать мелких кораблей и полсотни чаек. А вот навстречу ему медленно и уверенно выходили...

Один, два...

Пятнадцать галер, более тридцати галиотов, с десятков всякой мелочи... Так, мелких кораблей у них почти нет. Это хорошо. А остальное?

Ваня мог бы сейчас отдать команду – уйти.

Он понимал, что это будет правильно. Наверное. Часть флота они здесь точно загубят, но разве можно уйти? Здесь уже пролилась кровь православная, это уже их крепость. Никак ее нельзя оставлять.

– Командуйте, принц!

Боцман подкрался кошкой, серые глаза смотрели с обветренного лица, Ваня глубоко вздохнул.

Командуйте!

Да, он тут старший – по титулу. И даже по званию. А по опыту?

А опыт – вот он, стоит рядом с неизменной короткой трубочкой во рту. И коли Ваня ему не доверится – дураком будет. Ведь не знает же ничего, а туда же! Нет урона чести в том, чтобы довериться более опытному или сознаться в своем незнании. Есть урон в том, что ты умным себя назовешь, а дураком окажешься. И вот этого Ваня не хотел.

– Месье Мелье...

– Просто Поль.

– Поль... принимай командование над кораблем! А заодно – командуй эскадрой!

Ваня смотрел серьезно. А что? Успел он уже оценить боцмана. И на учениях, и пока сюда шли... чего уж! Казаки, кои к иноземцам относились неласково, – и те не брезговали с ним чарку выпить, байки потравить, матросы слушались беспрекословно...

Поль прищурился:

– В уме ли ты, принц?

– Мы ведь этого не умеем ничего... а у тебя опыт есть, в сражениях участвовал, ты сам рассказывал.

– Я ж не офицер. Тут кто поумнее нужен, чтоб маневром командовал. Загублю корабли – что делать будем?

– Все на мне будет. Тебе приказ написать – или кровью подписаться?

Поль глубоко вздохнул. Посмотрел на небо, на море... Отплатить османам хотелось. И Морозова он узнать успел – такой не будет за чужую спину прятаться. Опять же по кораблям преимущество у османов, а вот по орудиям – пожалуй, что и у них... Не по числу, нет. По качеству, дальности, скорострельности...

Есть шансы потрепыхаться:

– Помни свои слова, принц.

– Принимаешь?

Синие глаза встречаются с серыми:

– Принимаю командование. Идем на сближение!

Иван что есть мочи проорал команду, понимая, что сейчас нет времени объяснять всем. Пусть Поль командует под его лицом, там разберемся.

Корабли медленно сходились, турки выстроились в кильватер и принялись делиться на две части, обходя русский флот с двух сторон и пытаясь зажать его в клещи.

Поль, углядев сей маневр, скомандовал выстраиваться клином, чтобы ударить по центру, прорвать турецкий строй, разметать мелочь, казаки прыгнули в стороны своими чайками – им-то было куда как легче. Они ударят в спины...

Ветер, к сожалению, благоприятствовал туркам, но это не повод отступить! Пусть на русских кораблях матросы не так умелы, но старательности у них хватает. И желания драться – тоже. А иногда это бывает важнее.

Вот рывкнула первая пушка, пристреляться. Турки не утерпели первыми, русские ответили – и тут же осознали свое преимущество. Русские пушки достреливали туда, куда не добивали пока турецкие! Этим и воспользовались русские канониры, стреляя, что есть ядер. Пушки окатывали морской водой – и опять стреляли. И воздавали хвалу привезшему орудия царевичу. Так их, нехристей!

* * *

Командующий турецким флотом Пири-паша был весьма недоволен. А кто бы радовался на его месте? Азовское море – тихий и уютный турецкий кармашек, внезапно ошетинился чужими кораблями. То есть изначально-то это были турецкие корабли, определенно, но сейчас над ними реял белый флаг с косым синим крестом. Пири-паша не знал, что это Андреевский флаг, и уж подавно не догадывался, как, покатываясь со смеху, его рисовала царевна Софья, но что-то внутри нехорошо екнуло.

Ну, не был паша великим полководцем, далеко ему было до Хайреддина Барбароссы или даже до знаменитых Пири-реиса, Сейида Али-реиса... что поделывать? Да, османский флот был велик и могущественен, но часто на ключевые посты назначали людей уже не по заслугам, а по протекции. А уж в такую глушь, где только и надо-то было казаков гонять, – тем более!

И откуда тут взялось такое количество чужаков?!

А главное – почему молчат пушки Керчи?!

Хотя... да, пока что эти неверные далековато для пушек. Но зачем они здесь?

Хотя понятно зачем. Хотят взять крепость... глупцы! Да их отсюда сейчас прогнать – и забыть! Ногами запинать!

Рывкнула турецкая пушка, но ядро шлепнулось в воду в пятистах метрах от чужаков. А в следующий миг ответили их пушки.

Аллах!

Пири-паша был поражен. Ядра летели пусть не всегда точно в цель, но дальность и

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
скорострельность пушек противника превосходили те, что имелись на его кораблях. Они еще не достреливали до противника, а тот уже палил вовсю. Вот начала уходить под воду фелюга, пробитая ядром. Над головой паши бухнуло – и он обнаружил здоровущую дыру в парусе.

Ситуация становилась... неприятной.

Хорошо, что он шел не в первых рядах, потому что головной корабль уже потерпел урон от этих детей иблиса, на палубе галеры «Жемчужина халифа» черным дымом чадили костры... что у них с ядрами?!

Почему никак не потушат огонь?!

Что верно, то верно, у турок до сих пор в ходу были каменные ядра, а вот Алексей Алексеевич и Софья не пожалели денег на оружие. В том числе и на обыкновенные бомбы...

А еще – кнippiели, зажигательные ядра, даже обычные кувшины с греческим огнем – пусть ими не выстрелишь из пушки, но... Десяток глиняных ядер, одно зажигательное – и о корабле можно не беспокоиться. Ему будет не до стрельбы, за борт успеть бы попрыгать, пока все не погорят! Великая вещь – брандскугели!

Русские выстраивались острым клином, собираясь то ли перекрыть ветер, то ли просто занять более выгодную позицию, то ли...

От обилия идей у Пири-паши ум за разум заходил!

Ну кто их поймет – этих неверных, не знающих истинного пророка?! Ладно, можно попробовать оттеснить их к Керчи, а там ими займутся береговые батареи.

Впрочем, Поль и не намеревался просвещать Пири-пашу. Он собирался сначала как следует расстрелять турецкие корабли, а потом вступить в схватки. Абордаж – штука такая... там выигрывают не более опытные моряки, а более умелые вояки. А уж таких на русских кораблях хватало!

Тем временем...

* * *

Может ли больно ужалить пчела?

Вполне. Укус может быть даже смертельным, ежели выбрать нужное место. Например, язык. Или гортань.

И этим собирались заняться две казачьих чайки. Когда турецкий флот начал перестраиваться, они, согласно приказу, направились в разные стороны, так, чтобы оказаться за крыльями турецкого построения. Так легче достать корабли.

Греческий огонь – штука такая... Скажите, а как поведет себя собака, у которой на хвосте загорится пламя?

Флагман узнать было несложно. Знамя, опять же размеры, украшения... но на всякий случай был выбран и еще один корабль. И казаки спокойно и серьезно готовились.

Готовились вместе с ними и два «троянских конька», по одному на каждую чайку. Павел и Илья. Казаки чертовски не хотели брать мальчишек в бой, тем более, на брандеры, но выбора не было.

Чайки, конечно, было жалко. Но с них давно сняли все оружие, оставили только бочки с дьявольским снадобьем... ладно уж!

С турок втрое возьмем!

Пока перестреливались большие корабли, на мелочь мало кто обращал внимание. Турецкие фелюги, конечно, пытались подойти поближе, но не дураки ж русские – оставлять брандеры без защиты?

Отогнать противника было несложно. Павел смотрел на все громадными глазами.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Сейчас им предстояло подойти поближе, в последний миг, за пару минут до столкновения, поджечь мину – и удрать.

Успеют ли?

Риск, как ни крути – риск. Но и выбора нет.

Благо нужный момент не надо было угадывать – надо было просто следить за сигналами. Флаги, вспышки гелиографа.. «тройные коньки» умели их читать, а на мачте флагмана сидел такой же мальчишка. Который мог подавать сигналы по эскадре. Пусть у турок было преимущество в людях и кораблях, зато русский флот мог похвалиться согласованностью действий, которая в морском бою стоила дороже.

А вот и сигнал! Вспышка – и дубль флагами! Мало ли, не заметят!

– Ну, с Богом!

Все согласно перекрестились и принялись занимать свои места.

Пашка устроился на носу, у взрывчатки. Чайка медленно, бочком обходя уже кипящие схватки – то там, то тут казаки набрасывались на фелюги, а занятые русским флотом турки не могли помочь своим, – поползла к флагману.

* * *

– Стреляйте по ним, шакалы дети!!! Стреляйте!!!

Пири-паша был в бешенстве. Пока они подходили к этим детям шайтана, русские уже успели их обстрелять – и нанести серьезный урон кораблям. Чуть ли не половина галер выбыла из боя еще до его начала – на палубах разгорался огонь, который просто нельзя было потушить водой. Неужто русские свиньи узнали секрет греческого огня?!

Секрет, которым и османы не владели?

Паша поежился.

А если это попадет в его корабль? Конечно, он предусмотрительно держался в центре линии, но мало ли?..

Не стоит ли выйти из боя?

Русские, впрочем, таких стремлений не проявляли. Вот начали сближаться два корабля, с русского полетели веревки с абордажными крюками, притягивая их вплотную..

Пири-паша был занят.

Так занят, что брандер увидел минуты за две до столкновения. Сначала турки даже не поняли, что это такое. А потом, при виде мальчишки с факелом на носу корабля, при виде сосредоточенных лиц казаков..

Вот тут Пири-паше стало страшно.

– В сторону!!! В сторону, дети шакалов!!!

Это были последние его слова, не считая грязной ругани.

Налегли на весла рабы, засвистели бичи надсмотрщиков, но – поздно. Чайка, идя под ветер, развила неплохую скорость – и врезалась в незащищенный флагманский бок ровно за пару секунд до взрыва.

Грохнуло так, что на миг все даже прекратили перестрелку.

Флагман турецкого флота горел свечкой, через борта в воду сыпались турки – кто успел, конечно, в строю возникло замешательство – и тут с другой стороны донесся такой же взрыв.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Конечно, ничего сверхъестественного в этом совпадении не было, просто флажковая азбука, которую отлично знали все «троянские коньки» – два на брандерах и третий в «люльке» на мачте русского флагмана. Один просигналил, два прочитали – и вот она, синхронность, плюс-минус пара минут.

Турки... оторопели.

Иного слова и подобрать было нельзя. Вот они вели перестрелку с противником, никоим образом их не превосходящим, а вот уже убит командир, взорваны брандерами два корабля... А если там есть еще брандеры?

Строй рассыпался, словно по карточному домику ногтем щелкнули. Русские корабли еще пытались преследовать противника, но разве их догонишь против ветра? Страх за свою шкуру – лучший ускоритель всех времен и народов.

Иван Морозов смотрел с мостика корабля – и не верил себе.

Неужели – все?!

Кое-где еще кипела схватка, еще дрались на нескольких кораблях, но рядом уже крутились казачьи чайки, забрасывали крючья, лезли через борт на турецкие суда...

– Победа? – спросил он у Поля, который все это время стоял рядом.

И получил утвердительный кивок головой:

– Победа, принц!

А в следующий миг Иван просто крепко обнял боцмана. Снял с руки перстень с рубином, протянул...

– Спасибо, друг. За нами не забудется!

Поль усмехнулся, но перстень взял. Примерил на мизинец – остальные пальцы не подходили, кивнул.

Впрочем, если он надеялся, что этим благодарностью и закончится, – зря.

Этим же вечером Поля Мелье не стало.

Был Поля Мелье, а стал русский дворянин Павел Мельин. Царевич Алексей Алексеевич написал ему жалованную грамоту на две деревеньки и обещал еще денег, как домой вернуться.

Принимайте награды и командование Азовским флотом, адмирал Мельин.

* * *

Бояре смотрели ошалелыми глазами, иначе и не скажешь. Не бывало еще такого на Руси православной. Чтобы собрали Боярскую думу, да в тронный зал вошел не царь, а царица, да как...

Софья шла молча. Ничего нового в царице не прибавилось: ни дорогих украшений, ни изукрашенной одежды – простое черное платье. Два кольца на тонких пальцах да – новшество – тонкий венец на непокрытой голове. Темная коса змеится по платью, а голова не опущена, глаза скользят, словно бы ненароком, по боярским лицам, губы стиснуты и выражение лица у нее... такое...

Не подобает такого порядочной-то девице.

И... что это у нее в руке? Плеть, не иначе. Не та ли, которой Тараруя?..

Впрочем, осудить царицу не рискнул никто.

Ибо шли за ней рука об руку патриарх Питирим и протопоп Аввакум – и глядели так, что пропадала всякая охота спорить. Стало быть, патриарху хорошо, а тебе, боярин, неладно? Не многовато ли на себя берешь?

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Софья шла молча. Да, знать бы им, толстомясым, сколько она усилий приложила, убеждая обоих священников. Убедила. Из шкуры вывернулась. Хотя протопоп и так ее поддерживал, видя, что не во зло сие. Просто иначе никак с ней не управиться, с боярской-то вольницей. Да и бунт, едва не вспыхнувший, был хорошим аргументом. Для Питирима же иные доводы нашлись, тому Софья больше на чувство вины давила. Когда брата чуть не свергли – молчал? Вот и сейчас молчи! Алексей ведь вернется и все припомнит...

И с этим спорить никто не решался. Любому, кто усомнился бы в возвращении по осени царевича, Софья бы глаза выцарапала.

Свита? Рынды, сенные девушки, боярыни... никого. Вся свита за дверью осталась. Родные хотели пойти с Софьей, но она запретила. Ни к чему сейчас, в следующий раз тогда...

Вот и трон... неужто?

Нет, на это Софья не пошла. Могла бы, но не сочла нужным. Заранее все продумала. Уселась на ступеньки, ведущие к трону – и бояре чуть да перевели дух. Все ж таки не окончательно мир с ума сошел, не командует еще девка государством!

Из-под темной одежды показался носок башмачка, коса на пол спустилась, церковники места по обе стороны от царевны заняли, как бы показывая, что верой крепко государство.

– Что скажете, мужи честные? – Софья смотрела прямо.

И первым – кто б сомневался? – выскочил Милославский:

– Государыня... позволь узнать, что значит сие? Не бывало на Руси подобного!

Что верно – то верно. Но Софья и не собиралась править.

– Неуж не ясно тебе, дядюшка? Отец мой умер, брат мой далеко, остальные в нашей семье не в силах справиться с горем. А потому, покамест Алеша не вернется, править буду я.

Вот тут Боярская дума взволновалась. Зашумела, загомонила... одно дело – ответа требовать, это царевна еще может, но чтобы так?

– А не тяжело ль будет сие? – поднялся боярин Шереметев.

Софья взглянула на него темными глазами.

Петр Васильевич, умный мужчина, в годах уже, ну да ладно. Вот Милославских недолюбливает и вполне взаимно. А стало быть – и ее.

– Коли бояре помогут мне, как это пристало слугам отечества, – тяжело не будет. А коли нет...

Пальцы Софьи выразительно легли на плеть, стиснули рукоять... к чести Шереметева, он не испугался:

– Не к лицу бы царевне и речи такие, и поведение...

– Не к лицу бы боярам вечор под кроватями прятаться да друг на друга наушничать, – съязвила Софья. – А коли поступили, как подлые люди, так и разговор с вами иной будет, и спрос тако же...

– Не много ль берешь на себя, девка?!

Софья прищурилась на мужчину. Нехорошо так, серьезно:

– Князь Голицын, надо же... Нет, не много беру. Ты же до сих пор не повешен, хотя Тараруй тебя упорно оговаривает.

Князя оказалось не так легко запугать:

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– Повешен? А за что это? За наветы пустые?! Верный я слуга царю, а вот тебе б, царевна, сидеть у себя в светлице, а не ходить простоволосой, как девка непотребная...

Софья недобро усмехнулась, трижды в ладоши хлопнула – и дверь распахнулась. На золотом подносе внесли бумажные листы, поставили у ног царевны с поклонами.

– Вот показания Тараруя. Известно ему, что государя, отца моего, хитрым ядом травили – и делал это стольник его, Долгоруков Мишка. А ты, Алешка, ему способствовал в том, и не единожды. Кто захочет – читайте, копий наделано более чем достаточно.

Софья недаром назначила это собрание на полдень. Хованский действительно начал колотиться, так что доказательства у нее были.

Голицын побледнел:

– Сие гнусный оговор, государыня.

Угу. Уже государыня. Повинуясь кивку Софьи, служанки принялись с поклонами подавать боярам листки допросов с нужными выписками. Как угроза дыбы и плахи повышает вежливость!

– А вот мы и посмотрим, оговор или нет. Домашних твоих опросим, дом обыщем, очную ставку устроим... Не всех змей я еще выловила, не всех...

Голос Софьи сорвался на шипение, глаза горели, она чуть подалась вперед – и как-то ей это удавалось? Сидя на ступеньках трона, в простом черном платье, с мраморно-бледным лицом – она была похожа на тварь из тех, что не упоминают к ночи. И впечатление это только усиливали священники в простых же черных рясах. Три пятна тьмы среди позолоты и ярких солнечных тонов, которые так любил Алексей Михайлович, били по глазам, привлекали к себе внимание... на что и было рассчитано.

– Стража!

Стрельцы, из оставшихся верными, ждуть себя не заставили – и в палате осталось на пять человек меньше, чем пришло. Голицын, Соковнин, Лопухин, Одоевский, Троекуров – все было проделано так быстро и ловко, что никто и пискнуть не успел.

– А теперь поговорим серьезно.

Софья взяла с другого – и когда успели заменить? – подноса свиток бумаги, встряхнула...

– Прочтите, бояре, указы – и будем их в жизнь проводить.

Вот теперь, когда они были приведены в должное состояние, Софья могла работать спокойно. Теперь можно было обсудить письма к иноземным правителям с предложениями брака, теперь можно было сообщить, что надобно направить рудознатцев под Липецк – Софья отлично помнила, какое там было металлургическое производство, теперь можно было положить проект приказа о том, что ни один человек на государеву службу без образования более не попадет...

Можно потребовать, чтобы не только сыновьям, но и дочерям учителей нанимали. Нечего на Руси дур плодить, всякому известно, что от глупой жены умных детей не дождаться. Уж сколько это Софья в своем времени видела!

Теперь можно будет поговорить и о налогообложении, и о приказах, и о крепостях на границе, и о пушках, и о кораблях с каналами, и о всяком прочем...

Конечно, пугать их придется все то время, пока Алешки тут не будет, но не срывать же брата?

Софья отлично знала: дойди к нему письмо о смерти отца – он быстрее ветра помчится в Москву. А – нельзя. И войско бросать нельзя, и войну на этом этапе – тоже, и одному ехать опасно – нет уж!

Он – там. Она – здесь. И победа будет за ними.

* * *

Только в пять часов вечера Софья оказалась в своей горнице. Ненадолго, конечно, сейчас надобно идти к семье...

Царевна вошла в комнату, скинула с ног туфли... вот почему так бывает?

Хоть и из тончайшей кожи их шьют, и точно по мерке, но ежели туфля новая – то хоть где-то да натрет. Это, наверное, в любом веке так.

Тайный заговор тапочек против людей.

Девушки захопотали вокруг, молча, но уверенно. Стерли с лица Софьи полкило косметики, наложенной с расчетом произвести впечатление, расплели косу, принялись массировать виски.

Царевна несколько минут сидела, откинувшись назад, потом нарушила молчание:

– Ну, кто что увидел?

Благо потайных отверстий в тронном зале на десяток девушек хватало. Вперебой, впрочем, не заговорили, начали по старшинству.

– Патриарх, хоть и молчал, но не по нутру ему все это. Он на бояр так смотрел, словно умолял прекратить...

– Воротынский явно смотрел одобрительно.

– Милославский выгоду искать будет...

Софья внимательно слушала, сравнивала со своими наблюдениями. Ну да, сегодняшнее выступление было постановочным. Отсюда и черное платье, и лицо, ставшее чуть ли не мертвенно-белым, и подведенные глаза, и подчеркнутые губы – нарочитый стиль, нивелирующий личность, но создающий ведьму. Отсюда и непокрытая голова – с образом не вязалось. Зато коса и венец куда как лучше смотрелись по контрасту со спокойным лицом. Другое дело, что зализывать волосы пришлось без всякой жалости, так, что теперь в висках ломило.

И арест...

Сложно было схватить мерзавцев с утра?

Да ничуть. Но – не так страшно. А вот сейчас... когда только что этот человек сидел рядом с тобой, а теперь его нет – он в пыточном приказе и может оттуда не выйти, несмотря ни на боярство, ни на княжеский титул... и это ведь главные. А есть, как и в любом заговоре, мелкая шушера, и ею тоже предстоит заниматься. Сорняки не по крупности пропальвают, а в принципе. Иначе через два дня опять грядка не тем заколосится.

Пусть ее назовут кровавой царевной, пусть. Но Алешка получит благодарных ему бояр.

– К вам, царевна, царевич Федор.

Софья кивнула девушке:

– Проси. А вы выйдите пока.

Рокировка была произведена мгновенно – и вот стоит мальчишка, смотрит ей прямо в глаза.

– Что случилось, братик?

– Соня... ты править хочешь?

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
У Софьи глаза стали квадратными:

– Федя, ты с ума сошел? На кой черт мне этот хомут?!

Брат мгновенно успокоился, словно с плеч тяжесть скинул.

– Вот и я подумал, что тебе это не надобно. Но спросить должен был... после сегодняшнего.

Софья кивнула на кресло:

– Садись, поговорим. Почему ты решил, что мне нужна власть?

– Ты сегодня пошла одна. Никого не позвала с собой...

– Так было надо. Если бы со мной пошли ты или Ванечка – это можно было бы потом счесть... нет, не как бунт против брата, но... вас могли бы попробовать на прочность. А вы ведь этого не хотите. У вас свои призвания. Наука, церковь...

– А Любава?

– С ее слезами? Она замечательная девочка, и нашему отцу повезло, но она – не воин. А я сегодня сражалась, разве что не оружием.

– Про теток и сестер не спрашиваю. Понимаю, – усмехнулся подросток.

– А раз понимаешь – должен и другое понять. Сейчас все мы будем... ждать. А ожидание – тягостная штука. И к тебе будут искать подходы.

– О чем я должен сообщать тебе. Верно?

– Абсолютно.

– Хорошо, что ты можешь копаться в этой грязи. Я бы с ума сошел.

– Феденька, а куда мне деться? Грош цена государству, где без государя все разваливается на глазах. Нам еще эту постройку крепить и крепить...

– Своей кровью, – мрачно закончил подросток.

– И детей, и внуков... Тебя через пару лет надо будет женить. У Жуана Браганского есть дочь, на год или около того младше тебя...

– Соня, ты это всерьез?

– Вполне. Мы можем взять неплохое приданое за девочкой, да и сами найдем, что дать взамен.

– А... я не хочу жениться! Я еще слишком молод!

– Речь пойдет и не об этом. Пусть невеста приедет к нам, поживет с нами, поглядим на ее воспитание, а там... либо ты, либо Ванечка.

– А почему не Алексей?

– Не знаю. На его выбор. Но для королевы... не знаю. Надо подумать, но вообще-то короля надобно повыгоднее продавать.

– Он тебе что – мясо на рынке?

Федя был искренне возмущен. Софья усмехнулась краешком губ. Эх, братик...

– Не мясо, но все мы товар на брачном рынке. И ты не представляешь, Федя, насколько ценный. Старый род, в родстве с Рюриковичами, не связанный до сей поры ни с кем... громадная территория, богатство, чистая кровь...

– Чистая кровь?

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– Они в Европах так между собой перероднились, что в каждом втором браке уроды рождаются. А у нас пока родства с ними нет...

– А надобно ли при таком раскладе нам свою кровь их кровями портить?

– Так и мы ж не лыком шиты, плохих не возьмем.

– А Алексей одобрит?

Софья пожала плечами:

– Не знаю. Но неужто сложно посмотреть на принцессу? Чай, кусок не отвалится?

– Ох, Соня... хитрюга ты!

Софья усмехнулась:

– Федь, я ведь не для себя. Мне оно сто лет не надобно, я и вовсе замуж не хочу. И власть мне не нужна. А вот чтобы моя страна, мой дом, моя родина были сильными и выстояли и тысячелетия простояли...

– А по силам ли ты дерево рубишь?

Софья покачала головой:

– Нет, Федя. Одной мне оно не по силам. А вот ежели все мы, Романовы, навалимся

– тогда справимся. Но только все. Подумай над этим...

– Я подумую. Куда ты теперь?

– К палачам, узнать, что новенького. К патриарху.

– До ужина успеешь?

– Постараюсь.

Софья поцеловала брата в щеку, и Федя ушел. А девушка принялась собираться.

Опять в этот бой с головой, и сердце трепещет в груди...

* * *

Каждый день, как в бой. Каждый. И нет нам покоя. Гори, но живи... так может, так и стоит жить?! В огне – и отдавая всю себя без остатка?

Нет ответа...

* * *

В Нидерландах царило отчаяние.

Несколько дней назад умер Вильгельм Оранский. Умер от горячки, вызванной раной. Стрелявшего так и не нашли, но настроение в Нидерландах было то еще.

Проклятые французы!

Они, точно они! А кому еще это было выгодно?!

Мерзавцы! Все этот гнусный Людовик четырнадцатый! Негодяй, мерзавец!!!

Нидерланды мечтали о мести.

Но вот проблема – кто должен был мстить?

Вильгельм был последним в своем роду, после его смерти династия Оранских обрывалась. Права на трон имели Нассау-Диленбургские, Нассау-Зиген, но последний был слишком стар и бездетен.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Нассау-Диленбургские? Тоже не выход. А есть ведь еще и принцесса Луиза, вышедшая замуж за Фридриха Гогенцоллерна. Но... как-то вот последнего не хотелось. Слишком уж он был... великим.

Возможно, кто-то из его детей? А пока править будут штаты?!

Нидерланды бурлили, словно кипящий котел. А войска противника бесчинствовали на суше и на море. В одной из морских битв погиб великий де Рюйтер, после чего положение на море у Нидерландов стало уж вовсе грустным.

Впрочем, Васька с Радой успели выбраться. И ничуть не сожалели о сделанном.

Был приказ? Был.

Выполнен? Да.

Софья осталась довольна.

Весточку из Нидерландов она получила достаточно быстро и теперь потирала руки. Надобно отправить туда людей для вербовки – скоро начнется отток мозгов в соседние страны. Те, кто поумнее, побегут только так. Почему бы и не на Русь?

Голландцы прекрасные мореходы, инженеры...

А у нее верфи, корабли, шлюзы, канал, дороги, дамбы... все надо строить, надо торговать, надо...

жестоко?

Нет уж. Жестокость – это когда получаешь удовольствие. А для нее сейчас есть экономическая целесообразность. Пусть она будет проклята, но Русь на ноги встанет! И начнет – при ней. И никто, никогда не сможет угрожать ей на суше или на море.

Не будет Вильгельма Оранского – не будет сильных Нидерландов и сильной Англии. Зато свои куски урвут Кельн и Мюнстер.

И она.

А то, что подозрение пало на Францию... ну что ж. Судьба такая... Не все Людовику радости, надо немножко гадости. Даже если он догадается, кто ему так напакостил, все равно доказательств не будет.

К тому же ее ребята привезли чай, кофе, пряности – для Школы все подойдет. И – да, десятка два луковиц тюльпанов.

Нидерланды переживали тот самый тюльпановый бум. Софья только фыркнула. Подумаешь...

Но тюльпаны распорядилась высадить в царской оранжерее. И как следует наградить ребят. Заслужили. Еще как заслужили!

Есть в этом какая-то циничная справедливость. Вильгельм наградил убийц де Виттов, она награждает его убийц...

Да, теперь у Якова есть непристроенная дочь. Принцесса Мария... но надобно ли на Руси такое добро? Нет. Свататься к ней Софья не собиралась. Тем более – для Алексея, единственного, кто подходил по возрасту.

Перебьются. Пусть вон за испанского Карла ее замуж выдают! Его все равно не жалко. С Францией он породнился, теперь еще и с Англией...

Впрочем, король Яков и не подыскивал супруга для дочери на Руси. Он прикидывал, кто может послужить заменой Вильгельма Оранского, и выжидал. Не в его же стране война? Можно и посмотреть, чем дело кончится.

* * *

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Крым агонизировал.

Точнее, агонизировало вольное татарское житье-бытье. Их чесали с трех сторон, лупили без малейшей жалости и милосердия, поджигали стойбища, освобождали рабов, угоняли в плен тех, кто вчера еще мнил себя господином...

По землям Крыма двигались три войска.

Первое – вдоль побережья, царевича Алексея Алексеевича. Параллельно с флотом, продвигаясь к Бахчисараю, вырезая все на своем пути, время от времени принимая бой с не крупными силами противника – не было у турок в этом районе серьезного флота. Вроде как и ни к чему.

кто ж будет боевой корабль держать в болотце на заднем дворе? Османы и не держали.

Чорбаскары, Кафа, Судак... города ложились им под ноги. Угроза с воды, угроза с суши... повоевать всерьез пришлось только в Кафе. Да и то сказать – в Кафе были крупнейшие рабские рынки, а потому обычное предложение о сдаче – вон отсюда с тем, что на себе унесете, было встречено без энтузиазма. Рабов же на себе не унесешь, а какая прибыль теряется!

Нет, так дело не пойдет!

После отказа Алексей Алексеевич взбеленился – и приказал штурмовать.

Пусть крепки были стены Кафы – одиннадцать метров ввысоту, два в ширину, но это был не город воинов. Отнюдь.

Торговцы, и только они заполняли улицы. В гавани стояли десятки, едва ли не сотни купеческих кораблей... и по ним без всякой жалости прошелся пушками адмирал Мельин. А сражаться?

А чтобы сражаться, надо сначала выйти из порта, развернуться к врагу... да кто ж дал бы им этот шанс?!

Ежели сначала на горизонте появился флот, а уж потом...

Сейчас захваченных кораблей хватало для перевозки войска – чем и пользовался Алексей Алексеевич. Разве плохо? Часть войска идет по суше, часть на кораблях, раненые только на корабле, да и провиант перевозить удобнее, и воду...

Да, вода.

Вот где была главная проблема. Зная от Софьи, что не так страшен поход, как его последствия, Алексей особое внимание уделял гигиене. Воду – только кипятить, в крайнем случае мешать с вином, уксусом, брусничным, клюквенным соком. За нарушение приказа – палкой по хребту, все безболезненнее выйдет. Продукты хранить со всеми предосторожностями, ничего гнилого в пищу не класть, нужники устраивать не рядом с палатками, а чуть поодаль – сразу десяток на все войско...

Что-что, а элементарные азы гигиены Софья брату вбила в голову накрепко – и потому удалось избежать в войсках приступов кишечных инфекций.

Что у русских, что у казаков...

Кто сказал, что война – это с саблей на лихом коне? Это для гусар так было! А для полководца – это всегда тяжелый каторжный труд, иначе и не скажешь. Куча мелких дел, которыми приходится заниматься, вплоть до донесений о заболевшей лошади. Казалось бы – подумаешь, лошадь заболела! Авось не сдохнет...

А если?

От болезни еще ни одного коня не застраховали. Вообще пока страховых компаний не было. Пара эпидемий – и останешься ты без войска. Легкой конницей были башкиры, казахи, и без них куда как тяжелее станет отбиваться от татарских налетов.

Да, не привыкла татарва воевать. Вот налеты, прийти, пограбить, пожечь – это их,
Страница 113

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
это влегкую. А вот когда война приходит к ним...

Главное богатство кочевого народа – это его стада. И как их спрятать в степи? Да никак. А по следам стада легко найти и стойбище. А зачистка...

Жестоко?

Гуманисты тоже еще не родились, а те, кто родился, тщательно маскировались, ибо жестокий век не признавал никаких доводов в пользу человеколюбия.

И даже попытки татар поджечь степь не давали результата. Хорошо поджигать, когда врагу спастись некуда. А ежели рядом корабли? И есть где переждать опасность?

Алексей, впрочем, не расслаблялся. И Кафа показала, что он прав.

Сначала город приготовился к сопротивлению. Сначала...

Войско, как и положено, подошло к стенам города. Алексей Алексеевич пожелал говорить с командиром гарнизона – и на стену явился Юсуф-паша. Кстати – дальний родич прославленных Кеprüлю, мужчина умный и серьезный. Абы кто в таком городе наместником султана не станет, просто не сможет все это держать в узде. И вежливо поинтересовался: чего желает русский царевич?

Царевич желал город. Турки могли погрузиться на галеры и проваливать к себе, татарам предлагалось остаться. Да, и рабов тоже оставить. С собой можете взять то, что унесете на себе. Да, городская казна тоже остается. Расходы на войну надо как-то окупать.

Юсуф-паша в самых обходительных выражениях уточнил, отдает ли русский царевич себе отчет в происходящем. У него десяти тысячный гарнизон, у него почти сотня кораблей, в городе есть и провизия, и колодцы. К тому же должен подойти флот Пири-паши...

Ах, уже не должен?

Жаль, очень жаль. Но ведь он не один, этот флот! Османы такого не простят! Нет, ни за что не простят!

Алексей Алексеевич так же вежливо разъяснил, что Османы ему не указ. Ибо они – далеко. И у них свои войны. С Венецией, Персией, Австрией, опять же на море турок теснят, на чем свет стоит – одним словом, товарищи раньше надорвутся, чем сюда примчатся. Тем более так скоро, как того требует ситуация.

Юсуф-паша вежливо напомнил, что стены Кафы крепки и могущественны. Более десяти метров в высоту... и царевич рискует долго просидеть под теми стенами.

Царевич пожал плечами. У него хватит отрядов, чтобы заблокировать выход из Кафы – и сделать ее ловушкой. Сам он пойдет дальше, а вот вы останетесь здесь.

Без подкрепления, без помощи, без продовольствия... ах да, и без кораблей! Потому что последние просто сожгут.

Да и насчет стен – еще вопрос, так ли они неприступны. Наука – великая штука. Или шутка... одним словом – в Керчи и Азове тоже думали, что их стены прочны, но пали ведь...

Юсуф-паша опечалился. И сделал то, что и должен был сделать умный человек.

Попросил время на размышление.

* * *

Поль Мелье сидел на палубе корабля, посасывал трубочку, в которой не было табака, и размышлял о жизни. Вот ведь она как оборачивается-то!

Вырос на кораблях, прошел путь от юнги до боцмана, бывал ранен, попадал в плен – и в последний раз думал уже, что жизнь кончена.

Ан нет.

Павел Мельин, изволите ли видеть...

Закурить, что ли? Или просто табачку пожевать?

Мода на курение пошла не так давно, но моряки к ней пристрастились быстро. В том числе и Польша. В плену у турок такой возможности, конечно, не было. А вот на Руси...

А на Руси не любили табак, считая его дьявольским зельем. Ну, Польша и не стал его употреблять. А иногда хотелось, очень хотелось. Но...

Русский дворянин.

Обычный мальчишка из Марселя.

Русский адмирал.

Обычный боцман на французском корабле.

Франция, милая любимая родина... вернуться туда? Когда-то доведется? А вернуться обязательно надо, хотя бы чтоб семью забрать...

Да, именно так! Забрать семью и попробовать поехать на Русь. Царевич уже обещал, что адмиральского места Польша не лишат, но желательно в таком случае было бы, чтобы он принял русское подданство. Хорошо бы еще и веру, но тут уж – по желанию.

Вот на этом месте Польша в свое время споткнулся. Он-то был добрым католиком и не имел никакого намерения менять веру отцов, но тут уже широту души проявил государь.

Польша, Бог един. А то, что придумали люди, пусть для них и остается. Мой зять – католик, а моя сестра никогда не забудет веру предков, но они счастливы. Разве этого мало? Проявляйте уважение к обычаям страны, где вы будете жить, – и этого будет довольно.

Так, может, стоит съездить на родину, перевезти сюда родителей, жену, детей... им здесь наверняка будет хорошо...

– Адмирал, слышите?

Не просто так Польша предавался размышлениям, ой не просто. Обговорив все с царевичем и с Иваном Морозовым, они были более чем уверены, что часть турецких кораблей постарается под покровом ночи выскользнуть из гавани. И – ждали.

Так оно и вышло.

Шесть галер и несколько фелюг попытались сквозануть в темноту...

А зря.

Казачьим чайкам они были на один зуб, но требовались не просто казаки с их абордажем, о нет! Требовалось напугать!

А потому...

Казаки просто обнаружили беглецов и подали сигнал, а уж Польша распорядился дальше. И именно он командовал – огонь! И следил, как по правому борту расползаются два громадных костра. Стреляли-то сначала «греческим огнем», а потом зажигательными снарядами. Так что...

Две галеры горели свечками, кто успел – прыгали за борт, оттуда доносились истошные крики рабов...

Еще четыре окружили и брали на абордаж. Эти выжили, те умерли... почему?

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Как говорят сами турки – кисмет.

Из мелких суденышек не ушло ни одно. Да и те четыре галеры не сильно сопротивлялись. Зрелище ужасной гибели идущих впереди парализовало турок и – как надеялся Польш – тех, кто смотрел с высоких стен Кафы.

И – да, на следующий день переговоры прошли гораздо более продуктивно для русских. Юсуф-паша представил себе, что могут наделать в его гавани «греческий огонь» и новые пушки русских, которые достреливали туда, куда не доставали турецкие, ужаснулся – и согласился на капитуляцию.

Через десять дней Кафа перешла в руки русских.

* * *

Софья смотрела в стену остановившимися глазами.

Вот так вот, дорогуша. Этого хотела? Получи и распишись! Ты в своей жизни много чего делала, а списки на казнь утверждать как-то не доводилось. А надо...

Придется...

Хованский, наконец, разговорился, начали каяться и Долгоруковы, но истинное удовольствие Софья получила, читая признания старца «Полоцкого».

Все верно, куда не пускают, туда и лезут. Вот протестанты как-то на Москве были – в Немецкой слободе, а вот католиков... они тоже были! Но иезуитов не было! А хотелось.

Идея была неплоха – воспитать царское потомство в культуре Запада. Воплощение подкачало – и тогда, как это уже не раз бывало, они решили пойти через кровь.

Да, не раз.

Не первый раз случались странные и необъяснимые смерти государей, их жен, их матерей, вспыхивали необъяснимые бунты, предавали и били в спину самые, казалось бы, верные...

Сейчас она встала на пути этой силы. Именно она.

Софья прислушалась к себе. Да нет, гордости не ощущалось, ощущалось желание... танцевать!

Да, именно так! Встать с кресла, пройтись по кабинету в вальсе... видит Бог, если она будет жива – она обязательно научит всех танцевать вальс! Великий, бессмертный вальс – и его король да будет бессмертен вовеки!

Ничего удивительного в ее реакции не было – организм, получивший сильный стресс, защищался всеми средствами. Переключал разум... но ненадолго, совсем ненадолго. Софья в любой из своих жизней была воительницей – и большей радости, чем схватка с достойным противником, для нее просто не существовало. Да, в этой битве победительницей она не выйдет, но иногда ничья – более чем достойный результат. Только представить себе – орден иезуитов, который, говорят, и в XXI веке отлично себя чувствует, и одна-единственная соплушка против них. А ведь они сейчас в силе, сожрут и облизнутся...

Софья чуть поежилась.

Пусть попробуют!

Не будем слишком самонадеянны, но на ее стороне играет расстояние – и обычаи. И то и другое не даст иезуитам спокойно шлаться ни по Москве, ни по Руси. Тем более, Симеон, оказавшийся недостаточно крепким, чтобы выдержать пытку, и достаточно сильным, чтобы не сдохнуть – берег себя, нечисть иезуитская, небось следил за здоровьем! – закладывал всех, кого мог вспомнить.

Два десятка иноземцев, которые весьма уютно чувствовали себя в Немецкой слободе.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Софья подержала лист кончиками пальцев, быстро поставила росчерк и печать.

Арестовать их поручим Патрику Гордону – это его территория.

Бояр будет арестовывать... м-да... а хоть бы и Ежи Володыевский! Он сейчас здесь, он знатный шляхтич, так что урона чести тут нет никакого. А вот остальное...

У него нет преклонения перед боярами, он не привык с детства шапку гнуть. Скажут – тащить и не пущать, так он и сделает. А кто сопротивляться будет, так и в зубы можно...

Бояр?

Так не царя ведь! За такие выходки Алексей Михайлович об них бы посох обломал! А она девушка хрупкая, нервная, она посохом не может. Придется уж по-простому...

Второй росчерк занял свое место.

Далее...

Стрелецкие полки надо расформировывать – и переделывать в другие. Разослать по дорогам аналог «летучих отрядов» – чистить страну от татей и шишей.

Расплодилось, понимаешь! Стрельцам объяснить. Что они себе так прощение зарабатывают, самих татей – на строительство, там и так татары, лишняя сотня сволочей погоды не сделает.

А еще...

Вот последний список был самым неприятным. Но – необходимым. Примерно двести человек, которые в той или иной мере знали, что и как будет, которые мутили народ и подбивали стрельцов...

Двести. Человек.

А ведь они не на елке выросли. У них есть семьи, жены, дети, которые останутся без кормильца... И брать таких детей в царевичеву школу – губительно. Самой волка растить, который тебе в глотку вцепится?

Но и...

Как же быть, как быть? Помиловать? Народ не поймет. Да и потом, они ведь опять начнут бунтовать, думая, что мягкость – признак слабости. Только доделывать придется Алексею, а она это брату не оставит. Пусть у него будет поменьше таких кровавых приказов.

Казнить, нельзя помиловать. Запятая была проставлена.

Но все-таки девушка взяла перо и принялась чертить дальше.

Значит, так. Казнить. Имущество на Москве отобрать в казну. Это однозначно. Жен и детей... куда?

Что-то мелькало в голове у Софьи, кажется, Петр Первый когда-то вешал стрельцов чуть ли не тысячами? Но что случилось с их родными потом?

Она не помнила...

Итак. Женам предоставлялся выбор. Либо их принимает обратно их семья – еще одна проверка на вшивость. Ведь ежели стрельчиха в замужестве, позабыв про родню, вела себя не по-божески, кто ее обратно примет? Причем родные стрельчих должны были прийти к царевне и подать челобитную. Поставим для такого случая ящик или кого из учеников посадим, пусть учатся...

Это первый вариант.

Второй же...

Монастырь.

Безоговорочный.

А дети?

Опять-таки ничего лучше Софья не могла придумать. Значит, будем расформировывать семьи. Младших детей – к царевне Ирине, в ясли. Старших же...

Мальчикам дать возможность искупить свою вину на службе короне. Девочкам дать приданое и выдать замуж. А до тех пор распределить их по одному человеку, по разным семьям. По разным городам, по деревням... Да, ненавидеть будут. Но и выбора у нее нет.

Самый простой вариант – на Соловки или на все четыре стороны, но это – убийство. А тут...

Софья выдохнула – и решительно завершила лист своей росписью. Поставила печать.

На Алешку она такое не взвалит. Она-то – огонь и воды прошедшая баба, которая в XXI веке перестройку видала, путчи, демократов и прочую шушеру – и то ей тошно и гнусно. А мальчишка?

Пусть хоть как потом назовут, переживу.

* * *

Второе войско под командованием Яна Собесского двигалось навстречу царевичу Алексею. Они шли по берегу Азовского моря мимо Миуса и Молочной, к Арабатской косе, затем по косе до устья Салгира, и в глубь Крыма.

Мужчине было тяжело воевать с татарами, но ведь ему многого и не требовалось. Вода была, а ему надо было всего лишь разорять их поселения – и с этим он справлялся, бесчинствуя между Кадскими и Молочными водами.

Что было богатством кочевников?

Скот. А потому войско Яна не испытывало нужды в пище. Вода также была, с налетами татар справлялись силами польских гусар. Легкая конница, вооруженная копьями, саблями, кончарами, успешно гоняла таких же легковооруженных татар, не подпуская их на достаточное для выстрела из лука расстояние, патрулировала окрестности вокруг войска – и отлично справлялась со своими обязанностями. Благо пока для коней вдоволь было и еды и воды.

Самой большой неприятностью для Яна становились кишечные инфекции, от коих страдали люди. Но потом, мешая воду с вином, постепенно преодолели и это.

Третье войско под командованием Ивана Сирко шло от Перекопа вдоль берега. Оставив в крепости для ее защиты изрядную долю своего войска, они, тем не менее, не испытывали нужды в людях, полагая, что воюют не числом, а умением. Пусть не родился еще тот полководец, который это произнес, – эта истина была введена всем, просто мало кто мог применить ее на деле.

Стычки, налеты, подожженные татарские селения, освобожденные рабы, которых отправляли в крепости...

Агония была очевидна всем, и в том числе – Селим-Гирею.

Татары вообще вояками не были, чего уж там! Шакалили при турецком войске, стараясь урвать кусок добычи и не подставить шкуру под пинок, но быстро теряли боевой дух и стремились удрать в сторону, пограбить, поозоровать на чужой земле. А уж тут...

Бесплодное сидение под Азовом могло продолжаться сколь угодно долго, тем паче что русичи не давали заскучать гостям, то совершая вылазки, то травя колодцы. И это начало давать свои результаты.

Мало того, по реке совершали рейды корабли, наплевательски обстреливая татар, которые выли со злости, но поделаться не могли ничего. Разве что обстрелять в

ответ?

Но у русских пушек было преимущество в дальности. Хотя небольшое, но его хватало, чтобы оставаться безнаказанными.

Селим-Гирей пожелал вступить в переговоры с Ромодановским.

На этот счет Григорию были оставлены не только инструкции, но и Воин Афанасьевич.

Это случилось очень просто. На шестьдесят второй день осады, в полдень, к Азову подъехал татарин с белым флагом и сообщил, что хан, великий и солнцеподобный, могучий и грозный и т. д. и т. п., желает поговорить с презренными врагами, проявляя к ним невиданную до той поры милость.

Враги в свою презренность не поверили, но поговорить согласились. Видимо, поняв, что три дня были явным преуменьшением – тут на годы бы считать, крымский хан решил попробовать еще раз предложить сдачу.

И ровно через два часа Селим-Гирей подъехал к мосту, на который ради такого случая со стены спустили Григория Ромодановского, Воина Афанасьевича и еще пятерых воинов – случись что, они дадут полководцам время уйти.

Но хан не собирался мошенничать, да и со стены за ним наблюдали.

Первым, как и полагалось вежливому человеку, заговорил Ромодановский:

– Мое приветствие и почтение блистательному хану, чья слава дошла до всех концов Руси!

По-турецки он говорил не слишком бегло, но достаточно чисто – нахватаешься тут. Селим-Гирей кивнул толмачу и медленно заговорил.

– Великий хан, – титулы Ромодановский привычно пропустил, – приветствует достойных противников. К сожалению, сердце его омрачила печаль, потому что ваши братья разбойничают на его земле...

На это мог ответить любой русич – и Ромодановский не стал исключением:

– Сотни лет подданные хана угоняют наших людей, словно скот, грабят, режут, насилюют... мы пришли за своими людьми – и не уйдем без них.

– Если вы будете продолжать бесчинствовать на чужой земле, султан уничтожит вас.

Ромодановский усмехнулся, привычно огладил бороду:

– Коли султан пожелает уничтожить нас... так мы уничтожим султана.

Селим-Гирей гнева не сдержал, рука сама к сабле потянулась, но потом опаматовался. Бесчестье – на переговорах руку поднимать.

Небрежным жестом отослал подальше и толмача, и охрану. Видя такое дело, и Ромодановский кивнул своим людям. При нем остался один Ордин-Нащокин.

– Что хочет русский царь, чтобы уйти с моей земли?

По-русски Селим-Гирей говорил достаточно понятно. Картавил, конечно, глотал окончания слов, но Ромодановский его понимал. И даже смотрел с сочувствием. А как тут правду скажешь? Но и лгать не стоило, все равно это уже ничего не поменяет:

– Мы пришли навсегда. И не уйдем.

Селим-Гирей потемнел лицом. Сбывались худшие опасения. Не набег, нет. Завоевание. И... он был умен, этот крымский хан, которого современники уже не назовут «Мудрым».

– Вы умрете.

– За нами придут другие.

Селим-Гирей смотрел на него и понимал, что иначе – никак. Эти люди готовы стоять до последнего – и готовы здесь умереть. Он может уничтожить их, но вслед придут другие.

А его земля стонет под копытами коней захватчиков. И есть только один выход – захватить мятежную крепость, сровнять ее с землей – и идти, догонять русичей уже в Крыму. Тогда есть возможность победить.

– Мне жаль. Вы умрете.

Ромодановский усмехнулся:

– На все воля Божья.

На том и кончились мирные переговоры. Мужчины разошлись в разные стороны, Селим-Гирей поскакал к своим войскам, а Воин Афанасьевич тронул Ромодановского за плечо.

– Григорий... дозвожь...

Ромодановский внимательно слушал его, пока поднимали их на стену на веревках, слушал на стене... и наконец – кивнул.

– Бесчестно сие...

– Грех на мне будет. – И вдруг выплыло оттуда, из вечеров в царевичевой школе, из споров и разговоров: – В войне изначально чести нет, так что не стоит и горевать о ее утрате.

Ромодановский был не согласен, но и не спорил.

Селим-Гирей, конечно, обратил внимание на то, что что-то вспыхивает яркими искрами на башне Азова... но что? И для чего?

Гелиограф работал. Почтовых голубей перехватили бы, сокола, гонца тоже, а вот гелиограф, отчетливо видный на сотню километров окрест – благо день был ясным, – ни перехватить, ни расшифровать не получилось.

Воину Афанасьевичу того и надо было.

* * *

Приступ начался с рассветом. Татары лезли на стены, словно бешеные муравьи, подтаскивали пушки, стремились завалить русских числом, но Ромодановский пока держался. И держался, видит бог, неплохо. На татарские пушки отвечали пушки русские, подкопы закидывались ручными гранатами, а лезть на стены...

Ну, лезь. Посмотрим еще, как долеешь.

Селим-Гирей командовал с пригорка. Выбора у него не было. Уничтожить врага здесь, вернуть себе Азов – либо сровнять непокорную крепость с землей – и идти обратно, в Крым. Впервые он узнал, каково это – когда земля горит под ногами. Твоя, родная земля. Впервые не татары ушли в набег на чужую землю, а кто-то пришел к ним. И степная трава щедро поливалась татарской кровью.

Азов не сдавался. Казаки тут четыре года сидели, а Ромодановский вообще намеревался навсегда крепость Руси оставить – и потому пушки палили в ответ, проделывая широкие борозды в рядах нападающих и снижая их боевой дух.

Этот день так и закончился вничью – разве что убитых татар было в несколько раз больше. Русских-то защищали стены Азова, а татарам надо было туда влезть.

Самое интересное началось ночью.

Да, у реки теперь были выставлены караулы.

Да, корабли не могли спуститься вниз, не попав под обстрел.

Но кто решил, что они не могли подняться? Каланчинский остров потому так и назывался, что – остров. Окруженный с одной стороны Доном, с другой – рекой Каланчой. Ну что поделаться, ежели татары были сухопутными. Всадники, кочевники – беды они теперь ждали от Дона, его и стерегли. А то, что можно пройти и по другой реке, дойти до нужного места и высадить десант... Даже не особо скрываясь, среди бела дня. Татары, между прочим, это направление даже не патрулировали. Ждали врагов с казачьей стороны, с верховьев Дона, но никак не со стороны моря. Чем русичи и воспользовались. Еще ранней весной, когда Алексей Алексеевич раздавал новинки, привезенные из Дьяково, и указания, все обговорено было не по разу и сейчас претворялось в жизнь.

На коней? Кстати – захваченных у татар.

А откуда...

А вот оттуда.

Крепость Лютик, что стояла на Мертвом Донце.

Ромодановский не стал сосредотачивать все свои силы в Азове. Часть людей ушла на кораблях, а потом просто подождали, пока татарское войско пройдет мимо Лютика.

Захватывать готовились Азов, туда и ушло все войско. А Лютик – что? И крепость небольшая, и гарнизона там нет... ну и не тронули. Оставили человек двести татар – и ушли вперед.

Конечно, эти двести человек помехой не стали. Вообще.

Русичи просто высадились на берег, вырезали их в одну прекрасную ночь и позаботились, чтобы никто не ушел.

А получив сигнал от Азова, приготовились.

В условленном месте ждали люди, ждали кони... далеко ли расстояние?

Далеко, да делать нечего. Для бешеной собаки семь верст не крюк, для людей пять верст – мелочь. Прошагать – и обрушиться.

Бить там, где не ждут, и тогда, когда не ждут, – вот главное правило победоносной войны. Бить безжалостно и наотмашь. Казачьи чайки причалили там, где было наиболее узкое место между Каланчой и Доном, высадили десант, вытащили кораблики на берег и отправились следом.

К Дону.

Переправиться, пользуясь заготовленными заранее плотами, переправить коней – и вперед.

Только вперед.

* * *

На стене Азова в эту ночь не спали. Казалось бы, день был тяжелый, но...

– Придут ли?

– Должны прийти.

Ромодановский сомневался, чего уж там. Не верил он все же до конца в придумки царевичевых воспитанников. Хотя Софья бы сильно оскорбилась за гелиограф. Воин Афанасьевич хоть и не оскорблялся, но был уверен:

– Эту игрушку в хороший день за сотню верст видать. Кому надо – и увидели, и услышали...

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– Да знаков не подали.

– Нечего татарву на них наводить.

– Коли не придут, так мы не более трех дней тут выстоим. Хан ровно как озверел...

– Кто б на его месте не озверел? На его землю в первый раз война пришла...

– Поделом шакалу...

– Пойду я готовиться.

– С Богом.

Воин Афанасьевич усмехнулся и отправился вниз. К своим людям. Когда все начнется, они ударят татарам в спину. Тут уж либо пан, либо пропал – сегодня все решится.

Селим-Гирей назад не повернет, им же отступать некуда. Сейчас многое решится. Воин Афанасьевич смутно понимал, что сегодня ночью творится история, но до размышлений ли о судьбах человечества? Лишний раз проверить зажигательные бомбы, гранаты, пушки – и приготовиться.

* * *

Не спал и Селим-Гирей, тоскливо было на душе у крымского хана. Где он ошибся? Как попустил?

Вроде бы все правильно, султан позвал – татары пошли. Но...

Пока они гуляли в польских землях, захватили их родной, личный, можно сказать, Азов. И отдавать назад не собирались.

Тоже ничего удивительного, он из рук в руки переходил чаще, чем кубик в нардах. Но...

То, что творилось на его землях...

Селим-Гирей шкурой чувствовал неладное. Русичи в этот раз пришли не баранами, а волками. И уходить не собирались. Они резали, рвали, жгли... мог бы хан – взвыл бы.

Это неправильно!

Это в корне, жестоко неправильно! Так не должно быть!

И не радовали хана ни послушные наложницы, ни сладости, ни драгоценности. Тяжко было у мужчины на душе... Потому и бился он сейчас за Азов, понимал, что ежели выбьет он отсюда русичей, то остальным перекроет выход из Крыма – и устроит кровавую баню. А коли нет...

Неужели – конец?

Неужто он будет последним крымским ханом?

Размышления оборвал шум снаружи.

Штурм?!

Но КАК?!

А дальше размышлять было некогда. Все вокруг закрутилось в бешеной горячке боя.

* * *

Бить неожиданно, бить сильно, бить всем вместе – вот основные правила маленькой победоносной войны. Почему маленькой? Так в большую она переродиться и не успеет, коли все правильно сделать. Ромодановский, хоть правил для себя и не

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
формулировал – сие баловство одно, – да сделал все правильно.

Когда ночью в татарский тыл ударили конница и картечники, перевезенные на телегах, шум поднялся знатный – и русские, которые вышли подземным ходом, не стали мешкать.

Под стенами никого не было, татарский же лагерь атаковали с двух сторон.

Что такое ночная атака? Ну, для начала – это сумятица. Да, были часовые, но они полегли первыми. Казаки, между прочим, тоже не лаптем щи хлебали, по тяжелой жизни на Дону снимать часовых становилось почти искусством. А потом...

Да, сила татарского войска – это его конница, но она же и слабость. Кони, между прочим, боятся огня, шума, криков боли... вот это им русские войска и обеспечили. И сколько ни говори, что лошадь – милое, умное, обаятельное животное, которое никогда не бросит своего хозяина...

Это верно.

С другой стороны – это милое животное, вставая на дыбы и лупя копытами по воздуху, любому способно обеспечить тяжелые травмы.

К тому же при штурме крепости конница не нужна, коням по лагерю свободно бродить тоже никто не позволит, так что все они содержались в одном месте. Вот по этому месту и пришелся первый удар русских. Снять часовых, факелами, саблями, волчьими шурами, воплями и картечью придать коням нужное направление – и пусть бегут. Разве что еще десятка два всадников с ними пустить, чтобы с пути не сбились.

И вся эта конная масса налетела на татарский лагерь.

Конь никогда не наступит на спящего человека?

Безусловно! Но ведь и людям несвойственно топтать и калечить друг дружку. И однако же, в толпе, в возбуждении, в истерике...

Больше всего нападающим было жалко коней.

Ночь наполнилась криками боли и ярости, конским ржанием, а потом и предсмертными хрипами. Потому что за конями шли люди. И уж они не знали ни пощады, ни сострадания. Татарский лагерь брали в клещи, нещадно вырезая всех, кто попадался на пути. Пленные?

О них никто не думал.

Здесь и сейчас решалось, быть Крыму татарским или русским. Именно здесь и именно сейчас.

* * *

Селим-Гирей смог-таки совершить чудо. Сбить в отряд своих телохранителей, какую-то часть войска – его шатер не попал под обезумевший табун, – и теперь хан сам взялся за саблю.

И был воистину смертоносен.

Любой, кто налетал на ханский отряд, ложился навзничь, чтобы уже никогда не подняться. Но о серьезном сопротивлении хан сейчас не думал. Ему надо было прорваться к краю поляны, уйти, чтобы вернуться потом с новыми силами. Вернуться, отомстить...

Распахивались ворота Азова – и оттуда шло войско. Русские не бежали, они словно на крыльях летели, слышались громкие крики... Они торопились вцепиться в горло исконным врагам.

О, если бы ему ночью не ударили в спину, если б они осмелились выйти днем – он встретил бы их! Они бы кровью умылись, они бы все здесь полегли, но сейчас в темноте, когда стрелы не находят свою цель и стреляют только пушки...

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Да и пушки какие-то странные. Не те, турецкие, что стояли на стенах крепости, вовсе не те. Легкие, удобные для перетаскивания, для мобильной стрельбы... откуда?!

До чего еще додумались эти дети шакала?!

Враги находились и в темноте. Кто-то же ударил ему в спину, и это были не корабли, нет. На Дону были дозоры...

Но кто?!

Как?!

Откуда?!

Эти вопросы стали последними в жизни Селим-Гирея. Перед лицом что-то полыхнуло – и мир исчез в ослепительной вспышке. Обнаружив очаг сопротивления, русские, не мудрствуя лукаво, забросали его гранатами. Боеприпасы восстановить можно. Жизни вернуть нельзя.

А потому взрывчатки не жалели.

Двух десятков гранат хватило, чтобы очаг сопротивления превратился в толпу охваченных страхом бегущих людей. И рассвет Ромодановский встретил уже за стенами Азова, обходя бывший лагерь и оглядывая пленных.

Их было не так много, не более пары тысяч из всего войска. Потери татар были страшными. Кони, картечь, взрывчатка...

– А главный их где?

Воин Афанасьевич, морщась, повел головой в сторону реки. Двигаться ему было не слишком удобно – ночью он получил сильную рану в плечо, и рука двигалась с большим трудом. Ромодановский уже приказал ему отдыхать, но отослать насильно не решился.

Посмотреть на труды рук своих, на свою победу – это привилегия каждого воина. Некоторые, говорят, ради такого и из гроба вставали.

Ромодановский пригляделся.

И верно, на берегу реки лежало несколько тел и одно из них...

– Точно ли он?

– Он. До последнего дрался, говорят... Опознали его...

Ромодановский кивнул. Уважительно.

– Надо будет его похоронить.

– И где же?

– Так, чтобы всем видно было. Чтобы все знали...

Ромодановский смотрел на тело, потом подошел поближе...

Смерть не пощадила крымского хана. Разорвавшаяся неподалеку граната сделала свое дело – и мужчину сильно посеколо осколками. И все же его можно было опознать. Не по богатой одежде, нет. Но по чему-то такому, сложноуловимому, чем наделены только истинные правители...

Мужчины подошли. Сняли шапки, отдавая последние почести мертвому. Если бы все сложилось чуть иначе, он стоял бы над их телами. Кто знает, как поступил бы Селим-Гирей. Но русские не стали отступать от правил чести, даже в отношении врага.

– Пусть эти басурмане хоронят своих мертвых в одной могиле, – разомкнул губы

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Ромодановский, – а его...

К вечеру под стеной Азова вырос курган. Под ним, к вящему удивлению татар, которые не преминули бы скормить труп врага собакам, покоился Селим-Гирей.

В вершину кургана воткнули копье. Потом, уже несколько лет спустя, здесь поставят обелиск.

Белую стелу, словно вонзающуюся в небо. И на ее четырех сторонах будет выбито одно и то же – на русском, турецком и латыни.

Здесь лежит последний хан Крыма.

Селим из рода Гирей.

Да пребудет его душа в мире и покое.

Будут проходить годы, сливаясь в десятилетия, будут поливать дожди и щебетать птицы, будут зеленеть поля и смеяться дети. Обелиск будет стоять, напоминая о достойном враге.

Пусть побежденном враге, но Селим-Гирея стоило уважать.

Он умер, да. Но умер – сопротивляясь до последнего. Умер – непобежденным.

Тот, кто не имеет уважения к достойному врагу, и сам его не заслуживает.

* * *

– Что ты с ними делать будешь?

– Казнить. Есть варианты?

Софья выглядела так, что краше в гроб кладут. Ей-ей, для детского – ну пусть уже почти девического – тела бунт оказался тяжелой нагрузкой. И круги под глазами, и запавшие щеки, и землисто-серый цвет лица, и сурово сжатые губы...

– Но...

– Федя, Богом прошу...

На этот стон брат не мог не откликнуться. А что оставалось Софье?

Триста четыре человека.

Триста. Четыре. Человека.

Пока еще живых, но ее волей... Ее, черт возьми, волей!!!

И самое страшное...

– Налить тебе твоей заморской гадости?

– Налей.

Кофейник стоял тут же, укутанный в шерстяной шарф, чтобы не остыл. Рядом примостился кувшинчик с молоком. Царевич Федор ругнулся сквозь зубы, но сестре плеснул в небольшую чашечку кофе, щедро разбавил молоком. Предосторожность была нелишней – цвет у кофе был, что тот деготь. Два глотка – и сердце зайдет в бешеном беге.

– Это который кофейник по счету?

– Пока еще первый.

– Да неужели? Ты спала-то сегодня сколько, а, сестрица?

Софья задумалась. Кажется, часа четыре. Или даже пять?

Она точно помнила, что много. Раньше она себе и того не позволяла, просто сморило – и наглые девчонки решили ее не будить. Розог бы им за это всыпать по

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
тому месту, которым думали! Поганки!

– Сонь, я насчет завтра.

– Слушаю.

И настолько тоскливыми были ее глаза – хоть волком вой.

На Болоте готовились плахи. Двадцать штук. Точились топоры, палачи потирали руки...

Триста четыре. Человека.

Из них более пятидесяти русских стрельцов. Православных, черт их дери! А ведь еще и...

В Немецкой слободе выцепили почти десяток резидентов от ордена иезуитов. Народ поднял шум, но авторитет Патрика Гордона был непререкаем. Его, кстати, как истинного шотландца, страдания иезуитов не трогали. Пусть он был и католиком, но достаточно своеобразным. Слишком уж доставалось Шотландии, чтобы люди там покорно слушали священников.

Москву лихорадило.

Старец Симеон оказался человеком не слишком стойким морально. Что сдохнет – Софья не боялась. Не настолько уж он стар, это первое, и второе – такие не дохнут. Такие живут, жиреют и наглеют на глазах. Но не на дыбе.

Жестоко?

Нет, жестокостью было бы отдать его царской семье. Царевны, как узнали, кто отравил брата, покушался на них и планировал их смерти, слегка озверели. Разорвали бы на сотню маленьких симеончиков, не иначе. Препарировали бы не хуже студентов биофака.

Причиной покушения оказались иезуиты.

Еще бы! Русь, понимаешь ли! Они тут всю Европу накрыли, в мусульманские страны загребущие лапки протянули, а тут вроде как христиане – и упс! А у нас тут православие, проваливайте, откуда пришли! А страна-то богатейшая! А хотелка-то жжет!

План был прост.

Сначала посеять рознь в самом народе, для чего надобно подсунуть Никону харо-ошую идею! Конечно, святые книги надо унифицировать, кто б спорил, но кем и как?! Впрочем, потом Никон попер в дурь и половину сделать не успел, но заделки остались. Новая вера с «троеперстным кукишем», старая «истинная» вера... чуть не хватило до драки! Из Аввакума начали лепить героя и мученика, кстати, Симеон этому поспособствовать не успел, но хотел.

Вмешалась Софья.

В Дьяково до Аввакума было не добраться, а подбирать кого другого на его место... Он-то добирался до кого угодно из своей паствы! Так что...

Пришлось временно прекратить работу над религией и начать обработку царской семьи.

И снова споткнуться на Софье.

То есть тогда-то Симеон думал, что на царевиче Алексее, но это – прошлое. Сейчас он знал, кого ненавидеть. Зубами б глотку перегрыз, только дай дотянуться. Но кто же даст?

А еще те, кто по доброй воле работал на иезуитов, те, кто подбивал стрельцов на бунт, те, кто мучил народ... одним словом – завтра с жизнью должны были расстаться триста четыре человека – и Софья знала о каждом. О каждом читала, спускалась в

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
допросные подвалы, в глаза им глядела, протоколы допроса кое-где наизусть
выучила...

Легко ли подписывать приговоры?!

Софья вообще не знала, как живут политики в XXI веке. Или когда отправляешь на
верную смерть во всякие Ираки и Ираны толпу мальчишек – ты не понимаешь, что
стоит за твоим росчерком пера? Статистика – это ведь не живой человек,
статистике не больно, она не плачет под стенами Кремля женскими и детскими
голосами...

Пощади, царевна... пощади, голубушка, век за тебя Бога молить будем...

Софья тряхнула головой.

Выйти за стены Кремля не представлялось возможным. Стрельчихи, притаив с собой
детей, просто караулили ее – и избавиться от них не мог никто. Не плетью же
разгонять... Или стоило бы?

– Ты и правда собираешься их казнить?

– Да.

– И присутствовать на казни?

Темные глаза были непроницаемыми. Федя вдруг подумал, что Софья совершенно не
похожа на отца. У всех у них так или иначе проявлялась романовская кровь. Или
голубизна глаз, или светлые волосы – Алексей так вообще был копией отца. Да,
было что-то и от Милославских, но Софья не походила ни на кого. Темные – не
черные, скорее коричневатые, словно соболиная шкурка, – волосы, темные глаза –
тоже между карим и черным... И когда они светлели, как сейчас, казалось, что в них
танцует алое пламя. Ясное умное лицо, серьезное и задумчивое. Красивое?

А вот это сложно было определить.

Софья была слишком личностью, чтобы просто быть красивой или смазливой.

– Собираюсь.

– Смотреть, как казнят триста человек...

– Триста четыре человека. И?

– Соня, ты же душу свою навсегда загубишь.

Темные глаза еще чуть посветлели:

– Ты не поверишь, Федя, но я это знаю. А разве у меня есть выбор? Если сейчас я
отпущу тех, кто хотел нас всех вырезать, они ведь вернуться. С саблями вернуться –
и ты одним из первых на них повиснешь. А когда Лешка вернется? Я должна эту ношу
на его плечи перевалить? Самой чистенькой остаться, а ты, братец, пожалуйста,
кричи по ночам от кошмаров, кусай подушку, проклинай себя... это я брату отдать
должна?!

Федор даже на шаг отступил. Оправданий он ожидал, объяснений, но чтобы его же и
атаковали?

– Сонь, ну прости...

– Ты за них просить пришел? Поди вон к царевне Анне! Она уж который день у
Афанасия сидит, молится... Они его хотели с крыльца скинуть, чтобы толпа
разорвала. Не успели, так это не их вина, это их Патрик остановил! Ежи со всех
ног сюда летел, земли не чуял... Ты за них просить будешь?

Царевич посмотрел на Софью.

– Соня, а как ты потом с этим жить будешь?

– Выживу.

– Соня...

– Феденька... – Софья смотрела такими злыми глазами, что царевич даже назад шарахнулся. – Почему бы тебе не пойти сейчас в пыточную и не послушать, что должны были сделать с тобой, Катенькой, Машей, Ванечкой, Володей? А вот как слушаешь, считаешь – так и...

– Но ведь есть же кто-то, кто был обманут?!

– Немного, но есть. И что?

– И завтра ты их тоже казнишь?

– А на кой черт мне те, кто своим умом жить не может? Бороды отрасли, а с мозгами проблема?! Не выращиваются?!

– Тебя народ проклянет.

– Так то меня, не тебя ж..

– Соня...

Софья вздохнула. Потерла лоб. И верно, кое-кого она бы помиловала. Пинка под копчик – и проваливай, дурак, но не в Москве же их оставлять?! Нет уж, кто на власть покушался, исчезнуть должен! Обязан!

– А сослать их нельзя? – Царевич словно мысль прочел.

– Можно-то можно, да сложно. Знают кто, знают что... Я сейчас не могу быть милосердной, Федя, иначе при следующем бунте нас просто сметут. Эти же и придут с копьями...

– А ежели...

Идею Софья выслушала со вниманием. Покачала головой, но потом смягчилась:

– Хочешь? Сам и пробуй. Сейчас прикину... но учти, многих я тебе не отдам. Сейчас выберу тех, кто сможет пользу принести. Кто за тридевять земель пойдет и их освоит. Да не слишком запачкался. Чтобы пахать, быки нужны, то верно.

– Иногда мне кажется, что ты не человек. – Федор даже поежился.

Софья смерила его насмешливым взглядом:

– Болван ты, братец. На то я и такая, чтобы ты в людскую доброту верил. Оно куда как легко за спиной у старших и сильных. А ты вот в жизни попробуй...

И Федор подумал, что она в чем-то права. Легко быть добрым за чужой счет. А вот так, как сестре? А Алексею, когда приедет?

Нет уж!

Никогда и ни за что не хотел бы он себе короны. Не вынесет.

Сломается.

* * *

Болотная площадь бурлила. От народа было темно и темно. Сновали разносчики, продавая пироги, покрикивали продавцы кваса и сбитня, скользили в толпе карманники...

На площади возвышались два десятка эшафотов – и палачи ждали. Ухмылялись.

Туман лениво скользил между людьми, касался лиц холодными пальцами, словно злорадствовал...

Отдельной группой собрались родственники казнимых – все, как один, в простых белых рубахах... еще хоть раз попробовать умолить царевну.

Да, именно царевну.

– Ой, Луша, ужас-то какой...

Лукерья прищурилась на подругу:

– Мотря, не след бы тебе сюда идти. Непраздна ведь...

– Да срок-то ранний. А событие какое! Говорят, царевна смертью лютой приказала тысячу людей сказнить!

– Пару сотен, не более. Да и не просто людей – тех, кто бунтовать задумал.

– Так бунта ж не было...

– Так это потому, что царевна вовремя в Москву успела.

Лукерья говорила хорошие и правильные слова, а пальцы нервно перебирали кончик косы. М-да... вот ежели бунт начался бы, ежели остановить его не удалось бы, тогда – да! Тогда все бы царевну поняли. А сейчас...

Народ шептался – и шептался нехорошо. Все чаще слышалось «кровавая царевна». И переломить это мнение никак не получалось.

Луша честно донесла о том в Кремль, девочкам, но... Что-то сделает царевна? Что тут вообще можно сделать? Хотя это же государыня Софья! Она обязательно что-нибудь придумает.

Но вот толпа заволновалась:

– Едет! Едет!!!

И верно, к Болоту двигался легкий открытый возок, в котором сидела царевна Софья. Без платка, с простым золотым венцом на голове, в алом платье, она смотрела прямо перед собой, холодно и надменно.

Темная коса змеей стекала по яркому шелку. Венец поблескивал алыми камнями.

За ней ехали конники, шли бережные стрельцы...

Других Романовых в возке не было.

– Милославское семя, – прошипел кто-то в толпе.

Царевна спокойно вышла из возка, который остановился рядом с самой высокой платформой, простучала каблучками сафьяновых сапожек по ступенькам, развернулась к народу.

– Слышите ли меня, люди добрые?!

Голос был звонким и отчетливым. И народ замер, стараясь не потерять ни единого слова. Тем временем всадники окружали помост.

– Сегодня за попытку бунтовать, за умышление на жизнь царской семьи будут казнены триста четыре человека. Для каждого будет оглашена вина его и приговор. Судите сами, сколь справедливо это.

И замолчала, опустила в заранее приготовленное кресло, положила руки на подлокотники и замерла ледяной статуей. Стрельчихи качнулись вперед, в ноги броситься, умолять, но замерли, потому что на площадь принялись въезжать телеги.

Одна, две... пятнадцать, двадцать... и в каждой – люди. Все простоволосые, также в белых рубахах, в цепях, со свечами в руках – Софья не собиралась давать кому-то возможность сбежать.

Палачи приготовились. Родные и близкие бросились к своим, осеклись, натолкнувшись на охрану...

Стражники потащили на помосты людей из первой телеги... но почему-то за них никто не вступился?!

И то верно – Софья подобрала людей так, что в первых двух телегах сидели люди из Иноземной слободы, а за них просить никто не пришел. Патрик Гордон несколько дней проводил там большую разъяснительную работу, объясняя, что иезуитские шпионы – это, собственно, вовсе не добрые протестанты. И заступаться за них – себе дороже.

Тем временем по знаку Ежи Володыевского охрана у телег чуть раздалась, пропуская родных к стрельцам. Там начались крики и стоны.

Софья терпеливо ждала – и ее терпение было вознаграждено.

– Сестрица, прошу тебя о милосердии!

– Невместно царевне жестокосердие проявлять...

Откуда они появились – никто и не заметил. Высокий седовласый мужчина с гордой осанкой, с окладистой бородой, в простой черной рясе – и рядом с ним отрок в белой одежде. Ладный кафтанчик, светлые волосы... да что у них может быть общего?

Это Софья знала, с каким рвением царевич учился, как внимательно слушал Аввакума – ему б точно священником быть!

Глядишь, и патриархом еще станет.

На площади наступила тишина. Софья выпрямилась:

– Ведомо ли вам, за кого просите?! За татей, зло умышлявших! Чудом не совершили его, да хотели! Всех Романовых хотели извести, покамест брат мой с татаровьями злобными воует!

Стало так тихо, что Софья едва не рассмеялась. Беден этот мир на зрелища – ни телевизора, ни даже театра толкового... Станиславский ее бы вмиг со сцены смел. Насчет своего актерского таланту Софья не обманывалась. А тут... даже детям рты заткнули!

– За людей прошу! Православных людей, с толку сбившихся, злыми латинянами обманутых!

– Сестрица, не карай их за глупость-то!

– А коли б кровь пролилась? Твоя кровь, Феденька?!

Роли были расписаны заранее и даже слегка отрепетированы у нее в кабинете.

Аввакум напирал на нехристианский поступок, Федор – на милосердие, Софья упиралась, отказывая потому, что «они же еще раз придут». «Они ж не помилуют!»

И – да. Таланта у Софьи не было. А у зрителей не было опыта парламентских дебатов. А потому...

Поддерживать накал страстей Софье пришлось минут пятнадцать. Потом какая-то кликуша не выдержала, выскочила из толпы стрельцовой родни, бухнулась в ноги царевне и заголосила так, словно ей в попу вилами тыкали:

– Царевна, заступница наша, не попусти, век за тебя Бога молить будем, один он у нас!! Кормилец!!! Пропадем ведь, голодные да холодные...

Софье того и надобно было. Истерика одной бабы будто спустила с цепи всех родственников казнимых, которые присутствовали на площади, – и те все падали на колени рядом с царевичем и Аввакумом, глядели то на них, то на Софью, как на последнюю надежду, рыдали, стонали, умоляли, размазывали сопли...

Софья наблюдала острым взглядом – и, дав народу выкричатся, подняла руку.

Все умолкли – и в этой тишине все увидели, как протопоп Аввакум опускается на колени, а рядом с ним царевич Федор.

– Коли казнишь их, царевна, руби и мою седую голову, ибо они стадо, а мы – пастыри духовные и моей вины в том бунте более, чем их!

– И моей! – Царевич Федор бухнулся в грязь рядом с учителем и наставником. – Мы должны были того не допускать, сестрица...

– А те, кто отца нашего отравил?

– Так ведь не стрельцы же! Их самих злые люди с пути истинного сбили...

Софья глубоко вздохнула. Задумалась на пару минут, еще нагнетая обстановку.

И наконец...

– Ладно же, батюшка! Ради тебя, ради просьбы брата моего, коего эти тати на копья поднять хотели, – пусть и не хотели, но могли же! – слушайте мое решение!

Слушали. Муха пролетит – услышали бы.

– Стрельцы. Приговор мой будет таков вам – вы отправитесь в изгнание. Возьмете с собой семьи, кто поехать с вами захочет, подворья ваши в казну отойдут, а вы поедете туда, куда я скажу. И жить будете там, где я скажу. Тогда живыми останетесь. Иначе... Либо смерть – либо постриг.

Вот тут Софья и поняла, что такое – народное ликование. Смело восторгом! Залило восхищением.

Кровавая царевна?

Милосердная!

А уж что обрушилось на Аввакума и Федора...

Когда те поднялись с колен, народ на них уставился, ровно на святых.

Софья усмехнулась про себя. М-да, не знаете вы, что такое PR-технологии – и, даст Бог, никогда не узнаете.

А она сейчас цинично размышляла, что в казне прибыло – и очень неплохо. Это первое.

Осваивать земли на границе с Китаем надо – это второе. И эти – освоят, коли жить захотят. Конечно, голых и босых их не отправят, но сейчас, вот как есть, вывезут за город. Там подержат в монастыре недельку, пока не соберут все потребное – и проваливайте. Вместе с семьями.

И третье, самое приятное. Она сейчас помиловала человек пятьдесят. Остальных никак нельзя, а эти были выбраны, как самые неповинные. По принципу – все пошли, и я пошел. Я рядом стоял. Командир приказал. Но власть уже не будет кровавой. Такие поступки, как милостыню подавать. Бросит царь грошик – никто и не вспомнит, что он налоги повысил. Общественное мнение формировать надобно, а то как же! Власть должны ценить и любить, а не бояться. Тот же Петр, Софья точно помнила, головы рубил, да бунты постоянно были. То один давил, то второй... и надо ли нам такое добро?

Нет уж. Будем зарабатывать братишкам популярность.

Аввакум царевне поклонился, собирался было с площади уйти, но... куда там!

– Благослови, батюшка!

– Благослови, царевич!

Софья с ехидной ухмылкой посмотрела на брата. А что?

Что может быть лучше патриарха из царской семьи?

Вот только надо бы решить, как быть с целибатом. Софья еще в той жизни его не понимала и не принимала – ни к чему такие извращения. Ей-ей, пусть хоть сперму бы тогда сдавали, если естественным путем размножаться не хотят! Генофонд ведь пропадает!

А тут как?

А тут и не сдашь. Увы...

Да и Федька...

Было что-то такое сейчас в мальчишке.

Может, и правда его сделать патриархом? Идеализм проходит – и быстро. А наивность? Так у него ж пока щенячий возраст, вот через годик начнем его вводить в курс дела, тогда попроще будет. Постепенно вся эта шелуха с него и пообтрясется.

Но это потом. А пока...

Софья подозвала Ежи и тихо распорядилась. С площади двинулись телеги с тщательно отобранными стрельцами, толпа заволновалась, зашумела...

А тем временем, пока счастливые родственники обнимали почти воскресших стрельцов, палачи по кивку царевны принялись за свою работу.

Софья досидела до последнего. Досмотрела. Вымучила из себя.

И все же... с жизнью сегодня расстались не три сотни человек, поменее. Чуть более двух сотен. По ее воле. Правда – враги. Шпионы, двойные агенты, завербованные ими перебежчики, кое-кто из Долгоруковых, кого уже выпотрошили, да и те же стрельцы – та часть, которая приняла близко к душе посулы изменников...

Малоприятная публика.

Софья внимательно прислушивалась к себе, когда ехала обратно. Изменилось ли что-то?

Нет.

Примет ли она еще раз такое решение?

Однозначно. Для защиты своей семьи все средства хороши. Эх, где-то та семья сейчас?

* * *

«Та семья», а точнее, Алексей Алексеевич Романов и Иван Морозов, сейчас находилась под Бахчисараем вместе с примкнувшим к ним Яном Собесским. Он таки дошел, хоть и потерял почти двадцать процентов войска. И ладно бы – в боях!

Причинами послужили не татары, а кишечные инфекции, буквально косившие народ. Пока не догадались мешать воду с вином или, на край, с уксусом, полегла чуть ли не половина войска. Алексей только фыркал – правда, про себя. Ему-то Софья давно рассказала, что к чему и чем опасны кишечные инфекции. А заодно – и как их избежать.

И откуда только она все это знает? Умная у него сестренка...

Собственно, под Бахчисараем они еще не стояли. Столица Крымского ханства была окружена равниной, а та – холмами. Вот к этим холмам и подошли оба войска. Казаков пока еще не было, но скоро, скоро уже...

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Никогда Иван Сирко себя ждать не заставлял, да и Степан Разин старался, зарабатывал славу.

– Что делать будем?

Алексей пожал плечами:

– Татары не дураки. Хоть и не готовились они тут обороняться, но укрепления на холмах у них есть. Да и дорога отвратительная.

– Если пойдем по ней – нас просто перестреляют.

– Могут, – согласился Ян Собеский. – И что вы предлагаете?

– Пока я послал разведку. Они вернутся, доложат, кто и где стоит, – и будем решать.

Ян одобрительно кивнул:

– Вы мудры, ваше высочество. Другой бы пошел в атаку...

– Мне не нужна воинская слава. Мне нужны мои люди. Живые и здоровые.

– Мало кто так рассуждает.

Царевич пожал плечами. Лесть ему была приятна, но в то же время...

Льстят? Подумай, чего хочет добиться этот человек. Мы с тобой – царские дети, то есть даже будь мы последними болванами, нам бы льстили...

Голосок Софьи всплывал в памяти, тревожил, не давал расслабиться.

– Скоро подойдут казаки.

– Государь, а что потом будет с этой землей? После окончания войны?

– Будет Алексей Михайлович, царь крымский. В числе прочего.

Юноша выразился более чем понятно. Глаза Яна сверкнули веселыми искорками.

– У вас большие планы, государь.

– Надеюсь, у меня хватит на них времени.

* * *

Разведчики вернулись к утру, доложив диспозицию.

Напуганные бесчинствами русских, татарские войска собрали всех, кого могли. Сейчас под Бахчисараем находилось не менее десятка тысяч татар. Утешало другое – не то войско, чтобы его сильно бояться. Да и место не то, хотя они могут доставить серьезные неприятности, поскольку засели так, чтобы простреливать дорогу. Опять же их главное оружие, легкая конница, в холмах не слишком полезно.

И все же русские не могут позволить себе платить двумя-тремя людьми за каждого татарина. Слишком им жирно будет.

Так что же делать?

Выход подсказали подошедшие спустя считанные часы казаки, точнее, Иван Сирко.

– Государь, – старый характерник был весел и бодр, словно и не было у него за спиной походов, боев, длительных переходов по степи, – так, может, скрытно пройти да им в спину и ударить?

Алексей задумался:

– Скрытно? Но сколько пройдет? Человек десять? Мало...

Иван Сирко пригладил густые седые усы, усмехнулся загадочно:

– Что вы, государь, пару сотен я в обход провести берусь, не в первый раз.

– По одной дороге? Под прицелом у татар?

Казак смотрел спокойно и внимательно:

– Ты мне, государь, поверь, чай, не впервые оно. Был бы я помоложе, я бы и больше провел, а сейчас только пару сотен. Не увидят они нас. Нас – не увидят.

И так это было сказано, что мигом вспомнились ходящие по Сечи байки – и про тайные способности Ивана Сирко, и про желтый глаз, и про оборот волком... да много о чем сплетничали. Алексей решительно тряхнул головой. А и поверить – что он теряет?

– Ежели ночью, а мы с утра начнем штурм?

– А мы как раз ударим в спину...

Мужчины переглянулись. Алексей кивнул:

– Кого возьмете?

– Своих, государь. Уж не обессудь, а только казакам скрываться, к врагу подкрадываясь, куда как привычнее. Твои-то так не умеют, а уж ляхи – и тем паче.

– Коли понадобится, так мои люди казакам не уступят, – обиделся ян Собесский.

Казачий атаман усмехнулся, заставляя всех почувствовать себя мальчишками.

– Коли мне отряд вести, так мне и людей подбирать. Не то – не обессудьте – за результат не поручусь.

В синих глазах заплясали искорки:

– А ежели я с вами еще пару своих людей отправлю?

– И кого же, государь?

– А Степан не говорил о таких? Их еще «троянскими коньками» кличут?

Алексей с удовольствием пронаблюдал за пониманием на лице атамана.

– Говорил, государь. И что ж эти дети сделать должны будут?

– А вот это мы сейчас и обговорим.

Чего уж там, гранаты еще оставались. И грех было их не использовать на такое хорошее дело.

* * *

Федька осторожно шел за рослым казаком, стараясь даже ногу ставить след в след. Так, на всякий случай.

Мешок за спиной чуть оттягивал плечи, но сильной усталости пока не ощущалось. Гранаты поделили им на двоих – ему и Даньке, и сейчас друг тоже шел где-то среди казаков.

Когда царевичево войско начнет штурм, они должны будут атаковать татар с тыла. Шуметь, кричать, убивать – глаза у страха велики, а храбрость у татар, наоборот, весьма мала. В жизни им тут воевать не приходилось.

Так что должны они дрогнуть, а уж ежели гранаты добавить...

Точнее, сначала гранаты, а потом атака. Чтоб своих не задеть даже по случаю.

Удастся ли?

Должно. Государь знает, как лучше сделать. И сейчас он подчинил их Ивану Сирко.

Мальчишка невольно поежился. А все ж страшновато... и рука сама перекреститься тянется. Вот идут они, а старик впереди – и ведь не видят их татары. А еще... поблазнилось тогда Федьке али нет? Вроде как у атамана глаза горели желтыми волчьими огнями...

Или так отсвет факела лег?

Все же ночью, в холмах, плохо верится в обыденность. Воют где-то далеко волки, шуршит под ногами трава, обвиняя щиколотки, вскрикивает какая-то степная птица...

Рука так перекреститься и тянется. Ишь ты, нечистая...

И не поговоришь ни с кем, не успокоишься... шуметь нельзя, разговаривать нельзя, все железо войлоком обернули, чтобы не блеснуло да не брякнула...

А вокруг что-то серое, так и вихрится – и кажется Федьке, что они идут, будто под пологом из паутины. Слово тень какая накрывает их, застит степь, гасит звезды. А старый атаман то тут, то там – он один словно в нескольких местах разом.

И голос у него спокойный:

– Идите, ребяташки, они никого не увидят.

А как не увидят, когда идут они прямо по дороге? Вниз поглядеть хоть одному – и вот они, как на ладони!

А атаман смотрит куда-то в темноту, и чудится Федьке на миг, что глаза его горят страшноватым желтым светом, и вытягиваются зрачки, заостряются клыки под седыми усами... миг – и встанет на лапы здоровенный седой волк, вскинет голову и завоет.

И, отвечая его взгляду, волчий вой раздастся совсем рядом, совсем близко:

– Не увидят они нас.

А кого? Федька боится задать этот вопрос, но атаман чуть усмехается.

– Волков в холмах много...

И опять пропадает в тумане.

А туман страшноватый, серый, липкий, влажный – не степной туман, и видится в нем что-то страшное, чудятся чьи-то голоса, наречие чуждое, словно рядом татары, вот только руку протяни, чтобы коснуться. Горят неподалеку огоньки костров...

Страшно...

И мертвенный холод пробирает чуть ли не до костей, когда липкое влажное щупальце забирается под одежду, внутрь...

Мальчишка передергивается, стискивает зубы... да, много говорят о таких людях, и сам он слышал... вот, значит, как оно бывает. Лишь бы душу потом не попросили те, кого не принято поминать к ночи.

И опять хочется перекреститься, но Федька уже не поднимает руки. А вдруг тот, кого к ночи не называют, огневается – и снимет защиту? И увидят их сейчас татары?

Все здесь полягут...

Ничего. И не с таким справлялись – и сейчас справятся. И все же, когда туман рассеивается, над головой опять светят степные звезды, а Иван Сирко взмахивает рукой: «Дошли, ребята! Привал!» – Федька переводит дыхание.

Смотрит на атамана. И кажется ему – или клыки никуда не делись? И глаза у старого характерника горят желтыми волчьими огнями? Ну да ладно, сейчас и перекреститься можно.

– Вы оставайтесь, я пройду поодаль, огляжусь.

Иван Сирко исчезает прежде, чем кто-то хоть слово произносит, – и совсем рядом раздается громкий волчий вой.

Федька встряхивается всем телом, и один из казаков хлопает его по плечу.

– Сробел, малый? Оно и понятно...

Любопытство и гонор оказываются сильнее страха:

– И ничего я не сробел. А вот это... что было? Они ж нас должны были увидеть! Мы рядом шли!

Казак ухмыляется.

– А вот это... Знаешь, как нашего атамана татары с турками называют?

– Урус-шайтан.

– Именно. И не зря.

– А...

– А остальное – не твоего ума дело.

Федька насупился. Можно подумать, он совсем глупый. И так ясно, что врагам глаза отвели! Слышал он о таком, просто тогда людей меньше было, но одному-двоим глаза отвести – несложно.

Деда говорили...

Но не хотят говорить? И не надо. Он тоже помолчит.

Теперь оставалось только ждать.

* * *

На рассвете русские и поляки принялись собираться. Сегодня их ждало сражение за Бахчисарай.

Там была столица ханства, а на высотах, впереди, их ждал Селямет-Гирей, калга и младший брат Селим-Гирея. Впрочем, блистательного ума старшего брата, говорят, ему Аллах не отпустил.

Алексей посмотрел на выстроившиеся полки, на решительные лица людей...

– Да благословит нас Бог, воины!

И первым, подавая пример, опустился на колени. Молитва была короткой, а потом войско быстрым маршем двинулось в сторону расщелины между холмами.

Сегодня и решится, чьей власти быть на земле крымской.

Татары встретили русских пушечным огнем. Первые ряды дрогнули, но не отступили. Падали, но шли вперед, упрямо, в «мертвую зону», куда уже не достреливали пушки. И все же...

Алексей находился сейчас в арьергарде. Он с радостью шел бы впереди, но кто ж ему разрешит? Наследник! Царевич!

Оставалось только ждать, сжимая кулаки, и смотреть, как падают люди. Его люди. Православные.

Где же Сирко?!

* * *

Федька даже чуток придремал, едва ли не в обнимку с Данькой, когда сильная рука встряхнула его за плечо:

– Вставай... «конек». Бой начался.

Сна как ни в одном глазу не бывало. Над мальчишками склонялся Иван Сирко. А глаза у него были желтые-желтые, волчьи, умные и хищные.

– Пора.

Федька подскочил, вытянулся, зная, что рядом так же вытянулся во фронт Данька.

– Разрешите приступить?

– Разрешаю. Эти ваши игрушки далеко ли летят?

– Как добросим, воевода.

– А взрываются скоро ли?

– Погорят, покамест до десяти сосчитаешь, а потом жажнут так, что чертям в аду жарко станет.

Федька был уверен, что атаман все знает. Просто дает им время прийти в себя. Мало ли...

– Сейчас пойдете, куда я скажу, а с вами пойдут Петро и Оглобля. Они ваши штучки куда как дальше докинут.

– А...

– Мешкать они не будут, просто силы у вас пока детские. Обидно будет зазря такую мощь потратить.

Еще бы не обидно.

Федька кивнул:

– Разрешите начинать?

Желтые глаза одобрительно сощурились:

– Начинайте.

* * *

Селямет-Гирей смотрел вперед. В душе калги бушевал вихрь гнева. Наглые твари! Сволочи! Шакалы православные, не знающие Аллаха и истинной веры!

Да как посмели они?!

Селим-Гирей ушел в поход – и, как это часто бывало, его брат остался за старшего. И вот тут...

В столицу начали приходить плохие известия.

Русские появились в Крыму. То здесь, то там... Спасшихся было немного. Тех, кто смог добраться до столицы и сообщить обо всем государю, – еще меньше. К тому же Селямет-Гирей был не настолько умен, как брат, – вот и не принял все всерьез.

Забеспокоился он пару недель назад, когда прилетел голубь из Кафы.

Город был захвачен. И все чаще в Бахчисарае объявлялись беженцы...

Сначала Селямет не беспокоился. Ну, набег – бывает. Приходили сюда уже и казаки, и русские, да только убрались несолоно хлебавши. Селим же как раз под Азовом, вот возьмет он крепость – и пройдет победоносным маршем, захватывая неверных и превращая их в своих рабов, ибо на что они еще могут сгодиться?

Только в меру своих сил и умения служить правоверным.

Но...

Все складывалось не так хорошо. Селим молчал, а вскоре пришло и известие пострашнее. Русские шли к Бакчэ-Сараю. Шли уверенно, не останавливаясь и с понятными намерениями. И с другой стороны двигались поляки.

Это было уже серьезно.

Потрепать их стрелами издали не удавалось – у них была своя кавалерия, и посылать людей было бессмысленно. Все заканчивалось долгой погоней по степи.

А вот защищать...

Бакчэ-Сарай был окружен холмами – и в город вела дорога, петляющая между ними. Вот ежели занять позицию на холмах... что кал га и сделал.

Поставил пушки, расположил людей, устроил штаб... штурм не стал для него неожиданностью. А вот...

* * *

– Как только я гранату передам, так и бросай. Сразу же.

Казак, носящий говорящее прозвище Оглобля, кивнул. Весь нескладный, длинный, с руками чуть ли не ниже колен... понял ли?

А коли нет, так их всех сейчас тут разнесет.

Федька чиркнул кремнем, высек искру на трут – и быстро понес тлеющую тряпку к фитилю, пропитанная маслом веревка вспыхнула мгновенно.

Граната перешла в руки Оглобли, тот, не мешкая, размахнулся – и швырнул ее что есть сил.

Федька проводил ее взглядом.

А ведь хорошо пошла...

Стартовав на холме, в тылу врага – Иван Сирко выбрал идеальную позицию, татары отсюда были видны как на ладони, граната финишировала аккуратно посреди большого их скопления.

БАБАХ!!!

Грохот донесся даже сюда. И сразу же...

ШАРАРАХ!!!

Данька тоже не мешкал.

Мальчишки переглянулись – и протянули к труту по второй гранате. Их всего десятка полтора, так что поспешать будем, пусть ни одна не пропадет...

* * *

Не заметить удар в спину татарам было бы сложно. Гранаты грохотали так, что эхо на день пути вокруг разносилось. Да и татары, которые только что стреляли, глумились над атакующими и были вполне в себе уверены, вдруг замешкались.

И вот тут русичи своего не упустили. Рванулись наперегонки с поляками, словно

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
крылья на ногах выросли. Расстояние до холмов преодолели в несколько секунд,
полезли вверх, словно за ними черти гнались...

И стоило замолкнуть гранатам, как откуда-то, за спиной у татар раздался грозный
волчий вой. А потом и...

– За Русь-матушку!!! Ур-р-ра-а-а-а-а!!!

Казачьи Ивана Сирко шли в бой. Они понимали, что, ежели татары сейчас на них
развернутся, – не уцелеет ни один. Но их вел батюшка-атаман, впервые они бились
за свою землю, впервые у них была поддержка и помощь...

Разве не стоит оно того, чтобы голову сложить?

Тысячу раз стоит!

Они и не колебались.

Не колебались и «троянские коньки», которые, отбросив гранаты, ринулись вслед за
Оглоблей и Петро. Не оставаться ж им в стороне, когда тут такое. Казачьи
попытались было цыкнуть на ребят, но сразу же смолкли. Потому что сабли у
мальчишек в руках были как раз под их рост, и кинжалы во второй руке тоже, и
глаза такие...

Можно их остановить.

Так ведь не простят потом. Ни им, ни себе. Бывает бесчестье, которое страшнее
ножа режет. А вот да и уцелеют. Казачьи переглянулись и положили себе
приглядывать за мальцами. И отделись бою.

* * *

Федька уверенно отводил удары, как учили. Сил у него мало, да и ростом он не
вышел, зато юркости и ловкости на десятерых хватит. Так и получается. Удар
спустить либо по сабле, либо по кинжалу, отклонить в сторону, а другой рукой
ударить. Бить ногами, подсекать врага, едва ли не на колени падать, когда
надобно друга прикрывать – это не благородное фехтование. Это – бой, то есть
свалка стенка на стенку, и здесь все против всех и все за всех.

Остаться на месте? Ожидать конца боя?!

Да никогда! Не для того царевич их с улицы забрал, чтобы они труса праздновали...

Удар, еще удар, рядом падает татарин с распяленным в диком крике ртом, Федька не
замечает, что кричит и сам, выплескивая буйное хмельное безумие боя.

Сабля справа. Уклониться, парировать, ударить, слева его прикрыл казак, и еще
удар, и еще...

Прилетевшей откуда-то слева стрелы Федька не заметил. Просто что-то клюнуло в
плечо, заставляя упасть на колени.

Больно...

Конец?..

* * *

Селямет-Гирей так и не понял, когда ситуация переломилась. Когда что-то страшно
загрохотало? Да вроде как нет, тогда он еще смог организовать сопротивление. И
татары все равно поливали нападавших стрелами.

Когда раздался волчий вой и им ударили в спину?

Вроде как тоже нет...

Когда... Да. Вот именно тогда, когда спереди ударили пушки, а один из холмов
захватили и принялись безжалостно вырезать всех, кто был на нем, спихивая вниз

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
мертвые тела.

Вот тогда и дрогнуло его войско.

Тогда и побежало.

– Куда, шакалы трусливые?! Повешу!!! – бесновался калга, понимая, что рядом с ним остается все меньше людей.

– Не повесишь.

Голос был ледяным.

Селямет обернулся. На холме, неподалеку от него, стоял самый страшный кошмар любого татарина. Казачий атаман Иван Сирко.

Нечисть желтоглазая, урус-шайтан...

Как он попал сюда, почему никто его не остановил?!

Но стоит вот, и с сабли катятся на землю алые капли.

– Не повесишь, – повторил атаман. – Ты сегодня здесь ляжешь.

Селямет завизжал от злости, видя, как последние из его людей, глядя на урус-шайтана, пятятся все быстрее, а потом и бегом бегут с холма – и прыгнул вперед, занося меч.

Сдаться?!

Не бывало такого позора в роду Гиреев!!!

Иван отразил его удар, сам напал, в желтых глазах горели опасные огни, лишая силы и удачи Селямет-Гирея. Страх сковывал калгу, вползал змеей в душу, и закончилось все вполне предсказуемо. Росчерком широкой казацкой сабли, перерубившей шею татарина – и с ней весь окружающий мир. Иван вытер саблю об одежду поверженного врага, усмехнулся...

Не бывать тебе больше в Крыму хозяином!

Не бывать!

И принялся спускаться с холма, чтобы принять участие в еще не закончившейся битве.

Этим же вечером русские вошли в Бакчэ-Сарай, который отныне будет именоваться Бахчисараем. Они отдохнут здесь пару дней, а потом отправят отряд в Султан-Сарай. Надо же зачищать Крым до конца! Обязательно надо!

Впрочем, сильно им стараться не придется. Татары, испуганные настолько, что некоторых можно было бы найти просто по запаху, бежали прочь, не разбирая дорог. Им было страшно...

Те, кто любит ходить пакостить в чужие земли, не бывают готовы к войне на своей земле. Но она приходит.

Неожиданно и неотвратно.

Судьба всегда требует расплаты. Не с родителей – так с детей, с внуков... и часто забирает проценты.

Селямет-Гирею памятник не ставили. Единственное, что сделал для него Алексей Алексеевич, – это приказал похоронить в отдельной могиле. Хватит с него и того, что над телом издеваться не будут, как они над телами православных. На стене не вывесят, в ров не выбросят, из черепа чашу не сделают. А могли бы, еще как могли...

Эх, скорее бы тут все закончилось...

Хоть и красив Бахчисарай, хоть и приятно побеждать, а все ж домой хочется...

* * *

В Москве пока еще продолжалось следствие – и казни.

Хованский, сломавшись, потащил за собой многих и многих. Софья только за голову хваталась: сколь же прогнило все при батюшке! Друзей он сердечных подбирал! Молился по четыре раза в день! Посты держал!

Да твою же ж перетак!!!

Ты сначала в государстве все наладь, а потом хоть умолись!

Нет, было и кое-что умное. Например, он комплектовал полки нового образца. Софья твердо решила последовать его примеру. Стрелецкие полки поделили на две части. Провинившиеся – расформировывали. И компоновали из них нечто новое.

Устав Софья помнила плохо, но был уже принят устав, написанный ее отцом. Почистить, подредактировать – и радоваться. Вот Косагову, кстати, эти мужские игрушки и поручить. Умный товарищ.. Ну и самой проверять.

А то иногда такие перлы встречаются! Чего стоит только фраза, над которой издевался ее знакомый майор.

Кто знамо присягнул единожды, у оного и до смерти стоять должен!

Сказано–то верно. Но коряво настолько, что в среде военных шли постоянные издевки с сексуальным подтекстом. [7]

Что, сложно было сказать, что верность воинская единожды отдается, и воин, клятву преступивший, хуже пса поганого? Более того, что убить изменника родине – дело богоугодное?

Ну ладно, над последней фразой надо подумать.

Как говорится, незнание закона не освобождает от ответственности, а вот его знание и умение с ним работать – вполне.

Софья и собиралась.

Чуть реорганизовать работу приказов, поставить своих людей если и не на ключевые посты, то рядом, отписать, кстати, в Данию, Швецию, да и тому же Леопольду. А что?

Мужик, мы тебе помогли с османами? А ты помоги нам с заключением удачных браков! Естественно, не без выгоды для себя. Тем более что и Катерина, и Марья были вполне симпатичными девчушками и обещали вырасти настоящими красавицами. Марья была копией матери. Катерина походила на отца. Учить их, конечно, надо было нещадно, но Париж стоил мессы.

Париж...

Нет, с Людовиком Четырнадцатым Софья контакты налаживать и не собиралась. И даже рядом. Слишком данный человек авторитарен, хитер, искушен в интригах. Хотя, если придется, она с кем угодно сцепится. Но по-хорошему стравить бы их с Англией в очередной столетней войне и заняться своими делами – да ведь не поддадутся.

Ничего, мы найдем, как и где извернуться. Уже начали.

Софья усмехнулась, вспомнив о стрельцах, ее волей отправленных в ссылку.

Куда?

На Амур!

Шилка, Нерчинск, а далее Камчатка и Аляска! Осваивать, заселять, обрабатывать...

А что?

Народ крепкий, хозяева справные, оружие в руках держать умеют, а то что это такое? Сибирь же! А всей колонизации – казаки да Ерофей Хабаров! Так дело не пойдет!

Это лес, это природные богатства, это вся таблица Менделеева, это... вообще к чему такие богатства дарить Китаю?

Историю Софья знала от слова «никак», но даже в ее памяти осталось, что колонизация Сибири была проблемной как раз из-за китайцев.

В той жизни.

А еще она удивлялась – куда смотрит правительство? Имея под боком такую... засаду, как перенаселенный Китай и ненаселенная Сибирь? Или они надеются удрать, когда заварушка начнется? Да наверняка, только вот не понимают, что все равно до конца жизни останутся вторым сортом. То ты был министр одной шестой земного шара, а то ты рантье второго сорта, который никому даром не нужен. Доживаешь свой век на помойке истории куском гнилого мяса.

Жестоко? Цинично?

А Софья вообще – то была воспитана в то время, когда Россия была и одной шестой, и великой державой. И замашки, и отношение у нее были соответствующие. Ну а кому не нравится – никого ж не неволят! Сейчас на Руси даже толковых паспортов нет... о! Кстати!

Перепись населения – дело важное. Надо.

Далее...

Никакого закрепощения крестьян в этой истории не будет. Нечего Руси с такими колодками на ногах делать! Покамест восстановим Юрьев день. Это первое.

Вторым пунктом его размножим до двух дней в году. Пока. Потом увеличим, но все ж постепенно. А еще можно будет в плане освоения Сибири, ежели не понравилось тебе у твоего боярина, а бежать некуда – отправляйся за государственный кошт. Будешь чернососным крестьянином. Правда, с оговоркой. Долги за тебя казна выплатит, а уж ты за них расплатишься. Медленно, постепенно, что-то вроде беспроцентного кредита лет на десять.

Как? Придумаем, продумаем. Если на то пошло, царевичева школа – это готовый аналитический отдел, ребята там что хочешь посчитают! Лишь бы интересно было. А интерес она обеспечит.

– Сонь, пора.

В кабинет заглянул царевич Иван. Царевна кивнула, встала из-за стола.

– Волосья поправь, выбились.

Софья нахмурилась, но волосы поправила:

– Так лучше?

В работе она ни на что внимания не обращала. Ванечка кивнул:

– Пойдет.

– Тогда сопроводите сестру, царевич.

Недалече. Всего лишь в Грановитую палату.

Бояре ждали. Софья привычно уселась на стульчик подле трона, оглядела их.

Уже не такие, как в первый раз, вовсе нет. Присмирившие, поумневшие... Какое там

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
про девок наглых ляпнуть?! Голову бы сохранить – и бороду!

Рядом стояли Иван и Федор, сидела на маленьком стульчике царица с сыном на руках – на трон ни один Романов не посягал. Это седалище дождется Алексея. Как и царские ризы, и бармы, и шапка Мономаха. Софья ни на что не посягала. Не правительница, нет. Всего лишь местоблюстительница.

А пока...

Пока мы начнем медленно и печально разбираться с барщиной. Софья отлично понимала, что это сложно, долго и противно, но деваться было некуда. Это ж кандалы для всей Руси.

Пока у нее власть – она разберется. А вернется брат – смягчит самые ее крутые указы и окажется хорошим и пушистым.

– Здоровы будьте, бояре. – Софья улыбнулась. Впрочем, ее улыбка никого не обманула: бояре видели за розовыми девичьими губками волчий оскал клыков в три ряда – и заранее передергивались. – Нам сегодня о многом поговорить надобно.

Упс...

С места поднимался Никита Иванович Одоевский. Та-ак... Богат, неглуп, к тому же не был замешан в заговоре. И что ж ты скажешь?

Софья твердо знала, что начинать давить бояр надо сейчас, после бунта, чтобы потом лишней крови не было. Так что... скажи мне хоть слово против! Я ж из тебя чучело набью... во всех смыслах!

– Царевна, а к чему торопиться разговоры пустые разговаривать? Вот государь вернется – тогда и пусть он страной управляет, мы ему слова поперек не скажем.

Пальцы Софьи медленно сжались на рукоятке плети.

Ах ты ж гадина ядовитая! Два предложения – а столько «ежей»! Во-первых, сам вопрос. Вякнул бы ты такое поперек батюшкиного слова – летел бы в деревню вперед своего визга. Во-вторых, пустые разговоры. То есть все, что она скажет, – заранее чушь. В-третьих, возвращение государя. То есть он тут царь, она – букашка.

Софья впилась глазами в лицо чуть побледневшего князя.

– Значит, пустые. Разговоры. Разговаривать. Стража!!!

Долго звать не пришлось, мигом влетели. Софья на боярина только кивнула.

– Взять – и в пыточную. А там и поспрашивать на предмет причастности к бунту.

Достала из поясного кошель, который носила вместо сумочки, пергамент, чиркнула два слова в приказе – она таких штуки три с собой носила, мало ли что когда понадобится.

Одоевского скрутили в единый миг. Только что стоял, бороду оглаживал – и вот уже на коленях воеет, а стрельцы ему руки крутят.

Бояре как стояли, так и онемели. Не ожидали, оно и понятно.

Аресты прошли, виновных нашли – и вдруг! Гроном с ясного неба!

Князя сноровисто вытащили вон. Софья смотрела холодно, чуть улыбалась.

– Есть еще заговорщики?

Вякнуть бояре не решились. Оно и понятно. Кремль же, стрельцов полно, сейчас любого в пыточную отволокут, а уж признание...

Это Аввакум держался до последнего, большинство из присутствующих такой стойкостью похвалиться не могли – не с чего.

– Тогда предлагаю вам обсудить дополнения к уложению моего батюшки. Мудр он был, да кое-что просто не успел. Сие его же указы, кои я у него на столе нашла, да только сказать о том не успела – князь поспешил их моими измышлениями обозвать.

На лицах бояр проявилось некое облегчение – и Любава наклонила голову:

– За царевну порукой мое слово. Мой супруг покойный, – рука быстро сотворила крестное знамение, – и вправду... думал...

Всхлип оборвал ее речь. Царевич Иван чуть приобнял царицу за плечи:

– Все в порядке, Любушка...

Женщина поднесла к глазам белый платочек. Не рукавом же утираться! Софья за такое ругала нещадно!

– А когда государь вернется, вы, бояре, так ему и отчитаетесь, – опять повела речь Софья. – Мол, бунт был, да мы к нему никак не причастны, мы на благо государства работаем. Вот, погляди, государь...

Бояре переглядывались с видимой опаской, а Софья тем временем достала стопку пергаментов.

– А начнем мы со сроков розыска беглых крестьян...

Три часа спустя Софья входила в свой кабинет довольная и счастливая. Начало было положено, и начало неплохое. Первым пунктом был принят Юрьев день. То есть ей хотелось шесть дней, боярам – ни одного, в итоге сошлись на трех днях, когда крестьянин волен был уйти от своего хозяина. А ежели хозяин зело лютует и неправомочные расправы над людьми учиняет, то может крестьянин и ранее челом царю бить. Но ежели он лжу возведет...

Одним словом – будем постепенно возвращать порядье, пусть крестьянин сам определяется, на кого работать желает. На хозяина ли, на государство...

Что сделала Софья – и жестко, это ввела запрет на переход крестьян от мелких землевладельцев к более крупным, а то так и до обнищания мелкого дворянства недалеко, а там и до бунтов. А вот в черносошные крестьяне – можно, в Сибирь – можно...

Казна за тебя выплатит, а ты казне отработаешь. К более мелкому или равному по территории землевладельцу – можно.

А ежели хозяин негодящий, то нечего с ним и вязаться. Салтычих и прочих нам только не хватало.

Вторым пунктом шел розыск беглых крестьян. А именно – десять лет. Потом – довольно. Ежели человека за такой срок не нашли, так его и потом искать не стоит. Ни к чему.

Вот с третьим пунктом пока не определились. Софья с радостью заменила бы барщину на оброк, но вот размеры? Одно было ясно – если крестьянина заставить обрабатывать, например, пять десятин своей земли и пять десятин хозяйской, да еще по мелочам прислуживать... это ж какое его обнищание будет!

Не пойдет!

Так что третий вопрос до конца не решили, но обещали подумать и собраться завтра же. Софья насмешливо потирала руки. Дайте время, дайте только время...

Ах да, Одоевский...

Этого выпросят как следует, конфискуют что-нибудь ценное и удалят из Москвы. Пусть себе едет в дальнюю деревню, раны залечивать. Обнаглел сильно.

* * *

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Алексей Алексеевич Романов тем временем писал письмо.

И таки – да! Турецкому султану!

Правда, в отличие от казаков он был исключительно вежлив. Куртуазен и даже слегка прогнулся, как сказала бы Софья. Ну, так что поделывать?

Надо!

Сие есть высокое искусство дипломатии.

Алексей, содрав все султанские титулы – из того самого письма султана запорожцам, таки да! – перечислял их и хвалил султана.

Сожалел, что из-за тяжких ошибок они с его предшественником оказались в таких разногласиях, и выражал надежду, что те обязательно будут исправлены.

Даже не просто так!

ОБЯЗАТЕЛЬНО!!!

Да, ему пришлось вторгнуться в Крымское ханство. Но ему угрожали. Предупреждали! И даже дали денег на войну.

Кто?

Эм-м-м... есть тут такие в Европе. Которые светят, но не греют.

Испания и Франция.

Дословно он, конечно, не писал, но между строк читалось отчетливо. И про Людовика-Солнышко, и про Габсбургов, кои раскатали фамильную губу. И скромный намек, мол, я бы и не решился, где уж нам, медведям, но тут на меня надавили, чтобы натурально пожить на вашем несчастье.

И предлагал мир. Лучше – вечный.

Что вы получаете из Крыма?

Рабов?

Ну... тут уж – извините. А вот все остальное, например знаменитая розовая соль, – все останется доступным. Опять же мощь Османской империи неоспорима, но ведь и Русь не малое королевство. Так что, может быть, не свáриться, на радость всяким там?

Зачем вам это захоlustье, фактически Азовское болото с лягушками? Все равно все выходы к морю будут у вас. А мы сможем торговать напрямую. Зерно, меха, золото, изумруды, руда, дерево – Русь богата.

От нас больше выгоды, чем от немых крымчаков, которые если в спину и не ударят, так сбегут уж наверняка!

И все это обильно пересыпать витиеватостями, красотостями и уверениями в своем немало уважении. И приложить к письму что-нибудь хорошее. Только не изумруды. Может, меха? Их здесь тоже хватает – и хороших, сам бы не побрезговал. Надобно с Ваней посоветоваться.

А попутно...

Тамань-атамань.

Почему-то так называла ее Софья. И улыбалась загадочно.

Да, туда пойдут войска. Можно даже без него, там для военных действий Ивана Сирко с лихвой хватит. То-то он развернется во всю ширь и мощь! И ту часть Крыма тоже надо зачищать. Тамань, Темрюк... нет, на Сухум-Кале мы не покушаемся. Но там же все равно Адыге, Кабарда – вот и чудненько. Черкесы с одной стороны, мы с

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
другой – и вторая часть Крыма наша будет. Можно даже в Сухум-Кале вторгнуться – чуть-чуть, чтобы, когда османы ответят, было что уступать. Не Бахчисарай же им отдавать и не владения на полуострове?

Нет уж. Уплыло – так уплыло. А вот там – пусть. Пососедем какое-то время. Закончим войну, отдадим лишнее – и османские владения больше не трогать.

Пока.

Да, такое махонькое слово, всего четыре буквы, а сколько смысла!

Нет, покамест бодаться с османами ни к чему. Вот потом, позднее... Может быть, даже его дети, ежели это не сильно разорит страну. А сейчас – обезопасить себя от удара в спину – и смотреть в Сибирь. Опять же, Балтика...

Слишком многое нужно сделать, чтобы можно было тратить время на войны. А потому царевич сидел и писал письмо. И даже не думал о том, что скажет отец.

Победителей не судят. А победа должна быть окончательной. То есть такой, чтобы не тянулась война на двадцать лет. Вот как его отец с поляками разбирался – это ж не война, а волянка! Сколько времени, нервов, сил, жизней, да и денег тоже! И что – окупилось?!

Ни чуточки!

Он не должен повторять ошибки своего отца.

* * *

Письмо, в котором сообщалось, что Алексей Михайлович умер, отправилось по следам войска русского. Крым хоть и большой, да все ж войско не иголка, найти царевича можно. И ездить там сейчас уже не так опасно – проредили татарскую саранчу...

Так что Ромодановский снарядил отряд из двух десятков человек, приложив и свое письмо о том, что под стенами Азова случилось. Найдут царевича, никуда не денутся. А Воина Афанасьевича отпустил домой.

Когда мужчина узнал, что его отец при смерти – его бы и цепи не удержали. Хоть успеть, хоть попрощаться... сколько ж батюшка из-за его юной дури претерпел!

Ромодановский, также будучи в курсе, теперь оставался в Азове и ждал царевича. Впрочем, теперь он был куда как спокойнее за свое будущее. Все-таки Алексей Михайлович – человек своеобразный. А Алексей Алексеевич куда как лучше.

Самое тяжкое время – смену власти Ромодановский готовился принять, как должное. Ему ничего не угрожало, может, даже еще и наградят, а там – как Бог даст.

Время шло.

* * *

– Государыня, ваше приказание выполнено.

Васька тянулся в струночку перед царевной Софьей, краешком глаза поглядывая на стоящую рядом Раду.

– Вильгельм Оранский мертв?

– Когда мы уезжали, как раз порт закрыли. Траур объявили.

Софья кивнула:

– Подробности? Да вы садитесь, кофе себе налейте, фрукты вон... или чего другого приказать?

– Молочка бы, государыня? – Ничего страшного в своей просьбе Васька не видел. – Вроде бы и вкусное молочко на чужбине, а все ж не то. Мы как приехали, государыня, Рада в гостинице поселилась, а я по городу принялся ходить.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Вильгельм – тут повезло мне – лишь по паре улиц и ездил. Вскорости я там дом нашел, комнатенку малую в нем снял, посмотрел, как уйти можно – все, как учили меня, так и сделал. И... оставалось только рычаг спустить.

Софья кивнула:

– На русских точно подозрений не пало ли?

– Нет, государыня. Я на том месте обрывок кружева французского оставил: да еще мелочь какую, словно бы из кармана та высыпалась. А слуги скажут, что в той комнате католический монах жил.

– Даже так?

Васька кивнул:

– Под рясой-то фигура куда как лучше прячется. Вот я и... стянул штучку с монастырского двора. Креститься по-католически дело нехитрое, молитвы на латыни бормотать, особенно когда в замочную скважину подглядывают, тоже. Вот и вышло, что жил в комнатке какой-то мутноватый француз. Даже не жил, так, появлялся.

Соответственно когда узнают...

– Французов будут бить, – усмехнулась Рада, – я тоже не сидела сложа руки, я слухи распускала, где могла.

– Посмотрим. Дождемся вестей, – кивнула Софья, – а вы двое – молодцы. И награда по делам будет.

Ребята и не сомневались, что их не обидят. А Софья планировала наградить их сейчас – не чрезмерно, чтобы не почивали на лаврах, – и использовать и дальше. Сработались ведь!

Так что мальчишке – домик в Дьяково, девчужке – должность при царевне с окладом, и пусть еще поработают.

Вильгельма больше нет?

Вот и чудненько, вот и ладненько. Зато других «нехороших людей» хватает.

Бесчеловечно? Простите, но ассасины – это не ее изобретение, это до нее постарались. Так что... идите вы со своей моралью – в церковь. А Софью сейчас интересовало, как бы подтолкнуть весы в свою сторону.

Ведь она не для себя старается, а для своей страны. Так что обвиняйте, обсуждайте... собаки лают – караван идет.

* * *

Сулейман, милостью Аллаха наместник пророка на земле, султан Османской империи, молился. А что ему еще оставалось делать?

Да, можно вытащить из башни младшего брата свергнутого султана, но вот ведь беда! Ума, решительности, напористости ты в него не вложишь! Королей не просто рожают, их воспитывают.

Будь на дворе мирное время, Сулейман бы, возможно, и справился. Но Кипр полыхал, Австрия кусала за все места, до которых могла добраться, зашевелилась Венгрия, а к тому же русские вторглись в Крым и взяли Перекоп.

А ведь вассалы, как ни крути.

С другой стороны... толку ли ему в тех татарах? В войне от них пользы нет, в мире... да тоже не особенно! И вообще ему янычар с лихвой хватает! С их требовательностью, раздерганностью и манерой менять султанов. Еще и крымчаков тут...

Пришедшее от русского царевича письмо тоже не порадовало.

С одной стороны... как бы да. Крымчаки его изрядно должны были разозлить. Как человек неглупый и справедливый, Сулейман понимал, что от постоянных набегов кто хочешь озверевает. Сам давно бы... сколько ж можно тигра за хвост дергать? С другой стороны... часть-то крепостей была его! Турецкая!

Хоть бы и та же Керчь!

С другой стороны, Алексей Алексеевич предлагал хорошее возмещение деньгами либо землями, готов был вернуть нажитое, не возражал против торговли, да и то сказать – татары от него страдали жестоко. А вот турок он старался не трогать. Ежели кто и погибал, то только по своей глупости.

А воевать не хотелось.

Выражаясь современным языком, а за кого подписываться-то? За татар, кои сами себе на уме? На которых положиться толком нельзя?

Шуму и гаму от них много, а толку мало. Не конница, а утробище, только массу создавать и годится, а из любого боя они доблестно первыми сбегут.

К тому же – Крым.

Воевать там откровенно неудобно. Пытались уже, и не раз. Далеко, холодно, а уж о том, чтобы на Русь пойти, Сулейман думал с содроганием.

Войско – и достаточное, надо будет перевезти, высадить, снабжать, а ему предстоит маршировать по степи, которую весьма оперативно зачищают от татар. Помощи ждать не придется, зато налетов – сколь угодно... Сулейман отлично понимал, что русичи постараются его еще и не пустить на родную землю.

Идти через Польшу, как пытался Мехмед?

Вот он и попытался, только результаты не радовали.

Проблем от этой войны предвиделось намного больше, чем удовольствия. А тут еще Священная Римская Империя, тут еще Франция, которая вроде и не враг, а все не так, тут англичане, которые с удовольствием топят их корабли...

Война была решительно невыгодна. Но и спускать такую наглость?

И Сулейман взялся за письмо, втайне надеясь, что выход найдется. Такой, чтобы ему не пришлось поднимать войско и направляться в сторону, которая уже стоила трона и головы его брату.

* * *

– Посольские грамоты от шаха Сулеймана Сефи? Как интересно...

Софья повертела бумаги в тонких пальцах. Про Сулеймана Сефи она ничего хорошего сказать не могла. Если его отец, Аббас II, был приличным человеком, то про сына такого сказать было нельзя. С отцом и воевали и торговали. Сыну, кроме Корана и гарема, отродясь ничего нужно не было.

И тут вдруг – письмо?

Шелком-то они торгуют, да и не только им, но тут уж скорее по инерции. А что может быть нужно от нее послу?

Аббас Сефи? В смысле... из рода Сефевидов?! Младший брат?

– Что ты хочешь сказать, Ибрагим?

Грек чуть усмехнулся:

– Известно, что я твое доверенное лицо, государыня. А потому ко мне пришел человек...

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– и?

– Аббас Сефевид желает встречи с тобой. Лично.

– И тайно. – Софья могла бы и не уточнять, карие глаза грека чуть блеснули. – Надеюсь, ты не остался без премии за этот разговор?

– Никак нет, государыня.

– Ладно. Но почему вдруг встреча – со мной? Вряд ли он высоко ставит женщину?

– О нет, государыня. Он знает, что ты имеешь влияние. Как и его мать, сиятельная Накихат-ханум.

– Ага...

Мужчина и девушка молчали. Они понимали друг друга и без слов. Ибрагим знал, насколько влиятельна Софья – и часть информации, безусловно, стекла к персам и от него. Но наказан он за это не будет. Если уж на то пошло – у них вообще вон совет евнухов правит. И ничего, живут пока...

Только жить им не так уж и долго, при таком раскладе.

Шах болен, причем ладно бы чем наследным или заразным. Алкоголизмом! А с этой болячкой править не получится.

– Чего он хочет? Ты ведь догадываешься.

– Он может потревожить турок. Может помочь нам выиграть эту войну.

– Но?..

– Взамен он хочет власти.

– Чем мы должны будем ему помочь?

– Войско. Деньги. Возможно, что-то еще. Государыня?

Софья чуть наклонила голову:

– Сегодня. Вечером. Ты понял?

Ибрагим склонился в поклоне. И позволил себе легкую улыбку:

– Они не ждут такой скорости. У них бы дело тянулось месяцами.

Ответом ему была не менее насмешливая гримаска:

– Знать надобно, кого покупать. И учти – налог на взятку у нас двадцать процентов. Сдашь в казну Школы.

Ибрагим низко поклонился царевне.

* * *

Алексею Алексеевичу спасла жизнь старая привычка, привитая еще Софьей и еще в Кремле. Никогда не есть и не пить ничего, не попробовав, не обнюхав, не проверив... а уж доверять кому-то? Последнее дело!

И – да. Нажираться на ночь – вредно. Потом сны плохие снятся.

А потому, обнаружив перед отходом ко сну у своей кровати поднос с восточными сладостями, царевич не запустил в них руку и не принялся жевать. Он просто отставил их на подоконник и принялся раздеваться.

Улегся, уснул – и отлично проспал всю ночь, чтобы утром обнаружить на подоконнике дохлую мышь.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

Хоть и считалась кошка у мусульман священным животным, хоть и жили их во дворце Бахчисарая стада и ряды, а все одно – никакое кошачье войско не справлялось с воинством мышиным. Серые хвостатики пробирались в комнаты, тащили сладости, грызли... эта – догрызть не успела. Тут же и сдохла.

Алексей обеспокоился, ринулся на поиски Вани Морозова, но тот был жив-здоров. Сладости нашли и у него в покоях, но не отравленные, а вполне свежие и хорошие. Кстати – он их тоже не ел, беря пример с друга. Воспитывались-то оба в Дьяково.

Вывод был печален.

Алексея хотели отравить. А кто? За что?

Виновного так и не нашли. Хотели казнить поваров, но ограничились просто заменой и их, и слуг – и успокоились. Алексею и невдомек было, что благодарить надобно Симеона Полоцкого. Он ведь сказал своим людям добраться до царевича, а как?

На корабль попасть было сложно, не настолько уж они были приближены к царевичу.

В бою? Так Алексей Алексеевич старался поступать, как учили. Командир – не впереди войска с саблей наголо, командир делает выводы, двигает людей, присылает подкрепления, оценивает обстановку...

Да и люди с ним всегда рядом. И как?

Опять не получается.

На привале?

Не отравишь – он же не отдельно питается, а вместе со всеми и из солдатского котла не брезгует. Хоть весь обоз трави! Палатку охраняют – не проберешься, да и делит он ее с Морозовым. Сразу обоих не убьешь – считай и сам не уйдешь. А умирать за идею наймитам Полоцкого не хотелось. Хотелось жить-поживать и деньги наживать – или хотя бы тратить в свое удовольствие.

Вот и представился первый случай добраться до мальчишки только в Бахчисарае. И тот криво вышел.

Теперь царевич еще осторожнее стал, просто так не подберешься.

Задачу усложняло еще то, что от Симеона не было никаких известий, а друг о друге его наемники не знали – ни к чему. Но и долго так продолжаться не могло...

Впрочем, пока все было тихо. Класть голову за великое дело иезуитов никто не собирался.

* * *

В Москве тоже покамест было тихо.

Бояре молчали, понимая, что против Софьи можно выгрести. Можно. Прогнуться перед Милославскими, заставить их разобраться с дерзкой девкой. Но вот против всех Романовых? Поддержанных Церковью?

Э, нет. Это уже другая ситуация. Тут может и отдача замучить. Да и не так много царевна пока требует. Да, какие-то изменения вносятся, но сильно на исконные боярские вольности она не посягает. Юрьев день?

Так то и раньше было. Был один, ну, будет два, невелика трагедия. Есть и против того свои меры.

Морильные пруды закладывать будут? Бывает... флот Руси нужен, от этого никуда не денешься. А ежели до Азова ходить можно будет и торговать... так это дело выгодное. Кто поумнее из бояр, тот и сам бы не прочь поучаствовать. Пока купцы не оттеснили, потому как эти выжиги своей выгоды не упустят.

Типографии?

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Так тоже дело хорошее. Царевна поговаривает, что тем, кто типографию свою иметь будет, вроде как по деньгам льгота выйдет.

Дороги мостить и строить?

Так надобно же! Тем более, она не требует, чтобы сейчас ей взяли и выложили деньги на стол, покамест просто уточняется, куда строить, кому, как лучше... Почему б и не обсудить?

Детей отдавать в царевичеву школу?

Со всей нашей радостью! Видим уже, чем то оборачивается. Эвон, когда Иван Морозов туда ушел, был сопляк сопляком, а сейчас царевичу первый друг. У Ромодановского сынок там побывал, у Строганова... Чай, не дураки ж они? Там и знакомства выгодные завязать можно, и должностишку потом для сынка куда как легче получить будет. Это дело хорошее...

Народ тоже не сильно роптал. Все нововведения Софьи касались пока только бояр, а тех и так не любили. Не за что.

Умер Афанасий Ордин-Нащокин, всего пару дней не дожив до приезда сына. Тихо, спокойно, во сне. Просто сердце отказало.

Анна рыдала в голос, Софья и сама была грустна. Почему-то уходят хорошие люди, а вот такая падаль, как Милославский... Который, кстати, попытался подкатиться под шумок с проскрипционными списками, намекая, что в этом-де списке те, кто на Романовых умышляет, а в этом тоже тати, но не такие отпетые, как в первом.

Получил резкий отказ и первое предупреждение и принялся прогибаться еще сильнее. Однозначно интриги плел, но... ладно. Софья сильно подозревала, что Милославские пока для нее зло неизбежное. Вот когда они смогут вырастить детей бояр в понимании того, что их долг и обязанность – служить родине, тогда можно будет и почистить ряды. А пока пусть крикливая родня служит противовесом для таких же крикливых оппонентов.

Кстати – слить боярам информацию. Чисто случайно, про списки Милославского. Пусть пока с ним повоюют!

Софья таки встретила с персами. Тихо и тайно.

Аббас Сефевид произвел на нее двойное впечатление.

С одной стороны – мальчишка. Ему всего-то лет двадцать пять, он младший сын. Кстати, родной брат Сулеймана Сефи. Но...

Алкоголь? Наркотики?

Ни за что!

Даже не зная таких слов, мальчишка решительно отказался от всего, что могло дурманить разум. Единственное, что он себе позволял, – это женщин. И – «игрушечных солдатиков». Своего рода «потешные полки», которые разыгрывали сражения для повелителя.

Софья невольно вспомнила неродившегося Петра. А ведь и верно?..

Но с царевной, которая не стала закрывать лицо, Аббас держался иначе. Понимал, что от нее многое зависит – и смотрел не как на девушку. Мужчина, только с косой. Софья занесла ему это в плюс.

Умный парень.

Что ему требовалось сейчас?

Он готов был спровоцировать беспорядки у османов, благо Сефевиды с ними воевали всегда. И продавить это решение он мог. Знал, как и кому. И да, сейчас Персия могла откусить свой вкусный кусочек, как и Леопольд. Они это сделают так, чтобы выгодно было и им, и Руси. Но потом...

Потом Аббас опять вернется к своим игрушкам. А вот этого ему не хочется.

Парень и так чудом не вырос развращенным и слабым. Чудом, иначе и не скажешь. Просто старшего сына воспитывали наследником – то есть так, чтобы он никому не мешал, а вот младшего упустили из вида. К тому же мать, видя, что творят с ее детьми, рискнула вмешаться. Исподтишка, почти незаметно. Но когда ребенок не принимал близко к сердцу советы матери? Такие, как вылить вино и притвориться, что выпил. Такие, как корчи от ароматного дымка гашиша... Такие, как не доверять никому.

Он справился. Но надо было или делать следующий шаг – или уходить. Вот он и выбрал первое. Ему был близок по духу Алексей Алексеевич, он наводил справки и хотел с ним и поторговаться. Но раз уж так сложилось – пусть на его месте будет царевна. Она сама подчеркивает, что ее решения – это решения всей семьи, ну и наоборот тоже.

Сейчас помощь окажут персы. А потом...

Аббасу нужны будут войска. Ему надо захватить власть и удержать ее. И Персия будет верным союзником Руси.

Софья подумала и согласилась. Первый шаг было делать не ей, но от таких предложений не отказываются. И слово она собиралась сдержать. Более того, Аббас просил, когда он станет шахом, скрепить договор браком.

Только вот кого отдавать за парня?

От такого предположения – царевну! да за мусульманина! – мог взвиться кто угодно. А лишний боярский визг сейчас ни к чему.

Да и аполитично получается – то мы с мусульманами воюем, то царевну замуж выдаем в Персию... поди, объясни каждому крикуну, что там – другие мусульмане?

Решение нашел сам Аббас.

Он отлично понимал, что царевну за него не выдадут – хотя Дуньку бы Софья с удовольствием в гарем спланила. Но может быть, когда у него появится дочь? А на Руси свободный царевич?

Идея понравилась обеим сторонам.

А пока подойдет и договор о намерениях. Подписанный сторонами – и, что приятно, выполнимый.

Что бы хотела получить Русь. Что бы хотел Аббас. Пошлины, купцы, посольства, ученые... да, и это тоже! Учителя в царевичеву школу – и никак иначе! Мы тоже можем поделиться, но дело-то нужное! С вами же дружить будем!

Аббас был согласен. Софья была не против. Этот мальчишка далеко пойдет, если его не убьют в самом начале. Надо бы ему подкинуть пару девушек в гарем.

Пусть охраняют, заодно послушают, кто там, чем там, кого... ну и тренировка будет. В таком гадюшнике, как гарем, выживать – дорогого стоит.

А если парнишка с кем-то из них сойдется – тем лучше.

В преданности своих людей Софья не сомневалась, потому что и сама готова была за них и в огонь и в воду.

А как родится у Аббаса дочь...

Да уж.

Девушке из высшего общества сложно избежать одиночества. У нее такая... Евдокия. За кого бы ее пристроить – Софья до сих пор не представляла. Ни ума, ни желания учиться, попа шире плеч и гонор длиннее косы. Вот куда ее – такую?

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Мужа ей приискать надобно бы, но где?

На Руси?

Чтобы ее детей потом в заговоре использовали? Ой, не стоит. А за границей такое добро и даром никому не надобно.

* * *

Приехал Воин Афанасьевич, привезя с собой радостные вести. Софья принимала его при всей Думе, так же при всех выразила соболезнования и так же заявила, что подумает, как его наградить. Как же не вовремя умер мудрый Афанасий!

С другой стороны... ровно через два дня Воин Афанасьевич получил пост своего отца. И – царевну Анну в жены.

Тут тоже возникла проблема.

Объявить на весь мир, что они уже женаты – это опозорит царскую семью. Потом всех царевен в блюде подозревать будут. Это не подойдет.

Обвенчать их второй раз?

Вот тут костыми легли и Питирим. И Аввакум.

Можно сказать, плечом к плечу встали, вопя, что не допустят таких поруганий церковных обрядов. Софья даже затосковала об РПЦ. Вот те – за бабло хоть шесть раз бы козла с козой окрутили! Прогнулись бы перед властью в любой позе!

А тут – нет!

Искренне веруют.

ТЬфу!

Впрочем, долго Софья не плевалась. Нельзя пойти в лоб?

Так мы и в обход пути найдем. Она кратенько переговорила с Аввакумом, с Воином Афанасьевичем, с Анной – и собрала заседание Боярской думы.

Где и объявила, что так и так, вот Воин, достойный и полезный человек, женить его надобно бы...

Бояре, конечно, согласились. Тут же личные интересы – у кого дочь, у кого внучка, да и не одна. Но пока они приглядывались – Софья сообщила, что жену она выбрала для Воина сама. Лично. И их даже уже обвенчали.

Буквально вот-вот, на днях... недавно.

Кого?

Царевну Анну Михайловну.

Когда поняли, кого выдали замуж за Ордина-Нащокина, у бояр начался культурный шок. Но...

Алексей Алексеевич был далеко, Софья близко, войска за нее горой, часть бояр ее тоже поддерживала, хоть Милославский и намекал, что можно бы и его... и ему...

Ворчал Питирим, заявляя, что не стоило бы так поступать-то, супротив обычаев. Но в открытый конфликт не вступал. Софья, откровенно разозлившись, потребовала у него найти документ, где сказано, что царевен нельзя выдавать замуж.

Такового не оказалось, и царевна Анна стала просто Анной Михайловной Ординой-Нащокиной. Про то, что венчание состоялось недавно – несколько лет назад, Софья молчала, а никто и не спрашивал. Царевна Анна пискнула было, что нельзя так-то, со лжи начинать, но тут же получила от племянницы резкую отповедь.

Нехорошо?

А царскую семью позорить лучше? Коли объявить сейчас, что царевна Анна уж сколько лет замужем, позору будет на всю Европу. Тоже мне, царь, который за своими сестрами уследить не может. Да и какой тут грех? Что там наши жизни пред ликом Божьим? Годом больше, годом меньше – пустяк для вечности. Отпущение грехов? Вот иди, и пусть тебе их отпускают. А потом – к мужу!

Софья, впрочем, приказала подготовить рескрипт, по которому дети царевны, вышедшей замуж за обычного боярина, лишались права наследования престола. Так, на всякий случай. И озаботилась тем, чтобы четко прописать правила престолонаследования.

Кто может занимать трон, на каких условиях...

И ни в коем разе – незамужняя женщина или женщина, которая вышла замуж за кого-то ниже себя по статусу. Только ровня. Допустим, если бы самой Софье потребовалось наследовать трон, она могла бы это осуществить. Но должна была бы выйти замуж за принца. Любого, пусть импортного, но принца. А вот ежели вышла бы замуж за боярина...

Редькой вам по всей морде, а не передачу власти!

Хватит с нее Хованского, который планировал сам жениться на ком-нибудь из царевен Романовых и сына женить. Козлы!

Алешка приедет – пусть подписывает. Пусть только попробует не подписать. Софья твердо решила сделать ставку на королевскую кровь и наследование четко по мужской линии. И никакого лестничного права. Даже остатков не надобно.

Оговорить, в каких случаях царя можно отстранять от престола, – это обязательно. Потому как дурак на троне хуже чумы в короне.

Еще триста лет тому вперед Софью ужасно бесили размазанные сопли вокруг канонизации последнего из Романовых. Простите, а за что канонизировать?! И кого?!

Неудачливого полководца?

Царя, который прогадил все, что мог, даже коронацию превратив в братскую могилу?!

Дурака, который подставил не только семью, но и страну под удар своей нерешительностью?

А как насчет тех, кто пострадал безвинно? Фрейлины, приближенные, да тот же доктор Боткин, те же слуги... почему их не причислили к лику святых? Ведь заслужили!

Еще как заслужили!

Но – нет?

А между тем... Софья все чаще задумывалась, что это замкнулся круг. Ведь Михаил Романов приказал когда-то убить ребенка. Малыша, сына Марины Мнишек, который ничем не мог ему повредить. Ведь дите ж еще...

И все равно малыша повесили. Хотя могли бы просто сделать вид. Найти подходящий труп, выставить на площади...

А ребенка? Поручи его доверенному человеку, увези куда подальше, сдай в обитель, продай в рабство в Турцию, вырасти при дворе, как холопа, чтобы на глазах был, жени на крестьянке, чтобы прав на трон не имел... да что угодно, но не иди на такую откровенную подлость! Ведь платить за тебя будут твои дети, внуки, правнуки... и не надо говорить, что в Николае Втором, может, и крови-то уже от Михаила Романова не осталось, после всех Екатерины и Елизаветы. Принял на себя имя – прими и все грехи этого имени. Вовсе уж стоит промолчать про то, что народ это

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
видел – и никто даже не вякнул! Добрые, милосердные люди!

И кому придется расплачиваться конкретно за этот грех?

Софья пока не знала. Но была уверена, что на ее брата это лечь не должно. Только вот что она может сделать?

Разберемся. Пока же...

Дела наваливались неотвратимой лавиной.

Софья плюнула – и своей волей направила на практику выпускников царевичевой школы во все приказы. От Посольского до Разбойного. Пусть смотрят, учатся, прикидывают, кого можно поменять.

Принялся жаловаться Питирим. Мол, и стар он, и дряхл, и возраст, и простатит, и вообще... царевна вздохнула и принялась прикидывать, кто...

Она помнила, что Петр Первый учредил Светлейший Синод, но ей-то к чему такие радости? Пусть остается патриарх! С одним вороном проще договориться, чем с целой стаей. Да и то сказать – демократия была хороша только в Афинах, где все друг друга знали, а результаты выборов, может, и не подтасовывали. Безусловно, Синод был выгоден, если выбивать у Церкви опору из-под ног. Но Софья предпочла бы, чтобы вера стала опорой государству. Просто планку снижать не надо, а то докатимся, как в девяностые, до торговли водкой под благословение.

Надо было выбирать, кто заменит Питирима. И это должен быть человек достаточно молодой, умный, но не слишком амбициозный, чтобы не стал давить на государя, как тот же Никон. Но и не замалчивать свое мнение, чтобы Алексей... мало ли что!

Софья отлично понимала, что она не вечна. Что-то с ней случится – и Алексей останется... с кем?

С командой.

Которая поймет, поддержит и поможет. И хороший священник там не последнее дело.

Аввакум?

Нет, его не примут. Он слишком свят для дел чиновных и сановных. А вот кто?

* * *

Первому покушению Алексей значения не придал. На вражеской земле все-таки находятся. Если б тут никто не покушался – странно было бы.

Хотя Ваня и возмущался, требуя разобраться, а не гнать всех слуг подряд.

Второе покушение уже заставило насторожиться обоих.

Когда Алексей проезжал по улицам Бахчисарая...

Обычный день, все хорошо, все спокойно, скоро войска уходит, остается только небольшая их часть для поддержания порядка, Алексей Алексеевич решил проехаться по городу от скуки... и так получилось. Что-то напугало коня, он дернулся в сторону, едва не вставая на дыбы, – и в этот миг рядом с головой царевича свистнула стрела.

Сначала просто никто не поверил, что вот так, нагло среди бела дня... и момент, в который можно было бы поймать убийцу, был попросту упущен. Стреляли с крыши одного из домов, но кто? Когда туда добрались казаки – там было уже пусто.

Кто?

За что?

И ведь стрела была явно не татарской, нет. И не из татарского лука выпущена.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Кто-то из своих?

Но кто?

И почему?!

Алексей приказал заняться расследованием и стал осторожнее. А потом пришло письмо от Ромодановского с вложенным письмом от Софьи.

Ромодановский был краток.

Государь, холоп твой Гришка челом тебе бьет. Приходили под стены Азова татары, да все тут легли. Селим-Гирей как пришел, так и остался. Войско их разбито и остатки рассеяны.

Ждем твоих дальнейших указаний, а покамест молимся за тебя.

Печать, подпись.

Алексей усмехнулся. Григорий явно нарывался на медаль и хороший пост. И почему бы нет? Ежели на пару лет его еще оставить комендантом Азова, а за то... Хотя к чему – за то? Просто не слишком сильно его контролировать – у него и так к рукам много чего прилипнет. Но тут уж...

Воровать будут всегда, это закон жизни. Тут главное, чтобы воровали умеренно.

Софья рассказывала ему байку, как выбрали в селе вороватого старосту. Ну тот, конечно, в свой карман, но и село развернулось во всю ширь. А людям воровство все одно не по нраву. Выбрали другого. Тот, дурак ретивый, чуть барина своего до обнищания не довел. Кинулись люди к первому, а тот им и отказ дал. Нет уж, говорит, я-то вас, как тех овец, голодом не морил, с сытых же больше шерсти будет. А вы поступили по-бараньи, вот и расплачивайтесь теперь.

Так что воровать будут. И при Ромодановском надобно оставить людей, которые будут доносить, что, как, где, сколько...

Но Григорий хорош тем, что не зарывается, не забывает свое место и растит жирных овец.

А что пишет Сонюшка?

Это письмо Алексей читать один не стал, позвал друга, и они с Иваном вместе вскрыли письмо от сестры. Хотя кому сестра, а кому и любовь...

Милый мой братец, родной мой Алешенька.

Подобру ли ты, поздорову? Молюсь за тебя ежедневно.

Молюсь и за Ванечку Морозова. Верю, что все с вами будет хорошо, что обниму вас вскоре обоих крепко-крепко.

Берегите себя, ежели вас не станет, то и мое сердце биться не будет.

Теперь о новостях.

Лучше, Алешенька, я тебе это напишу, нежели кто другой.

В ночь на двадцать девятое июня умер наш с тобой батюшка, государь Алексей Михайлович. Ты теперь царь земли Русской.

Но самое страшное впереди. Батюшка умер не своей смертью, он был отравлен иезуитами.

Не зря мы с тобой не доверяли Полоцкому – он стоял за этими делами. А потому береги свою жизнь – он признался, что отправил в войске нескольких убийц.

Прилагаю их имена, но может быть, что их и более.

Хованский пытался поднять бунт, но сейчас уже все окончено. Мы все встали, как один. Сейчас я ожидаю твоего возвращения и готовлюсь к повенчанию тебя на царство. Федя и Ванечка также шлют тебе приветы и надеются вскоре увидеться.

Тетушки и сестрички обнимают тебя крепко. Не знаю, чего потребует от тебя война, но верю – ты сделаешь так, как лучше будет нашей родине. Я продержусь до твоего возвращения сколько понадобится, обещаю. Ежели бы я была одна, бояре могли бы взбунтоваться, но сейчас они напуганы, а рядом со мной вся семья. Кроме этого, я говорю всем, что мои решения должны быть тобой утверждены, как приедешь, так что готовься – будут жаловаться.

Афанасий Ордин-Нащокин плох, не знаю, сколько проживет. Все-таки Симеон забрал одну жертву. Афанасий до последнего пытался успокоить толпу, так что я решила, как только появится воин – выдам за него тетку и будь, что будет. Он заслужил.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

В остальном же – верь, я не одна сейчас за тобой стою, все Романовы за мной, и Милославские нас поддерживают, Стрешневы, Морозовы... много кто за нас. Мы справимся.

Береги себя, родной мой.

И приезжайте, как только сможете. Жду и тебя, и Ванечку, тысячу раз обнимаю вас и целую.

Твоя сестрица Соня.

Алексей закончил читать письмо, посмотрел на Ивана Морозова:

– Вань...

К чести друга – тот все понял мгновенно:

– Тебе надо ехать. И дай сюда списки. – Лист с именами перекочевал из одних рук в другие. – Сейчас я этим займусь. Возьмем без суеты, допросим, а назавтра ты и уедешь.

– я?

– Я останусь. Здесь будем и я, и Ян – этого хватит. У него опыт, а я буду наши интересы блюсти.

– Ванька, что бы я без тебя делал?

– Да то же самое. – Иван махнул рукой. – Сейчас будем тебя собирать – и махнешь домой с отрядом. Думаю, пару сотен казаков...

– Вань, мне пятьдесят человек хватит.

Но тут Иван полыхнул глазами, на миг став ужасно похожим на свою мать.

– Государь, хочешь – казни, а только меньше, чем двести человек – не соглашусь! Крым до конца не зачищен, татары бродит... Алешка, ты сам пойми! Ну как я могу?! Я ж тут изведусь!

Алексей Алексеевич махнул рукой:

– Ладно. Переговоры на тебе, я домой... ох, черт! Ведь знал же, что отец зря к себе эту гниду подпустил! Знал!!!

– Надо было его еще тогда удавить, – зло процедил Иван.

Мужчины переглянулись. Да, иезуитов они теперь никогда не простят.

* * *

Купеческий караван медленно тащился по лесной дороге. Всхрапывали лошади, покрикивали возницы, переговаривались охранники...

Все было тихо, мирно и спокойно.

Тимофей сидел на облучке, крепко сжимая в мозолистых руках вожжи. Смирная лошадка Плюшка перебирала копытами.

Хорошо...

Хорошо, что удалось наняться к купцу Севастьянову – тот и на охрану не скупится, и с деньгами не обманывает. Хорошо, что скоро их путешествие подойдет к концу – уж дня три до Москвы осталось. И домой.

А дома жена любимая, детки... и это тоже хорошо. И спокойно...

Было, ой было.

Это только в детских сказках тати выскакивают на дорогу с воплем «Кошелек или жизнь!». В жизни они просто выскакивают, повалив по паре деревьев – спереди и сзади каравана, чтобы лошади не смогли никуда деться. Лошади-то смогли бы, да телеги с товарами куда? Да еще сначала стреляют, стремясь если и не попасть, так

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
напугать людей...

Тимофею повезло – он уцелел при обстреле, но тут же скатился под телегу.

А что? Не герой он, вовсе даже не герой. Его дело – телегу вести, а сражаться – дело охранников. Лучшее, что он может сделать, – это спрятаться и не мешать.

Бой разворачивался явно не в пользу купца. У разбойников оказалось почти двойное преимущество в численности – и это явно была не обычная банда из голодных мужиков, а крепко спаянная ватага, где каждый знал свое место...

Клинки сверкали, люди падали... и перевес был в пользу татей.

Тимофей уже успел попрощаться с жизнью, когда над лесной дорогой пронесся лихой разбойничий свист.

Только вот свистели не разбойники. В бой вступила третья сила. Отряд в два десятка конных всадников, с разлету перемахнув бревна, принялся резать, рубить и кромсать татей. Тимофей испуганно крестился под телегой.

Кричали люди, ржали и хрипели кони, звенело железо...

Все было кончено примерно через двадцать минут. Больше двух десятков татей было зарублено, остальные обезоружены, избиты и повязаны веревками.

Тимофей понял, что можно вылезать.

Всадники спешили, оглядывались по сторонам, двое из них, совсем мальчишки еще, принялись помогать охране. Откуда-то появились большие берестяные короба, а из них свертки ткани, мази и какие-то зелья, с помощью которых парнишки и занялись ранами.

– Благодарствую, спасители!

Анфим Севастьянов тоже уцелел в схватке, хотя и получил несколько ударов. Один глаз у него заплыл, из носа явно текла кровь, темной струйкой сбегая по усам к светлой бороде и теряясь в ней, но выглядел мужчина чуть спокойнее, здраво рассудив, что враг татей – его друг.

Ему ответил молодой мужчина, лет двадцати пяти, в простом кафтане зеленого цвета:

– Не нас благодари – государя. Он распорядился.

– А откель вы такие... добры молодцы?

Анфим выпрашивал осторожно, чтобы не нарваться, но командир улыбнулся, разгладил усы...

– Царские мы!

Тимофей облегченно перевел дух.

Слава те, Боженька! Сподобил прислать служивых людей на помощь!

– А как же...

– Царевна повелела ездить по дорогам и чистить их от разбойничьих шаек. Пойманных – на строительство канала али дорог. А вас мы до деревни проводим. Тут она недалеко, к вечеру доберемся...

Тимофей еще раз перекрестился.

Потом уже он расспросит одного из воинов, как царевна их сюда направила. И услышит, что на Москве чуть бунта не случилось. Стрельцов уйму казнили, а они вот смогли вымолить прощение, но при условии. Были временно расформированы на десятки и отправлены вот так вот, по дорогам, под приглядом. Ловить татей и тем зарабатывать себе прощение.

Выслушав это, Тимофей поставил себе обязательно помолиться вечером за царевну. А еще – сходить и поставить свечку в церкви за ее здоровье, как до Москвы доедут.

Вот ведь как жизнь–то оборачивается? Не приказала б она, глядишь, и в живых его б не было. Так вот, все, что БОГ ни делает, все к лучшему... И неисповедим промысел Его...

* * *

– Государыня! Дозвольте!

Софья поглядела на Василия Голицына. Поговорить?

Конечно, она едва на ногах стояла от усталости, но... благодарной она тоже быть могла. Василий Голицын, получив от нее профилактическую взбучку, преисполнился если и не уважения, то...

Так часто бывает в жизни, но, к сожалению, не все женщины об этом помнят. Тех, кого они подчинили своей воле, мужчины забывают на второй же день после победы. Тех же, кто остался для них загадкой, вещь в себе или просто повел себя как-то нелогично, не так, как ожидалось, могут помнить долгие годы. Добейся Голицын своего – мигом бы принялся вертеть Софьей на свой вкус, не слишком заботясь о ее чувствах. Получив резкий отпор – он принялся уважать женщину. И сейчас поддерживал ее, как только мог. Не раз девушки доносили Софье, что Голицын громче всех кричит в ее защиту; а поскольку рода он был не худого, к нему прислушивались.

– Дозволяю.

Софья прошла прямо в кабинет, уселась за стол, кивнула Голицыну.

– Государыня...

Софья молчала. Василий замаялся на миг. Почему-то он чувствовал себя дураком под взглядом этих умных темных глаз. Соблазнить ее пытался... идиот!

– Вы помните, как я...

Софья кивнула:

– Надеюсь, ты не за этим пришел? – вроде бы и чуть шуточный, тон ее сомнений не оставлял. Скажет Василий что-то о любви, и собирать его будут по частям. Нашел, когда дурью маяться.

– Нет. Но это послужило поводом...

Слово за слово, Василий рассказывал, как к нему пришел человек. И предложил... да, вот именно то самое.

Голицын вроде как должен быть на Софью обижен, но притом от него вреда не ждут...

– Как интересно. И?..

– К тому ж для женщин я...

– Как сыр для крысы. И то мне известно, – Софья сопроводила свои слова усмешкой, от которой опытный ловелас вздрогнул всем телом.

Ему предложили соблазнить царевну Софью. Или хотя бы всячески демонстрировать. Свою любовь и преданность. А потом...

Да, потом именно то самое.

Софья повертела в пальцах нож для бумаги:

– Как мило. Либо я опозорена и неизвестные получают рычаг давления, либо я слушаюсь любовника... я так понимаю, что ты ведь, когда хотел меня соблазнить,

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
похвалялся своей удалью?

Василий пристально смотрел на царевну. В женщинах – что есть, то есть, он разбирался отлично, а потому...

– Так ведь удаль молодцу не в укор, государыня?

По губам женщины скользнула улыбка. Мол, принято, ты не враг, но и не зарывайся.

– Так тебя и не укоряют. Ладно же... Пойдешь к этим добрым людям и скажешь им, что...

Софья начинала свою игру. Голицыну она верила, хотя, конечно проверить придется. Но лгать ему сейчас невыгодно и не нужно, поддерживая Софью, он больше получит.

А вот у его покупателей земля под ногами горит, их агентуру она крепенько проредила, а те, что остались, ни влияния, ни даже права голоса не имеют.

Пусть покупают любовника в мешке. Она же посмотрит, что им продать в довесок.

Но хорош, гад! Она могла понять ту царевну Софью, которая влюбилась в мужчину без памяти, могла... Чего одна улыбка стоит – этакий синеглазый очаровашка, пахнущий духами, надо полагать, с приличными способностями по мужской части, а улыбка нежная и почти беспомощная. Сочетание материнского инстинкта и инстинкта размножения укладывает женщин не хуже пулеметной очереди. Инструктаж продлился недолго. Но уходил Василий вполне окрыленным. Любовь?

Помилуйте! Этим благоволение такой женщины, как Софья, не заслужить. А вот правильный подход к делу...

* * *

Иван Сирко смотрел на море.

Азовское море. Родное.

Да неужто его мечта при жизни осуществится?!

Ничего так не хотел казак, как видеть Сечь спокойной и счастливой. Чтобы не страдала она от постоянных набегов, не уводили в полон людей, не жгли села – и вот! Выжжен самый страшный гадюшник! Крым методично и спокойно зачищается от татар.

Ему же предстоит совместно с поляками повторить это на другой стороне Керченского пролива. Взять Тамань, пройти огнем и мечом по берегу – благо кораблей им с лихвой достанет для переправы. И при этом стараться, чтобы турки оставались более-менее целы. Ежели кто под саблю подвернется – разговор другой. Но ведь им еще придется с Сулейманом разговаривать, и лучше бы иметь предмет для торга.

– Царевич сейчас домой едет...

Степан Разин встал рядом. Иван дружелюбно кивнул ему.

– Он парень хваткий, справится.

– Да там и сестра чего стоит. Мог бы и не торопиться.

– Не скажи. Баба все ж таки...

– Эх, батько Иван, не видал ты той бабы. – Степан широко улыбнулся. – Уж поверь мне, даже в Татьяне моей больше бабского, чем царского. А вот в царевне Софье вовсе не так.

– Посмотрю – тогда и поверю. Думаешь, отдадут за тебя Татьяну?

Степан пригладил усы. Выглядел он при этом, что тот котиче, сметаны нажравшийся.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– Царевич мне в том поклялся. Крым должен быть частью Руси, то верно. Но и править здесь будет сложно, а потому...

– Казаков попросят. Понимаю.

– Попросят. А могли бы и приказать. Да, сложно будет. Но Перекоп мы укрепим, не так, как было, намного лучше станет. Крепости оснастим, чтобы ни с моря, ни с суши не подобралась, сторожевые маяки поставим, патрули пустим... царевич обещал, что все деньги, кои здесь заполучили, сюда ж и пойдут. На развитие Крыма.

– Обещает он много...

– Так ведь и выполняет, разве нет?

Иван Сирко пожал плечами. Сколько лет его предавали, так что поверить в порядочного царевича было покамест выше его сил.

– Поживем – увидим.

– Это верно. Но еще царевич сказал, что к зиме нас в Москву ждет.

– Нас?

– Меня, да и тебя, батько Иван.

– И зачем же?

– Так награждать.

Посмотрим...

Два казака глядели на море. Что-то будет? Неизвестно, но шанс им дали. И как будет жить казачество в дальнейшем, зависело от того, как они его используют. А если учесть, что и Иван, и Степан любили свой народ, жизнь готовы были положить ради казаков...

Они зубами уцепятся, государь.

Только не обмани.

* * *

– Сонечка, ты поосторожнее.

Софья с удивлением посмотрела на тетку Татьяну.

– Тетя?

Что – поосторожнее? Вроде бы и так с охраной ходит, и так стережется и бережется... и не зря. Не так давно кухарка ей в котел яду сыпанула, за любовь свою мстила. То, что Долгоруков ее просто трахал, да не женился бы, дуре и в голову не приходило. Могли б и все потравиться, да запах у мышьяка такой, что его лишь чесноком забить можно. Софья его вмиг почуяла, и никто есть не стал, кается теперь та дура в пыточном приказе, да поздно.

– Женщина ты уже, кровь кипит, да все же не стоило бы...

Софья замотала головой:

– Тетя, либо говори прямо, либо прости. Не соображаю уже ничего, к вечеру, как чумная.

Татьяна тяжело вздохнула:

– Я о Голицыне.

– Ф-фу-у-у-у-у... Я-то уж думала...

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Тетка аж присела от такой реакции. Татьяна-то ожидала чего угодно другого – оправданий, объяснений, смущения, но чтобы вот так?

– Сонюшка?

– Тетя, ты подумала, что он мой амант?

С теткой Татьяной Софье легко было тем, что можно было правду-матку в лоб рубить. Собственно, иногo старшая царевна и не принимала, за то и страдала многократно.

– Разве нет? Всюду он с тобой...

Софья усмехнулась:

– И как? Многие так думают?

– Шепчутся. Но негромко и не вслух. За пределы Кремля то вроде как не выходит...

– Отлично! Значит, вся столица в курсе. – Софья потерла ладони, улыбнулась широко и весело. – Тетя, ты никак подумала, что я не удержалась? И хочу, как ты, как тетка Анна, любви хочу?

– Да...

– Так ведь разница есть, и немалая. Что Степан, что Воин не женаты. А этот герой женат, давно да счастливо. Мне его жену крысьим ядом травить?

– Так ведь сердцу-то не прикажешь, Сонюшка. Просто не стоило бы его с собой так-то таскать, то в Дьяково, то сюда... ведь мотается за тобой...

– Так мне того и надобно. Пусть сплетничают, пусть говорят.

– Честь девичья...

– При мне и останется, хоть перед всей столицей к бабкам войду, и никто из них меня потом не осудит. Хоть на любой иконе поклянусь, хоть Алешиным здоровьем, что ни с одним мужчиной не было у меня...

Татьяна кивнула. Поверила.

– Так зачем тогда?..

– Тетя, то, что я скажу, между нами и остаться должно. Обещаешь?

Татьяна молча потянула из-под платья крест, губами прикоснулась.

– Чтоб мне Степана в жизни не увидеть, коли предам клятву.

– Хорошо. Василий красив, молод, умен, ярок... вот то и использовали некие тати. Вышли на него и предложили царевну соблазнить, чтобы через него мной и управлять. Вот мы в любовь и играем. Он изображает, что всюду за мной, я – что нигде без него... поняла?

– Так схватить их?!

– Этих схватим – новых подошлют. Не ко мне, так к Дуньке. Или малышам, или... да много вариантов. Лучше уж знать, где змея ползает, чем ловить ее, гадину, каждый раз.

– Ох и хитра ты, Сонюшка.

– Станешь тут. Так что ты меня защищай, тетушка, да так, чтобы все еще больше уверились. Понимаешь?

Татьяна понимала. Еще как...

– Все сделаю, племяшка. Пока тут я...

Улыбка была ей ответом:

– Эх, тетя, вот выдадим вас всех замуж – и с кем я останусь?

– С мужем? – невинно предположила тетка. Обняла племянницу и удрала за дверь. Софья тяжело вздохнула.

С мужем. Да где такого героя найти, чтоб ее выдержал? Илья Муромец помер, Иосиф Виссарионович не родился... Смех – смехом, а женщины у власти счастливыми не бывают. Цена такая...

И она готова заплатить ее. Не для власти. Для брата.

* * *

Алексей Алексеевич в это время поторапливал коня. Горячий жеребец поблескивал лиловым глазом, скалил зубы, но копыта мерно ударили в землю.

Отец, о-тец, о-тец...

Мысли Алексея крутились вокруг одного и того же.

Ну как же так?! Как они не предугадали, не предвидели?! Они не всеведущи, но кого это утешит?! В таких случаях?!

А ежели б Соня не справилась?

Хотя – нет. Вот тут он мог быть спокоен. Ежели вожжи оказались в руках у его сестренки, она справится. Она дождетя и потом все обставит как лучше для него.

К чести Алексея – ни на единую секунду он не усомнился в Софье. Не подумал, что ей нужна власть, не допустил даже мысли, что она может играть в свою пользу.

Наоборот – был спокоен хотя бы за Москву, зная, что, пока там Софья – бунта не случится. Она любой пожар потушит. Коли понадобится – кровью.

Жестоко?

Тебя повесят, а ты не бунтуй. Порядок быть должен во всем.

* * *

Софья злобно смотрела на Питирима:

– Отлично. Можешь уходить, но кто станет патриархом?

– А... есть несколько человек. Вот Иоаким, например, чем не патриарх?

Иоакима Софья знала. Чиновник, властолюбец... вопрос в другом.

– Наверное, тем, что он неблагодарный человек?

А еще властолюбец. И баран упертый. И с Матвеевым был в близкой дружбе. Но последнее не суть важно, у свиней не бывает друзей. А человек, который начал свою карьеру под Никоном и благодаря Никону высоко поднялся, а теперь его поливает на всех углах... э, нет.

Таких мы к себе не приблизим.

– Государыня!

– Отче. – Софья смотрела устало, под глазами синели круги. – Никон все дал Иоакиму, а тот полощет его на всех углах. Ежели и Алексей ему все даст, а тот потом тако же поступит?[8]

– Он пока еще молод, но умен. Поверьте, с ним не будет хлопот.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Молод? За полтинник товарищу. А по здешним меркам это чуть ли не вдвое считать надо! Нет уж...

Софья сморщила нос. Питирим вздохнул:

– Государыня, все ж таки это дела церковные...

– Э, нет. Иначе б ты, отче, не ко мне пришел, а сразу бы патриарха выбрал и на покой отправился? Разве нет?

Разве да.

Только вот у Питирима выбора не было. Он тогда, у Кремля, проштрафился по полной, теперь ему только и оставалось, что грехи замаливать. И не отчитывался бы, да уж больно крутенько Софья взялась, а полки ее поддерживали. Да и то сказать – хотела бы она на трон вместо брата сесть, тут бы бояре, конечно, взбунтовались. Так нет же.

На троне лежит Мономахова шапка, а сама Софья, за спиной которой постоянно либо Федор, либо Иван, либо вдовствующая царица с ребенком, садится упорно на его ступеньки.

А царь – Алексей Алексеевич, так всюду и говорится, и пишется.

– Может, мне Иоакима пригласить?

– Ну, пригласи. Побеседуем.

На беседу также пригласили Аввакума и царевича Федора. Но... Как ни старался Иоаким произвести хорошее впечатление, как ни лебезил, как ни прогибался перед каждым, мнение совпало у всех троих. Сразу и жестко.

Тут и Питирим не помог. Оставшись наедине с братом и священником, Софья высказалась коротко:

– Глист скользкий.

Аввакум хоть про глистов и не знал, но кивнул. Федор покачал головой, но в целом был согласен:

– Двuruшник он. И всегда таковым был! Блюдолиз и подхалим.

– Вот и мне так кажется.

– Сонь, святой ведь человек...

По ушам царевич получил с двух сторон.

– Святые люди, царевич, Богу служат, а не перед властью преклоняются. А для него завет один – преклонись перед высшим и подгадь низшему.

– Вот перед тобой человек, который Богу служит, – его и в ссылке не сломили, – припечатала Софья. – Батюшка, а вы не хотите на себя сей груз взвалить?

Не хотел. Да еще как не хотел! По лицу Аввакума было видно, что отпихиваться будет, как кот – четырьмя конечностями, а потом еще заорет и примется царапать. Даже и убеждать не стоило.

– Ладно. Тогда все равно на вас вся работа. Если никого лучше не найдете – поставим этого, хоть и на время. Но хотелось бы кого-то более широкого. Чтобы примирили наконец этот раскол...

Аввакум сверкнул глазами:

– Нечего тут примирять! Искоренить никонианскую ересь – и точка!

Но потом сам не выдержал грозного тона и улыбнулся:

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– Извини, царевна. Но не готов я эту тяжесть тащить, сама мой норов знаешь...

– Знаю. Подумаешь, будет у нас пара ушибленных святых отцов, – проворчала Софья.
– Правда, батюшка, присмотрели бы вы парочку кандидатов поумнее? Сами понимаете, Никон так ткань рванул сдурьма, что теперь не одним поколением зашивать придется.

Аввакум понимал. Но лезть в гадючье кубло не хотел. И Софья тоже его понимала. Так что спустя две недели ей представили симпатичного молодого человека. Ну как – молодого? Лет тридцати с хвостиком. Симпатичного, с каштановой бородкой и серьезным взглядом карих глаз.

– Добра и здоровья, государыня.

– И тебе того же. – Софья смотрела внимательно. – Отче...

– Аввакум говорил со мной, но не уверен я, что смогу справиться. И что мы с царевичем общий язык найдем.

Софья поставила ушки торчком.

Вот как?

Серьезный мужик. И за себя привык отвечать, это видно. Софья потерла переносицу.

– А расскажите о себе, батюшка? Откуда вы родом?

Андриан, в миру Андрей, оказался из Москвы, из достаточно зажиточной семьи. Просто чувствовал человек призвание Богу молиться – вот и пошел. Вполне успешно поднимался по карьерной лестнице, не поддерживал ни Никона, ни Аввакума, был спокоен и достаточно серьезен – и искренне удивился, когда на него вышел Аввакум.

Патриархом?!

В его-то возрасте?!

Нереально...

Да и то сказать – мужчина твердо был убежден, что есть власть от царя, а есть и от Церкви. И собирался, если что, свою власть защищать. Но в то же время – и Софья видела в нем это, он был достаточно мягок, чтобы не нарываться на скандалы и не спорить. И не выставляться, как это делал тот же Никон...

Может быть... очень может что и быть...

С Андрианом она проговорила часа два, расспрашивая обо всем – от отношения его к латинянам до пристрастий в еде. И подметила интересную особенность.

Все иноземное ему не особо нравилось – и он искренне считал, что Русь надобно охранять от лишней заразы. И в то же время – спокойно говорил с Софьей, хотя царевне не полагалось бы. Это искренне заинтересовало женщину, но к концу разговора она, кажется, поняла, что к чему.

Не обладая избыточной взгальностью, склочностью или честолюбием, Андриан был человеком твердых убеждений. И в то же время мог понимать и чужие.

Мало того, видя, что они не ко злу, он и не протестовал. Да, не принято? А бунт – его как, принять полегче будет? Так что Софья поставила себе галочку, порадовалась и решила поговорить с Алексеем, как только тот вернется. Пусть у брата будет свой патриарх.

А пока...

А что мы можем для Церкви сделать? И чем она может нас отдарить?

Вот смотрите, часть священников у нас до сих пор неграмотна. Так, может, курсы повышения квалификации организовать? Собрать их в монастыре, учить, объяснять?

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

А за то обязать их хоть часть деревенских детей обучить грамоте да счету? С книгами поможем, денжат на хорошее дело подкинем? Вы подумайте, как это должно правильно выглядеть, а то позорище ж!

Безграмотный поп! Вот оттого и пишут: жил-был поп, толоконный лоб...[9]

Андриан согласился с ее мнением и откланялся. Договорились встретиться дней через пять – Софья решила и еще к нему приглядеться. А то на словах-то все хороши, а вот как будет выглядеть, когда он эти слова в реальный план переведет?

Да подсчитает что, и как, и сколько?

Начальником быть – это ведь не только распоряжения отдавать, это еще и подчиненных организовать, и считать не хуже иного бухгалтера – в это время так точно.

А через три дня пришло письмо, да от кого не ждали. Прорезался патриарх Никон!

* * *

Бывший патриарх отбывал свое наказание-ссылку в ферапонтовом монастыре под Вологдой, примерно километрах в пятистах от столицы. И сейчас писал царевичу.

Софья вскрыла письмо без всякого укора совести – самой интересно, да и когда еще Алексей приедет?

Опять же Никон – личность весьма своеобразная и тяжелая. Если уж он батюшке мозг выносил на раз-два, то может и на Алешке попробовать – ему-то что? И верно.

В письме Никон сожалел о смерти Алексея Михайловича и просил снисхождения к своей убогой судьбе. Дескать, и плохо ему тут, и тошно, да и вообще, молодой государь, отличаясь широкой душой и чистым сердцем...

А подтекстом – был не прав, исправлюсь, дозволишь ли в Москву приехать, государь?

Софья злобно усмехнулась и наложила резолюцию.

Без изменений.

То есть где был – там и сиди, а к человеку не лезь. Много вас тут таких умных, после драки кулаками помахать! Ты бы в свое время не рвался сплеча все перекраивать – и у людей бы поменее проблем было. И ради интереса показала сие письмо Аввакуму.

Аввакум зашипел так, что обзавидовались бы все гадюки Руси Великой.

– Ш-ш-што?! С-с-с-с-снова?

Софья вздохнула:

– Батюшка, а вы не хотите туда съездить?

– Куда?

– А вот в гости к Никону. Верю я, что вы зла не допустите и с бесом злорадства управитесь. Сюда, в Москву, я его допускать не желаю, но человека-то жалко. Стар, ослаб – и живи на северах? Там и для здоровых климат не всегда подходящий? А вы бы разобрались, куда его поселить, чтобы он воду не мутил.

– А заодно?

– Батюшка? – Софья смотрела поразительно невинно.

– Сонюшка, я ж тебя не первый год знаю. Коли для Никона – так ты бы лишний раз порог не перешагнула, не станешь ты так о нем заботиться.

На губах царевны расцвела ответная улыбка. И то верно – не станет.

– Я с вами пару ребят пошлю, пусть посмотрят, что, где, как по монастырям...

– То есть?

– Грамотны ли, всего ли в достатке, чем занимаются...

Аввакум перевел для себя правильно – что можно получить с конкретного монастыря и к какому делу их приспособить, но возражать не стал. Что-то о нем в свое время никто не позаботился...

Софья отлично осознавала свою слабость, а именно – она плохо представляла, как живут низы. Поскольку смычки с ними у верхов не было никогда. Какой бы царь ни выезжал, куда бы ни выезжал, зачем бы – все равно на его пути строились потемкинские деревни. Как к приезду президента кладут асфальт по центральным улицам и красят там дома, а на окраинах крысаки строем ходят. И – как? Как быть? Как строить программы? Что финансировать и в каких количествах?

Нет уж.

Софья собиралась создавать нормальную систему оповещения. И в частности – ПГБ.

А чего?

Так и назовем – Приказ государственной безопасности. Начальником... да вот хотя б и Ромодановский – только Федор Юрьевич. Семья хорошая, ребенок у него в царевичевой школе учится, способ контроля отработан – через близких-то всегда надавить можно. Не считая избыточной заносчивости – очень умный кадр, к нему Софьины дворцовые девушки давно приглядывались. Любого будет хватать, тащить и не пущать, невзирая на чины, верен, аки собака, неглуп, въедлив... в остальном – научится. Не боги горшки обжигают!

Вызвать его на беседу – и ежели покажет себя умным, то и создавать приказ. Только фильтровать надобно серьезное от пустякового. Когда декабристы по углам шушукались – это одно, тут надобно знать – и действовать. Пусть эвон в Сибири митингуют, а еще лучше – в Японии, самураям объясняют, что за равенство. А когда дурак в кабаке нажрался да орал, что плевал он на царя, ну, тут лучше Александровой методики и не придумать. Пинка под копчик – и передать, что царь на тебя тоже плевал. [10]

Потихоньку Софья забирала нити управления в свои руки. И все чаще приходила ей на ум мысль, что отец умер очень удачно. Здоровым, при памяти – и не успев навредить ее замыслам. Сама б она не решилась. И рука не поднялась бы, все ж таки любил он ее, как родной отец, и открылось бы рано или поздно. Это вам не Наташку Нарышкину уничтожить во всех смыслах, им на роду только отцеубийства не хватало к уже имеющемуся.

А, ладно, не до тонких материй сейчас. Вот приведем все рычаги-колесики неповоротливой государственной машины в рабочее состояние – тогда и переживать будем. А пока – работать. Брат еще не приехал!

* * *

Григорий Ромодановский царевича встретил, как родного. Не о торжественности речь, просто Алексею Алексеевичу были рады. И в пышности приема сквозило живое тепло, кое ни за какие деньги не купишь.

Алексей рассказывал, что они успели сделать, что еще оставалось взять, Ромодановский отчитывался по своей части.

Поток крымских рабов, коих приловчились сплавлять в Персию, пока не уменьшался. Поток русских, кои в плену были у татар, – тоже. И надо сказать, что плачевное состояние одних было примерно равно плачевному состоянию других. Бывшие рабы почему-то напрочь забывали про «подставь вторую щеку и будет тебе счастье». Их тоже лечили, одевали, переправляли на Русь.

Часть татарских пленных трудилась на строительстве укреплений крепости Азов. Сами разрушили – сами и восстанавливайте, и укрепляйте.

А то турки еще придут... не будет ли войны с ними, государь?

Тут Алексей и сам не знал. Как повезет. Мехмеда – пусть на том свете гурии будут ему фуриями – знали, примерно представляли, чего от него ждать. Сулеймана же...

Да кто его знает?

Как повезет. Может и согласиться на предложенное, может и упереться – тогда надобно воевать будет. И тогда на переднем крае битвы окажутся сначала полки Собесского и казачьи полки в Крыму, а потом и Ромодановский. И тут укрепления весьма полезны будут. А заодно – тактика партизанского движения. Есть такое слово – «герилья», Софья рассказывала.

Как повезет.

А на следующее утро царевич выехал из ворот Азова в сторону Руси. Домой, как можно скорее домой. Сестренка должна справиться, и все же – лучше самому поскорее оказаться дома.

* * *

Султан Сулейман получил письмо от русского государя в самое сладкое послеобеденное время, когда всем хочется сотворить молитву и отдохнуть, воздух плавится от жары, а на песок больно смотреть – так он играет в лучах солнца.

Султан и не смотрел, лежал в саду; вкушал виноград, слушал журчание фонтана... и письмо ему открывать не хотелось. Придется ведь что-то делать!

Решать!

Воевать?!

Спаси Аллах!

Ничего такого Сулейману вовсе не хотелось. Да и как тут воевать? Самому? Вот уж в чем султан не обманывался, так это в своих воинских талантах. В их полном отсутствии. Ему и шахматы-то плохо давались!

А посылать какого-нибудь пашу? Чтобы янычары его полюбили, как родного? А султана потом... поменяли? Они уже это сделали не так давно, что им стоит повторить?

Нет уж, в ближайшее время ему бы без войн обойтись! Особенно на два фронта! Тут со Священной Римской Империей не знаешь, что делать, на Крите опять бунтуют, персы активизировались и нападают, пытаюсь отгрызть себе кусок...

А все эти русские собаки! Самое лучшее, что у них есть, – это рабыни. Рабы из них плохие. Живут в неволе очень мало, бунтуют, а вот рабыни хорошие. Если, конечно, обученные и смирившиеся со своей участью. Даже любимая жена султана Сулеймана Кануни Хасеки Хуррем была родом из этой загадочной страны.

Но свиток пришлось развернуть. И вчитаться, прогнав покамест всех, кроме глухонемых евнухов.

Впрочем, по мере чтения лицо мужчины светлело.

И было от чего. Война если и не отменялась, так откладывалась.

Русский царевич в самых изысканных выражениях извинялся перед султаном, что вынужден был... но чаша терпения народного переполнилась. Дескать, крымские собаки так себя вели, что у народа терпение лопнуло напрочь и все дружно потребовали возмездия. Пришлось идти мстить, не то он сам бы слетел с трона. Конечно, напрямую ничего такого не писалось, но... понятно же!

Знал бы султан, сколько бессонных ночей и испорченных черновиков стоило Алексею с Иваном это письмо! Чай, не казачий ответ, с тем-то быстрее управились!

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

А тут и прогнись в нужной позе, и так, чтобы урона чести царской не вышло.

Одним словом – поход был направлен против крымчаков, а ваши крепости, государь, попали под горячую руку. Подданные ваши почти и не пострадали, разве что рабов христианских вернуть заставили – но тут и понятно.

Далее следовало самое неприятное.

Возвращать крепости Алексей Алексеевич не собирался, это было видно. Но предлагал дружить домами – то есть пусть турки возвращаются, живут, где и раньше, дома вернем, в торговле ущемлять не будем, молиться не помешаем, при условии что и они будут те же правила соблюдать...

А крымчаки...

Нет уж.

Два льва могут договориться между собой, но о чем им говорить с шакалами?

Сулейман крепко призадумался. Да, конечно, можно идти воевать наглицов. Но... Этих «но» уже столько перечислено, что с ума сойти можно! Нет, воевать не стоит, но и дружить... тут надо крепенько подумать, что требовать с русского наглица, а то еще забудется...

Опять же и янычарам много чего надобно, особенно денег...

Может, отправить туда часть янычарского войска? Пусть полягут – и ему спокойнее будет, и этому нахалу опять же зубы показать...

Или не отправлять? Ну не может он сейчас себе позволить неудач в войне, не может. Свергнут же!

А жить-то хочется...

Значит, будем торговаться. Пусть возвращает захваченные крепости по берегу, Перекоп, опять же Керчь, а там посмотрим...

* * *

– Государыня, донесение!

Софья даже не шелохнулась. Из-за каждого донесения дергаться – заикой станешь. Тут работы невпроворот, а она волноваться будет? Да системе прокачки царских нервов индийские йоги позавидуют! Им за жизнь столько стрессов не испытать, сколько ей за неделю!

– Что случилось?

– Государь к нам скачет!!!

Вот теперь подскочила и Софья:

– Что?! Когда?! Откуда?!

– Голубиная почта пришла, говорят, что батюшка наш уже из Тулы выехал, к нам летит!

Софья широко перекрестилась на ближайшую икону.

– Наконец-то! Слава тебе, господи! живой!!!

И как была, упала молиться на колени. Имидж, знаете ли. Живешь в Риме – иди в баню. Девушки переглянулись и оставили ее одну. А Софья, тут же бросив бить поклоны, скорчилась на полу. Устала...

Кто бы знал, как она устала от злобных боярских глаз, от шепотков за спиной, от постоянной готовности показывать клыки, от публичности... Да просто – устала. Вот Лешка приедет – и она часть обязанностей честно отдаст ему. Пусть сам с боярами

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
бодается... бар-раны! Хотя нет. Козлы, козлицы и козлодои!

Но до того надобно еще один спектакль разыграть, чтобы никто и никогда, и даже не подумал...

Софья еще раз глубоко вздохнула и отправилась распоряжаться. Молитве время, делу – жизнь.

* * *

Григорий Ромодановский ехал, не торопясь. Надобно сегодня «загон» навестить, почитай, уж дней десять не был. Да и просто проехаться, промяться полезно.

Загоном именовали несколько барачков, в которых содержались пленные татары. Перед тем как отправить их на Русь, на строительство канала али еще куда, их выдерживали в течение трех дней, заставляли вымыться в бане, сбрасывали все волосы на голове, давали новую одежду. Разве что в зад не заглядывали.

Да и не только с татарами то проделывали, с пленными русскими – тоже. Два барака было для татар, два для полонян, для мужчин и женщин отдельно. Высокая изгородь, баня рядом, своя кухня, колодец...

Ромодановский сначала понять не мог, к чему такие предосторожности, но потом один из «тройских коньков» объяснил. Мол-де, кто их знает, чем они в своих степях невымытые болеют? Ни к чему сие на Русь тащить.

Чудит, конечно, царевич, но спорить с ним Ромодановский не собирался – его дело, царское.

Устал он с этим Азовом, что та собака. А куда деваться? Надобно – вот и делает. Хорошо хоть в Азов прибыло еще четверо царевичевых воспитанников – или уже царских? – и они тянули на себе кучку дел. Хоть высыпаться иногда удавалось. Или пообедать не на бегу. Нет, можно бы и иначе, только вот Гришка Ромодановский отродясь не халтурил и спустя рукава никакое дело не делал.

А вообще – странно. Из загона уже второй день ни вестей, ничего не было.

Отчего?

Птица – и та не прилетала, вот и решил Григорий сам проехаться.

Налет?

Али бунт?

Только не ожидал Ромодановский, что, когда он подъедет к частоколу, тот его встретит запертыми воротами. Но все тихо было, дымок курился, съестным пахло. Но почему...

Заколотить в ворота никто не успел. Из-за частокола взвился высокий мальчишеский голос:

– Батюшка боярин, там вы?

– Митька, ты что творишь?!

Царевичевых воспитанников Ромодановский уже по голосам опознавал. Всего-то четверо их, как тут не разобраться? А уж сколько они на себе тянут...

– Беда, батюшка боярин. Тут, кажись, чума.

Ромодановский себя не видел в этот момент. Но с трудом удержался, чтобы не поворотить коня и не дать ему шпор.

Чума.

Черная смерть.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Болезнь сия и города выкашивала. И вот она... рядом!

Господи, помилуй!!!

– Ми... тька...

– Батюшка боярин, я думаю, что это она, но рисковать не стоит. Пока я не буду уверен в обратном, никто отсюда не выйдет. Ворота мы изнутри заперли, а ты направишь людей, чтобы снаружи подперли. Чтобы никто не вышел раньше, чем опасность минует.

По мнению Ромодановского, стоило бы обложить всю загородку соломой да поджечь. Но... там же не только татарва была, там и свои, православные, и мальчишка...

– Ты... останешься?

Голос дрогнул, изломался:

– Да, батюшка боярин. – Митька говорил спокойно и твердо, никогда раньше Григорий такого голоса у ребенка не слышал. Да и какой там ребенок?! Почитай, не каждый взрослый на такое решение способен.

– Может...

– Это с воздухом передается, Ибрагим говорил. А если я уже заражен? В Азов смерть принести?

Григорий аж пошатнулся.

С воздухом?! Господи всемилостивый...

– Так что не приближайтесь никто к частоколу. Припасы и прочее нам надобно через забор перекидывать, лучше с наветренной стороны. Со мной тут людей достаточно, справимся.

– А коли перерезать эту степную саранчу?

– Так болезнь-то останется. С кровью, воздухом, теми же крысами да блохами. А потому не надобно. Хорошо, что оно не рядом с городом. Батюшка боярин, на коленях прошу... послушай меня! Ведь все ляжем, ежели что не так...

И таким голос стал у мальчишки, что Ромодановский только головой покачал.

– Не по-божески это!

– Бог простит! Мне, боярин, придется остаться тут. А пока все, кто в городе, должны в бане париться хотя бы раз в день, траву душистую жечь да при первых намеках на болезнь в домах своих запираются и носа на улицу не казать. Платок на двери вывесить – и ждать, пока к ним лекари придут. А кто не делает так – рубить нещадно! Иначе все тут ляжем.

Ромодановский вздохнул.

– Ты как будто больше знаешь? Откуда? Или вас и лечить учат?

– Нет, боярин. Не учат. Только нескольких, кто к сему делу талант имеет и призвание. Но рассказывать – рассказывали. Лично царский грек, Ибрагим. Приходил к нам, объяснял, что делать надобно, а уж когда нас сюда послали – вдвойне.

– Неужто знал кто заранее?

– Не знал, боярин, а предугадал. Что чума, что оспа приходят туда, где людей много, грязи...

– Вот о чем речь... Ладно. Остальные ребята знают, что делать надобно?

– Должны знать. Скажи им, пусть карантин вводят.

– Кара...

– Карантин. Они поймут, батюшка боярин. Спаси тебя Бог.

– Митя...

А что тут можно было сказать?

Мальчишка сейчас их всех спасал. Даже ежели то и не чума... Только в последнее Ромодановский мало верил. Понял уже, что царевичевы воспитанники знают, о чем говорят.

– Я к вам добровольцев направлю.

– Батюшка боярин. Ты лучше погляди, кто тут был за последние дни десять. И пусть они по домам сидят... ведь ежели вырвется зараза на волю...

Ромодановский понимал. И ему было страшно. Он не пугался врага, он храбро дрался, но тут – иное. Невидимая смерть, которая выбирает жертву, а как – не понять.

Не гибель страшна, жутко, когда ты беспомощен.

Обратно, в город, Ромодановский ехал словно убитый. Прокатился... если б не мальчишка, мог бы и сам войти. И – прошло бы мимо? Бог весть.

В загон отправились два десятка добровольцев с оружием. Они понесли с собой мешки с провизией – и ворота закрылись за ними.

И – завалили камнями. Через месяц их разберут. Или – нет.

Если кто-то выживет, Богу то угодно будет. Если же нет...

Обложат соломой и подожгут. На солнце высохло хорошо, только полыхнет.

Страшно?

А лучше всех тут положить? Следующие десять дней улицы Азова были тихи и недвижны. Только патрули проходили. Все понимали, насколько это опасно. А потому любой, кто чувствовал себя нездоровым, тут же изолировался. За городскую стену. В бывший татарский лагерь.

Это действительно была чума. И повезло только в одном. В городе случаев заразы не обнаружилось, хотя мальчишки, не жалея ног и времени, ходили по домам, проверяли каждого. И отказ от проверки означал смерть на месте.

Драконовские меры?

Может, Ромодановский и дрогнул бы, да жить хотелось. И он решил довериться мальчишкам.

Сопляки?!

Ну так доказали ж уже, что полезны! Не раз доказали! И им тоже жить охота. А что еще сделать можно? Царевичу сообщить?

Да пока то письмо долетит... Хоть его-то пусть Бог помилует! Успел он вовремя уехать от заразы!

Страшное настало время для Азова.

* * *

Алексей Алексеевич въезжал в Москву триумфально. Конечно, не с бухты-баракты. В пяти днях от столицы его таки нашли Софьины посланцы и передали письмо, прочитав которое царевич долго ворчал. Но потом махнул рукой.

Пусть сестричка делает, что пожелает, если она считает, что так лучше будет...

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
ведь для него старается.

Так что спустя два часа после рассвета он въезжал в Москву.

Ехал рядом эскорт, гарцевал конь, развевались знамена, пели трубы... Красиво.

Народ сбегался со всех сторон и восхищенно смотрел на царевича. Красивого, загорелого, улыбающегося, в белом с золотом кафтане – кто бы знал, что парадную одежду ему доставил гонец от сестры вместе с письмом, что спал он этой ночью часа два, что сейчас ему предстояло венчаться на царство, а это значит, что и сестра спала не более того.

Люди кричали здравицы, забрасывали Алексея цветами – Софья подсуетилась. Праздничное настроение создавалось на глазах, особенно когда сопровождающие Алексея вояки открыли мешки и принялись в ответ бросать в толпу мелкими монетками.

Романовы ждали государя там же, где пытался утихомирить толпу Питирим – на красном крыльце.

Алексей подъехал, спешил на глазах у всего народа – и тут...

Царевна Софья шагнула с крыльца и перед всей Москвой встала на колени в грязь, на золотой подушке протягивая Алексею плетъ с золоченой рукоятью.

– Прости меня, брат, коли виновата в чем. Все, что смогли, для тебя сберегли, владей отныне нами всеми и будь, государь, властен в жизни и смерти нашей.

Алексей знал, что она так поступит, но сейчас оставалось только молчать.

Софья выводила из-под удара в первую очередь его самого. Он – царь, остальные, царевны ли, царевичи ли, теперь будут только его подданными. Все решения, которые принимала Софья, теперь приняты для него и ради него. Не по ее воле, а потому, что она все делала для брата. То есть использовать ее в заговоре уже не выйдет.

Она полностью в его власти. Хоть казни сию секунду – никто поперек и слова не скажет.

Алексей вздохнул, протянул руки, отшвырнул в сторону плетку и поднял сестру.

– Спасибо тебе, Сонюшка.

И крепко обнял девушку.

Именно сейчас, глядя в сияющие глаза сестры, он избавился от последних сомнений. Софья сама его учила думать – и не раз по пути домой ему в голову приходили неприятные мысли. Могла... Ведь могла. Нет, травить отца Софья не стала бы. Но вот узнать и воспользоваться – вполне. И как он сможет доверять ей, зная, что, приговорив отца ради его интересов... однажды она приговорит и его – ради интересов государства?

К счастью – этого не случилось.

Здесь и сейчас он с пронзительной ясностью понял, что Софья так не поступила и никогда не поступит. И что ближе человека у него по-прежнему нет.

Ему достаточно было взглянуть сестре в глаза, чтобы понять, насколько она рада и насколько тяжело ей дались эти несколько месяцев. И круги под глазами, и запавшие щеки, и резко обтянувшиеся кожей щеки, и руки-веточки...

– Алешенька... родной мой. Братик... Вернулся.

Больше Софья сказать не успела.

Налетели, закружили, затормошили. Первыми повисли у него на шее Федя с Ванечкой, потом и сестры – и не один человек в толпе вытирал слезы умиления. Этого государя его семья любила без меры. Даже вдовья царица Любава, которая подошла в

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
свой черед и коснулась лба юноши благословляющим поцелуем.

Ну а потом с крыльца спустился Воин Афанасьевич Ордин-Нащокин, торжественно держа перед собой на расшитой золотом подушке царский венец, вслед за ним шел Иван Милославский, подобным же образом неся державу, и прочие бояре. Естественно, знаки царского достоинства Софья доверила только самым близким, но и остальные были вполне довольны и своими местами, и ролями.

Окольничьи и стольники были готовы расчищать государю путь к Успенскому собору, где уже ждал Питирим, но этого не понадобилось.

Народ расступался сам. Люди кланялись, кто-то протягивал детей для благословения.

Напротив среднего окна Грановитой палаты царские регалии приняли два архиерея, а из Южных дверей вышел Питирим, которого Софья обожгла злым взглядом, принял святой крест и бармы и внес их в храм.

Алексей встал на центральном месте, патриарх начал молебен во славу Богоматери...

Хотя Питирим и поглядывал неодобрительно, вся царская семья – братья, сестры, тетки, вдовствующая царица с детьми, стояли сейчас на чертежном месте, там, где ранее, во время коронации Алексея Михайловича, стояли ассистенты, бояре и стряпчие. Хоть и было это против правил – никогда ранее царская семья на коронации не присутствовала, да кто бы возразил царевне? Жить хотелось...

Софья оглядывала людей, подмечая выражения на их лицах. В основном все были исполнены благоговения – царь венчается на царство. Даже если кто-то и против – сейчас слова не скажут. Потом будут молчать, втихую гадить будут...

Патриарх читал уже молебен во славу Петра Митрополита. Потом будет во славу преподобного Сергия. Софья стояла молча.

Более десяти лет тому назад она появилась в этом мире в теле трехлетнего ребенка. Она ничего не знала, не умела, она была растерянна и одинока.

Сейчас у нее есть брат, который сегодня становится полновластным правителем Великой Руси. Есть команда. Есть люди, которые готовы за нее в огонь и в воду... Есть родные и близкие. Есть семья.

Софья перебирала в уме то, что сделано, и то, что следовало сделать.

Иван Милославский тем временем, приняв от кого-то белый ручник, опоясал царя по порфире, под пазухи. Этот явно наслаждался своей ролью. Род Милославских сейчас укреплял свое влияние.

Певчие пели так, что сердце заходило. Софья взглянула на купол собора – и вдруг с пронзительной ясностью поняла, что работа, настоящая работа, еще только начинается.

Сентябрь 1673 года

Григорий Ромодановский писал письмо. Бежало перо по пергаменту, выводя все царские титулы. Мужчина спешил сообщить, что в Азове все благополучно – и рассказать, что дальше них чума не ушла.

М-да... жуткие дни были.

Ромодановский знал, что до старости от этих воспоминаний дрожать будет.

Спасло и его, и город одно простое обстоятельство. Татары содержались за городской стеной, а вояки, которые сменились с дежурства, жили не в казармах. На дому у одного купца стояли. Там всех и изолировали, да Бог миловал. Они ж лично не входили, больного не осматривали. Вот и уцелели.

Да еще пристрастились к турецким баням. Как ни хороша родимая парная, но хаммам... Это не рассказать словами, такое чудо пробовать надобно!

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Так что – повезло. Да еще как повезло! Обошлись малой кровью. Умерло шестьдесят человек, большей частью – пленные. А татарву не жалко. Сами принесли болезнь, сами от нее и погибли.

Жалко было погибших солдат.

Впрочем, было и нечто хорошее. Чума, словно испугавшись детской отваги, пощадила юного Дмитрия, который оставался в бараках до конца эпидемии. Он не заболел. Но...

Ромодановский помнил, как разметали в стороны камни – и как показались из-за ворот люди. И с ними мальчишка.

Только вот...

Был он русый, а стал седой. В неполные пятнадцать лет. И глаза такие...

Страшно это.

Что ему пришлось пережить, что передумать, что увидеть... Ромодановский и думать про то не хотел, осознавая, что сам бы...

Смог бы он так-то в пятнадцать лет? На коне на врага – то одно. А вот так вот... Нет. Он сильно подозревал, что не смог бы. Распознать, действовать, как взрослый человек, принять страшное решение и спасти остальных ценой своей жизни...

И как за такое благодарить? Григорий тогда только и смог, что обнять мальчишку. А тот в его руках шатался, легче тростинки, глаза запали, щеки стесало – повзрослел в один месяц.

Тогда Григорий и принял решение, за которое ему до сей поры не стыдно. И перед предками встанет, когда его черед придет – и тогда не стыдно будет!

Вечером пришел в покои к парнишке, сел рядом.

– Митя, поговорить нам надобно бы.

– Слушаю тебя, боярин-батюшка.

Григорий помолчал немного, а потом решился:

– Не знаю, как благодарить тебя. Надумал тут, да вот как ты отнесешься.

– Мне благодарности не надобно, я долг свой исполнял.

– Вот и я хочу... Митя, я стар уже, была б у меня дочь – выдал бы за тебя, не задумался. А так... могу тебя только сыном назвать, коли согласишься. Будешь – Дмитрий Григорьевич Ромодановский.

Вот такого Митя точно не ожидал. Глазами хлопнул.

– А... Э...

– Ты сразу не отвечай, не надо. Подумай.

Но Митя уже обрел дар речи:

– Ни к чему то, боярин-батюшка. Слишком честь высока.

– Для меня? То верно, любой род таким сыном гордиться будет. А я вот, старей...

Мальчишка замотал головой:

– Да нет же. Ты боярин, а я сирота без роду-племени, родителей не помню, побирался, воровал... Кабы не государь царевич – давно б под забором сдох.

– Понимаю. Только не важно все это. Мало ли что у кого в жизни было? Я тут людей порасспрашивал, они рассказали. Ты всех спас, а благодарить-то и нечем, грешно за жизнь золотом отдаваться. И ладно б за свою, мне и так недолго осталось.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Лет пять протяну ли? Ты ведь чуму далее не пустил. Вот что важно-то!

Митя покраснел.

– Да ничего я такого... Ребята бы тоже...

– Мне виднее. Одним словом – думай. Коли согласишься – сыном мне станешь. И никто тебя прошлым попрекнуть не насмелится. Царевичу в ноги упаду, чтобы согласился.

– Я ведь все равно...

– Знаю, о чем сказать хочешь. Что первым для тебя царевичевы дела будут. Так я ж и не против! Все мы ему служим так или иначе. Но боярином ты более пользы принести сможешь. Род у нас старый, денег на все хватит... подумай, Митя. Не предательство сие, я от тебя ничего супротив царевича требовать не буду. Пусть Бог меня покарает, если лгу.

Ромодановский перекрестился, глядя на икону. И что-то такое мелькнуло в мальчишеских глазах.

– Я подумую... батюшка боярин.

Григорий на то очень надеялся. Чем дальше, тем выгоднее казался ему душевный порыв. Или он просто подбирал себе оправдания, не желая показаться сентиментальным стариком?

Одно другому не мешает.

Сейчас мальчишка жил при нем, как родной сын. И Григорий точно знал, что коли царевич позволит...

Будет в роду Ромодановских еще один сын. Дмитрий Григорьевич. А что? Такую кровь никому не грех в род принять, он от того только сильнее будет! Почему-то казалось Григорию, что Дмитрий за наследство и власть интриговать не станет, ему другое интереснее. Но... такие сыновья в любой род нужны. Была б у него дочь – и минутки б не задумался, выдал ее за Митю замуж. Но – нету, только два сына. Вот и пусть трое будет. Должны понять Андрюшка с Мишкой, Андрей так уже понял. А Мишка...

Поговорим. Поймет.

Скользит по бумаге перо.

Все благополучно, государь, миновала нас черная смерть. Справились.

Ноябрь 1673 года

– Государыня царевна, выполнен ваш приказ.

Софья смотрела на Василия Голицына не без симпатии. Ведь умный мужик, и пользы может много принести – на своем месте. И приносит.

– Это хорошо. Беседовал ты с нашими «друзьями»?

– Да, государыня. Но им откуда-то ведомо, что в Дьяково происходит. Пеняли мне за Марию, сказали, что так вы ко мне и интерес потерять можете...

Софья прищурилась:

– Та-ак... а ведь в тайне держали. Все-таки дятел – птица вечная.

К чему тут дятлы, Василий не понял, но спорить не решился.

– Государыня?

– Все равно тебе с ней скоро рвать. Пропадешь чуть пораньше.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– Как скажешь, государыня.

– Они только на это намекали? Про остальное молчали?

– Очень им хочется, чтобы государь к французской принцессе посватался.

Софья кивнула:

– И намекают, что на Руси выхода к северным морям нету...

Софья кивнула.

– Ну, нету. Так это дело времени. Скажешь им, что царевна тебя слушает, а там, глядишь, и брата убедит. Да и насчет французской принцессы подумает.

– Как прикажете, государыня.

– А еще – почитай.

Софья положила перед Голицыным на стол несколько писем. Ничего особо важного в них не было, но все же...

– Потом перескажешь. Пусть думают... Да, пусть...

Софья действительно подбрасывала Голицыну информацию. Не самую важную, но достаточно, чтобы убедить его «покупателей» в приближенности боярина. Вот и сейчас Голицын читал письмо Никона, пару строчек Аввакума, в которых протопоп сообщал, что живется опальному патриарху вовсе даже неплохо – физически. Вот в остальном...

Тишь и глушь. И никакой власти. А тянет...

– И скажешь, что царевич колеблется – звать Никона обратно али нет. Понял?

– Да, государыня.

Больше Софья на синеглазого красавца внимания не обращала. Хорош, да не тот. И вообще, ей никакого блуда не надобно. Честь беречь смолоду стоит!

Ее куда как более интересовало письмо от Ромодановского. Вот там была важная информация. А Голицын...

Ну что – Голицын?!

И без него проблем по уши.

* * *

– Чума?!

Алексей побледнел, ровно мел. Софья смотрела спокойно и серьезно.

– Да, Алешенька. Но сам видишь, все сделали правильно. Не пошла дальше зараза черная.

– Да уж! Чего Ромодановский ждал?!

– Пару месяцев, чтобы убедиться, что миновала опасность.

– А ты уверена, что она миновала?

– Вполне. Иначе бы уже началось. Гонцы те же...

– Верно. Сонь, неужели никаких средств от этой напасти нету?

Алексей даже не задумывался, задавая этот вопрос. Как-то привык он, что сестра знает многое. И не умолчит, ежели ее спросить.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– Вообще есть... хотя и сомнительное.

– Какое же?

– Ну, от чумы мы пока ничего придумать не можем, кроме карантинных мер. Ребята все правильно сделали. Огонь, банька, насекомых да крыс повывели, далеко заразу не пустили. Это хорошо.

– Кто придумал?

– Да там вообще история получилась. Мы же туда ребят отправляли в помощь Ромодановскому. Вот один из них, Митя...

– Светленький такой? Певун?

Алексей отлично помнил своих ребят. Года за три – так точно.

– Теперь седой.

– Как?! Заболел?!

– Нет. Его очередь была прибывших переписывать, он и обратил внимание, что несколько человек вроде как больны. Сунулся, посмотрел, а там...

– Чума?

– Да. Сразу же понял, он ведь и тут к лекарской науке тяготел.

– И?!

– Так он же царевичев воспитанник, а это статус, хоть и маленький. Тут же приказал закрыть все двери, никому не выходить, сам тоже никуда не ушел. Приказал, чтобы загородку снаружи заколотили, еду им через стену перекидывали с наветренной стороны, если кто хочет добровольцем пойти – пусть идут... и – ждать. А сам там остался.

– Какой молодец!

– Не то слово. – Софья потеряла ленту в косе. – Там много чего было, он написал. И умирали у него на руках, и убить его пытались, и вырваться... спал с кинжалом в руке, по очереди со своей охраной и добровольцами, пошли ж туда некоторые этих татар лечить... Тогда и поседел.

– Сколько он там пробыл?

– Месяц для верности.

– Его наградить надобно.

– Надобно. Вот Ромодановский пишет, что готов его усыновить.

– Что?!

– Григорий далеко не дурак, понимает, что коли б зараза дальше пошла, Азов бы выкосило. Да и не факт, что Русь бы обошло. Так что Митька столько людей спас... Может, и самого Григория – чуме ж все равно, кого губить.

– Потому он так и проникся?

– Да и к тебе подлизаться не прочь. Твой же воспитанник. Если Ромодановский его усыновит, как бы на ступеньку ближе станет.

– Можно ли ему такое разрешить?

– Была б дочь у него, так ведь два сына... распри начаться могут. И в то же время нам бы полезно было. Все ж на наших ребят косо поглядывают, а Ромодановский – фигура не последняя.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– И что делать?

– Митька действительно людей спас. Наградить его надо, по справедливости – быть бы ему дворянином, нет?

– Да.

– Почему бы и не Ромодановским, коли Григорий сам пожелал?

– Согласен. Но то ж не все твои придумки?

– Нет, конечно. Жалуем Митьке пару деревень, пусть будет боярином с вотчиной. И у Ромодановского дети спокойны, и Митька награжден, и опять же новое дворянство. Да за такую заслугу дарованное, что ее быстро не перебить...

– Лиса ты, Сонюшка...

Софья довольно прищурилась. Ну, лиса. И что? Зато умная.

Ей позарез надобно новое дворянство сформировать. Да не как Петр, из тех, кто с ним пил-гулял. Нет.

Конечно, он и умных много кого наверх вывел... Меншикова Софья, кстати, помнила. Надобно будет найти его – и приспособить к делу. Ежели ты вор – воруй у того, у кого надобно! Вот!

Но не о том сейчас речь.

Митька будет хорошим новым дворянином. Умничка.

Сумел же разобраться, жизни не пожалеть, чуму на землю Русскую не пустить... Попугать бояр – и продвинуть сей указ.

Никуда не денутся. А там... вторая ласточка, третья... глядишь – и прекратят шипеть на худородных. Федор Ромодановский за дело взялся рьяно, и это за царский интерес. А за свою семью он вообще всех порвет на части и скажет, что так и было. Собрать Ромодановских, поговорить с ними келейно, тайно. Коли согласятся все – собрать бояр.

Поговорить уже и с боярами.

И – продвигать указ.

Быть на земле Русской истинному дворянству. Быть!

Декабрь 1673 года

– Ванечка!

– Лешка! Сонюшка!

Какие там цари и государи, какие там бояре?! Было просто трое ребят, которые бросились друг другу в объятия, да так и замерли.

Все-таки почти полгода длилась их разлука. И многое же было сделано за эти полгода.

После повенчания Алексея на царство бояре тут же кинулись ему в ноги с жалобами на сестрицу. И много-де Софья на себя взяла, и вообще...

Алексей пообещал разобраться. Честно спустился в подвалы, выслушал Хованского, которого к этому времени палачи сломали до требуемого состояния, выслушал Полоцкого...

И подтвердил все, что сделала Софья.

Отца он прощать никому не собирался. А дальше началась тяжелая и муторная работа. Каторжный безответный труд – иначе и не назовешь.

Подбор нового патриарха – пока одобрили Андриана, но будем еще смотреть. Пусть пока крутится при Питириме, опыт перенимает, учится в этом гадюшнике ориентироваться.

Трудные переговоры с Турцией.

На переговорах с Персией решено-таки было, что, ежели родится у Аббаса дочь, найдем ей принца на Руси, тут и породнимся. А покамест договор о торговле, взаимопомощи, обучении отроков...

Конечно, бояре ворчали. Раньше-то дела так не делались – слишком быстро государь договорился с этими нехристями. Но чего тянуть-то? Чванство свое показать? Величавость соблюсти?

Нет уж! Нет у нас времени на такие глупости. У нас война до сих пор идет!

К тому же персы активно принялись кусать османов, а Руси того и надобно было.

Переписка со Священной Римской Империей – тут оказался на высоте Михайло Корибут. Уговорами, поклонами, чуть ли не мольбами, к которым было приложено изрядное количество «борзых щенков» от шурина, он таки сподвиг Леопольда не прекращать подпитывать борьбу против турок. А воевать на три фронта Османская империя сейчас не могла, да и не хотела. Сулейман был достаточно умен и осторожен.

Но и прощать русским такую наглость?

Э, нет...

Переписка Ивана Морозова с Османским двором продолжалась чуть ли не до ноября – и нельзя сказать, чтобы в ней проиграли русские. Найденный компромисс не устраивал ни одну из сторон, но лучшего пока не предполагалось.

Турки по-прежнему имели относительно свободный доступ в Крым. По-прежнему получали из него товары, такие, как, например, редкостная розовая соль, скот...

Более того, дань, которую ранее русичи платили крымчакам, теперь выплачивали непосредственно турецкому султану. Почему бы нет?

Расход этот в казне уже заложен, Сулейману деньги лишними не будут, а Русь хотя бы начинает жить относительно спокойно. Более того, крепости Керчь, Тамань и прочие так построены турками. А потому...

Тамань пришлось вернуть, хоть это и не нравилось казакам. Остальные же...

Не дождетесь!

Русичи были готовы даже выплатить за них определенные суммы. Алексей, правда, пока не знал, где их взять, но оно того стоило. Хватит держать постоянный оборонный пояс от татарских набегов, хватит нести урон от этих зверей...

Сулейман кривил губы, но соглашался. Конечно, турецким купцам, как и прежде, торговать не запрещали. Приводить корабли. Получать и давать справедливую цену за свой товар, строить мечети, молиться Аллаху.

Но рядом будут стоять и христианские церкви.

Православные. И Питириму предстояло решить, кого туда посылать, где Церковь будет брать деньги, чтобы их строить, кто будет в них служить.

Должны, обязаны люди уметь находить общий язык. Не разжигать рознь по религиозному признаку, а наоборот. Понимать, что Бог един, а мы вот, глупцы, молимся ему, кто как умеет и понимает.

Конечно, Питирим возроптал. Конечно, в Церкви начались возмущения – как это так?! Мы?!

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
К язычникам и нехристям?!

Разъяснения были проведены царем очень быстро и качественно.

Сие не уступка туркам, никак нет. Сие военная хитрость.

Вера православная – единственно правильная и искренняя, так ведь? Тут духовенство ничего не возразило, они в этом были глубоко уверены.

А значит, надобно ее свет повсюду нести. Да, и в Крыму тоже. Глядишь, кто из турок и обратится. А нет... так опасности для вас особо и нету, при вас войско будет.

Заодно потренируетесь, а то воплей от вас много слышно, а вот как православие людям нести – куда и что деваается? Это подход неправильный.

Эвон иезуиты везде без мыла лезут, даже в темное место. Так что готовьте добровольцев. Да проследите, чтобы они хоть читать умели, а то позорище! Вот, кстати. Выяснить, как у попов с образованием, и организовать курсы повышения квалификации.

Конечно, предвиделось множество трудностей, все-таки воевать – воевали... Но!

С татарами. Коих и трепали в хвост и в гриву. Не с турками. Лично с Османской империей Русь уже давненько не схлестывалась, ненависти не было. А вот с персами торговали – почему б так же не торговать с турками?

Конечно, перегибы еще будут с обеих сторон, конечно, каждый постарается урвать свою выгоду, но это – дайте время. Руси просто надобно было передохнуть от войн. А там посмотрим, кто в итоге окажется в выигрыше. Лично Софью Турция устраивала только в виде курорта. А лучше – русской провинции. Пусть не сейчас, пусть при ее детях или внуках – для того и работаем, чтобы наши потомки лучше нас жили!

Чего им давать не собирались, так это рабов.

Вот тут Иван Морозов уперся намертво.

Никаких православных христиан в рабстве не будет. Более того, любой христианин, который ступит на землю Крыма, будет выкуплен русским государем и немедля освобожден вне зависимости от желаний его владельца.

Султан этим был весьма и весьма недоволен. К христианам относилась весьма значительная часть мусульманских рабов – так что ж теперь? Всех освобождать? Пусть даже за деньги, кому ж охота будет лишиться любимого раба или рабыни только потому, что этих тварей не научили покорности?

Иван тоже уперся.

Сошлись на том, что раб может быть выкуплен при условии, что его хозяин не против. А дальше уж... при определенной сумме любой будет не против.

И еще султан потребовал, чтобы русских военных кораблей в заливе не появлялось.

Иван тут же согласился.

Не появятся! Без вопросов!

Казачьи чайки?

Да помилуйте, разве ж это корабль? Фелюга – и та больше! А еще... торговые-то корабли появляться могут. Это первое. А уж сделать из торгового корабля военный... тут надо с адмиралом Мельным поговорить. Умный человек, хоть и француз... ох, умный. Кстати – сейчас он отправлялся к себе домой, во Францию, здраво рассудив, что зимой ни корабли никто строить не будет, ни верфи, а он как раз успеет до дома добраться да и с семьей вернуться. Посуху оно, конечно, дольше, но ведь не холоп едет! Адмирал Павел Мельин, самим царевичем титулом и поместьями жалованный, деньгами не обиженный.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Так что договорились до весьма хороших результатов.

Граница Руси теперь пролегла по морю. Часть ее.

Она шла вдоль Кавказских гор по Тереку и Кубани, через Тамань по берегу Азова до Перекопа. К большому удовольствию горских племен, кстати. И Софья уже предвидела, что надобно будет там держать казачьи отряды. Потому как новых соседей обязательно на зуб попробуют.

К тому же совместными усилиями – чуток войска размахнулись – были заняты земли за Перекопом вплоть до устья Днепра. И уходить оттуда никому не хотелось, ни русским, ни полякам. С чего бы?

Очень уж удобная граница.

Что-то подсказывало царевне, что в ближайшие годы они будут сидеть тихо, но лет через двадцать... там ведь не одна река, там еще и Южный Буг течет.

А если уж по-доброму, у них бы и все до Днестра оттяпать, да не дадут. Пока что и османы слабоваты, да и русичи с поляками не то чтобы уж очень сильны. Если их сейчас оттяпать, то не для себя, для поляков, но Михайло сам не хочет. Не потянет он сейчас войну, ему бы сейм к общему знаменателю привести.

Ничего. Они чуток подождут.

И помолятся, чтобы у турок сильный правитель не объявился.

А Иван вернулся домой. В сопровождении, кстати, части польского войска. Небольшой части, во главе с Яном Собесским. И тот весьма тоскует по жене.

Софья сделала невинное лицо.

– Что?! Надеюсь, ты ее не отравила?!

– Ваня! Ты какого обо мне мнения?! – Софья возмущалась вполне искренне.

– Тогда – что?!

– Эм-м-м... Скорее – кто.

– И кто?!

– Василий Голицын.

– Но – как?!

Царевна потупилась.

– Так получилось... я не виновата.

Парни не поверили. И справедливо. Софья отчетливо понимала, что такая жена, как пани Собесская, любого мужа свернет с пути истинного. Убить? Можно, но сложно. А вот помочь пани пойти налево? А почему нет?

Она одинока, ей тут плохо, тошно, больно и страшно. А тут Василий Голицын, весь такой, что растакой, в европейском платье, туалетными водами благоухает, по-французски разговаривает, обаятельный, гад! Как тут устоять?

И вот не надо сверкать глазами, не надо. Любая сволочь на своем месте полезна. Василий вот оказался превосходным осеменителем – Мария уж, поди, на третьем месяце.

– Как?!

– Соня, ну ты...

Чего было больше в голосах парней – потрясения или восхищения, бог весть. Софья пожала плечами.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– Вообще–то я ее не заставляла, в койку насильно не укладывала. Это был ее выбор – и что, она не знала, что от таких вещей дети рождаются? Зато Василию теперь предложения делают! Он полезный товарищ, шпион в тылу меня.

– Соня?

– Ну да. Ему платят, чтобы он шпионил за мной и все сообщал. А то и соблазнил.

– КАК?!

– Так вот. А вы думали, что всех иезуитов выловили? И всех шпионов?

– А почему мы их до сих пор не выловили?

– Потому как новых напустят. Их еще надо будет выявить, и кто знает, что они вынюхают. А этих мы уже знаем и им можно вешать лапшу через Голицына, – обстоятельно разъяснила Софья.

Парни переглянулись с уважением к уму девушки.

– Сонь, а как ты умудрилась Голицына свести с Марией?

– Ну, вот так. Василий Голицын получил свободный доступ в царевичеву школу, да не просто так. И не просто так они столкнулись с Марией Собесской во время прогулки. Ох, не просто.

А там...

Слово за слово, вот и дело сделалось. А через пару месяцев у гордой пани и живот расти начал, девушки следили.

Вот тут–то Мария и поняла, что ее загнали, как волчицу, за красные флажки. А куда деваться–то? Раньше такие проблемы решались просто – травками или как–то еще... ан нет. Сейчас возможности не было. За Марией строго следили, не давая причинить себе вред. Но и ребенку – тоже!

А Василий Голицын куда–то исчез.

Конечно, женщина поняла, как ее подставили. И потребовала встречи с царевной Софьей – она уже поняла, кто и что решает в Дьяково. Софья до сих пор вспоминала тот разговор с удовольствием.

Мария сверкала глазами не хуже пантеры. И разговор начала именно она:

– Ваше высочество, это невыносимо! Я тут, словно в темнице...

– Вы тут вместо темницы, – поправила Софья, – потому что пытались отравить мою сестру.

– Но неужели мне даже нельзя верхом проехать? И почему мне запретили баню?!

– Потому что мы должны сдать вас на руки мужу целой и невредимой. А подобные упражнения могут быть вредны... в вашем состоянии.

Софья тоже предпочла не церемониться. К чему?

И времени нет, и... с кем миндальничать–то?! Да эту стерву надо бы с хлоркой выстирать и с ней же высушить! Мария так засверкала глазами, что Софья помечтала об ее использовании вместо гелиографа.

– Так ты знаешь!!! Ты все знаешь!!!

– Я не знаю, где найти аммиачную селитру, – поправила Софья. – К сожалению. А про беременность мне отлично известно.

– Это ты! Ты все подстроила!!!

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– Лично уложила тебя в постель к Голицыну? – перестала церемониться Софья. – Стянула с него штаны и тебя за ноги держала?! Нет?! Так на что ж ты жалуешься? Вроде как никто на Ваську не плакался, все покамест довольны?

Мария побледнела, отчетливо понимая, что мужа ей придется встречать... м-да. Мужчины, конечно, бывают доверчивыми, но пока еще ни одного не удалось убедить в пятимесячной беременности.

– Гадина!!!

Софья коснулась колокольчика. Внимательно посмотрела на влетевших слуг.

– Беречь и стеречь. Чтобы ни волос с головы не упал, ни ребенок не выпал. Ясно?

Ясно было всем. А Мария Собесская относилась к тем женщинам, у которых беременность была заметна уже на раннем сроке. Так что...

– Басю она пыталась подговорить, – вспомнила Софья. – Та, конечно, не согласилась.

– А твои девушки?

– А что она может им предложить? Побрякушки?

– И то верно. – Иван смотрел с уважением.

Ну да. Что значат пусть драгоценные, но камушки, рядом с будущим?! При царевне, при власти, при семье и детях, а она ведь не обманывает, те, кто старше, уже это получили. Они дурочками будут, ежели разменивать такие перспективы станут.

Они и не стали. Обо всем было доложено Софье. После чего драгоценности у Марии Луизы изъяли – под замок. Приедет муж – отдадим, нам чужого не надобно. Все ж таки золото, мало ли кто поведется?

У апостолов отбор и того строже был, но поди ж ты!

– Собесский–то с вами?

– Я с ним, – усмехнулся Иван. – Сонь, если б ты его видела!

– Чего его видеть, и так ясно, что любит. – Софья вздохнула. – Злое это дело, любовь. То переживаешь за человека, то из-за человека. У меня вот вас двое, так и то душа изболелась...

– Я же говорил, что тебя она тоже любит, – подмигнул другу Алексей.

– А что – были сомнения?

Софья переводила взгляд с одной загадочно ухмыляющейся морды на другую.

– Мужские секреты?

– Именно, сестренка.

Софья пожала плечами. Пусть хоть усекретятся, лишь бы были живы и здоровы. Вот.

* * *

Если бы Софья видела Яна Собесского, она б ему искренне посочувствовала.

Горящие глаза, светящееся лицо, улыбка... Он летел к Марии, словно на крыльях. Держал в кармане драгоценный жемчуг, белый, черный, розовый, Марья его очень любила, и светился он на ее нежной коже... Обнять, поцеловать, сказать, что все у них будет хорошо, что Крым от татарвы почистили, так что приказ короля выполнен, а там уж...

Пусть им нельзя будет появляться какое-то время в свете, пусть! Дома посидят! А потом король и окончательно их простит, Михайло отходчив...

Вот и Дьяково, стены школы..

Только почему так странно смотрят казаки? Почему шепчутся девушки?

Что с Марысенкой?!

То самое...

Ян все понял сразу. Дураком он никогда не был – и отчетливо увидел и маленький животик, и налившуюся грудь, и чуть отекавшее уже лицо... все было видно. Даже и то, что на столе стояло блюдо с кислой капустой, кою Марысенка потребляла много и часто.

А учитывая, что у них более полугода ничего не было...

Упало из руки, раскатилось по полу драгоценное жемчужное ожерелье. Глухо простучало жемчужным дождем, хрустнуло под сапогами несбывшимися надеждами...

– Ян!!!

Но этого крика он уже и не услышал. Только дверь захлопнулась. И никто, кроме девушек, не видел, как воет от боли и горечи женщина, потерявшая в жизни самое ценное для нее – власть.

Ян шел, не видя ничего перед собой. Отлетел кто-то с дороги... коня у крыльца не оказалось – и он пошел напрямик через сад, сбивая цветы, топча траву... куда?

Самому бы знать!

Утопиться?

И того не хотелось...

Ничего не хотелось. Вот так вот, любимая женщина. Отравительница. Предательница. Изменщица. Ты ради нее в огонь и в воду, на турецкие пушки и сабли, а она?!

В себя Ян пришел, сидя у речушки, в которой даже топиться было жалко – такой она была неглубокой. Разве что на дно лечь и зубами за песочек держаться – а не то комедия будет. В горле что-то сухо клокотало.

Тошно было так, что словами не передать. Тошно, больно, горько...

Чья-то тонкая рука появилась из-за спины, поставила перед Яном на траву корзинку, мужчина обернулся.

– Ты кто?

– Елена.

Девушка принялась выставлять на траву кувшинчик с чем-то спиртным, кубок, выложила порезанные мясо, сыр, хлеб, зелень.

– Испей, боярин.

– Уйди...

Видеть никого не хотелось.

Девушка кивнула:

– Выпьешь – в тот же миг уйду.

– Тебе-то какое до меня дело?!

Ян вскочил на ноги. Стоя он был чуть ли не на голову выше девушки. Совсем юная, невысокая, с темно-каштановыми волосами, заплетенными в косу, и ярко-голубыми, славянскими глазами, она была очень красива. И смотрела прямо на него. Не

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
кокетничая, не флиртуя, не играя.

– Прошу тебя.

– Яд там, что ли?

– Никак нет, боярин. Просто тебе больно сейчас, а это поможет в самый острый миг. Потом, конечно, не надобно уже, но сейчас стоило бы.

– Что бы ты понимала?! Что ты вообще можешь понимать в моей жизни?!

Девушка не отступала и не боялась. Просто смотрела прямо в глаза. Марыся так никогда не делала. Играла, кокетничала, прикрывала глаза густыми ресницами... Марысенька...

По сердцу опять резануло болью.

За что?! Господи, да за что ж так?!

* * *

– Мне и не надобно в твоей жизни разбираться, боярин. То не моего ума дело. А вот что плохо тебе – сразу видно.

И вид у нее был такой решительный, что Ян отчетливо понял, что девушка не уйдет и не отступит. Можно кричать на нее, угрожать, даже ударить, а вот прогнать не получится.

Так почему бы и нет?

Он не глядя выплеснул себе в рот рюмку чего-то крепкого, резкой болью обжегшего пищевод, прожевал торопливо подсунутый кусок мяса – и притянул к себе девушку. Раз уж сама пришла.

Она не сопротивлялась.

Собственно, на то и была ставка. Потом уже будут и слезинки, и кровь на обрывках платья – кстати, без обмана, потом будут разговоры, а сейчас...

Это называется замещение.

Ян сейчас с кровью отрывает от себя кусок души – и если что-то дать ему взамен... думаете, не прирастет?

Еще как!

Если в такой момент подвернется женщина да умно себя поведет – легко станет заменой той, которая обманула и предала. Насколько уж этих чувств хватит – неизвестно. Но возможность – есть.

* * *

– Сонюшка, ты уверена?

– Алешенька, а как еще? Сейчас мы с распаханной земли налог берем, а это неправильно. Нам надобно, чтобы крестьяне больше земли распахивали, чтобы прирастала страна, чтобы ширилась, а они ж не будут! Больше земли поднимут – больше возьмут с них.

– Думаешь, ежели брать тягло с человека...

– А что бы не попробовать? Мужчина, старше шестнадцати лет. Вот сколько таких в семье – за столько и налог брать. А баб не трогать, они землю не пашут.

– Так врать же будут.

– А на то перепись населения произвести.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

- И кто этим будет заниматься?
- Попы в приходах. На кой они еще нужны, такие умные?
- Попы?
- Пусть перепишут все семьи, где сколько душ, да те сведения патриарху и отправят. А мы уж людей посадим, сведем все воедино и подсчитаем, сколько денег надобно, с какого селения, сколько боярину, сколько государю...
- Бояре недовольны будут...
- А у нас еще Хованский не добит.

Софья смотрела с нехорошим прищуром.

- Страхом править будем.
- Нет, бунты давить постоянно будем, – Софья встретила взгляд брата, не поморщившись, – на то у отца постоянно время было, не у нас. Нам же страну обустроить надо, а не разбираться с чужим ущемленным самоощущением.
- Умеешь же ты... припечатать.
- Умею. Так что? Пугать – или давить?
- Ну, если вопрос именно так ставится?

Софья вздохнула. Грустно и тяжело.

- К сожалению, братик, в нашем отечестве он иначе и не ставится. Никогда.

* * *

- Я так понимаю, ты домой не собираешься?
- Ян Собесский смотрел на пана Володыевского. Ежи пожал плечами:

- А зачем? Мне и тут неплохо, а уж Басеньке и вовсе радость.
- Рожать-то скоро будете?
- Так уже... Мальчик у меня, Михайло Иероним.

И столько отцовской гордости, столько нежного и трепетного счастья было в этих словах маленького рыцаря, который наконец обрел тихое семейное счастье...

- Повезло тебе...

Мужчины помолчали. Потом Ежи таки уточнил:

- А ты это точно? Со своей?
- Куда уж точнее. Видеть ее больше не могу... гадина!
- Но все ж католичка, не православная. А ты ее тут оставляешь...
- Ваш царевич мне обещал, что она будет после родов пострижена. Вот и пусть... не жалко.
- У вас ведь ребенок...

Ян вздохнул.

- Знаешь, Якубу лучше будет без такой матери. Да и мал он еще, для него няньки сейчас куда как важнее...
- Уверен, что не пожалеешь потом?

– Не знаю, ничего не знаю. Ты бы своей простил?

Ежи честно попытался представить, что Басенька ему изменила. Не получилось. То есть – вообще никак. Ни представить, ни подумать...

– Она так никогда не сделает.

– Вот и я так думал.

– Не-ет... ты, Ян, не путай. – Ежи покачал головой. – У вас иное с ней получилось. Бася без меня жить не могла и не может, мы с ней как одно целое. А твоя Марыся? То она за другого замуж выходит. То во Францию одна едет – от любви ли это? Или просто она решила, что ты для нее партия хорошая? Корону надеть возмечтала?

– Не хочу я об этом думать.

– Ну и не думай. Забудь. Не было у тебя такой жены. Как умерла – и все тут. А с Эленой[11] ты что делать будешь?

Ян вздохнул. А что тут сделаешь? Если эта девочка – единственная, кто может хоть ненадолго растопить лед в груди? И рядом с ней становится чуть легче?

– С собой позову. Поедет, как думаешь?

– Нет.

Такого ответа Ян не ждал.

– Почему?

– Потому, что она из девушек царевны. Вроде как личная фрейлина. И только государыня Софья ее отпустить может. Ты с ней не разговаривал?

– С Эленой или с государыней?

– А пожалуй, что и с обеими?

– Нет покамест.

– Вот посмотришь, что тебе скажут.

– Думаешь, государыня ее не отпустит?

Ежи пожал плечами:

– Знаешь, я тут уж сколько времени, а все одно вижу. Царевна Софья, хоть и молода возрастом, да о своих девушках заботится, что о дочерях родных. Любить им не препятствует, но и блудить не дает. Отпустит ли она с тобой Элену – бог весть. Никогда не знаешь, что у нее на уме.

– Я ж не брошу ее...

– А все одно – пусть не бросишь, но и не женишься. Ты ее для блуда с собой зовешь, а вот представь – тебе жениться надобно будет. Как Елена себя почувствует?

– Любить-то я только ее буду. Да и к чему мне жениться, у меня Якуб есть?

– У вас же еще два ребенка с Марией в младенчестве умерли.

Ян нахмурился:

– Ну...

– И Елена дитя понести может, что делать тогда будешь?

Вопрос оказывался куда как серьезнее, чем казалось вначале пану Собесскому. Это

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
не просто так полюбить, это еще надо искать для девушки место в мире... а ведь ее еще могут и не отпустить.

А, плевать! – вдруг с пьяной удалью решил ясновельможный пан. – Увезу! Уговорю, украду, хоть как – да увезу! Моя она! И все тут!

И налил еще по одной.

* * *

Софья стояла рядом с братом. За руку его не держала, но очень хотелось. И все же это Алеша должен был выдержать без нее. Сам сильный.

И умный.

А стояли они сейчас перед железной клеткой, в которой сидел... да, кто бы узнал сейчас благочестивого старца в этом заросшем, грязном, окровавленном существе без обоих ушей и носа? Кто бы мог подумать, что лицо старца может быть настолько злобным и полным ненависти? А глаза, которые вечно сияли добротой, – гореть таким гневом?

И проклятия из его уст вырывались вовсе не христианские.

Алексей смотрел на мужчину. А ведь сложись все иначе...

– Зачем ты отца отравил?

Ответом ему была хрипая ругань. Софья коснулась руки брата.

– Не стоит, Алешенька. Ему это все уже безразлично. Это уже не человек.

– И что с ним теперь делать?

– Казнить, наверное. А что еще?

– Больше он ничего не знает?

– Гарантирую, – Софья усмехнулась. – Палачи у нас хорошие, таким не соврешь. Да и проверяли...

– Соня, а ведь он мог быть нашим воспитателем...

– Мог. И возможно, был бы неплохим учителем. Только вот никогда ему не было по пути ни с Русью, ни с русскими...

– А с Хованским что?

– Примерно то же. Смотреть пойдешь?

– Нет. Казнь через три дня назначим?

– Как скажешь.

Алексей понимал, почему Софья не расправилась с ними принародно еще тогда, после бунта. И сведения бы не вытряхнули, и организаторов лучше было ему казнить...

– Спасибо, сестренка.

– Не благодари. Я тебя просто люблю.

Они вышли из пыточной, не замечая, что вслед им смотрят злобные, ненавидящие глаза старца. У него многое отняли, но язык был цел. И он мог, мог еще нанести последний удар!

* * *

– Сонечка, смотри, что у нас просят.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– И что же? – искренне заинтересовалась Софья.

– Царевич Ираклий, помнишь такого?

Девушка резко помрачнела. Еще бы не помнить. Наталью Нарышкину она век не забудет. Немножко ведь, на самую чуточку судьбу опередили. И нет уже никакого Петра. И не будет никогда!

Но...

– Помню. Чего ему надобно?

– Мы Марфушу замуж отдали... так он же теперь царь Картли, стал с нашей поддержкой.

– И?

– Вот, жену ищет.

– А что, после Натальи он еще не оженился?

– Почитай?

Софья пробежала глазами письмо от царя. Однако ж...

На свитке пергамента Ираклий уверял в своих самых верноподданных чувствах, прогибался, хотя и в меру, и сетовал, что предлагают ему местных красавиц, да лучше русских женщин, краше да умнее все одно нет. И ежели у государя есть сестра...

Намек был легким, едва уловимым, но был ведь.

Софья только фыркнула:

– Не по чину...

– А дуняша? – приостановил ее брат.

Ребята переглянулись.

Евдокия?

А почему нет?

Возраст для Ираклия весьма и весьма подходящий.

Образование?

Да того Картли на карте днем с фонарем поискать, да и не найти. С кем там политику творить? Умная царица им не особенно-то и нужна. Почему бы и не дуняша? Опять же не будет дома сидеть да яд копить. Хуже нет, чем баба без мужика. Ладно, если она свою энергию в дело пускает, а если все в истерики, как у дуньки...

Опять же это в Европах она всего лишь сестра какого-то там русского государя. А в Хартли она – сестра самого русского государя. Разница.

– Согласится?

Софья фыркнула вторично:

– Нет. Сначала она покобенится и нервы нам потреплет. А уж потом...

– Язва ты, Сонюшка.

– То есть ты признаешь, что я угадала?

– С абсолютной точностью. Предлагаю отписать Ираклию, что, ежели пожелает –

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
пусть приезжает за невестой.

– Думаешь, он на Дуняшку и рассчитывал?

– Не на тебя же? И девчушки малы еще.

Софья шкодно улыбнулась:

– Да. Мы еще маленькие и глупенькие. Так что Дуня, и только Дуня. И побыстрее!

Алексей не возражал:

– Ты с ней поговоришь?

– С громадным удовольствием.

Царь всея Руси ласково взъерошил сестренке волосы.

– Ты-то когда в возраст войдешь?

– Я из него уже вышла.

– Чужие браки устраиваешь, а о своем не думаешь?

– Да где ж найти такого мужа, который все терпеть будет? Мои отлучки, наши совещания?..

– А дома сидеть да детей растить? Не изволишь?

Софья зашипела так, что Алексей облегченно выдохнул. Не желает, и слава богу. Что бы он сейчас без сестры делал – бог весть. Вешался бы. И все же... надо, надо подумать и об устройстве ее судьбы.

– Ладно. На казнь поедешь?

– Поеду.

Не хотелось Софье, да выбора не было. Приехавший Алексей первым делом утвердил оставленные ему смертные приговоры главных организаторов. Мелочь переловила и передала без лишнего шума сама Софья, а вот Хованского, Долгоруковых, Полоцкого...

Этих выпотрошили, как рыб, – и собирались теперь поджарить на сковородке. Да, и в буквальном смысле тоже. Им предстояла пытка каленым железом на глазах у всех, а затем – кол. И пусть подышают медленно и позорно.

Толпа уже собиралась с утра, шумела, словно морской прибой, волновалась...

– Едут, едут...

Алексей Алексеевич с сестрой Софьей рядом, бояре, стрельцы, казаки – небольшая процессия заняла места напротив помоста, как были, верхом.

И наконец, на Болото въехала телега. Люди, затаив дыхание, смотрели на тех, кто так и не стал ими править. После пыток, в белых рубахах, приговоренные выглядели откровенно жалко.

Ровно до той поры, как их повлекли на помост.

Там-то и очнулся старец Симеон. И пока палачи занимались Хованским...

– Проклинаю!!! Будьте вы прокляты до седьмого колена, пусть дети ваши никогда не узнают счастья, пусть претерпевают такие же муки...

Голос ввинчивался во внезапно затихшую толпу, словно дрель в стену. Все замерло, не мешая Симеону кликушествовать и пророчествовать, обещая глад, мор, болезни тем, кто пойдет...

– Молчать!

Софье понадобилось ровно две минуты – прыгнуть с коня, кошкой взлететь на помост, чертова юбка помешала, а то бы и быстрее.

И сейчас она стояла прямо напротив старца.

– Молчи, гнида!

Одного кивка палачам хватило – скрутили, заткнули рот.

Софья развернулась к площади, на которой только начал приходить в себя ее брат. И что-то такое мелькнуло на его лице.

Нет, Алешка проклят не будет! Богом клянусь, этот груз на его плечи не ляжет...

Сверкнул холодной сталью извлеченный из ножен кинжал. Софья, на виду у всей площади, полоснула себя по ладони. Больно было – жуть. На помост закапала кровь.

– Я, Софья Алексеевна Романова, принимаю твое проклятие, старец. – Слова падали камнями. – Пусть оно падет на мою голову, но и ты услышь мой ответ. Я весь орден твой пресеку. Не бывать иезуитам не только на Руси православной, но и нигде более. Кровью своей клянусь, не я, так мои потомки, коих ты проклял, закончат это дело.

Тонкие пальцы сжались в кулак, и словно природа вступила в сговор с царевной! На помост упал алый солнечный луч. В его отблесках Софья казалась облитой кровью с ног до головы. И алое платье, и черные, с алым отблеском, волосы...

– Кровавая царевна, кровавая... проклятая царевна, – полетело по толпе.

Софья оскалилась, поднесла кинжал ко рту и слизнула с него кровь. И жест этот вышел таким жутким, что даже палачи шарахнулись.

Никто не знал, что в душе Софья перевела дыхание. Кажется, получилось. Поверили.

Все-таки суеверий в это время хватает. Если бы она позволила Алешке и дальше раздумывать, кто знает, до чего бы договорился рясоносный гад. Вот ведь... царя травить мы желаем, а за поступки свои отвечать – комплексы начинаются? Ай-яй-яй...

Не хватало последнего эффектного жеста.

Кинжал с хрустом полетел вниз, воткнулся в доски под ногами старца.

– Когда сдохнет – забить ему этот нож в сердце вместо кола осинового и так похоронить.

Палач низко поклонился.

Софья сбегала вниз, с помощью брата вскочила на коня, сжала мимоходом руку Алексея, мол, потом все объясню. Молчи...

Она оставалась неподвижна, пока пытали Хованского, Полоцкого, Долгорукова, пока прижигали их каленым железом, пока вырывали языки. Даже не дернулась перевязать руку, с которой на землю капала кровь, пропитывала поводья, лошадь косилась, прыдала ушами, но стояла ровно – казачья выучка. А уж как люди косились... Только когда приговоренные заняли свое место на колах и процессия двинулась в обратный путь, она позволила себе перевести дыхание и чуть расслабить лицо.

И уже в покоях разревелась, жалко и беспомощно упираясь кулачками в грудь брату.

– Успела, Алешка, едва успела...

Парень гладил ее по волосам:

– Все хорошо, малышка. Все хорошо...

– Что случилось?! Что произошло на площади?!

Тетки крепко обняли Софью с другой стороны. Девушка всхлипывала, но потом потихоньку замолкла.

– Симеон, сука такая, пытался меня проклясть, – хмуро пояснил Алексей. – А Соня взяла проклятье на себя.

– Соня!!!

– Да не успел он ничего толком сделать, – фыркнула царица, высвобождаясь из объятий и принимаясь вытирать распухший нос. Истерика схлынула, уступив место привычному ехидству: – Я ему всю малину обломала.

– Но пытался...

– Надо будет за слухами последить. Как бы теперь не пошло, что это я его прокляла, – обеспокоилась Софья.

– А ты проклятья не боишься?

Алексей смотрел на сестру с нежностью. Ведь ради него, только ради него... Тетки были явно в ужасе. Проклятье ж!

– Лешка! Неужели я не рассказывала тебе сказку о великом белом шамане?

Алексей покачал головой.

– А... в далекой жаркой стране жили черные люди. И жил в деревне великий черный шаман. Это как у нас колдун. Все его боялись, и все ему подчинялись. А если он хотел покарать человека, он клал тому на порог дохлую змею, и человек умирал через три дня. А потом приехал в эту деревню белый человек. И стал гулять хозяином, делать что пожелает, и даже дал пинка великому черному шаману.

– И что дальше? – Анна поняла, что утешать девушку не требуется, скорее наоборот.

– А дальше великий черный шаман положил белому человеку на порог дохлую змею и стал ждать. А тот не умер. Ни через день, ни через три, ни через месяц. И даже после еще трех дохлых змей – не умер. Поняли тогда глупые люди, что в их деревню приехал великий белый шаман, и пришли ему поклониться. Так и сказали: о великий белый шаман, мы поняли, что ты более могущественный. Ты не поддался колдовству нашего шамана! И сказал, почесав затылок, новоявленный великий белый шаман...

Софья нарочно задержала паузу, поглядывая на брата и теток веселыми глазами.

– И что он сказал?! – не выдержала Татьяна.

– А я и не знал, что на меня порчу наслали!

– что?!

– А то! Не знал он, что должен помереть, вот и не помер. И чхать ему было на порчу, колдовство и прочую ерунду. Мне – тоже. Пусть Симеон хоть упростируется, я-то – не католичка. Но к Ибрагиму надо сходить, руку перевязать. Вреда не будет.

И Софья с самым невинным видом принялась заправлять в косу выбившиеся пряди.

Алексей подумал пару минут. Переглянулся с тетусками. И – захохотал так, что потолок вздрогнул.

– Ну, Соня! Слов нет!

Отражение сестрицы весело подмигнуло ему из зеркала.

* * *

– Ванечка!

Феодосия Морозова была взволнованна, да еще как! Иван подскочил на месте, только ложка звякнула – он как раз обедал.

– Случилось что, матушка?!

– Да! Сегодня царь наш на казни был...

– Ну да. Хованский, Полоцкий...

Сам Иван не поехал. Он буквально час назад вернулся из Дьяково и собирался через пару часов во дворец. Казнь – казнью, а про поляков забывать не след.

– Полоцкий едва царя не проклял!

– ЧТО?!

Ивана аж подбросило. Нет, вот ведь тварь!

– КАК?!

– Его когда на помост возвели, он начал проклинать, такое говорил, ужасы пророчил, кричал, что Русь погибнет в огне и водах. Ежели за Романовыми пойдет...

– И?!

– Твоя Соня на помост взлетела, да на себя проклятье и приняла.

– Она жива? Цела?

– Говорят, что она себе вену вскрыла и кровь пила. И что ее клятву небеса приняли...

Иван молча отбросил в сторону ложку:

– Мне надо во дворец.

– Я уже приказала коня оседлать.

– Спасибо, мам...

Иван вылетел из столовой. Феодосия только головой ему вслед покачала. Да уж, любит ее мальчик царевну, это видно. И... пусть она себе такой невестки и не хотела бы, но верность и сообразительность Софьи, ее преданность вызывали уважение.

Она ведь ради брата на такое пошла.

А ради любимого мужа и детей?

* * *

Иван влетел в Кремль, едва не снеся по дороге ворота.

Ну, Соня!!!

О ее любви к брату он отлично знал, но чтобы ТАК?! Кем она себя возомнила?!

Убью!!!

В покои его пропустили беспрекословно. Еще бы! Свой, почти родной, почти Романов. Даже Софьины девушки не подумали заступить ему дорогу.

Иван влетел в светелку, как серфингист, – на гребне волны праведного гнева.

– Соня!!!

– Ванечка?! Что слу...

Договорить Софья не успела. Ее вздернули со стула, встряхнули и заорали едва не в ухо.

– Безмозглая девчонка!!! Ты хоть понимаешь, что творишь?! Я чуть со страху не сдох!!!

– Да что случилось?!

– Что?! А кто сегодня перед всем народом вены на себе резал?!

Софья покосилась на забинтованную ладонь.

– А... э...

Иван крепко стиснул ее, прижал к себе:

– Сонечка... любимая моя... родная, я так за тебя испугался...

И что оставалось делать царевне? Только поднять забинтованную руку и коснуться лица мужчины.

– Ванечка... все хорошо.

А в следующий миг ее еще крепче сжали в объятиях – и поцеловали. После чего единственной связной мыслью у Софьи осталось – и где научился?!

В себя они пришли не скоро, минут через пятнадцать. Соня обнаружила себя на руках у Ивана, а самого Ивана сидящим на лавке около окна.

– Сонюшка, родная моя... любимая...

И что было отвечать?

Соня прислушалась к себе. Любит ли она Ивана?

Да, определенно.

Любит ли Иван ее? Тоже – да.

И что им теперь делать?

– Ты за меня замуж пойдешь? Алексей разрешит, я знаю...

Софья тряхнула головой:

– Ванечка, ты не торопишься ли?

– Нет, Сонюшка. Я еще медлю слишком...

– Ванечка, – Соня смотрела серьезно, – а ты понимаешь, что боярыней Морозовой я никогда не буду? Я всегда сначала останусь Софьей Романовой. И интересы брата и государства для меня будут на первом месте. Детей рожу, но Алешку не брошу. И его делами заниматься не перестану.

– И не надобно. Думаешь, мама рада будет, коли ее отстранить?

Софья вспомнила боярыню Феодосию. Нет, определенно не рада.

– Вот она и будет заниматься домом, внуками, делами. А я по-прежнему буду брату помогать. Так что, ежели не можешь принять этого... лучше не надобно и начинать. Потом нам с тобой больше будет.

Иван вздохнул.

– Соня, мы с Алешкой уже говорили. Я остаюсь при нем, ты – тоже... Ну и? Все равно помогать ему придется, один он этот груз не потянет. Ежели захочешь, вообще тайно обвенчаемся...

– Я подумаю, что будет лучше для нашей политики. Сам понимаешь.

Иван рассмеялся:

– Понимаю. Я буду делить тебя с государством, с братом, с кучей дел... но я ведь и не хочу, чтобы ты менялась. Если ты сядешь в тереме и начнешь вышивать, не говоря со мной ни о чем, кроме ниток и иголок, я тоже тебя не разлюблю. Но это ведь не ты будешь...

– Не я, – согласилась Софья.

– Не меняйся, прошу тебя. Никогда не меняйся.

– А что-то ты скажешь, когда дети пойдут?

– Надеюсь, что то же самое...

Софья смотрела в оконное стекло. Что-то вставало впереди? Неужели небеса сжалились над ней? Она может быть счастлива еще раз? Рядом с человеком, который будет любить ее такой, какая она есть, не мешать заниматься любимым делом, более того, работать с ней в одной команде. Сверх того, Иван уже друг Алексея, то есть конфликта не выйдет. Но братцу и вправду надобно невесту приглядывать. По здешним меркам уж года два как пора, отец в его возрасте уже женат был и детей делал...

И жена нужна либо умная, либо... есть ведь и такие женщины, которым ничего не надо, кроме своей семьи и детей. Может, и им такая нужна? Чтобы она детьми занималась а они – делами государства?

Ох, как бы тут опять ошибку не сделать. Вот занималась Ванюшей свекровь – и выросло... художественное нечто. Здесь она такой ошибки не должна совершить.

– Ох, Ванечка...

* * *

К идее замужества сестры Алексей отнесся двояко. Ему и хотелось, чтобы Соня была счастлива, – и не хотелось ее отпускать. Он привык, что всегда есть кому подставить плечо, помочь, поддержать – и отказываться не хотел. Так что...

– Надобно будет Совет организовать. Как у Ивана Четвертого был, вот, чтобы вы туда входили, Аввакум, Андриан, коли патриархом станет...

– Иван Сирко, – подсказала Софья.

– Он от Бога воин, – задумчиво согласился Алексей. – Но тогда уж и дядька Воин...

– А еще – Ромодановский. Строганов, как специалист по Уралу.

– Специалист... в свой карман. Ворует ведь, сволочь такая, – фыркнула Софья.

– А на то и Ромодановский. Пока Григорий в Азове, Федора позовем. Ты ведь ему создание ПГБ доверяешь? – Алексей наполовину подшучивал над сестрой, наполовину спрашивал серьезно.

– Предан, аки пес, – псом и будет. Умный мужчина, очень умный. А излишняя жестокость... на то и плетка у царя, чтобы псина лишний раз клыки не скалила.

– Мельин, – вспомнил Ваня.

– И верно. Как вернется – быть ему главным советником по морскому делу.

– Ньютон...

– Патрик Гордон, как специалист по иноземной слободе, – утверждающе кивнул Алексей.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
– Ибрагим – лучше его в ядах и интригах никто из нас не разберется, – подсказала Софья.

Ближний крут царя начинал формироваться. И Софья с тревогой следила за этим процессом. Самая страшная штука – медные трубы славы. Если Алешка сейчас устоит, если справится, если она правильно его воспитала... вот ведь!

Тогда они выстоят.

А если нет?

Что ж. Тогда ей прямая дорога на колокольню и головой вниз. Ежели по ее вине Русь так с колен и не поднимется...

* * *

Поль Мелье прибыл в родной Марсель холодным февральским утром. Ветер бил в лицо, заставляя прикрыть глаза, не смотреть на родной город, но адмирал не то что в плащ не закутался, так еще и шапку снял да усмехнулся. Разве ж это зимы?

Вот на Руси...

Да, именно там.

Иногда ему казалось, что с ним тролли пошутили. Но потом мужчина касался туго набитого кошелька, маленького мешочка с драгоценностями на груди, медали, жалованной грамоты...

Взгляд его падал на кольцо с крупным сапфиром, которое вручил государь, пошутив насчет фамильного перстня, мол, адмиралу – морской камень, и Поль опять верил.

Хотя уже Павел.

А, какая разница! То же имя, тот же человек...

А вот от Франции он отвык. Отвык от ароматов помойки, коими встречали его города, отвык от запахов немывтых тел и душных парфюмов, отвык не мыться в горячо натопленной бане, а просто протираться полотенцем...

Хорошо хоть молиться не отвык.

Вот и родной домик.

Поль перемахнул через забор и что есть сил забарабанил в дверь.

– Открывайте!

И сам вдруг себе удивился. Слово вырвалось... на русском языке! И нарочно не захочешь, а получится.

А впрочем, хоть на китайском говори, а его уже признали:

– Сыночек!!!

– Поль!!!

– ПАПА!!!

Родным потребовалось две минуты, чтобы высыпать на улицу, как были, кто в платье, кто в одной нижней рубашке, повиснуть на шее, обнять, зацеловать...

Вернулся!!!

Да разве это не счастье, когда твой родной человек возвращается домой?

Поль смеялся, обнимал детей, щедрой рукой раздавал подарки. На плечи матери и отца опустились меха, у жены на шее блеснуло дорогое – королеве в пору такое носить – сапфировое ожерелье, дети запрыгали вокруг, получая в свой черед

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
гостинцы с далекой Руси...

Часа два прошло, не менее, прежде чем они смогли говорить нормально. И тут Польш объявил, что им надобно собираться.

– Дом продаем и едем на Русь. Там у меня деревни жалованы, дворянство...

Мать ахнула, жена едва не упала в обморок. Дети пока были слишком малы, чтобы понять, старшая дочь убежала к подругам похвастаться вернувшимся отцом и привезенными подарками.

– Дворянство? Да кто ж...

– Русский государь, Алексей Алексеевич. Я у него адмирал Мельин – и дворянство мне теперь положено. И дом на Москве строится.

– Дом?!

– Палаты, как положено. Там и жить будете, я-то в море уйду. А в Азов я вас не возьму, покамест опасно там слишком, только закончили Крым от татарвы чистить...

Сначала Полю не поверили. Потом, когда посмотрели еще раз на подарки... да и был повод поверить. Когда с полгода тому назад приехал от него мужчина с письмом и деньгами. А в письме было прописано, что Польш Мелье сейчас на службе у русского государя.

Тогда половина улицы сбежалась, а уж сейчас-то!

Половина города, не иначе. И Польш не скупился. Сообщил всем, что отправляется в ближайший кабачок и будет там кутить до вечера. Так-то.

Деньги?

Да если б Польш захотел, он бы этот кабачок себе прикупил, как... да, вот именно – как корзинку кабачков на ярмарке! Хватит и на переезд, и на обустройство, и государь его милостями не оставит.

Что и было сообщено друзьям и знакомым.

И не только им – в кабачок набилась куча посторонних людей, но Польш даже и не подумал никого гнать. Наливай всем – и точка!

Кабатчик был доволен, знакомые тоже... правда, расспрашивали Поля много. Он и рассказал. Как плыли, попали в плен к туркам. Думал уже – с жизнью простится, но отбили его русичи. Так к ним и угодил, у них и служить стал.

А чего ж не служить, с такими-то пряниками?

Тут-то Поля и принялись расспрашивать о Руси. Про турок многие знали, всем было известно, что это за гнусные нехристи.

Можно ли там жить?

Еще как можно. А вся та глупость, кою рассказывают, – она и есть глупость.

Ходят ли там медведи по улицам?

Ну, сами не ходят. А вот со скomoroxами, это вроде как комедианты у нас – тогда да, бывает такое. Ученые звери называются. Так это и у нас собак обучают, разве нет?

Морозы такие, что на лету птица падает?

Нет, при нем не падали. Говорят, в Сибири – да, там бывает. А на Москве редко. Да и то. Люди-то живут.

Вера?

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Вот этот вопрос был самым животрепещущим для многих. Как же! Дикие варвары, язычники! Может, и не христиане вовсе, а если и христиане, то не добрые католики, а какие-то странные, чуть ли не гугеноты?!

И как к ним ехать? Вдруг заставят по-своему молиться, а это ж верная гибель душе?! Страшно...

Вот эти заявления Поль отверг сразу же. Никого русский царь молиться не заставляет. Ни насильно, ни как-то еще. Сам он православной веры, то есть тоже христианин, только немного странное это христианство. Папу они не признают и молитвы у них чудные, но его, Поля, никто не уговаривал перейти в чужую веру. Это не безбожные язычники турки, которые могут принять выкрестов, нет. Царевич при нем сказал, что предавший веру – предаст любого.

Тут закивали все собравшиеся, а Поль продолжил говорить, что есть на Москве Иноземная слобода и есть там протестантская церквушка. А ежели что – царевич и католический храм разрешит поставить. Коли найдется священник, который пожелает туда поехать.

Условие только одно будет – не чинить раздора промеж подданных его величества и не сеять смуту.

Приехал молиться – молись, а в политику не лезь.

Преследования иноверцев? Выкапывание из могил и выбрасывание на свалку или там сжигание трупов иноверцев – гугенотов ли, католиков – на кострах, всевозможные унижения и притеснения? Налоги за иную веру? Нантский эдикт? Есть ли его аналоги на Руси?

Что вы!

Торгуйте, верьте – дело ваше. Специально притеснять вас никто не будет. Ну а сволочей... этих-то при любой вере бить будут. Не исключено, что и ногами. Как говорит его высочество – сволочь ни веры, ни национальности не имеет.

Иноземцев били?

Били! И правильно! На Руси нельзя ни травы никотианы, ни крепкого вина. Не пьют там такое. А те, коих били, все это русичам продавали. Считаю, людей с пути истинного сворачивали. За то царь и осерчал. Бывает.

Разговаривал с его высочеством?

Да, лично! Между прочим, это не наши аристократы, перед коими выплясывать надобно! Алексей Алексеевич и сам на мачту слазить не ленится, и морем живо интересуется, да и вообще парнишка хороший. Коли не знает, так и приказывать не будет, спервоначалу совета спросит.

Не бывает таких?

Так и сам бы не поверил, коли б не видел! Так видел же!

Полю тоже не поверили бы. Но...

Все знали, что его семье привезли деньги от отца, да и все остальное выглядело более чем убедительно. Не роскошная, но добротная и хорошая одежда, дорогое кольцо с сапфиром, украшающее руку мужчины, грамоты от русского царевича, куча денег, которыми Поль сорил совершенно свободно...

Кто-то слушал. А кто-то и прислушивался. И спустя два дня к Полю пожаловали гости. Глава общины гугенотов Пьер Боннэ вместе с пастором Жаном Лелюком.

Поль хоть и был добрым католиком, но гостей принял радушно. Католичество-то католичеством, но гугенотов в Марселе тоже хватало. Ты его сегодня облаешь, а он завтра тебе тоже гадость сделает. Вера – это дело священников, а Полю, который в море проводил много времени, с соседями надо было жить дружно. Он и жил.

Так что гости были проведены в дом, посажены за стол, и жена Поля выставила на

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
стол бутылку хорошего вина. Некоторое время разговор не завязывался, но потом, после обмена мнениями о погоде, зимних штормах, улове рыбы и подлых турках, гости таки перешли к важной для них теме.

– Ты и верно уезжаешь? – принялся прощупывать почву Пьер.

– Уезжаю, дом вот уже продал почти, осталось мебель продать. Я бы оставил, все равно там все новое будет, но женщины.. – Поль пожал широкими плечами. Чего ему стоило уговорить мать переехать на Русь?! Но не оставлять же старуху одну? Конечно, государь его деньгами не обидит, он матери помогать сможет, да все одно сердце изболится. Так что ехать – вместе.

– Ты так уверен, что тебя там примут...

– Так я ж не лгал, – Поль и не подумал горячиться. – Деревни мне жалованы, о том грамота государева есть. Жилье будет. Жалованьем государь не обидит, да и премиями.

– Премиями?!

– После боя с турецкими кораблями мне кошель с драгоценностями пожаловали. Матросов – и тех наградили, государь лично каждому награду вручал и благодарил за службу.

– Не бывает такого.

– Бывает. И потом мы еще сражались. За успешные действия царевич награждает.

– А неудачи были?

Поль кивнул, вспоминая, как в шторм потерял два корабля. Как в сражении еще потерял десяток из-за того, что не вовремя подал команду о маневре...

– Бывали.

– И – как?

– Государь отругал по-всякому, сказал, что заставит меня лично о гибели людей их родным сообщать.

– И?..

– Что? Палками меня не били, под килем не протягивали, только лучше б уж так, чем он... тошно бывает, когда понимаешь, что ребятам жить да жить, а из-за меня... Сам себя казню.

Гугеноты переглянулись.

– А креститься в свою веру он тебе не предлагал?

– Нет... Ни мне, ни детям того не предложат, разве что кто сам захочет.

– А принц только тебя приглашал... или еще кого другого?

Поль усмехнулся. Ну да, о том с ним тоже говорили.

– Ежели кто еще поехать захочет, препятствий не будет. Только за свой счет. Хотя и исключения есть.

– И какие же?

– Моряки, корабелы, ученые... те, кто могут и хотят работать. Эти люди могут приехать. Им оплатят дорогу, помогут перевезти семью, но условия будут очень жесткими.

– Какими же?

– Государь сказал так. Ежели кто пожелает жить на его земле, он обязан будет

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
говорить на его языке, не ставить себя выше других подданных и не вызывать беспорядки. А еще – выучить не менее десятка учеников из русских. Сие будет и в договоре прописано. Жилье, жалованье – все будет. Но и эти условия – тоже.

– А что за договор?

– Так вот...

Поль полез в свой сундучок и вытащил оттуда пергамент.

– Государь мне специально таковой дал. Мало ли что. Мало ли кто.

Мужчины переглянулись. Ни для кого не было секретом, что чем дальше, тем хуже приходилось во Франции гугенотам. И все чаще они думали об отъезде. Но куда?

На острова к пиратам? В колонии к дикарям? Как-то вот жить хотелось, да и там тоже гугенотов прижимали, не так, так этак. В Англию?

Вот уж благодарствуйте, сами туда отправляйтесь.

А куда еще?

И быстро выяснялось, что ехать-то особо и некуда. Вдали от моря моряк и рыбак не выживет. А выходы к морю есть далеко не у всех стран, вот и выходит – где можно верить, там нельзя жить.

А тут обнаруживалась страна, в которую можно было уехать.

Море?

Есть. И защита есть. Ну, конечно, турки, не без того, но это – зло неизбежное на любом море. Специально притеснять не будут, так, может, и поговорить о том можно? Понятное дело, что абы кого не зовут, ну так кому неумехи нужны?

Слух пополз.

И на Русь Поль Мелье отбывал не только с семьей. С ним ехали еще два десятка мастеров, нанятых им на свой страх и риск. Он лично, из своих средств, оставил деньги их семьям, оплатил им проезд...

И надеялся, что правильно понял своего государя. Если умному, серьезному, талантливому человеку надо куда-то уезжать, так почему не в ту страну, где он принесет пользу?!

* * *

– Ваше величество, позвольте представить. Моя невеста, Елена.

Михаил с сомнением поглядел на пана Собесского. Благо разговор происходил не в присутствии всех придворных. Нет, тайная аудиенция.

– Рад видеть при дворе такую очаровательную даму. Милая Елена...

– Ваше величество...

Девушка, присевшая в реверансе, была просто очаровательна. Одни большие голубые глаза чего стоили. Наивные, как у котенка. И вся она производила впечатление такой нежной красотки, которую хочется укрыть, защитить... Понятно, что Собесскому понравилось!

– Пани, вы русская...

– Да, ваше величество.

По-польски Елена говорила очень правильно. Чисто, четко выговаривая окончания слов – это и выдавало в ней пока иностранку. Через пару-тройку месяцев никто и не скажет.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– Моя жена тоже русская. Полагаю, вы найдете общие темы...

Мария послала мужу улыбку – и кивнула Элене на маленький балкончик.

– Дорогой, мы чуть подышим свежим воздухом?

– Да, милая.

В последнее время королеву опять начинало подташнивать – и Марфа подозревала, что второго ребенка долго ждать не придется. Но потом точно надо на пару лет сделать перерыв, ни к чему каждый год рожать. Хватит ей маминой судьбы.

Стоило женщинам оказаться на балкончике, как Елена неувовимо изменилась:

– Здрава будь, государыня царевна.

– И тебе здоровья...

– Сестрица твоя, Сонюшка, велела кланяться земно, спрашивала, не требуется ли тебе чего, просила передать, что всегда с тобой родные берега пребудут.

Марфа выдохнула. И широко, весело улыбнулась:

– Так ты одна из Софьиных воспитанниц?

– Да, государыня.

– И как же...

– Мария Собесская, – глаза Елены блеснули огоньками, – так уж получилось, прижила внебрачного ребенка от Васьки Голицына. Так она утверждает. А кто уж там на деле был... конюх али вообще псарь – никому не ведомо.

– И ян...

– Не желает видеть ни ее, ни ребенка. Мария будет в монастырь пострижена, а дите на воспитание отдано в хорошую семью.

– Не кричала Мария, что ее насильничали?

– В Дьяково-то?! Ян попытался было расспросить, но государыня так и отрезала. Мол, они за здоровьем женщины следить должны были, а не за ее нравственностью. Все, что происходило, – по доброму согласию было.

– Не рвался он никого убить?

– А кого? Разве что Марию... Царевна ему так и ответствовала, что коли сучка не захочет, так и кобель не вскочит.

– И ты...

– Когда он меня попросил с ним отпустить, царевна согласие дала. Но сказала, что это на год. Коли мы за это время не решим судьбы связать, так она меня домой потребует. Нечего блуд плодить.

Мария про себя подумала, что идея-то великолепная. Игрушку тебе вроде как и дали, но – попробовать. А так – не твоя она, есть ей куда уйти. Такое на мужчин действует.

– И ты...

Глаза Елены были серьезными.

– Царевна другую для него хотела, но потом меня по результатам обучения взяли.

– Обучения?

– Языки, манеры, верховая езда... да много всего. Я в своей группе лучшая, вот

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
царевна и решила, что плохих ей на такой должности не надобно.

– Ты не пожалеешь потом?

Марфа смотрела в шоке. Да, она и сама понимала, что мужа надо к себе привязать, но чтобы вот так, расчетливо и спокойно...

Но ответ Елены был прост и правдив:

– Ян очень добрый, умный, только счастья у него раньше в жизни не было. Я ни о чем не жалею, тем более что царевна, случись что, мужа мне найдет. И хорошего.

– И не жаль будет?

– Яна? Очень. Но коли прикажут – уйду. Верю, что царевна ему зла не пожелает.

– Кажется, он больше получил, чем рассчитывал. Но ты ж понимаешь...

– Коли женится он на мне, дорога к трону ему навек закрыта будет. Понимаю. Да только ему то и не надобно. Ему войска в походы водить – и чтобы дома кто-то любящий ждал. Коли получится у меня – добро. Нет? Царевна еще кого искать будет.

– Но вроде бы... невеста?

– Ежели король не отговорит.

– Не отговорит. – Марфа смотрела серьезно. – Не позволю.

* * *

Алексей Алексеевич поднял голову от свитка:

– Ну что ж, боярин. Рад видеть тебя.

Одоевский смотрел нагло-испуганно:

– Рад служить тебе, государь. Как отцу твоему служил, верно и честно.

Аудиенция была предоставлена приватно. Вроде бы как и неплохо, опосля ссылки-то, но мало ли? Сонька-то у трона так и вьется, кто ее знает, чего она хвостом накрутит? С царевной вот у Никиты Одоевского не сложилось, до сих пор ему те слова на совете аукались...

– Служить-то рад... а что ж с сестрой моей спорить решил?

– Государь! – Никита Иванович выглядел ну вовсе даже невинным младенцем. Не было б бороды, так и не отличить... – Я ж... и предки мои...

– Вот ради них только, – обрезал его Алексей. – Боярин, я решил, что такой ум и опыт пропадать в дальних поместьях не должны, верно?

Боярин молча поклонился. Тут уж не поспоришь.

– А потому пошлю я тебя с важной миссией. Поедешь послом в Англию.

– Государь?!

– Да. Там у короля Якова две дочери есть, Мария да Анна. Вот и хочется мне, чтобы ты пожил в Англии, дом там прикупил, посольство завел, ко двору стал вхож, да и поглядел на девушек. Что там за красавицы, чего они стоят, свататься нам к Якову али нет? Такое дело абы кому не доверишь, а ты муж верный и честный, худого не сделаешь...

Никита Иванович аж расцвел розой!

Да уж! Это не опала, это!.. Такое доверие! Как бы не невесту государю приглядеть!

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

А выгода-то какая...

– Государь! Все сполню! Жизнь положу, а только приказ твой выполню!

– Это хорошо, боярин. Вот и задача тебе. В Посольский приказ пойдешь, там уж всем о твоём назначении известно. Подберут тебе людей...

– Э...

– Знаю я, что сказать ты хочешь, у тебя и своя дворня есть, верно? Говори смело, боярин, я за дело не наказываю.

– И то верно, государь.

– Вот смотри, Никита, дворню тебе с собой взять потребно, спору нет. Но кто из них с англами говорить сможет? Ведь язык-то у них не родной? Хотя одно б слово из десятка поняли? А еще многое есть, кроме твоей миссии. Вот потому я и посылаю с тобой десятка два доверенных людей.

Никита Иванович чуть приуныл. Так это что ж – его ширмой сделать хотят?

Государь словно бы мысли прочел, головой покачал:

– Не о том ты думаешь. Я вот хотел бы, чтобы ты с собой кого из родных взял. Дочки, внучки, кто там? Женщине оно ж всегда легче с другой женщиной сойтись, посмотреть, чем та дышит, чего ждать от них. Сам пойми, боярин, у них, например, хорошим считается, коли у женщины любовники после свадьбы есть, а у нас как такое непотребство допустить? У них по дамам чуть ли не вши бегают, а нам к чему вшивая царица потребна?

Одоевский закивал, вновь преисполняясь важности. И то верно, кто ж, окромя него, справиться может?

– А коли не подойдет никто, государь?

– Я тебя и за то ругать не буду. Тухлая рыбка нам без надобности, сам понимаешь. Так-то я тебя отправлю дружеские отношения наводить, торговлю налаживать, может, людишек наших туда поучиться отправить, или их ученых к нам пригласить, а втайне...

Одоевский закивал. Вот теперь он все понял. Да, ему доверяют. Но и своих людей государь с ним пошлет и для проверки, и для своих целей...

– Государь, а когда выезжать надобно?

– Чем скорее, тем лучше. Думаю, месяца довольно будет на сборы?

– Да, государь!

– И приказываю тебе, боярин, лишний раз о своей миссии не распространяться. Сам понимаешь, шпионов много, а на каждый роток не накинешь платок...

Одоевский поспешно заверил царя, что молчать будет, как рыба окунь! Упорно! Пусть хоть пытаются каленым железом! И внучку с собой возьмет, а то и не одну, и сына, и люди государевы при нем в целостности и сохранности будут...

Он был доволен и счастлив. Его послали в Англию! Доверили важное дело! Да какое...

– А еще зайди к царевне Софье.

Вот это Никите Ивановичу понравилось куда как меньше. И, видя его замешательство, государь усмехнулся:

– Коли ты с собой внучек брать восхотел, так она к ним пару служанок приставит. Умных да опытных. Не обижайся, боярин, да только наши мамки-няньки лишь в своих теремах опытные. А девушке, сам понимаешь, честь беречь надобно. А ее служанки вельми хорошо в обычаях той страны разбираются...

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Одоевский кивнул. Радости, конечно, у него поубавилось, но...

Потерпит!

Ради такого дела да таких перспектив? Еще как стерпит! И Софьиных девиц, и государевых людей... дело-то житейское.

– Благодарствуем, государь.

Алексей отпустил боярина и усмехнулся ему вслед.

А то ж! Доволен? Счастлив? И ладненько!

Конечно, крутить он в свою пользу будет, и приворовывать чуток, и принцесс приукрашивать, чтобы в доверие к государю войти, но на то с ним верных людей и посылают.

Найдется, кому его проверить.

И уж вовсе не стоило знать боярину, что в течение месяца подобный разговор – разве что со сменой стран и государей, состоялся еще с восемью боярами. И все были весьма польщены таким доверием...

Вот и ладненько.

Пусть на благо государства поработают, а то лишь знают – в Думе посохами по полу лупить да бородами мести!

Без них проблем хватает. Ох и хлопотное дело сие – управление государством!

* * *

Михайло, кстати, и не думал отговаривать Яна от женитьбы. Наоборот, видел на своем примере, что зла тут быть не должно. Ну, русская. Ему ли жаловаться? Он с Марией такое счастье обрел, на кое и не надеялся.

Незнатного рода?

Тут уж как поглядеть. Все мы от Адама и Евы, рода древнее еще и не придумано. И зная шурина – девочка хотя бы дворянка. Пусть и из захудалых.

Расспросил про крымчаков, поблагодарил за службу... Ян первый заговорил о личном:

– Государь, жениться хочу.

– На Элене?

– Да.

– Мария...

– Уже в монастыре. Как ребенок родится, так через три месяца ее и постригут. – Михайло пожал плечами... – Не буду говорить, что мне ее жаль. Марию я бы никогда не простил, терпел бы ради тебя – и только. Но если уж ты эти пути сбросил... Почему-то мне кажется, что Елена тебя не предаст. Русские женщины – добрые, умные и верные. Я по своей жене сужу...

Улыбка у Яна была грустной:

– Неужто я так много желал, государь? Жену, любовь, дом, детей...

– Марии хотелось большего. Не думай о том, лучше порадуйся, что не оказался на всю жизнь связан с лживой и коварной женщиной.

– Пока мне еще больно.

– Тогда не торопись с Эленой. У вас вся жизнь впереди.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– Мы пока и не торопимся. Но она моя невеста. И я хочу, чтобы к ней относились соответствующе.

– Я поговорю с женой. Она займется придворными.

– Благодарю.

Мужчины неплохо понимали друг друга. Им обоим не хотелось власти, но Михайле она свалилась на плечи. А Ян... да он был счастлив своим местом гетмана! Его дело – воевать за свою родину, и воевать отлично! Заниматься любимым делом. А дома его будут ждать жена и дети.

Мало?

Поверьте, это очень много.

* * *

– Отче, – Алексей смотрел холодно и твердо. Голубые глаза как льдом выморозило.
– Не должно быть в Православной церкви людей, кои грамоте не разумеют!

Питирим смотрел грустно. Ну, бывает. Не все в грамоте крепки, кто и молитвы на память заучивал.

– Главное, что в вере они тверды, государь.

Отговорка была хорошей, только вот почему-то государя не устроила:

– А в грамоте? Прочитать иные писульки не можем! И это те, кто свет нести должен.

– Свет веры, государь.

– Отче, как можно говорить о Священном Писании, когда писать не умеешь? Так дело не пойдет. Деньги найдете на хорошее дело. Я знаю, сколько и чего принадлежит Церкви. Чтобы через десять дней у меня на столе лежал подробный отчет. Сколько у нас безграмотных попов, которые таких же безграмотных людей воспитывают? Что вы намерены сделать, чтобы им помочь? Либо вызывайте в монастыри и обучайте, чтобы они хоть Псалтырь могли прочесть, либо кого-то в помощь направляйте на время, дело ваше. Но спустя два года я хочу, чтобы при каждом храме были люди, способные обучить крестьянских детей хотя бы основам счета и грамоты.

– Тяжко сие будет, государь.

Питирим не то чтобы сопротивлялся – он просто не понимал. И в этом непонимании был опасен. К чему крестьянам грамота?

Да ни к чему, им пахать и сеять надобно.

К чему всех попов обучать? Рано или поздно то само произойдет. А пока... Молиться – молятся, верить – веруют, ну и что еще надобно?

Алексей вздохнул. Провел рукой по лбу, убирая непослушную золотистую прядь. И тихо заговорил:

– Пойми, отче, я ведь не просто так гневаюсь. Из-за безграмотности да глупости многие беды проистечь могут. Скажут человеку, что написано красное, он и поверит. А там вовсе даже синее. Ты знаешь, что началось, когда Никон церковные книги править стал, сам видишь. Трещина ширится, остановить ее сложно, сумеем ли – не знаю. А отчего?

– Потому что некоторые по недомыслию своему...

– Во-от. А отчего сие недомыслие? Да от безграмотности. Кого книги править приглашали? Да иноземщину! Своих мудрых людей не нашли? Али языка не знали? Вам веру православную во все концы мира нести, а вы? Да у турок последний мулла – и тот грамотен. Стыдно, отче...

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Питирим только головой покачал:

– Стар я уже для твоих нововведений, государь. Стар, немощен... На покой мне пора.

Алексей пожал плечами:

– Удерживать не буду. Но года два еще постараюсь продержаться. А там и Андриан сможет в силу войти, вожжи из рук твоих принять. Сам понимаешь, царь с Храмом воедино стоять должны.

– Э, нет, государь. – Питирим понимал, что может поплатиться за этот разговор, но и удержаться не мог. – Ты не воедино с Храмом стоять хочешь, ты желаешь, чтобы Храм то говорил, что тебе угодно. А это вовсе даже другое. Так ты и вовсе Церковь подомнешь, а ведь это неправильно. Мы для того и созданы, чтобы...

– ...между людьми и Богом быть? Отче, я сейчас, может, резко выскажусь, только и ты меня пойми. Да, ваше место между людьми и Богом. И я за то, чтобы Православная церковь века стояла, чтобы воссияла, чтобы никому и в голову не пришло, что Бога, может, и нет, или иной он какой-то...

– Богохульство...

Питирим едва шевелил белыми губами. Алеша покачал головой: – Есть ведь нехристи, есть. Сам знаешь. А чего иезуиты стоят? Тот же Симеон? Мало тебе?

Мало не было.

– А ведь священник Старцем прозывался... И? Неужто не позорит он это слово?

Крыть было нечем. Еще как позорит.

– А вы должны так себя поставить, чтобы никому, ни католику, ни гугеноту, даже последнему богохульнику, в голову не пришло такое подумать. Чтобы каждый человек был уверен, что слово православного священника – оно дороже алмаза. Только вот дело это не одного дня. И даже не десяти лет. Внуки наши до того доживут ли?

Питирим слушал, а глаза оставались сомневающимися.

– Понимаю, ты пока не веришь мне – и верно то. Власть и не таких, как я, ломала. Сумею ли удержаться?

– Сумеешь ли, нет ли, выше тебя, государь, все равно никого нет на Руси.

– Бог есть. И совесть. Сумею ли пред ними ответить, когда рядом с отцом лягу?

И на миг проглянуло такое...

Не государь сидел перед Питиримом, нет. Не полномостный правитель земли Русской. Просто юноша, на которого свалилось небо – и сейчас он пытался его удержать. И найти хоть где-то помощь, потому что никому, никому не дано выдержать под тяжестью свода – в одиночку. Объяснить, заставить понять, просто сделать...

Отзовитесь же! Вы же умные, мудрые, взрослые... неужели не ясно, что это – необходимо?!

Как крик в темноте!

Кричи не кричи...

Питирим поклонился еще раз, пряча под приспущенными веками свое понимание.

– Стар я уже, государь. Слаб. Но прав ты, надобно нам грамотными быть. Авось и смогу чем помочь. Десять дней, говоришь?

Алексей кивнул. И молча пронаблюдал за уходящим патриархом. Да уж.

Объясните хоть кто-нибудь, где отец умудрялся находить время на посты и молитвы?

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Тут выспаться бы! Так и на то времени иногда нет. Если б не сестра, не Иван, не...
Был бы один – вовсе упал бы.

Алексею и в голову не приходило, что отец был другим государем. Хорошим человеком, но достаточно слабым и управляемым. И правил не он, а фактически за него. Потому и бардак был.

А Алексей сейчас пытался делать свои первые шаги.

Он понимал, что будут проблемы, что его возненавидят, но...

– Ушел патриарх?

Софья скользнула в комнату, отбросила назад темную косу. Алексей окинул сестренку взглядом. Черное простое платье, тонкий венец на темных волосах, да и платье... вроде как и русский фасон, а и что-то европейское в нем есть. И юбка длинная, и рукава, а все ж так сделано в некоторых местах...

– Нововведения?

– Я и твоим гардеробом озаботилась. Ты у нас должен быть государем-солнышком, сам понимаешь.

– А ты, значит...

– Проклятая царевна. Так тому и быть.

– Никогда не смогу к твоим шуточкам привыкнуть. Это не игрушки, с проклятиями.

– Алешка, было бы из-за чего переживать. Симеон проклинал тех, кто к власти придет. А моим детям власть не нужна. И мне-то она ни к чему, сам знаешь. Так что если никто из моих потомков править не будет, то и проблем не возникнет.

– А ты уже и потомками озаботилась?

– Почему бы нет? Ваня мне предложение сделал – и я его приму, коли ты против не будешь.

– Станешь боярыней, из дворца уедешь...

В голосе Алексея невольно проскользнула тоска. Софья ехидно фыркнула, понимая, о чем думает сейчас братик. Одиночество...

– Вот еще. Я с тобой о том поговорить и хотела.

– О чем? Тетка Анна к своему мужу переезжает, тетка Татьяна своего орла казачьего ждет, Катенька с персиянками не расстается, коих Аббас прислал... Улетаете?

– Улетают. Они. Так что... приютишь нас с Иваном?

– То есть?

– Чтобы нам рядом быть. Не против? Никуда я не уеду, Иван ко мне переедет, в Кремль. Конечно, и у Морозовых у нас покои будут, но мы там редко бывать станем.

– А Феодосия?

– Не думаю, что она против будет. Внуков вон ей отдадим, пусть возится. Она дураков не воспитает, да и Матвей не даст.

Алексей встал из-за стола и крепко обнял сестру.

– Ох, Сонюшка. Как же я рад, что ты у меня есть.

– И буду. Выйду я там замуж, не выйду, все одно я тебя никогда не оставлю. Ты понял?

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Софья смотрела брату прямо в глаза, впивалась зрачками в зрачки, стремясь передать то, что знала с момента появления в этом мире. Ее место – именно здесь, рядом с ним. Он никогда не будет одинок.

Она его не оставит.

И в какой-то миг напряжение спало, словно лопнула гигантская струна. Алексей поверил. Муж там, жена, дети... да, это будет. Но кровная связь...

Они родные по крови.

Ближе и дороже у них никого не будет. Семьи будут, дети будут, они будут любить своих домочадцев... но иногда они будут вот так, просто стоять рядом и ощущать связь, которая прочнее любого каната. Она не истончится от времени, не оборвется по глупости или недомыслию. Кровь – не водица, и ничем ее не разбавить.

– Сонюшка... справимся ли?

И тонкая ладонь ложится на плечо, поддерживая и защищая, как в детстве. Он не один.

– Должны, Алешенька.

Брат и сестра стоят у окна. Над Москвой златоглавой восходит красноватое по зимнему времени солнышко, посверкивает снег, поднимаются дымки над крышами...

Родина...

Какие слова ни подбери, все одно мало будет. Сердце, душа, вера, сила – все в этом слове.

Русь-матушка. Родная, вечно любимая... все для тебя отдать и быть благодарным за эту жертву. А как иначе?

Иначе – ты не царь. Иначе и быть не должно.

Март, 1674 год

– Никогда не думал, что такое увижу.

Иван Сирко стоял в первых рядах и наблюдал, как венчаются донской казак Степан Разин и царевна Татьяна Михайловна.

– Чудеса в решете? – Царевна Софья, стоявшая рядом, усмехнулась. Казак покосился на нее. Он-то хотел забиться в угол собора и не высовываться, но куда там! Приехать не успели, как чудеса начались!

Государь принял их сам. На крыльцо вышел ради такого случая, обнял Ивана, Степана, Фрола, повесил им на шею по драгоценной звезде на голубой ленте и при всех объявил, что назначает Степана Разина воеводой в Крым. А Фрол и Иван будут его ближниками и во всем помощниками. Нет, он понимает, что Иван – гетман Украинский, но ведь одно другому не мешает? Сейчас Украине и воевать-то не с кем! Ляхи не полезут, а татары... вот и займись! Ты, как гетман, обязан с ними бороться. Крыть было нечем.

Не положено так-то?

Надобно туда боярина подостойнее?

А где те бояре были, когда царевич на татар ходил? В Москве сидели да под столы прятались, когда Хованский чуть народ не взбунтовал? Вот и сидите себе, сидите.

По трудам и награда будет.

Опосля назначат воеводу в каждый город – Керчь, Бахчисарай, Кафу и прочие, но это уже по весне, чтобы сразу к новым местам и отбыли. И выбирать будут не по древности рода, а вовсе даже по знаниям. Толку-то там от спесивца, коли он турецкий язык не знает? В шубе ходить да шапку носить? Так сварисься. Жарко там...

Боярам, мягко говоря, это не нравилось, но пока молчали.

Трупы на кольях, которые еще не убрали с Болота – Алексей – точнее, Софья – приказал оставить их до весны, пока не завоняют, – были весьма убедительны.

– Не думал я, что такое возможно.

– Пока вы герои, надо этим пользоваться.

И казак, и царевна разговаривали почти одними губами. Иначе в соборе было и нельзя, не нарушать же торжественность момента. А венчаемые были чудо как хороши. Тетке сейчас никто бы больше двадцати пяти не дал, Степан казался чуть ли не Георгием Победоносцем в белом, шитом золотом кафтане. И оба сияли, что твои солнышки. Так что даже Питирим хоть и против был, но уже и не хмурился. А сколько визга поначалу было?

Ладно еще Ордин-Нащокин, этот – свой. Боярин, русский, привычный. Тут понятно.

Но – казак?!

фактически крестьянин беглый, чуть ли не каторжник без роду и племени?!

Ну, то есть так выглядело для боярской клики. Но тут уж ход конем сделал Алексей. Заявил на очередном заседании Боярской думы, что ежели все они его слуги, то как смеют ставить себя выше или ниже других слуг? О том ему судить надобно. Кто-то из них пошел Крым воевать? Нет?

Тогда пункт первый – сидеть, и второй – не твякать. А если кому хочется, вот Федор Юрьевич Ромодановский. Ему о своих проблемах и рассказывайте. Бегом! И еще бегомее!

В конце концов, казаки – это военная сила, и сейчас эта сила стоит на рубежах с Турцией. А бояре сейчас что полезного делают? А?!

Но и то едва не вспыхнул бунт. Были, были предпосылки, но тут уж расстаралась Софья. Во-первых, по столице пошла информационная война. Девушки, хоть и не знали такого слова, отлично разносили кучку сплетен, а народ щедро добавлял от себя.

Бояр скопом подозревали чуть ли не в измене родине и убийстве прежнего государя. И сокрушались, что Алексей Алексеевич слишком еще молод. Вот и крутят свои делишки всякие там...

Поскольку бояр действительно не слишком любили за спесь и наглость, сплетни прижились. А еще...

Не доверяя только сплетням, Софья чистила стрелецкие полки все время до возвращения Алексея. И Москва была окружена преданными ей войсками. К тому же народ поддерживал царевича. Раньше войны дорого обходились Руси. Зато сейчас – и выиграли, и прибыль получили, и людей вернули на родину из татарского плена... так что сильно народу бунтовать и не хотелось.

Да и любовь...

Это Софья, с ее позиции женщины XXI века, относилась к любви своеобразно. Даже цинично в чем-то... да, может, любовь и есть, только кому она мешала подставлять, предавать и обижать? А все остальные...

Здесь, в этой Руси, точно знали, что Бог есть, что любовь – это важно, что после смерти все добрые люди попадут в рай... смейся не смейся, но ведь знали же!

А кроме того...

Беженцы – это проблема любой страны, что есть, то есть. Их надо размещать, кормить, найти им работу – и желательно не за счет коренного населения.

Софья справилась с этим за счет постройки канала – и кстати, она не считала это

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru таким уж страшным проектом. Во Франции же копали Лангедокский канал – и ничего. И даже были шансы его успешно закончить!

Кстати, Софья уже поговорила с Патриком Гордоном про Англию и Шотландию. Почему бы и не сманить на Русь несколько десятков, а то и сотен инженеров, архитекторов, ученых?

Куда?

Пока в Дьяково, а там уже найдется куда.

Нидерланды обеспечивали ее таким количеством строителей, что хватало и на канал, и на дороги, и на школы. Да и не только строителей. Много кто бежал оттуда, понимая, что война – неудачное время для умного человека.

Из Италии выписаны были несколько мастеров по стеклу.

Теперь еще островом заняться. Специалисты ценны и нужны, глуп тот, кто этого не понимает. Казалось бы, что в тех ученых? Сидят себе в своих НИИ – и сидят. Ан нет! Рано или поздно, так или иначе, наука шагнет вперед. И делает она это не только благодаря озарениям гения, нет – еще и скромному труду таких вот ученых, которые будут собирать и накапливать знания. И это надобно обеспечить.

Хотя НИИ с их мерзкими и мелкими интрижками...

Должен быть один центр – и куча мелких дочерних научных комплексов, ориентированных на свой круг проблем. Но это она уж не повезет. Пусть кому надо, тот и возится.

А кому надо?

В кабинете у Софьи на столе уже третий день лежал проект скромного английского ученого Исаака Ньютона, который предлагал создать Университет. То есть как он назвал это – Академию. И согласиться стоило бы. Только вот бюджет... не резиновый, сволочь такая!

С другой стороны, из Крыма получили очень много – во-первых.

Во-вторых, в этом году налоги пришли все и вовремя. Ну ладно, до идеала было далеко и ползком, но по крайней мере те провинции, кои раньше разорялись татарвой, теперь и сеяли, и собирали урожай в полнейшем душевном спокойствии.

Так что дефицита бюджета не возникло, был даже определенный избыток, который требовалось вкладывать.

К тому же эта благотворительность – занятие неблагодарное. А вот каналы, мосты, дороги – наоборот! Все построенное способствует торговле и потом на Руси останется. Надобно только контролировать, сколько куда уходит – и жестко! А то сопрут все, что угодно, выстроят тот же мост вместо лиственницы из осинки – и скажут, что так и было.

А насчет Университета – почему бы и не попробовать?

А еще – отправлены были письма во Францию, Швецию, Данию, Испанию и Священную Римскую Империю. А скоро туда отправится и посольство русского царя. Сейчас набирались подарки, причем весьма своеобразные.

Меха, драгоценности, прирученные звери...

То, что покажет отличие Руси и ее самобытность. Задания послам ставились вполне определенные. Первое – королевская фамилия и ее настроение. Если есть возможность породниться или подружиться, ее нельзя упускать. Русь стара, да Романовы молоды.

Второе – сманить столько мастеров и ученых, сколько можно. Контракты были типовыми. Дорога до Руси, щедрое содержание, питание и проживание за счет казны, но взамен работать там, где укажут, и, более того, брать хотя бы по одному ученику в год. И никак иначе.

Третье...

Ну что тут скажешь? Работа у послов такая. Шпионь всегда, шпионь везде... Руси пора обзаводиться своей агентурой в других государствах.

Причем если главой посольства назначался именитый боярин, то при нем, как правило, отправлялись несколько ребят из царевичевой школы. Вот на них и ложился основной отбор кандидатов на переезд. Но каждому свое.

Пусть боярин блистает при дворе, пусть показывает мощь Руси-матушки, пусть топит окружающих в словесной патоке – это они запросто, Софья уже на своем опыте убедилась, что заболтать бояре могут хоть кого! А ребята при нем будут скромно делать свое дело. Ну, кому придет в голову обратить внимание на лакеев? Кому они вообще сдались?

А они будут работать. Спокойно, методично...

Господи, ну дай ты нам хотя бы лет пять ни с кем не воевать, а!!

– Вряд ли.

Иван Сирко смотрел желтыми глазами. Хищными, умными...

– Я вслух начала разговаривать?

– Говорят же, что я колдун...

Софья ни на минуту не поверила. Скорее она себя выдала или мимикой, или губами пошевелила.

– Степан мне о характерниках рассказывал. При чем тут колдовство?

– Не боитесь, государыня?

– А вы волком обернитесь! Тогда испугаюсь.

Нет, не боялась. Тоже мне, страхозавр нашелся! Волком он бегаёт! Да в девяностые с тебя бы шкурку спустили и голым в Африку пустили!

– Прямо в церкви?

– Можете у меня под окошком повить. Обещаю тяжелыми предметами не кидаться.

Иван усмехался. А и верно, не похожа царевна на обычных женщин. Даже жена его – и та до конца не приняла, побаивалась, а эта знай посмеивается. Не зло, не обидно, просто улыбается краешками губ, как-то очень просто и по-дружески.

– Что теперь с Крымом будет, царевна?

Софья пожала плечами.

– Ну, что. Степан с супругой в Бахчисарай поедут, там красиво. Вы на Сечи останетесь?

– Ты ведь хочешь, государыня, чтобы Сечь по руку русского царя пришла?

– А что, не придете? Так выбор невелик, либо к нам, либо к полякам.

С этим спорить было сложно. Иван поморщился:

– Думаешь, не бывать Сечи независимой?

– Для того слишком многое нужно. Вы не привыкли сеять, жать, торговать... вы привыкли воевать. И в Крыму у вас будет раздолье. А всем остальным вас будет обеспечивать Русь. Пройдет еще много времени, прежде чем Крым станет местом, где можно укрепиться и зажечь самостоятельным государством.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– Не боишься, что мы, как татарва, станем?

– Боюсь.

– А что взамен предложить хочешь? Ведь предложишь рано или поздно...

– Можем вечером про то поговорить? Государь рад будет...

– Ты мне хоть словом намекни, чтобы я обдумывать начал? Хоть краем...

Софья подумала секунду. Да что ж и не намекнуть?

– Казачество условно на две части делится. Те, у кого жены, дети, им дома ставить, семьи поднимать – этим в Крыму уютно будет. Табуны разведете, часть землицы распашете, каналы проложим, где можно будет...

– И вторая. Молодая, горячая... голозадая.

Софья кивнула:

– Именно. И я хочу предложить им по морю походить, где я скажу. Добычу обещаю богатую, разве что море похолоднее будет...

– И где ж то?

– Там, где Амур-река вливается в море. На границе с землей, носящей имя Китай. Или империя Мин.

– Далеко. Я про то слышал. Но я так понимаю, ты людей не обидишь?

– Государю трупы не нужны. А вот верные слуги без награды не останутся, сам видишь.

– Да уж сложно не видеть. Приду я вечером, государыня.

– Я слугу пошлю, мы с государем в кабинете ждать будем.

Иван Сирко поклонился. Софья спокойно смотрела ему вслед. Не то чтобы она боялась бунта в Крыму. С турками у казаков генетическая неприязнь, а значит, нужно дружить с противоположной стороной. К тому же корабли будут в ее руках, Азов будет только русским... если что – она любой бунт кровью зальет. Не хотелось бы, но – разберется.

Проблема в том, что казаки могут договориться с поляками, а самые отчаянные еще и мешать торговле. А вот это уже ни к чему. Эту возможность она и хотела исключить, перебрасывая казаков за Урал. Ну и достигнуть еще кое-каких целей, как и всегда в политике.

Степана и Татьяну тем временем выводили из церкви. Невеста светилась так, что видно сквозь фату было. Да и Степан был хорош. А уж как народ радовался! Сейчас, на их глазах, совершалась сказка – богатырь, победивший подлых татар, получал в награду прекрасную царевну и... ладно, насчет полцарства – перебьется. Хватит ему и Крыма! Пусть покамест правит, а Софья будет медленно, осторожно сшивать ниточками то, что давно бы следовало.

Чтобы Сечь, Крым, Русь – все стало единым целым, одним царством. Чтобы никакой скотине не пришла в будущем мысль то полотно рвануть!

Софья посмотрела на Ивана Сирко уже более хищно. Оценивающе, холодно... авторитет ведь, да какой! Коли поможет...

– Сколь там моей жизни осталось. – Иван смотрел в ответ грустно. – Но вижу я, что зла в тебе нет, и помогу, чем смогу. Только вот крови еще пролить много придется.

– Ничего. Проклятой царевне можно.

– Так ведь нет на тебе проклятия...

– И мне то ведомо. Но никто не мешает пользоваться народными страхами в своих целях?

– Сонечка, ты идешь?

Иван Морозов словно из воздуха соткался рядом. Царевна кивнула:

– Да... идем?

Возражений не было.

* * *

– Соня, ты уверена, что это надобно делать именно сейчас?

– Надо. И – да, я уверена. На Сечи и в Крыму казаков хватит. Да и Ромодановский там, и войска хватает. А тут – мы ж не воюем!

– Но мы помогаем!

Софья пожала плечами.

Ну и что? Грех не помочь соседу! Особенно такому, который может тебе создать проблемы!

– Тебе жалко?

– А что нам это даст?

– Мастеров по шелку, по бумаге, по боевым искусствам – в Китае много знают, грех этим не воспользоваться. К тому ж нам Сибирь заселять надобно. Вот и будем то делать, пока никто не мешает.

– А кто помешать может?

– Маньчжуры.

– Подробнее!

Софья задумчиво взяла очиненный уголек, коснулась расстеленной на столе карты. Кривой, корявой, но карты ж!

– Вот это – Амур-река. Края там богатые. Лес, зверь, золото, все и не перечислить. А вот это – Китай. И коли мы сейчас на Амуре закрепляться начнем... тебе с той стороны татарва надобна?

– Мне ее и так хватило с лихвой. Так что там у нас?

Софья вздохнула. Поглядела на брата. Лешка у нее, конечно, молодец, но слишком уж он порывист. Слишком активен... Огонь и ветер! Сейчас гвардию под себя переделывает – и весь в военных делах. А рутину кому тянуть? Не стратег он все ж таки, тактик. Но на то при нем она есть.

– Вот смотри, после войны примерно лет десять назад, ну, чуть поболее, Китай к югу от реки Янцзы разделился на три части. Большую часть себе захапали маньчжуры. Там провинции Хунань, Цзянси и Чжецзян, а также кусок Гуйчжоу и Гуанси...

– Звучит препохабно. Как ты все это выговариваешь?

Софья хотела зашипеть на брата, но по искоркам в голубых глазах поняла, что ее просто поддразнивают.

– Лешка, будь серьезнее!

– Соня, будь проще – и тебя можно будет слушать без заворота ушей!

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– Твои б надрать! – мечтательно-ехидно протянула девушка.

Алексей тут же принял строгий вид:

– Эй-эй, это покушение на царя! Между прочим, богоданного и все остальное. Что там патриарх говорил?

– Который?

– Андриан, разумеется. Питирим меня уже не интересуется.

Ну да, месяца не прошло, как сменился патриарх, а Церковь уже начала чувствовать его тяжелую лапку. А то ж!

Андриан отлично понимал, кому обязан своим избранием, и постепенно, уверенно, серьезно проводил политику, выгодную Алексею Алексеевичу. Повышал уровень грамотности, поговаривал об открытии при монастырях школ... Софья против не была.

Вот в своем времени ей дико не нравились монастырские школы, но кто учителя? Такие же чинуши от Церкви? Пфе! Им не то что ребенка, им таксу на ответственную передержку не доверишь!

Но здесь-то, где сильна вера! Истинная, искренняя, где любой человек даже не верит – верует всей душой? Может, пусть так оно и остается?

А веру надо воспитывать. Чтобы любой, кто полезет, тут же получал отпор. Извините, но в чужой храм со своими молитвами не ходят. С другой стороны, надо и веру отделять от фанатизма. И раскол постепенно сглаживать. Каторжный труд, как бы не на несколько десятков поколений. Ахнули одним махом, расхлебывай теперь! И Андриан это понимал. И действовал соответственно.

– Что царь – он своим людям отец, и все его дела от Бога.

– Это хорошо, это правильно. Так что там с Китаем?

Софья усмехнулась:

– А что с ним может быть?

– Кто там чего не поделил? И что там за провинции Ху... тьфу! Так вот и осквернишься...

– Переживешь.

– Так вот, маньчжуры сейчас активно доедают остатки империи Мин. И реально от нее остались три осколочка. Гэн Цзиньчжун в Фуцзянь, Шан Кэси в Гуандуне и У Саньгуй в Юньнани. У Саньгуй уже воюет, к нему присоединился Гэн. У него войско примерно тысяч сто пятьдесят...

– Сколько?!

– Столько, Алешенька. Столько. Но он воюет на два фронта. С маньчжурами – и с Чжэн Цзином.

– И может проиграть?

– Еще как.

– А ты что предлагаешь?

Софья усмехнулась:

– Шан Кэси стар. Его сын мог бы вступить в войну, но отец удерживает. А зря... С другой стороны, старикам свойственна осторожность, но если мы пообещаем свою поддержку и помощь... на Урале льются неплохие пушки, например, опять же взрывчатка...

– Поделимся секретом?

– Нет. Изделиями. Может быть, он и вступит в войну. И это увеличит шансы Гэна.

– А еще?

– Умничка. Посольство поедет к Чжэн Цзину. Сейчас он одинок, а мы ему пообещаем многое. Торговлю, помощь... они же пиратством живут!

– И?

– Пусть пиратствуют где надо и с нашей помощью.

Софья смотрела лукаво. Алексей не выдержал и поцеловал ее в кончик носа.

– Сестренка, я тебя обожаю. Ты просто лиса.

– Стараемся. Все для тебя, братик. Надобно еще с Ваней поговорить, чтобы все просчитал, все ж таки много денег потребуется.

– Ну, ты ведь начала с Европой торговать?

Софья довольно улыбнулась:

– Алешенька, пусть от них хоть какая польза будет. Считаем?

– Считаем!

Михайло Корибут, с легкой руки Марфы, да и Яна Собесского, создал ее товарам режим наибольшего благоприятствования. Теперь возить товары через Польшу русские купцы могли почти невозбранно. А если кто из панов пытался срубить деньгу поборами...

Попытка не пытка, правда, товарищ Собесский?

Сначала пошли караваны государственные. Но потом купцы, почесав затылки, поняли, что безопасность их обеспечат, а торговать с Европой можно – и выгодно. И принялись присоединяться. Но сливки Софья снять успела.

Причем она сделала ставку на элиту.

Собственно, в любом времени ценно было что? Что-то недоступное другим, дорогое, качественное... Что мы можем дать?

А вот то!

Красная и белая рыба. Икра. И пушнина.

Причем продавать требовалось не тупо меха, а изделия из последних, так дороже будет.

А на икру и рыбу Софья изначально вздула цены так, что даже ее совесть чуть пискнула. Ненадолго. Попищит – и перестанет.

Причем на вооружение был взят принцип «Apple». Нечего уговаривать человека, что ему нужна твоя продукция. Гораздо лучше сделать вид: – мол, ты что – дурак? Тебе такое предложили, а ты всякую гадость покупаешь?

Не, ну если дурак – твои трудности.

Дураком быть никому не хотелось. Тем более что продукты были вкусны, правильно готовились и хранились, а еще... тс-с-с!

Говорят, что красная икра очищает кровь в венах, а черная увеличивает мужскую силу!

И золото потихоньку потекло.

Торговля резко оживилась. К чему продавать перекупщикам, когда можно и самим

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
отвезти? А потом вернуться с товаром, распродать его, закупить поболее своего – и опять отвезти...

Оживилось производство.

Пока на такое решались только самые смелые, но, видя полученные прибыли...

Да и поляки не обделяли себя. Хоть и не давали им драть пошлины с проходящих по их землям, но зато предлагали – построй корчму! Приют! И бери деньгу! Тебе прибыль, казне доход... нет денег на «построить»? Казна поможет, а как с ней расплатишься, так и тебе в карман золотишко закапает!

Как правило, все соглашались.

Недовольны были паны, по землям которых не проходили торговые пути, но тех быстро успокоил Ян Собесский.

Пока не проходят? Так сами торговать начните! Между прочим, когда караваны пойдут регулярно, много всего потребуется. Хотя бы продукты!

Увы... кое-кого пришлось учить очень жестко.

А что делать?

Софья озаботилась безопасностью от разбойников у себя, Михайло у себя – и купцы вздохнули спокойнее. Тем более, что оба государя, не сговариваясь, отправляли татей на работу. У Михайлы была прорва дел на границе – там один Каменец можно было еще лет десять восстанавливать, а с дармовой разбойничьей силушкой оно куда как ловчее выходило. Хоть на зарплате сэкономить.

Правда, те, кто разводил татей; так легко не отделались. И после того, как на дубу повисло целых два пана, пусть и из незначительных, но все же, сейм поднял визг.

Ага, как же!

Визжать они могли до войны. Тогда да, за ними была сила. И Михайло еще не заматерел, и с Яном у него разногласия были. Зато сейчас? Король – победитель, люди готовы его чуть ли не на руках носить, а если в Каменце или окрестностях заикнешься, что государь плох, можно и в морду получить. Для них-то Михайло – спаситель! Под турками никому быть не хотелось!

Да и Ян Собесский!

Раньше у него жена была, которой на трон хотелось. А сейчас что? Привез себе какую-то девку с Руси, она вокруг него змеей обвилась, шипит, нашептывает... стерва! Но это и вообще лучше вслух не произносить. Четверо панов жизнью заплатились, остальные быстро змеиные языки прикусили, да и жен замолчать заставили. Поняли, что есть темы, коих лучше не трогать.

И королева подобные разговоры сильно не одобряла, а уж Михайло... Прикажет – и сиди, пан ясновельможный, годика три у себя в поместье. Запросто. Он-то на королеву надыхаться не может, даром что тоже русская. Зато детей родила!

Первого мальчишку, здоровенького да крепкого, второго тоже мальчишка... король аж светится.

Одним словом, недовольство хоть и было, но хорошо замаскированное. Так, что найти было сложно. А Михайло занимался укреплением королевской власти.

В том числе и... несчастными случаями.

Увы... Позволить себе прямо осудить некоторых панов он просто не мог. Слишком сильные кланы за ними стояли, слишком много у них было власти. Обязательно воспротивились бы.

Но вот сравить их друг с другом?

Вполне!

Например, два пана поссорились из-за прекрасной панны, подрались на дуэли и один убил второго. Ничего, казалось бы, страшного, бывает. Но вот если потом победителя находят со стрелой в спине или кинжалом в горле, да еще все указывает на месть со стороны родственников убитого, да еще сплетнями чуть подогреть... и как тут не сцепиться?

Паны дерутся, король вытирает слезинку платочком и грустно замечает, что надобно бы навести порядок. Нельзя ж так, чтобы благородная дуэль переросла в подлую месть. А потому... Кого в монастырь, кого в дальнее поместье, кого оженить или там замуж выдать! И ведь все согласны!

Защищают-то невиновных, а коли человек проштрафился, да еще так? Тут никто в благородные защитники не полезет, себе дороже получится...

Примерно то же самое происходило на Руси.

жестоко? Бесчеловечно?

Ну, это еще как посмотреть. По мнению Софьи, одна вовремя прибитая сволочь избавляла множество хороших людей от кучи неприятностей. Вот и...

Самые умные кое-что понимали, только вот кто и что мог сделать? Суть власти – сила и деньги. Первое – было. Второе – прирастало.

А дружба Руси и Польши сулила смутьянам множество проблем. Ведь коли и удастся Михайлу Корибута одолеть, так шурина его не спустит. То есть спустит, но шкуру.

В Европе, кстати, тоже было неспокойно.

После трагической гибели Вильгельма Оранского Кельн, Мюнстер, Испания и Франция с остервенением накинулись на потерявшие правителя Нидерланды, выдирая из них жирные куски. Особенно лютовала Испания, которую уже несколько раз шугали из Нидерландов.

Второго такого таланта, как Вильгельм, не нашлось. И сейчас за освободившийся трон соперничали Гогенцоллерны, Габсбурги и Бурбоны. Остальных в расчет не брали.

Впрочем, французам это не помешало оттяпать себе Брюгге и Гент, вне зависимости от исхода войны.

Яков, хоть и пытался помогать Нидерландам, но что он мог сделать? Сыновей у него не было, а посадить туда дочь? Смешно!

Генеральные штаты же... нет, свою страну любили все, но свой карман дороже сердцу. А потому речь сейчас шла о том, кто даст больше и кому продаться выгоднее. Все отлично понимали, что после смерти Вильгельма Оранского другой фигуры подобного масштаба просто не имеется. Некому взять власть, некому встать во главе... хотя Франция...

Убили-то его проклятые французы...

В представлении Генеральных штатов это означало, что Людовику придется заплатить намного больше, чем остальным кандидатам.

В представлении обычных голландцев – что оный Людовик, хоть и трижды «Король-Солнце», но светить спокойно ему не дадут. Из бунтов не вылезет.

В представлении Софьи...

Пока в Европах заварушка, им не до Руси. Так что есть время решить проблему с Китаем и как следует освоить Сечь.

Если повезет – закрепить на Амуре так, чтобы не свернули, и конкретно навтыкать маньчжурам. Чтобы не думали, что на Русь можно приходиться незваными. Опять же Япония...

Чем ругаться с ними за Курилы всю дорогу, лучше сразу натравить на них Чжэн Цзина? Пусть пиратствует всласть?

Если князья докажут свою независимость маньчжурам, а они докажут с ее помощью, то куда-то ж человеку надобно будет направить свою энергию? Пусть направит ее так, чтобы было выгодно Руси. А они помогут... почему нет?

Конечно, надобно быть очень осторожными, чтобы в итоге все против них не обернулось... но вряд ли.

Сидит себе Русь смиренно – и пусть сидит. Воюет?

А с кем?

С турками? Так они всему христианскому миру поперек шерсти.

С Китаем?

И кому какое до них дело? Это далеко и неправда! Главное, что Русь не лезет в дела остального цивилизованного мира и не мешает делить Нидерланды. Конечно, эмиссары русского царя вывозят оттуда людей, но сколько тех вывезенных? И кому они интересны во время войны?

Ах да! Еще Русь торгует!

Тут – да, можно бы встревожиться. Но ведь Русь поставляла на европейский рынок то, чего нельзя было найти. Изящные шубы и палантины из мехов, муфты и шапочки – Софья потрянула стариной и вспомнила фасоны XXI века – мигом оценили дамы. Рыбку и икорку – мужчины. А остальное... мед, воск, пеньку... вообще-то ранее это через Архангельск скупали англичане и голландцы. А сейчас все достается европейцам, львиная доля оседала во Франции и Испании – и кто будет этим недоволен? Все равно выходит дешевле, чем покупать то же самое у голландцев.

Так что пусть сидит...

Философия «гром не грянет, мужик не перекрестится» была свойственна и цивилизованной Европе.

* * *

– Какой же ты у меня красавец стал, Ванечка!

Феодосия с гордостью смотрела на сына. А как таким не гордиться? Красив, умен, царский ближник, доверенный друг, да и царевна за него не просто так согласилась выйти. Хотя последнее...

– Ванечка, ты ее сильно любишь?

– Сонечку? Мам, это не любовь. – Сын смотрел голубыми глазами, улыбался. – Любовь – это что-то другое. А я точно знаю, что коли в моей жизни ее не будет, то и жизнь-то не надобна станет.

Феодосия приложила руку к щеке. И, наверное, впервые пожалела о том дне, когда на ее пороге появились царские дети со своей теткой.

– Ох, Ванечка.

Сын, словно прочитав ее сомнения, улыбнулся:

– Мам, не надо бояться. Я в Сонечке больше, чем в себе, уверен. И в Алешке тоже.

Феодосия покивала. А ночью, поговорив с Матюшей, который так и оставался при ней, решила идти к царевне.

Софья приняла ее сразу – и минуты ждать не заставила. А Феодосия только что глаза раскрыла от удивления.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Девичья светелка?

И что там должно быть?

Ну, девушки – свита быть обязана. Мамки, няньки, казначейша, пожилые женщины обязательно. Пяльцы, прялки, рукоделие, может, священные книги, музыкальные инструменты, птицы заморские, забавы разные... ага! Как же!

Покои Софьи больше напоминали мужские комнаты. Светлые стены, легкая незнакомая мебель, зеркало на стене – и только-то.

Ни игр, ни сладостей, ни рукоделия. Девушки есть, но... странные. Вроде бы и разговоры девичьи, и хихи-хаха, а все одно от них мороз по коже пробирает. То ли двигаются они не так, то ли смотрят... но миг, поворот головы – и вот уже перед тобой очаровательная резвушка-хохотушка, в которой серьезности и на версту не отыщешь.

Сама царевна сидит за здоровущим столом, заваленным кучей бумаг. Но Феодосии она навстречу встала, чуть голову склонила, как перед старшей, улыбнулась радушно:

– Добро пожаловать, матушка боярыня.

Феодосия чуть расслабилась. Софья явно была настроена на разговор. Об этом свидетельствовали и добродушная улыбка, и приглашающий жест к маленькому столику с восточными сладостями и фруктами, и даже то, что Софья, выглянув в переднюю к девушкам, строго приказала:

– Меня не беспокоить.

И плотно прикрыла дверь.

Какое-то время разговор катился по светским рельсам, которые всегда одинаковы. Погода, озимые, урожай, турки, самочувствие... наконец, прощупав друг друга и убедившись, что диалог состоится, собеседницы перешли к главному. Начала Феодосия:

– Царевна, сын мой о другой жене и не мечтает.

– И с Алешей все уже обговорено. Он также не против.

– А ты, царевна?

Феодосия смотрела внимательно, жестко, пристально. Нет страшнее зверя, чем мать, защищающая свое дитя. Пусть пока опасность еще не возникла, но кое-что Феодосия могла предугадать.

Но Софья встретила взгляд, не дрогнув. Звон незримых шпаг поплыл по комнате.

– я? я ивана люблю. И не предаю. Этого довольно?

– Нет. Как будет выглядеть ваша жизнь?

– Жить будем здесь, в Кремле. Алеша согласен, Ванечка не против...

– То есть хозяином в своем доме он не будет.

– А сейчас он там – хозяин?

Софья попала не в бровь, а в глаз. И правда, боярыня с ней встречалась не так много, чтобы составить верное впечатление. Но женщина Феодосия властная, дай волю – мигом под себя прогнет. Молись, постись, не работай, а в тягости сиди дома. Декрет до трех лет... оно Софье надо?

– Все ему принадлежит, и все для него делается.

– А Тиша как же? И Маруся?

Боярыня мертвенно побледнела. Тишу она родила два года назад, от Матвея, Марусю

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
пять лет тому. Счастлив мужчина был до потери сознания. А дети воспитывались втихорца. Матвей их и признал, и усыновил – и кому какое дело? Пожениться они не могли, но и удержаться – тоже. Оставалось грешить – и каяться.

– Ты... знаешь?

– Знаю. Глупо таиться было. Ваня же знает...

– Он рассказал?

– Нет. Я сама узнала.

Феодосия была смертно бледна, только на щеках горели яркие пятна румянца.

– Ты...

– Боярыня, сойдемся на том, что мы обе любим Ваню. И вреда ему не причиним. Тебе хочется со мной за хозяйство воевать? Я ведь в тереме не сяду, вышивать не обучусь. А тебе каково будет туда вернуться?

Феодосия это понимала, но наглость... Она даже приподнялась на стуле... что хотела – и сама не знала. То ли броситься на наглую девчонку, то ли разрыдаться...

– Сидеть! – голос царевны был ледяным. – Ты ко мне пришла, не я к тебе. Ваня давно уж взрослый, сам решать может. Он решил, и я решила. Ты хоть и боярыня, да я – Романова. Во мне царская кровь, такая же и во внуках твоих будет.

– Внуках... – Феодосия почти выплюнула эти слова.

Именно здесь и именно сейчас она осознала, что потеряла сына. Пусть это было сделано гораздо раньше, в тот день, когда она отпустила своего светленького мальчика в Дьяково, но осозналось – в этот миг. И было больно.

– И я надеюсь, что бабушка примет в них участие.

– А она их будет видеть?

– Дети будут жить вместе с родителями. – Софья мило улыбнулась. – В Кремле. Но бабушке завсегда будут рады.

Феодосия вцепилась ногтями в ладони. Вот ведь как... тут хоть волком вой, хоть на колени бросься... но ничего ты уже не изменишь. И твой самый замечательный, любимый и любящий сын достается этой... гадине!

– Ненавижу!

Вырвалось само, сквозь стиснутые зубы, чуть ли не воем. Потому что Феодосия поняла одно – и четко. Все, все было просчитано заранее. И Матвей, и дети, и приручение Вани – все! Хотя она была о Софье слишком хорошего мнения. Девушка просто предоставила возможности. А вот воспользоваться – или нет, как и когда, все выбирала сама Феодосия. Но сейчас винила в своем выборе девушку, не понимая, что должна быть ей даже благодарна. Нет хуже, чем замкнутая семья из двух человек. Мать и сын, мать и дочь, реже отец и сын... как правило, такие дети очень несчастны. Софья помогла разорвать эту цепь, но обрывки больно хлестнули.

И страшнее всего для Феодосии оказалось то, что царевна смотрела... с пониманием?

Не жалела, не злорадствовала... Понимала.

Боярыня встала, поклонилась... Ее сил хватило, чтобы невозмутимо пройти по Кремлю и забраться в возок. И только дома она дала себе волю. С криками, слезами, битьем утвари...

Дрянь. Какая же дрянь!!!

Софья тоже не была в восхищении. Она считала Феодосию умнее, а тут такая... бабская реакция.

Ладно!

Тогда тем более надобно жить в Кремле! Ей еще войн в доме не хватало!

Иван... Ванечка. Софья вздохнула. Вот так положила руку на сердце... любит ли она так же, как он? Безумно, безудержно...

Вряд ли. У нее есть брат – и есть ее страна. Вот тут она готова и на костер взойти. А остальное... Но обманывать мужа она не станет. Будет ему верна, родит детей... и в этот раз воспитает их как следует! Хватит на граблях выплясывать!

Девушка сделала несколько кругов по кабинету, разгоняя резкими движениями досаду – и опять уселась за работу. Вот подойдем к преграде, там и прыгать будем. А пока – и переживать нечего. Все одно за ней победа будет. Ночная кукушка – она всегда убедительнее...

Май, 1674 год

Поль Мелье, а точнее, русский дворянин Павел Мельин смотрел на свой дом.

Да, не ждал он такого, никак не ждал. Каменные хоромы в два этажа, обширное подворье, несколько слуг, которые тут же выстроились и согнулись в поклонах...

– Доволен, адмирал?

Григорий Ромодановский смотрел весело. Он отлично понимал, что без флота у моря делать нечего. А стало быть, коли согласен Поль, то есть уже Павел, стать русским подданным – так и отлично! Кто только Руси не служил, всякому место нашлось!

А потому дом Павлу готовился аккурат с того времени, как он еще во Францию отъезжал. И не только ему...

С Павлом приехало еще два десятка французов, но тем такой роскоши не досталось. Не заслужили покамест. И дома им достались один на две-три семьи, сами потом отстроитесь. И со слугами, конечно, вопрос. Но тут уж по справедливости. Сначала докажи, что ты полезен, потом поговорим и о награде.

– Еще как доволен, боярин.

Поль смотрел, как его семья осваивает новый дом. Дети с радостным визгом носились по комнатам. Мать и отец не верили, что это – им, жена оглядывала все уже хозяйским взором, приглядываясь к слугам.

А он... Он был горд хорошей такой, чисто мужской гордостью, которая брала свое начало еще из древних времен! Как же! Кормилец. Добытчик! И пещеру нашел, и мамонта убил... Поль об этом так не думал, да разве в том дело? Сейчас ему было просто приятно. И Ромодановский смотрел, как светловолосый мальчишка показывает дом его семье, бойко тараторя по-французски, знакомит со слугами...

Видимо, один из царевичевых ребят.

– Ну, тогда сегодня принимай хозяйство, а завтра, благословясь, и в порт. Да и на верфи...

– Тут со мной люди приехали...

– И?

– Жан-Люк корабел отменный, почитай, у них вся семья в том. Из поколения в поколение передается, Пьер штурман не из последних, Жано боцманом ходил, пока не покалечили...

– А здесь он, калечный...

– Обучить людей может. Поверь, боярин, не последних людей взял, лишними не окажутся.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– Ну... коли так, пусть завтра тоже на верфи приходят. Сегодня их кое-как разместили, а завтра посмотрим, кого к какому делу пристроить. К тебе сегодня парнишка заглянет, расскажешь ему?

– Как прикажешь, боярин.

Ромодановский усмехнулся. Прикажешь...

Он-то на суше, да Польша на море. Им вместе работать надобно, чтобы лучше было. Сам Ромодановский отродясь кораблей не строил, позарез мастера надобны. И коли Павел понимает, что им плечом к плечу стоять, – лучшего и просить нельзя.

– Приказывать нам обоим государь будет, а он уже распорядился. Флот строить, моряков обучать, пусть по Азовскому морю плавают, опыта набираются, с турками торгуют...

– Будем обучать. Пусть сначала в лужице поплавают, потом и в море выйдем! Никто со штурвалом в руках не рождался, справимся!

– Царь обещал еще голландских мастеров вскоре прислать...

– Это дело! Голландцы ребята хорошие...

– Хорошие-то хорошие. Но они сюда от войны пришли. Предупреди своих людей, случись что – карать буду без пощады.

– Так и ты своих предупреди, – парировал Польша.

– Они уже знают. Ни им снисхождения не будет, ни твоим, сам понимаешь. Здесь все пока еще хрупко, не ровен час рассыплется – царь с нас головы снимет.

Царь... да уж, Мельнику сложно было представить белобрысого мальчишку в роли царя. Но – у каждого свой крест.

– Тяжко ему теперь...

Ромодановский понял, взглянул остро:

– Бог не спрашивает, но каждому дает по его силам.

Мельник перекрестился – и вдруг понял, что воспринимает Ромодановского почти как своего, как католика. А что?

Богу-то виднее...

Да и то сказать, среди приехавших и протестанты есть... так что ж теперь? Коли и плотники, и корабельщики отменные?

Но поговорить он еще раз со всеми поговорит. Да, и еще...

– С нами пастор Симон приехал. Ему бы с тобой поговорить, боярин...

Ромодановский чуть нахмурился, но на такой случай уже были ему даны инструкции – и жесткие. А потому...

– Это не со мной беседовать надобно. С батюшкой Михаилом.

– Боярин?

– Ну да. Пусть завтра приходит в церковь – и обсуждают, как лучше. Где помещение найти, как службы организовать...

– Но... не против ты?..

– Павел, – Ромодановский смотрел серьезно, – никто вас от веры отрешать не собирается. Со мной государь говорил, объяснил, что христиане всегда других христиан поймут. Никто никому препятствий чинить не станет. Но! Коли увижу я, что твой пастор к розни призывает, клин между людьми вбить пытается – повешу

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
безжалостно! Не за веру, но за принесенные распри. Не до них нам сейчас. Так и людям объявлю, мол, смутьян. И католический падре также добром принят будет. Но коли глупости вроде ваших, французских, начнутся, уж не обессудь. Варварство какое – мертвым спокойно лежать не давать из-за того, что вы псалмы читаете по-латыни, а они по-французски. Мы вот, православные, точно знаем, что вы заблуждаетесь, так ведь силком вас в храм не тащим.

Павел хотел было возмутиться, но понял, что последние слова явно были шуткой.

– Ну, боярин...

– Так уж давненько боярин... Ум-от не шапкой определяется. Так завтра, после заутрени ждать буду, тогда все и обсудим? Корабли, матросы... с дороги сложно. Сходи покамест в баньку, чай, уж часа три как протапливают.

– Приду, боярин.

Ромодановский раскланялся да и пошел со двора. Вслед за ним ушел и паренек, и стражники... и Павел остался один на один со своим новым домом. Сбил шапку на затылок, оглядел высокие окна, трепещущие в них занавеси... дворец! Такой дворянину впору! Хотя он и есть сейчас...

И кивнул родным:

– Пойдемте пока, я вам баньку покажу. Самое лучшее, что у турок есть...

Сияющие глаза жены, детей, родителей были ему наградой. Эх... так вот и нехристей поблагодаришь. Не возьми они его в плен на галеры, не выручили б его русичи, не стал бы он адмиралом!

Обязательно им благодарность вынесет! Ядрами, и побольше, побольше... как тут говорят – для сердечного дружка...

И свечку сходит поставит. Обязательно.

1675 год

– Сонечка, ты уверена?

– Алешенька, вроде как время удобное. Покамест ни с кем не воюем...

Алексей плутовато усмехнулся.

Ну да. Воевали не они, воевали за них, а это намного приятнее. Тайными путями в три княжества шли оружие, боеприпасы, деньги...

Посольство было отправлено чуть ли не год назад, причем тайно. Никакой известности, караванов, пышности – чуть ли не ночью пробирались в три княжества. По земле, по воде...

И – да. Пообещали свою поддержку.

Князя, конечно, понимали, что это не из добрых чувств к ним, но, если тебе протягивают руку помощи, грех не принять!

Обычаи у маньчжуров своеобразные, попади они в плен, им сильно повезет, коли умрут. Сразу. А то ведь можно и несколько дней помирать. Мечтать о смерти – и не получить ее.

Еще как можно.

Получив же поддержку, князя сильно оживились и принялись теснить маньчжуров. Благо у тех тоже положение было не бог весть какое. Они воевали с монголами, народу все надоело, так что...

Не было, вот не было нового Чжу Юаньчжана, династия Цин пока еще не была сильна. Собственно, они были даже младше Романовых, а значит, те, кто их сверг, не считались бы даже царубийцами. На что и рассчитывал У Саньгуй. У него была

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
самая большая армия, самая сильная поддержка... если он сейчас отделится...

Если его поддержат двое других князей – они отделятся вместе. А если поддержит и Русь – они смогут закрепить свою независимость.

Так что у Саньгуй объявил о создании империи Чжоу и принял имя Чжоу-ди. Драться он собирался до конца, отчетливо понимая, что пощады не будет. Да и двое других князей – тоже. Сейчас, когда появился реальный шанс на выигрыш – война пошла всерьез, только перья от обеих сторон летели.

Софья потирала руки, Строганов ругался, но оружие и золото в три княжества шли регулярно и обильно.

Неудобно?

Это еще мягко сказано! Княжества находились решительно не с той стороны, с которой нужно было русским. Но...

Чжэн Цзин тоже не одобрял маньчжуров. А суда у него были, и судов было много. Так что задачей поставщиков было сплавить контрабанду до устья Амура, а уж там передать ее на нужные корабли.

Морской запрет?

Если есть надежда – плевать было островитянам на любые запреты! Три раза! А для кораблей противника был и греческий огонь. Да, его тоже поставляли, и пиратам уже случалось применять его.

Сохранение тайны обеспечивалось самым надежным способом – живых не оставалось. Попадись та или иная сторона в руки маньчжурам... На такой случай у всех был с собой яд. Так оно легче будет.

С другой стороны, и Строганов не оставался внакладе.

Шелк, бумага, рис... из Китая шел стабильный поток товаров. А таможенные пошлины на них Софья разрешила не платить, так что прибыль была громадной. Строганов и себя не обидел, и с казной смог поделиться.

В Европе тоже было весело. Нидерланды все-таки решили делить на Верхние, или Испанские, и Нижние, береговые. Нижние тоже делились на несколько частей, самый большой кусок отходил Франции, но Людовику от этого легче не становилось. Он с этими землями приобретал себе такую головную боль... с мятежами, восстаниями, дружеской помощью Англии повстанцам. Но и не отказываться ведь?!

Теперь русские поглядывали в сторону Османской империи. Спору нет, соглашение с ними хорошее, но без трений нигде не обходится. То там, то здесь, то турки пробуют на прочность казаков, то казаки – турок. И случаются... несчастья, почти как в анекдотах. Шел по улице, споткнулся, девять раз упал на саблю. Да так неудачно, все горлом и горлом!

То Сулейман шлет раздраженную ноту, а Алексей отписывается. То Алексей пишет в негодовании, мол, что за наглость, а Сулейман разводит руками. И Софья прикидывала уже, чем бы таким занять османов, чтобы им не до русских было?

Венгрия? Трансильвания?

Почему бы и нет, надо только лидера им найти, а уж подстрекать долго не придется.

Эх, вот так и пожалеешь, что Дракула – не вампир. Как душевно было бы, если бы он сейчас быстренько восстал из гроба и сцепился с турками! Можно даже ночной порой, кто бы был против? И последнее – занять чем-нибудь шведов и датчан. Не воевать же с ними за питерские болота? Сейчас решительно неудачное для этого время. Нельзя ли устроить так, чтобы они сами друг друга перерезали? Софья собиралась об этом внимательно подумать. С картой, кошельком и коварством.

Да и много другого они сделали за этот год.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

Например, приняли указ, по которому никому не воспрещалось искать залежи руд или ценных металлов рядом со своим поселением. Если же человек находил что-то интересное, он сообщал местному священнику. Тот отписывал патриарху, и обо всем становилось известно государю. Соответственно по результатам на место выезжала комиссия – смех один, два выпускника царевичевой школы, кто ближе окажется, – брались образцы, исследовались в Дьяково – и если это оказывалось что-то стоящее, – нашедший месторождение щедро вознаграждался.

Крестьянин выкупался у боярина и получал свое подворье, купец получал грамоту на беспошлинную торговлю на пять лет... вот в таком духе.

Препятствовать поиску было нельзя. А кто надумает... плетью бить нещадно и ссылат в Сибирь!

Бояре одобрили. И месторождения руд – дело хорошее, особенно ежели на их землях, и казна за то награждает – еще приятнее. А еще приятнее, что часть месторождений могут им же и разрабатывать доверять. Алексей Алексеевич на это очень ясно намекнул.

Конечно, поток заявок был пока невелик, но море начинается с ручья, не так ли? И Софья надеялась на лучшее.

По ее наущению Алексей внес и еще одно предложение боярам!

Если крестьянин был доведен до такой степени, что хоть в воду головой, лишь бы не оставаться у барина, он мог прийти к местному попу. Тот же, зная, кто действительно в безнадежных условиях, а кто просто лентяй и жалобщик, мог отправить заявку наверх.

Такая семья обязывалась отработать десять лет на благо государя. То есть – поехать, куда скажут, поселиться там, распахивать землю и хозяйствовать. Десять лет с них шел повышенный налог, пока не отработают потраченное на них, а потом обычный, государев. А по сравнению с тем, что драли иные бояре, это не так уж было и много.

Боярину же, от которого ушли люди, из казны выдавалось возмещение.

Конечно, тут были возможны перегибы. Да что там – возможны! Они просто – были! Но Софья планировала, во-первых, начать подкоп под крепостное право, во-вторых, заселить Урал. Рано или поздно, так или иначе – Сибирь должна быть освоена. Да и Аляской неплохо бы заняться. Кстати, если уж там американцы золота намыли, почему бы это не сделать сейчас? Надо только правильно снарядить старателей и экспедиции. И тоже – осваивать и заселять!

А помещикам – призадуматься. Если уж от них люди готовы в Сибирь удрать...

Конечно, просто так никого не отправляли. Софья понимала, что колонизация неподготовленными крестьянами Сибири кончится, как у колонистов на острове Роанок. То есть потом и трупов не найдут.

Значит, надобно сначала крестьянам объяснить, как хозяйствовать, инструмент справить, одежду, утварь – это не на час дело.

И куда?

Выход нашелся быстро. Дьяково и Коломенское уже кипели и бурлили. Третьим назначили село Ростokino.

Почему его?

Так монастырское. Отбирать его никто не стал, честь по чести выкупили у Церкви, сделали казенным и разбили экспериментальное хозяйство.

А именно: пробовали, как лучше сажать, сеять, отбирали семена, высаживали картофель, помидоры, неведомые ранее баклажаны... не репой единой жив человек!

Хозяйствовали там как голландцы во главе с ученым дирком ван Хорном, так и ребята из царевичевой школы. Причем никого не заставляли насильно разбираться с

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
картошкой, боже упаси!

Из истории своего времени Софья знала, что главное – создать дефицит, а потому уверенно вела разговор о том, что нечего ее давать всякой черни! Перебьются без картошки! Этот овощ для государя, в крайнем случае – для бояр, а крестьяне пусть репой обходятся! И точка! В крайнем случае – тыквой, которая тоже не особо была распространена на Руси.

Так что поля охраняли, нарушителям выдавали тяпку и приказывали отработать на картошке... одним словом, окрестные деревни примерно уже представляли, что это такое, с чем его едят и как высеивают. А там – лиха беда начало!

И сопрут, и высадят, и слопают... еще и над соседями потешаться будут, мол, вы, деревня, царского овоща не едали, а вот мы! И постепенно картошка пойдет по Руси.

Но это – одна сторона медали. А второй стороной было то, что в Ростокино отправлялись на передержку крестьяне, которые ехали в Сибирь. На несколько месяцев. Учились хозяйствовать, получали семена, одежду-утварь, которой не хватало, объединялись в крепкие ватаги – и, когда дороги становились подходящими, выезжали на место уже подготовленными.

– А?

За мыслями Софья и не заметила, что Алексей ее о чем-то спрашивает.

– Венчаться будете на Покров?

– Лучше – да.

– Ваня... хотя что я спрашиваю? Счастлив?

Софья кивнула, серьезно глядя на брата. Больше всего она боялась ревности в отношениях. Чего уж там, все мужчины – собственники. Ванька будет сердиться, что она не полностью принадлежит семье, Алешка – что Соня теперь не целиком его... и как?

Софья потому и тянула, что работала с обоими парнями. Медленно, исподволь, намеками, шутками, байками приучая обоих к тому, что ничего со свадьбой не изменится. Жила она в Кремле – и будет. Разве что вместе с мужем.

Работали они с Ванькой вместе? Так и продолжится. Разве что фамилия будет одна на двоих и спать будут вместе. И никакой ревности или соперничества, даже подсознательного. Она потому и решила сейчас венчаться, что оба парня были внутренне готовы. А еще – мир и покой, как раз у нее будет время все углы сгладить.

– Доволен. Лешка, ты точно не против?

– Сестренка, я же тебя люблю... мне хочется, чтобы ты счастлива была!

– Еще больше? Так я с того счастья лопну.

– А вдруг – вытянешь?

– Ох, Алешка... если хочешь – не будем. Ты же знаешь, дороже и ближе тебя у меня никого не будет, хоть я гарем заведу!

Алексей покачал головой:

– Соня... это надо. Ты же меня все равно не оставишь, так и переживать не о чем. Зато Ванька на делах сосредоточится, а то он на всех счетах твой профиль рисует.

– Ужас какой! А почему я не видела?

– Час рисует, час стирает, час делами занимается. Давай, выходи за него замуж, а то мне казначей нужен на полный рабочий день, а не урывками.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
Софья только усмехнулась. Нахватался... А Алексей перешел к тому, что его волновало.

– Голицына тогда куда?

– При мне и останется. И будет по-прежнему сливать информацию.

– Но...

– Скажем, что ты меня чуть ли не силком замуж выдаешь. А у меня любоффф!

– А поверят?

– Так мы и через Медведева ее сольем. И через Гришку с Танькой тоже...

Алексей был похож в этот момент на шкодного котяру.

– Ну, ты и... зараза!

– Попрошу не оскорблять, – надулась Софья.

– Это не оскорбление, это восхищение. Зараза. И спасения от тебя нет, особенно нашим врагам.

– Так для них-то это привычно! Понимаешь, в Европах ведь женщина считается неполноценная, коли мужа своего любит. Им любовники надобны, да лучше не один. А уж коли девка с королем легла...

– Я помню. Вот ведь... убогие.

– Потому там сифилис и гуляет. Сам знаешь. И нас-то они во многом по себе судят.

– Ну да. – Алексей покивал своим мыслям. – Видят, что мы дружить стараемся, опять же батюшка нам тут сильно помог...

Софья торопливо перекрестилась.

Помог ли им Алексей Михайлович? Вопрос сложный, до сих пор его дела разгребали. Иногда такое выплывало, что Софье хотелось ему на могилу плюнуть, но тут уж даже Алешка не поймет.

С другой стороны, он к Европе тяготел сильно, его манера в европейском платье дома ходить, детей на иностранный манер учить сейчас очень пригодилась. Считалось, что русские варвары пытаются быть похожи на цивилизованные страны, хотя бы царская семья.

И верно, Софья дома ходила в платье, похожем на европейские, разве что без пышных юбок, Любава не ушла в монастырь, а жила во дворце, царевны повыходили замуж – европеизация.

– Ванечка, кстати, ничуть не против. Только просит, чтобы Голицын ему под руку не попадался. А то мало ли...

– Я думаю, с этим проблем не возникнет. Тем более что он на Любаву поглядывает.

– Вот ведь... кот блудливый! Сонь, если что – я ему ведь все оторву, не помилую.

– Да он и сам это понимает. И я предупредила. Но Любаве полезно почувствовать себя молодой красивой женщиной, а не царской вдовой.

– Да уж, она, кроме детей, по-моему, ничего и не видит.

– А ей рано. Ей же и двадцати пяти нет, вон, Татьяна в тридцать с хвостиком ребенка ждет.

Алексей кивнул. Тетки, словно сговорившись, затяжелели одновременно. Отставала только тетка Ирина, но той вроде как уже было не до мужчин. А вот с детскими домами и приютами она развернулась на полную катушку, так, что чуть ли не в

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
каждой семье детей в ее честь называли.

Любава же после смерти мужа просто замкнулась на детях – Володеньке и маленькой Наташеньке, от которых и не отходила. Софья пока не спорила, пусть придет девчонка в себя, все ж мужа потеряла. Может, и не сильно любимого, но любящего и заботливого.

У нее же и без того дел хватало. В частности – шпионы.

В Дьяково их было восемь штук. Один – Сильвестр Медведев, двоих слуг подкупили, позабыв про русский характер, – те в ноги царевичу кинулись, умоляли не казнить... Алексей и не казнил. Приказал деньги брать, а доносить то, что он скажет. Еще четверо было приезжих. Выявленных. Но тех вскорости разобьют по градам и весям – и пусть шпионят где-нибудь в Тамбове. Милое дело!

– Ладно. Но ты поглядывай...

– Лешка, ты же знаешь...

– Ох, Сонечка, что бы я один делал...

Алексей не обольщался. Процентом пятьдесят его дел тянула на себе Софья. Не зарываясь, не требуя ничего для себя, спокойно и вдумчиво объясняя ему, что к чему, по первой же просьбе...

Еще бы он не задумывался о браке сестры, понимая, что если сейчас это на него свалится...

– Пока я жива, один ты не будешь. Клянусь.

Произнесено это было так, что Алексей просто молча поцеловал маленькую ручку в чернилах. Она ведь обещание сдержит. И...

Глаза у Софьи вдруг заблестели. Весело, озорно...

– Лешка, в твоих интересах выдать меня замуж, чтобы я успела подготовить смену из своих детей. Да и тебе жениться бы, чтобы наследники были.

Ну, Соня!

* * *

Иван Борисович Троекуров степенно поклонился его величеству и отступил назад, к стене зала.

Стар он, что уж там, тяжело ему постоянно на балах этих крутиться. А надобно...

Более-то нигде столько нужного не узнаешь, как здесь, в этом вертепе разврата! Тоже скажете, галантные отношения! Да о какой галантности речь, идет, когда ночные горшки опорожняют у дверей дворца? А его величество... подойти к нему боярин мог, только забив ноздри полосками смоченной духами ткани. Лучше уж дышать всем ртом, как рыба, чем такую вонь терпеть!

И то – иногда ничего не спасало!

Бал был в разгаре.

То и дело кто-то из дам или кавалеров уединялся то у подоконников, то за ширмами, непринужденно испражняясь на мраморные полы... вот ведь!

В Кремле бы кто так сделать попробовал! Да нашли бы негодяя – им бы полы и вытерли! А тут – в порядке вещей!

Время от времени парочки удалялись в темноту альковов – и оттуда доносились характерные звуки.

Боярин терпел.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
и все больше понимал, что мудр государь не по годам.

Да, поехать сюда надобно. Посмотреть на принцесс надобно.

И понять лишней раз, что не подходят они. Дочери маркизы де Монтеспан? Нет уж!

Что сама маркиза резко не нравилась мудрому боярину – шлюха в павлиньих перьях, что ее дети. Разряженные, разукрашенные, отлично осознающие свою значимость и гордящиеся своим убудочным происхождением. Грубо?

Ну так правда же!

При живой жене девку свою перед людьми выставлять, детей от нее плодить и еще их на трон проталкивать? На Русь Святую?

Э, нет!

Кому другому такое счастье подарите, а мы с доплатой не возьмем!

Более серьезно посол приглядывался к Марии Генриетте, старшей дочери принца Орлеанского. Младшая была еще слишком молода. А вот старшая входила в возраст и была мила и обаятельна.

Но... нравы французского двора подействовали и на нее.

Принцесса была неумна, вовсе нет. Она была хитра, но ум – это ведь нечто другое? Может, потом она и станет мудрой. А может, и нет?

К тому же ее Людовик прочил в жены Карлу Испанскому. Расстроить сей брак было бы несложно, но – к чему?

Получить в свой дом французскую вертихвостку, которая уже сейчас всю строила глазки мужчинам, кокетничала, разбивала сердца?

Нет уж! Лучше на Руси девушку хорошую найти!

Людовик четырнадцатый уже и так и этак пытался обрабатывать посла, но боярин искусно выскальзывал из рук.

Да, конечно. Государю отписал.

Государь размышляет.

Да, дофины прелестны. Но их происхождение...

Но я убеждаю государя, а то как же!

Троекуров вежливо отклонил приглашение очередной великосветской шлюхи уединиться. Только сифилиса ему и не хватало! А уж эта-то дурная болячка тут свирепствует постоянно!

Тьфу! Вертеп разврата!

Иван Борисович тяжело вздохнул, достал платок и утер пот со лба. Эх, по возвращении домой опять все стирать да в бане мыться.

Свинарник, одно слово. Нет уж!

Никаких французских принцесс на Руси не будет!

Если только Анна Мария Орлеанская, при условии что девочка уедет уже сейчас и будет воспитываться в Кремле. Но на это Людовик не пойдет, ему нужен инструмент влияния, способный проводить его политику. Девочка же мала...

Ничего. Зато мы отсюда мастеров побольше сманим. Тех же гугенотов – талантливы ведь! Людовик в чем-то умный, да где-то и дурак дураком...

Иван Борисович вежливо отказал очередной шлюхе, вот ведь, знают, что человек

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
недоступен – и лезут, словно им медом намазано, и принялся ждать своего времени.
Король желал его видеть для беседы.

И верно.

Людовик в очередной раз намекал на старшую дочь Атенаис де Монтеспан, хмурил брови, заявлял, что «Мы недовольны промедлением»...

Иван Борисович кланялся, вздыхал, заверял в своем вечном почтении...

Ничего. Найдется и на Людовика управа.

* * *

– Венчаются раб божий Иван и раба божия Софья...

Софья терпела.

Уборы весом в мегатонну, обряды, идиотское поведение окружающих...

Можно подумать, у нее был выбор!

Наконец она решилась выйти замуж за Ванечку – пока это позволяла политическая обстановка.

Бояре сейчас ломали копья по поводу отъезда царевны Евдокии в Картли. Все-таки выдавать царевну за малозначительного царька, который тут при дворе несколько лет обтирался, один кафтан пять лет носил, это точно был перебор! С их точки зрения. А вот Алексей был полностью – за! Это брак Софьи ему не до конца нравился.

Хотя бояре тоже поворчали. И чего это Морозов, почему ему такая честь?

Но – уже недолго. Ну, честь. Так ведь есть за что! Царский ближник, друг наилюбимейший, чего еще ждать? Вот то, что покои молодым были отведены в Кремле, их зацепило куда как поболее.

И чтобы утихомирить хотя бы самых противных ревнителей традиций, свадьбу играли по старым обычаям. Софья парилась под фатой и думала, что ей надо памятник за мужество поставить. И звезду героя.

Но наконец-то их увели из церкви – и дышать стало чуть полегче.

Потом было пиршество, и Алексей сидел рядом. И шептался с Иваном.

Софья прислушалась.

Ан нет. Она слишком плохо подумала о своих мальчишках. Никаких мужских советов тут и рядом не было. Алексей искренне надеялся, что друзья его не покинут, а Иван успокаивал, объясняя, что Софья никогда брата не оставит, а он теперь крепче каната привязан. Ранее он хоть жениться мог на ком другом – и жена б могла на их дружбу повлиять.

А сейчас – все. Узы крепче стального каната.

Да, канаты...

Софья невольно задумалась о том, что постепенно на Руси начинал строиться свой флот. Пока – в Азове.

Были заложены верфи, были заложены корабли... да, пока лес был не очень хорошим, но начинать же надо с чего-то? Пусть технологию хотя бы тут отработают.

Потом, потом будем строить боевые корабли. И ставить на них хорошие пушки. Не галеры, фрегаты!

А вот пушки Софью раздражали. Поди, введи по всей стране стандартизацию и унификацию! Когда даже метрической системы покамест нет, локоть и аршин у всех

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
гуляют туда-сюда, про версту молчим... где ты, Палата мер и весов?!

Не говоря уж о том, что надежных пушек сделать не удавалось. Рано или поздно, так или иначе – они прогорали, взрывались... почему?!

Софья подозревала, что их знаний и умений было просто недостаточно для хорошего литья. Хотя ее ребята разъехались по разным странам, занимаясь тем, что позднее назовут промышленным шпионажем.

Пока удалось узнать секрет производства шелка, спасибо Франции, сманить множество специалистов из Нидерландов и даже найти многозарядный пистоль! И это – в своей родной стране!

Софья разве что ядом не начинала плеваться! За двести лет до покорения Америки и великого уравнителя Кольта Первуша Исаев сделал многозарядный пистоль для ее отца.

За что получил монетку – и пистоль был заброшен к лешьей матери!

Плохо так об отце думать – но придурок!

Узнав о револьвере, Софья распорядилась найти мастера – и нашла целую семью Исаевых. Оружейников невесть в каком поколении, талантов и даже гениев. Правда, подобного Первуше среди них не было, но зато были его знания, его наставления...

Как замена – сойдет!

Так что сейчас активно разрабатывались проекты многозарядных пистолей – и уже были пойманы два шпиона. Французских.

Слишком тут Людовик разгулялся. Надо будет парочку шпионов спровадить на Соловки, пусть проветрятся. Хотя ему сейчас весело и душевно.

От Нидерландов он себе такой кус отгрыз, что любо-дорого поглядеть. Кто будет править там, до сих пор не решено, и пока место покойного Вильгельма занимает его кузен Карл. Нассау-Зиген, или, как на Руси говорят, нашего плотника троюродный забор. Ну, так и остальные были не ближе!

Правда, со здоровьем у него не очень. В сражениях он участвует, мечом машет, а вот жениться уже не получится. По причине состояния нестояния.

Жениться, да...

Ванечка смотрел на невесту сияющими глазами – и за этот взгляд Софья заранее прощала ему все. И трудности, которые возникнут, и отвлечение ее от дел государственных, и даже тоскливую, что та волчица, Феодосию. Он счастлив.

Может, и у нее будет хоть капля счастья?

И оно таки было.

Когда ушли все лишние, когда молодые остались одни в опочивальне и Иван робко положил руки на плечи девушке, когда губы соприкоснулись с губами, деля на двоих одно дыхание...

Что такое счастье?

У всех оно свое, но в эту ночь Софья нашла еще одну составную частичку мозаики.

1676 год

Казачьи чайки весело бежали по воде. Самые молодые, самые смелые, веселые, отчаянные и отважные. Те, кому нечего было терять, ушли в поход. И дело у них было серьезное.

Год назад они ушли в эти места.

Обосновались, переговорили со Строгановым, получили проводников и людей – и

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
обосновались на Амуре-реке, там, где от него отходит Сунгари.

Свалили деревьев, построили острог, принялись охотиться и запастись на зиму.

Первая стычка ждуть себя не заставила. Китайцы оказались не худшими воинами, умели держать в руках оружие, но и казаки были не в крапиве найдены. И пушки у них были, и огненное зелье – крепко получив несколько раз по рукам, китайцы присмирели, а там и зима легла.

Трещали морозы, усыпал землю глубокий снег – и если б не помогли местные людишки, тяжело бы пришлось казакам. Но помогли ведь!

Не задаром – за все было уплачено полновесными монетами. Кто-то ворчал, стоит ли, может, все можно и мечом взять, но тут уж атаман запретил, и строго. Государь-де сказал – никаких распрей. Более того, местным надо помогать, их защищать надобно...

Так что – все по доброй воле. Никакого насилия ни в торговле, ни в личном... мало ли какому парню какая девка понравится?

Сложно, конечно, было – и окажись атаманом кто другой, не Иван Сирко, не миновать бы бед. Но старый гетман среди казаков пользовался непререкаемым авторитетом. А уж после Крыма – и тем более.

А как лед сошел – казаки отправились вниз по реке. До устья Амура.

Задание было простое – гонять китайские корабли, ежели то не корабли княжеств. С последними торговать. А вот врагов...

Топить, топить и еще раз топить. Трофеи – ваши, все, что с бою возьмете, – тоже ваше, сможете домой отослать, на Сечь, али казне продать, али еще что придумаете, но – ни один китайский корабль в море себя спокойно чувствовать не должен. А то развели тут... маньчжуров.

Этот вид охоты казакам был знаком, приятен и выгоден. Так что...

Иван Сирко встретился с послем У Саньгуя, обговорил систему знаков «свой-чужой» – и Охотское море живо стало напоминать картину неизвестного художника «пчелы в атаке».

Казаки были неуловимы, они налетами грабили, убивали, пускали китайские джонки на дно – и исчезали. Тактика привычная. И как ни бесился император, но даже выяснить, кто это такие и откуда они взялись, – не удавалось.

В море стало опасно. Блокаду с трех княжеств пришлось снимать, чем и воспользовались мятежники. Весы борьбы между династией Мин и династией Цин опять закачались, выходя из равновесия. Победа маньчжуров отдалась на неопределенный срок.

А казаки поглядывали на Сахалин, прикидывая, не устроить ли там базу?

Сначала временную, потом постоянную?

Союзники поддерживали! Еще бы! Именно военные силы извне спаяли и скрепили Тройственный союз. Ну и браки тоже...

И У Саньгуй готов был помочь русским обосноваться под боком! Пусть! Много они не просят, так у него много и нет. А коли маньчжуры победят – и того не будет.

* * *

– Что скажешь, сестренка?

– Что надо ждуть гадостей.

– Все же хорошо. Что опять не так?

– Не знаю, Ванечка. Но уверена – долго такое благолепие продолжаться не может.

Трое ребят сильно повзрослели за два года, прошедших после венчания на царство. Алексей обзавелся морщинками в уголках рта и сильно раздался в плечах, Иван больше не выглядел долговязой жердью, нарастив хоть какое-то мяско на кости, Софья чуть округлилась и теперь больше походила на девушку, чем на подростка.

Семейная жизнь шла ей на пользу, хотя от детей она покамест стереглась, отвар пила. Не до того еще. Примерно полгода тому назад они отправили Евдокию в Картли, за что Ираклий был весьма благодарен. Дуняша тоже. И буквально на днях получили весточку из Персии.

Там – вот ужас-то, вот трагедия! – буквально полгода назад шахом стал Аббас Сефевид.

Чисто случайно, после совершенно неожиданной смерти старшего брата. У того сердце не выдержало. Попойки, понимаете ли, многодневные празднества – и в один из дней он просто не проснулся. Тихо умер во сне.

А уж что там было и что подсыпали мужчине, Софья не знала да и знать не хотела. Ей было достаточно того, что в Персии на троне окажется умный и решительный товарищ. А где своего ума не хватит – девушки займут. Личные. Софьины, подобранные на должности наложниц-наушниц-телохранительниц.

После Сулеймана, конечно, остались дети, но разве они могли занимать престол? В разгаре были конфликты с османами, требовалась сильная и твердая рука, опять же русские войска стояли на границах, делая вид, что не прочь откусить кусочек от соседа... ну и...

Совет евнухов был, конечно, против, не одобрял этого выбора и главный визирь, но другого-то варианта не предоставлялось.

За Аббаса была армия, у него были деньги, за ним шел народ, которому надоели бесконечные гулянки правителя на их, между прочим, деньги. Всем хотелось спокойствия и безопасности, Аббас мог это дать – или хотя бы делал вид, так что долго решать не пришлось.

Визирь понял, что его просто разорвут на части – и сдался.

Аббас же решительно разогнал всех евнухов, раздал большую часть гарема, отправил куда подальше родственников и принялся заниматься государственными делами. Кстати, с детьми своего брата он поступил порядочнее, чем в свое время Михаил Романов, а точнее, его отец-патриарх. Никого казнить не стали, но жить и сыну и дочерям до смерти предстояло взаперти, под присмотром доверенных людей. Жестоко?

Ну, дочерей брата можно потом и замуж выдать. Сына же...

Смотря каким вырастет. Своих-то пока не было, но это и понятно. Раньше боялся рисковать, ребенок – это ж какой рычаг давления. А сейчас и жена есть, и возможность.

Теперь требовалось пристроить Марью и подыскивать невест мальчишкам. А вот со вторым в Европе был решительный непорядок.

Просто решительная нехватка приличных невест!

У Леопольда была дочь Мария Анна и вроде как подходила по возрасту, но сам император не хотел ее отдавать ни за кого. Кроме Алексея. А тому, понятное дело, не хотелось жениться абы на ком. Сначала бы посмотреть...

Да и здоровьем слаба невеста. Еще сколько проживет-то?

Карл шведский детьми пока не обзавелся – сам еще сопляк совсем.

В Дании пока была Ульрика Элеонора, но ту пытались просватать как раз за Карла – оно и понятно, Дании и Швеции было выгодно дружить домами. Если только влезать нагло и перебивать сватовство?

Попробовать можно, но стоит ли? Софья ждала информацию от своих людей.

Карл испанский... Но там такая родословная, что ей-ей, легче пристрелить что женихов, что невест. Софья помнила, что кроме фамильной губы Габсбурги отличались таким же фамильным безумием. И к чему это нам на Русь тащить? Своих юродивых хватает.

Нет уж, никаких больных!

В Португалии была принцесса де Бейру, но девчужке было шесть лет – это первое. А второе – она пока была единственной наследницей. Так что Педро не готов был отдать ее на сторону. Хотя заметочку себе Софья сделала – и в Португалии также собиралась основать русское посольство. Посмотреть, что там вырастет.

Про династию Браганса плохих разговоров не ходило, к тому же девчонку воспитывали как правительницу, то есть хотя бы читать научат...

Надобно приглядеться.

В Англии у Якова были Мария и Анна, но они не подходили. Яков был не лучшим человеком и не лучшим правителем. Марию ранее прочили за Вильгельма, но после его смерти девчонка осталась не у дел. Можно бы и подумать и для кого-нибудь из мальчишек сговорить англичанку, но Яков хотел только короля. И его резко не устраивало православие предполагаемого зятя. А тут уж простите. Менять веру, чтобы жениться? Не слишком ли жирно вам будет, Яша? Нам и так раскол до сих пор, как еж в неудобном месте, а вы еще добавите хотите?

Нет уж. Королева нужна такая, чтобы приняла веру мужа и не вякала. А если еще и в команде работать сможет – цены ей не будет.

У Людовика Четырнадцатого была незаконная дочь от маркизы де Монтеспан, и «Король-Солнце» был бы не против ее пристроить, но... Нет уж. Такого нам не надобно.

Была б дочь законная, а не внебрачная...

И так слишком многое ломалось на Руси, чтобы еще и так традициями пренебрегать! Не по-христиански это так-то, свой блуд на народ выносить, да еще и размахивать им, как флагом. Нельзя... Если в просвещенной Франции такое было и в порядке вещей, то на Руси народ просто плевался.

Равно как и не надобно французских принцесс от его брата Филиппа Орлеанского. Вроде бы и неплохие девчужки, да вот беда – одна уже взрослая и Людовик активно сговаривает ее за Карла испанского. Вторая же – соплюшка. Анна Мария Орлеанская.

Нет, можно бы, кто бы спорил! Но... Софья считала, что за невестой должно быть достойное приданое – это первое. Приличная родословная – это второе. Потому как папаша ее, Филипп Орлеанский, прославился на всю страну теми наклонностями, за которые когда-то покритикованы были Содом с Гоморрой. Нехорошо...

Хоть и женил его Людовик, хоть и делал он детей, а все ж нехорошо.

Ну и третье. Политику Европы сейчас определяла Франция. А Софья не считала, что они с Алешкой смогут противостоять на равных Людовику. Не тот опыт, не те навыки. Мигом тут попросят, здесь прогнут, там почешут... не успеешь оглянуться, как хвост собакой завертит. Не из благих же побуждений короли дочек замуж выдают – из расчета укрепления государства.

Хотя Людовик активно шел на сближение.

«Король-Солнце» был далеко не глуп и понимал, что Русь сама собой не рассосется. Был при французском дворе и русский посол, боярин Иван Борисович Троекуров, мужчина умный и основательный, сорока лет от роду. Софья на него нахвалиться не могла.

Хоть и писал на родину посол о диких французских нравах, о том, что его величество смердит аки зверь дикий, что придворные дамы принимают гостей, чуть ли не на ночном горшке сидя, да деваться было некуда. Европейскую политику сейчас диктовал Луи XIV, так что приходилось приспосабливаться к нему. К тому ж

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
за время пребывания во Франции посол умудрился сманить на Русь больше трех сотен мастеров в самых разных областях деятельности – от архитекторов до ученых, от работников типографии до моряков. И это за четыре года!

Мало того, в посольство Софья десятками отправляла ребят из царевичевой и иных школ. Пусть учатся.

Правда, каждый – своему.

Самое большое количество кораблей и моряков было сейчас во Франции, Англии, Испании... Так что ж не перенять полезный опыт?

Ребят учили языкам, читать-писать-считать, основам морской науки, а потом отправляли на прохождение практики. Казна содержала их, платила жалованье, кормила-одевала, но отчет спрашивался строго. Ибо – нечего гулять по иностранщине за казенный кошт!

Софья отлично помнила фильм с Высоцким в главной роли. Ага, тот самый «Арап Петра Великого». И помнила, как там кучка недорослей, отучившись в Европах сколько-то лет, потом о корабле знала только то, что оный на море не тонет. Вроде как.

И пришлось Петру их гонять палкой... ну и смысл? Деньги потрачены, специалистов ноль, разве что палку жалко. Нет, не пойдет.

Потратил рубль в кабаке – отчитайся. И знай, что второго тебе на то же не дадут, ибо сие – развлечение бесовское.

А то ж!

Винопитие для католиков хорошо, а мы, православные, знаем, что вино разум губит и в свинское состояние человека повергает. Да и табак, трава никотиана, ни к чему хорошему не приводит. Вспомните, кто пускает дым изо рта!

К Антихристу прийти хотите?

Добьетесь...

Эта пропаганда постоянно велась во всех школах, в основном за счет того, что преподавали-то там – попы.

После того как год назад ушел от власти Питирим и пришел Андриан, он начал проводить и другую реформу. Было официально объявлено, что церковные книги переводить надобно, только не иноземными специалистами, а нашими. А для того – учиться требуется. И людишек учить.

И начинать с того, что каждое воскресенье, после проповеди, дети обязаны оставаться в храме и местный священник должен их учить грамоте, счету и письму, сколько сам разумеет.

Да, выучатся немногие, но пряничек был вывешен достаточно сладкий.

Раз в год списки лучших учеников будут отправляться патриарху. Ну, не лично, но на это дело посадят два десятка монахов. Ребенок, чему выучен... и по итогам лучших будут брать на обучение и полный пансион в царевичеву школу, коих насчитывалось уже шесть штук.

Самая основная и базовая была в Дьяково. Неподалеку, в Коломенском, строили Университет, названный так с подачи Софьи.

Еще пять школ рассредоточились ровным кольцом вокруг Москвы. И каждая была ориентирована на свое направление. Софья прикинула и решила обучать детей по-разному. Ну кто-то же к военной службе лежит более, кто-то к чиновной, кто-то море во сне видит, кто-то от Бога лекарь, а кому-то новое знание всего дороже...

Первые два года детей надобно учить одинаково – чтение, письмо, счет в больших объемах, языки, физподготовка, а вот потом по склонностям и делили. И обучали уже предметно, со стажировками в нужных приказах, на ладьях, в «потешных

полках».

Что было уж вовсе невиданным делом на Руси. Но...

Ворчать-то ворчали, да не сильно. Не такой уж большой процент обучаемых был по стране, не так уж много денег на это тратилось. А вот отдача была неплохой. Первой ее оценили священники. По стране увеличилось количество типографий и соответственно количество рабочих рук. Приезжие мастера принялись строить лесопилки, водяные мельницы, кто-то отправился работать на строительстве канала...

Да, канал.

Софья отлично понимала, что это вызовет сложности, но чтобы такие? Деньги туда уходили весело и со свистом, но не бросать же?

Вот во Франции такая проблема решается, почему бы и им не решить? К тому же у нее было преимущество XXI века. Она знала, как сделать лучше. Ведь что такое шлюз? Да гидротехническое сооружение. Водохранилище? Канал?

Все именно это. А Софья АСФ кончала не просто так, она хорошо разбиралась в строительстве, и фирма их не только дома строила. Коммуникации тоже прокладывать доводилось и даже шлюзы ремонтировать. Полезная штука.

Так что проблемы канала решались достаточно оперативно. Проектные – его лично, финансовые – в соавторстве с Ваней. Что, собственно, нужно людям?

Жилье. Так его можно строить и рядом с каналом, а то ж! И удобно будет, и когда его запустят, там должен будет кто-то жить. Так что на каждом шлюзе – а их уже было двенадцать штук – в первую очередь строилось нечто вроде деревеньки из пяти домов. И определялось, кому они достанутся. Такая вот программа, жилье в массы. Стоимость канала это увеличивало ненамного, часть зарплаты можно было выплачивать как раз жильем, часть – продуктами...

Кабала?

Да как сказать!

После пяти лет работы русский человек мог получить свой дом, подзаработать денег, а то, что без дальнейшего заработка он не останется, так это факт.

К тому же – ключевое слово «русский». А на строительство и татар нагнали. Крым-то чистили? Чистили! Вот и... куда их еще девать было? Пусть пользу приносят.

Сильно повезло еще, что на строительстве не вспыхнуло никаких эпидемий, а могло, еще как могло!

Хотя везение – вопрос сомнительный.

После письма Ромодановского сильно встревожился Алексей. Еще бы! Разумеется, боярина поблагодарили за службу, а потом поговорили и с Митькой. И предложили ему, раз боярин так пожелал – принять фамилию. А землю ему лично казна даст. Ее сейчас освободилось много, осваивать надобно. То, что раньше из-за татарских набегов заброшено было, теперь оживать начнет.

Этим решением были довольны все. И сыновья Ромодановского, которые все ж таки не прониклись, как отец, и сам Григорий...

Вот Митька фырчал, но ему убедительно доказали, что не хочешь – не занимайся. Братья займутся, а ты проверяй. А ежели лекарем хочешь стать – учись. Это куда как приятнее делать, когда о куске хлеба думать не надобно.

Впрочем, награждение было не просто так.

Софья отлично понимала, что такое чума в это время. Ни антибиотиков, ни грамотных медиков... если бы Митька ее не распознал, если бы не бросился отдавать приказы, если бы татары принесли ее на Русь...

Тысячи полегли бы и десятки тысяч. Страшно.

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

Так что награда была справедливой – это первое. И стимулировала царевичевых, теперь уже царских воспитанников, на совершение такого же подвига. Это второе.

Хотя воспитанники и так были готовы за царя в огонь и в воду.

* * *

Сэр Исаак Ньютон любовался каменным теремом, который рос с каждым днем. Пока рядом с ним были деревянные корпуса. Но и каменное здание царевна обещала.

Университет.

– Красивое место.

Томас Савари смотрел одобрительно. Недавно ему пришлось уезжать из Франции, а научный мир ведь узок! И Исаак пригласил к себе французских коллег. Денис Папен, Абрахам де Муавр, Денис лорд – и это были далеко еще не все имена.

«Король-Солнце» активно прижимал гугенотов, те сопротивлялись, но самые умные видели, что битва уже проиграна. А раз так... Надо уезжать.

Почему бы и не на Русь?

Здесь строится Университет, здесь полный пансион, жилье, финансирование – только работай. И – учи.

Кого?

Да уж есть кого! Ребят хватает, да и каких ребят!

Умные, смышленные, с такими работать – одно удовольствие!

А царевичи?

Исаак как-то больше общается с царевичем Иваном, Алексей наезжает редко. Зато деньги выделяет регулярно, хотя отчет и требует. Но это уже не вопрос Исаака. Царевич выделил ему пятерых ребят, которые занимались исключительно счетами и отчетностью, так ненавистной сердцу истинного творца.

Постепенно Университет заполнялся кадрами.

– Добрый день, сэр Исаак.

Улыбка у царевны Софьи была очаровательная. И вся она была такая... просто милая молодая дама в платье полуевропейского покроя. Темные волосы заплетены в длинную косу, платье без пышной юбки, никакой краски на лице – и все же было в этом что-то очень естественное и непринужденное.

Вот и Томас заулыбался. Умеет же царевна расположить к себе людей!

– Государыня, – по-русски ученый уже говорил как на родном языке, лишь иногда допуская ошибки, – мы рады видеть вас.

– Тем более что я с хорошими новостями. Мы скоро усилим Университет великолепным ученым. Антонио ван Левенгуком.

– Левенгук...

Ньютон нахмурился. Савари отреагировал быстрее:

– Этот шлифовальщик стекол?

Царевна смотрела невинно.

– Полагаю, что хорошо сделанное стекло тоже важно. Тем более, он привезет с собой микроскопы, а это важно для медицинского направления. Да и для натуралистов было бы удобнее наблюдать звезды в хороший телескоп?

– Интересно, что ему пообещал государь?

– Чуть побольше, чем лавку. – Лукавства в голосе царевны прибавилось. – К тому же на Руси никто не будет сомневаться в его уме, не так ли, господа?

Господа наперебой заверили Софью, что ради такой очаровательной женщины они и медведя в свои ряды примут. Софья покачала головой и сообщила, что принято решение о строительстве обсерватории. Чтобы удобнее было наблюдать движения небесных тел. А потому, сэр Исаак, вы обсудите, какая она должна быть, а уж мы исполним.

Исаак обещал. И, провожая царевну, улыбался своим мыслям.

– Обычно женщины на Руси не так свободны, – заметил Томас. – Я бы сказал, что государыня скорее напоминает француженку.

– Поверьте, друг мой, это впечатление весьма ошибочно. Нравы здесь весьма строгие и о галантности наших, да и ваших придворных дам не может идти и речи. Более того, любая дама, которая осмелится появиться на улице в европейском платье, вызовет... непонимание.

– Но царевна...

Томас задумался – и кивнул. И верно, общее впечатление строгости сохранялось, даже несмотря на улыбку и дружеское обращение.

– Сейчас она уже боярыня Морозова.

– Боярыня?

– Да, недавно государь отдал ее в жены своему ближайшему другу. Но так он привязан к ним обоим, что разрешил жить во дворце.

– Не боится ли он? Все-таки... власть – сильное искушение? А он доверяет сестре, приблизил к себе...

Сэр Исаак пожал плечами. Он отлично понимал опасения своего друга. Тому совершенно не хотелось бежать и с Руси. Он тут уже освоился, устроился, учеников завел, друзей, дом строит... и опять уезжать? А если начнется бунт, смена власти и прочее, так поступить просто придется.

– Не думаю, что царевич поступает опрометчиво. Около года назад вышел указ, который определяет порядок престолонаследия. И по женской линии его теперь наследовать нельзя.

– Когда это останавливало заговорщиков?

– А царевну Софью и не останавливает указ. Ее останавливает любовь к брату. Это было после турецкого похода...

Сэр Ньютон рассказывал о встрече брата и сестры, а собеседник слушал с заметным удивлением. Для него еще многое было в новинку. Но... ему уже нравилась эта загадочная страна. Нравились ученики... и если не придется отсюда уезжать – так тем лучше!

* * *

А Софья тем временем направилась в Кремль.

Муж обнаружился именно там, где она и думала, – в царском кабинете. Почему-то удобно мальчишкам было работать вместе – и все тут! Наверное, это обуславливалось их характерами.

Порывистый и легкий на подъем Алексей, лидер и энтузиаст, отлично дополнялся Ванечкой – немного более медлительным и очень спокойным. К тому же в силу характера Ваня совершенно не желал быть первым. А вот роль друга и советника его весьма устраивала. И на юного государя он действовал, как доза успокоительного.

Вот что с кабинетом делать – Соня не знала. Разве что обеспечить мальчишек еще десятком полок? И соседнее помещение присоединить? Невозможно ж!

Кругом бумага!

– ...уже воруют и сажают!

Его величество привычно расхаживал по кабинету.

– Кого воруют? – с порога не удержалась Соня.

Алексей остановился, обернулся и послал сестре улыбку:

– Картошку. Кукурузу. фасоль и бобы. Помидоры тоже бы воровали, да вот беда – не даем.

– Бессовестные люди, – ухмыльнулась Софья. – Народ же к царскому столу приобщиться хочет!

– Когда поумнеют, тогда и приобщатся, – отрезал Алексей, – а то налопаются сейчас не того – и потравятся.

Кукуруза и фасоль появились относительно недавно, в результате дружеских отношений с Португалией. Туда послом был отправлен боярин Куракин, Федор Федорович, мужчина умный и серьезный. Авось да разглядит все потребное.

Да и в остальные страны были направлены послы. Правда, в самые важные – Испанию, Англию, Францию, Швецию, Священную Римскую Империю, Данию, Персию, Турцию.

Софья преследовала несколько целей сразу.

Уменьшить концентрацию бояр на единицу отечества – все равно добрых две трети тут ничего не делали, разве что склочничали, сварились в Думе и места при царе делили.

К тому же, пока их нет, вотчинами будут управлять либо сыновья, либо управляющие, а с ними может быть и легче, чем с матерущими боярами.

Создать себе точки опоры в разных странах. Для чего?

Шпионить, вестимо. А что, им можно, а нам нельзя? Собирать всю возможную информацию о стране, о ее значимых людях, правителях, настроении...

А еще...

Надо ж не просто шпионить. Вот как удачно прошло с Вильгельмом Оранским – был Вилли, и не стало Вилли. Ну и правильно, к чему нам сильная Англия? Перебьются!

Ну так мало ли кто, мало ли где.. Чтобы Русь жила спокойно, остальные должны воевать. В частности – Швеция и Дания.

Часть Европы делом заняли – и вторую зайдем. Поляки пока опасности не представляют, они сейчас поклевывают турок, но все равно что-то там в Румынии плохое зреет. Надо приглядываться и контролировать.

В Крыму тоже спокойно. Вот Тамань отдать пришлось, ну так для того и занимали. Зато все необходимое получили – и сейчас притираемся. Везем туда зерно. Соль, лес, меха... да много чего возим. И оттуда тоже.

Сулейман более-менее доволен, если в первых письмах между строк читалось «На – и подавись, тварь!», то в последних «Ладно, хоть ты и тварь, но полезная». А чем войска занять, без того найдется.

Софья сейчас подумывала, как бы сравить Леопольда с османами накрепко. А что?

Мы тебе помогли, а ты в ответ? Нет, Софья отлично понимала, что любой правитель – тварь неблагодарная, работа у него такая, но надобно ж и головой думать! Ты

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru
сейчас с нами разругаешься, мы тебе бяку сделаем. А разругаться...

Не-ет, ругаться мы не будем, мы просто напакостим.

Тебя просили как человека – прислали к тебе посла, так помоги. Посоветуй... ведь полно девок по Европам сидит, да и парни найдутся. Вам же самим новая кровь надобна, все вон перевыродились! Каждый третий, чай, если и не дурак, так идиот. Не ругательно, генетически.

Но Леопольд кривил губы, обращался с послами кое-как... ладно, что-то Софья готова была списать на спесь боярскую, но что-то же и не спишешь? Русь – это вам не заштатное германское княжество, чтобы нам в супруги для принцев секунд-хенд предлагать или вообще – евродисконт. Этих понятий Софья никому не объясняла, но ругалась. То предложат какую-то княжну из такой зачуханности... ну вроде как Соньку Ангальт-Цербстскую, ту же будущую Екатерину. Ладно, там хоть девка была что надо, и то – вопрос. Историю победители пишут. Нужна ли такая жена на Руси? Ежели какая там девка – неясно, а вот княжество под микроскопом не разглядишь! К лешему! Пусть по соседству роднятся! Да, и вторых браков нам тоже не надобно, своим же братьям, не кому-то там...

А бояре... вот в брачных делах их спесь играла Софье весьма и весьма на руку. Гордые порученным делом, они весьма придирчиво отбирали кандидатуры. Но Леопольд-то подсовывал некондицию! Да еще с таким видом, словно его девок все похватать должны были и порадоваться! Никто другой себе такого не позволял, а значит...

Софья уже прикидывала, что сделать с обнаглевшим котярой. Тапкой его по морде! Тапкой! И никаких «ребята, давайте жить дружно!». Сначала докажи, что ты хороший!

А сами покамест разбираемся с маньчжурами. обойдемся мы без династии Мин! Софья довольно усмехнулась, вспомнив о приятном сюрпризе для китайцев.

– Соня, вернись на землю!

Братец пощелкал у нее перед носом пальцами. Софья в ответ лязгнула зубами.

– Укушу!

– И получишь в ответ!

– Эй, свою жену только я пороть буду. – Ванька откровенно посмеивался.

– Кому жена, кому сестра, – но ворчал Алексей больше по вредности. Софья взирала на обоих с умилением. Сколько ж ей усилий стоило сгладить мужскую ревность? Но потом все утряслось, и сейчас ребята вполне добродушно подкалывали друг друга, перебрасывая ее, словно мячик.

Еще бы Феодосия не шипела... но свекровь...

Видимо, это закон равновесия, в той жизни повезло, в этой – наоборот. Что Феодосия, что ее сестрица шипели гадюками, но Софья не обращала внимания.

Идите вы... дамы!

– Тут нам из Китая грамотка. У Саньгуй предлагает породниться.

– Да? Я Машку туда не отдам.

Не то чтобы Софья была против брака, но отдавать соплушку в район боевых действий?

– А и не надо. У него есть сестра. Любимая, обожаемая и прочее. Зовут – У Шан. Вот он и предлагает скрепить узы. Можно не первой женой, но обязательно – женой и в царскую семью.

– А лет соплушке сколько?

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– Двенадцать.

Софья потерла лоб:

– М-да... воспитать мы ее воспитаем, но тебе вроде как ни к чему такое родство? Тебе найдем кого покруче?

– А эту кому?

– Ванька мелок... Федьке?

– Почему бы нет? Поговорю, пусть женится. Хотя ему в церковь хочется...

– Какая церковь, когда тут родине надобно? – Софья искренне удивилась подобным заявлениям. – Пусть женится, а уж потом, лет в сорок...

Алексей кивнул:

– Да, пожалуй, отпишу. Мы согласны, пусть невеста едет на Русь.

– А я еще займусь вопросами приданого. Я на мелочь не согласна, так что пусть отдадут нам хороший кусок земли. Официально, со всеми бумажками...

– Так он же им не принадлежит...

– Так та земля пока никому особенно не принадлежит. Но коли У Саньгуй выиграет свою независимость, они до-олгонько с маньчжурами грызться будут. Тут и мы поможем, чем сможем. А когда они на ту землю посмотрят – может, то и не при нашей жизни случится, но будет же! Так вот, там и занято все нашими людьми будет, и грамотка будет. А кто, чего...

Мужчины переглянулись и расцвели улыбками:

– Жадная Соня.

– Да!

Софья поцеловала в щеку одного, второго:

– Да, мальчики! Я жадная и вредная! А еще твердо помню, что всякое чужое есть мое, родное и государственное! И вам забывать не дам! Что там с армейской реформой?

И ребята переключились на обсуждение количества полков, выправление устава, сроков службы, обмундирования, снабжения и прочих радостей.

Пока еще было время.

Пока на Руси было относительно спокойно.

Но уже собиралась гроза.

И – грянула.

* * *

– Соня?

Царевна была нешуточно встревожена:

– Нам пишет Михайло.

– Что у него случилось?

Мужчины отвлеклись от воинских упражнений и подошли к царевне.

Та помахала листком:

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

– Турки двинулись с места. Их почти восемьдесят тысяч.

– И куда они пошли? В Крым?

Алексей напрягся. О сборе армии у турок он знал, они активно готовились, везли в Крым огневой припас, но... Столько войска там нет. Потери громадными будут.

– Нет. Там сейчас ничем не разживешься, а им нужна добыча.

– А куда?

Софья нежно улынулась:

– Маленькая птичка принесла на хвосте султану Сулейману, что Леопольд помогал нам во время войны. Бунт на Крите, налеты... это все его рук дела. И Сулейман обиделся.

– И?

– Они идут к Вене. Леопольд в панике, просит помощи у Михайлы, у нас...

– Будем собирать войско?

Софья пожала плечами в ответ на слова мужа.

Молодец Ванечка, финансист от Бога, да вот ни разу не стратег. Не его это – воинские дела, ой не его. Это – Алешкино.

И верно, братец встрепенулся:

– Да ты что! Воевать за этого... спесивого павлина?! И сам не стану, и Михайле не дам!

– Нам надобно подумать, что мы можем получить у турок в том же Крыму, – задумчиво произнесла Софья. – За... невмешательство.

И что может получить Михайло?

Возможно, земли между Днепром и Дунаем?

Кусок Валахии?

Союзник тогда хорош, когда у него своих проблем хватает. Земли он получит, но тут же главное – удержать их?

Волной накатывала на Европу турецкая рать. И это нападение надобно было использовать во благо Руси. Чем Софья и собиралась заняться.

Справятся ли они втроем?

Алексей, она, Ванечка?

Обязаны.

Сделают!

Будущее терялось в густом тумане.

Примечания

1 В реальности Иван Дмитриевич вусмерть разругался с Дорошенко и бил его в хвост и гриву. Логично было предположить, что после гибели гетмана он или попытается стать следующим, но это вряд ли, мог бы уже десять раз стать, просто не хотел. Либо найти общий язык со Степаном. Второе представляется мне более логичным. (Прим. авт.)

2 Не могу утверждать, что текст идеально правильный, источники везде разные. Взяла, что нашла. (Прим. авт.)

Государыня. Галина Дмитриевна Гончарова goncharovia.ru

3 Не могла я пройти мимо такого смачного эпизода, тем более, что он где-то к этим временам и относился. (Прим. авт.)

4 Одна моя знакомая пересылала вещь из Екатеринбурга в Саратов. Два месяца. (Прим. авт.)

5 По преданию, Иван Дмитриевич действительно считался кем-то вроде колдуна. (Прим. авт.)

6 Нечто подобное описывал г. Левасер де Боплан, франц. инженер на службе у поляков (1600–1673). Насколько он приврал – не знаю. (Прим. авт.)

7 фраза реальная, принадлежит Петру I и действительно неоднократно подвергалась издевательствам со стороны военных в присутствии автора. (Прим. авт.)

8 в реальной истории требовал не отпевать Никона как патриарха. (Прим. авт.)

9 Спасибо А. С. Пушкину. (Прим. авт.)

10 Был такой случай с солдатом. Нажрался, начал орать – и Александр Второй с ним так и поступил. То есть сказал – освободить и передать, что царь-де на тебя тоже плевал. (Прим. авт.)

11 Польский вариант имени Елена. Один из. (Прим. авт.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://goncharovia.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!